

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 11. С. 830-857.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) (1)

„Отдѣлавшись отъ Германа, царь вмѣстѣ съ архіереями сталъ разсуждать объ избраніи новаго патріарха (2)4. Болѣе простые и недалновидные изъ членовъ освященнаго собора приняли дѣло серьезно и начали предлагать то того, то другого кандидата, но болѣе провицательные поняли, что въ умѣ императора этотъ вопросъ рѣшенъ еще до удаленія Германа, и поспѣшили указать своимъ собратьямъ царскаго избранника. И вотъ 28 декабря 1267 года Іосифъ Галесійскій былъ нареченъ патріархомъ, а 1 января 1268 года хиротонисованъ (3).

(1) Смолр. Христіан. Чтеніе за 1867 годъ, іюнь, іюль, августъ и декабрь.

(2) Пахим. стр. 279.

(3) Съ какою заботливостью царь и новый патріархъ старались устранить, при выборѣ и рукоположеніи послѣдняго, всѣ поводы къ „со-

Новый патриархъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ сущности добрыхъ, но слабыхъ натуръ, которыя съ вѣрностью термометра показываютъ уровень повышения, или пониженія господствующихъ въ данное время въ обществѣ силъ и вліяній, и которыхъ личная самодѣятельность ограничивается лишь извѣстною степенью раздражительности и увертливости. Это—мягкія, податливыя натуры, отчетливо, какъ воскъ, передающія форму всякаго давящаго тѣла. Онѣ, обыкновенно, со всѣми живутъ въ ладу, всѣмъ даютъ право на себя рассчитывать, но оправдываютъ лишь ожиданія сильнѣйшихъ. Вѣчно служа пассивнымъ орудіемъ людей и обстоятельствъ, онѣ добиваются своихъ цѣлей посредствомъ интригъ, любятъ окольные пути и полумѣры и, влѣдствіе этого, попадаютъ изъ одного затрудненія въ другое и кончаютъ тѣмъ, что запутываются и расходятся со всѣми, если не выручить ихъ какое нибудь случайное обстоятельство. Нравственный характеръ такихъ натуръ обыкновенно опредѣляется вполнѣ вѣшними вліяніями. Характеръ Іосифа образовался подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ сферъ—придворной и монашеской. Въ ранней молодости онъ былъ чтецомъ въ придворномъ кдирѣ императрицы Ирины, первой супруги императора ниблану“, видно изъ слѣдующаго факта, рассказаннаго у Пахимера. Право рукополагать константинопольскаго патриарха издавна принадлежало архіепископу Иракліа оракійской, на томъ основаніи, что византійская епископія зависѣла первоначально отъ ираклійской митрополіи. Но въ это время кафедрѣ ираклійскую занималъ нѣкто Пинака, получившій хиротонію изъ рукъ Германа. Не желая подать повода отвергать законность своего рукоположенія, Іосифъ отказался принять хиротонію отъ Пинаки. Императоръ нашелъ основаніе къ отлазу уважительнымъ и сдѣлалъ слѣдующій искусный оборотъ: Пинаку пригласилъ служить литургію въ дворцовомъ храмѣ и тотъ служилъ ее за большую награду. А между тѣмъ митиленскій епископъ Григорій, рукоположенный уже давно, избранъ былъ хиротонисать патриарха“. Пахим. стр. 281.

кейскаго Іоанна Вататци. Потерявши свою жену, онъ постригся въ монахи въ той же (вѣроятно) галесійской обители, которой былъ впоследствии настоятелемъ, и отсюда былъ снова взятъ ко двору Михаила Палеолога, въ качествѣ его духовника (1). Вліяніе этихъ противоположныхъ сферъ отразилось на его податливой натурѣ съ замѣчательной рельефностью. Изъ двора „истинно-царственной Ирины (2)“ онъ вынесъ величаво—мягкую манеру держать себя съ нѣкоторой „свободой въ словѣ“, которую такъ любила эта замѣчательная женщина (3). Подъ вліяніемъ атмосферы двора Палеолога, эта „свобода въ словѣ“ превратилась въ расчитанную болтливость, въ соединеніи съ аффектированнымъ радушіемъ (4). Галесійскій монастырь, славившійся строгостью жизни своихъ иноковъ и суровымъ мѣстоположеніемъ (5), наложилъ на него печать вишняго аскетизма, умѣряемаго и управляемаго требованіями придворной жизни (6). На-

(1) Когда и по какому случаю онъ былъ избранъ въ духовники Палеологомъ—нѣтъ возможности разъяснить, по недостатку данныхъ.

(2) Акрон. стр. 73. Сн. Пахим. стр. 279—280. 292.

(3) Тамъ же стр. 73—75. Сн. Пахим. стр. 280.

(4) „Любилъ онъ, что попадетъ ему въ руки и что можно было открыть *безопасно*, сообщать другимъ, тогда какъ прочіе все берегутъ про себя... Встрѣчается ли онъ съ кѣмъ, тотчасъ обнимается, дружески разговариваетъ, шутитъ и хохочетъ, когда кто сказалъ что-нибудь остроумно, или поступилъ забавно“. Пахим. стр. 280.

(5) Въ императорскомъ хрисовулѣ (грамотѣ, запечатанной золотой печатью), сохранившемся въ сочиненіяхъ Никѳора (по другимъ, Наванна) Хумна, такъ описывается галесійскій монастырь: „Галесійская гора обнажена и скалиста; нѣтъ въ ней ничего въ усладѣ и къ успокоенію тѣла, ибо нѣтъ на ней ни деревъ, ни растеній, ни зелени: ни какихъ полезныхъ земныхъ злаковъ она не произращаетъ; это—гора совершенно голая и неспособная къ растительности; но за то обильно провзращающая добродѣтели“. Изъ того же хрисовула видно, что жизнь галесійскихъ иноковъ совершенно соответствовала суровой мѣстности, или обитаемой. Vid. apud Boivin—in Comm. ad Byzant. Hist. Niceph. Gregorae. Vol I. ed. Bonn. 1829.

(6) „Но всего удивительнѣе то, что онъ душевно расположенъ былъ

клонность къ интригѣ, составляющая обыкновенную принадлежность слабыхъ натуръ, у Юсифа нашла себѣ пищу и поддержку въ его положеніи при дворѣ и въ іерархіи. Тамъ и здѣсь положеніе императорскаго духовника заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе между тѣмъ, чѣмъ былъ онъ *de jure* и *de facto*. Официальнаго значенія ни при дворѣ, ни въ іерархіи онъ не имѣлъ. Ни въ спискѣ чиновъ Великой церкви, ни въ спискѣ чиновъ придворныхъ у Кюдина онъ не упоминается (1). Но неофициально онъ могъ быть лицомъ очень важнымъ и вліятельнымъ, смотря по своему личному характеру и степени вліянія на совѣсть императора. У императорскихъ духовниковъ заискивали не только тѣ или другіе придворные, не только тѣ или другіе члены церковной іерархіи, добивавшіеся тѣхъ или другихъ милостей у императора, но иногда и самые братья, дѣти и даже супруги императоровъ, равно какъ и сами

въ монашеской жизни, проводимой въ псаломчѣняхъ, въ бодрствованіи, въ постахъ, въ питьѣ воды, *когда нужно*, въ вротости, справедливости, добронравіи, простотѣ и вообще во всемъ, что не укоризненно, не не радѣлъ ни о какой человеческой добродѣтели... Умѣлъ онъ также подойти къ сильнымъ правителямъ и ходатайствовать о другихъ; но не бѣжалъ къ роскошнымъ столамъ, уставленнымъ различными винами и лакомствами, а кушалъ съ простонародьемъ и особенно съ тѣми, которые жизнь свою проводили въ бѣдности, въ отчужденіи и ни у кого не бывали въ гостяхъ⁴. Пахим. стр. 280.

(1) Это отъ того, что званіе императорскаго духовника было только *званіемъ*, а не *должностью*, и въ силу этого совмѣщалось со всѣми церковными должностями (не ниже, конечно, священнической): иногда императорскими духовниками были протопопы (*протопопы*) Великой церкви, которые изрѣдка бывали вѣстѣ съ тѣмъ и придворными, иногда игумены монастырей, иногда даже епископы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ официальное значеніе духовниковъ императорскихъ ограничивалось ихъ *должностью*, а не ихъ *званіемъ*. Этимъ и объясняется, почему известный намъ священникъ еаросскаго дворца, за дисциплинарный проступокъ свой, былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію не духовникомъ императорскимъ, а великимъ хартофилаксомъ патриаршимъ.

патріархи. Поставленные въ самомъ центрѣ борьбы разныхъ придворныхъ и церковныхъ партій, подъ перекрестнымъ огнемъ интригъ и происковъ, они должны были обладать мудростью змія при цѣлости голубя, чтобы сохранить нейтралитетъ и не быть вовлечену въ водоворотъ этихъ интригъ, — что рѣдкому изъ нихъ удавалось. Благодаря противорѣчію между официальнымъ положеніемъ и неофициальнымъ значеніемъ императорскихъ духовниковъ, между ними и патріархами постоянно существовалъ тайный антагонизмъ, нерѣдко заставлявшій ту и другую сторону прибѣгать къ интригѣ (1).

Въ такой средѣ и подъ такими вліяніями образовался нравственный характеръ человѣка, которому суждено было взять въ руки кормило управленія церковію въ одну изъ труднѣйшихъ эпохъ ея жизни.

Патріаршество Іосифа началось подъ предзнаменованіями болѣе благопріятными, чѣмъ патріаршество Германа. Новый патріархъ былъ грекъ самой чистой крови, умѣлъ держать себя съ достоинствомъ, своимъ возведеніемъ на престолъ ни въ комъ не возбуждалъ зависти или соблазна, напротивъ всѣ находили въ немъ тѣ или другія хорошія качества (каждый съ своей точки зрѣнія) и никто не могъ сказать, чтобы въ чемъ нибудь были нарушены при этомъ и каноническія правила. Самая непопулярность его предшественника послужила въ его пользу. Кромѣ того, всѣ партіи имѣли причины смотрѣть на него, какъ на своего, и потому приняли фактъ его возведенія на престолъ не только безъ сопротивленія, но и съ затаеннымъ удовольствіемъ; каждая изъ нихъ на-

(1) См. напр. Пахим. стр. 442—446. Гееле признаетъ Іосифа „душею интриги противъ Арсенія“ (Conciliengeschichte t. VI, S. 106); но изъ сказаній современныхъ историковъ не видно, чтобы участіе Іосифа въ изложенія Арсенія заходило такъ далеко.

дѣялась, что новый патріархъ будетъ дѣйствовать въ ея интересахъ. Все притихло и ждало, какъ выскажется новый патріархъ. Лишь братство галесійскаго монастыря позволяло себѣ, на основаніи своихъ отношеній къ бывшему собрату и настоятелю, забѣгать впередъ, — съ увѣренностью обѣщало арсенитамъ, отъ имени Іосифа, продолженіе „ревности“ по Арсенію, открыто обнаруживало шумную радость и предавалось самымъ сангвиническимъ надеждамъ. Не раздвѣляя послѣднихъ виолнѣ, арсениты однакожь тоже „уповали“ на Іосифа и спокойно ждали отъ него обѣщаемого галесійцами „продолженія“. Благонамѣренныя ждали отъ вліятельнаго и искуснаго патріарха водворенія мира въ церкви. Ждалъ и императоръ чего-то, но не съ шумной радостью галесійцевъ и не съ пассивнымъ спокойствіемъ арсенитовъ и благонамѣренныхъ, а съ серьезнымъ видомъ чловѣка, знающаго что дѣлаетъ, и въ своей стороны употреблялъ кое какія средства къ тому, чтобы облегчить патріарху исполненіе ожидаемаго. Въ то время, какъ Іосифъ, собираясь оправдать всеобщія ожиданія, первые дни своего патріаршества употреблялъ на разсмотрѣніе текущихъ церковныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ членами своего собора и на трапезованіе съ нищей братіей, императоръ „тщательно наблюдалъ каждый день, чтобы то, о чемъ просилъ его патріархъ, было тотчасъ же исполняемо; и патріаршія грамоты, разсылаемыя по всѣмъ провинціямъ римской (византійской) имперіи, приказалъ начальствамъ принимать въ значеніи собственныхъ своихъ указовъ, по его ходатайству отворялъ темницы, освобождалъ отъ оковъ многихъ заключенныхъ, удостоилъ помилованія осужденныхъ, возвратилъ въ отечество из-

гнанныхъ и простилъ тѣхъ, на кого гнѣвался“ (1). Тысячи благословеній неслись къ виновнику всѣхъ этихъ благъ и располагали къ нему сердца народа. Не помнили константинопольцы, чтобы при какомъ либо патріархѣ имъ было такъ хорошо, какъ при Іосифѣ. Всѣ партіи истолковывали эти факты въ благопріятномъ для себя смыслѣ и наперерывъ говорили; молчалъ одинъ лишь императоръ.

Черезъ мѣсяцъ тайна усиленной благотворительности царя чрезъ патріарха, равно какъ и молчанія императорскаго раскрылась. Въ праздникъ Срѣтенія Господня 2 февраля 1268 г. благочестивые константинопольцы, бывшіе въ этотъ день у обѣдни въ Софійскомъ храмѣ, насладились невиданнымъ дотоѣ зрѣлищемъ. По окончаніи Божественной литургіи, императоръ сходитъ съ своего царскаго мѣста и, въ сопровожденіи своихъ оруженосцевъ, всѣхъ членовъ сената и прочихъ правительственныхъ лицъ подходитъ къ царскимъ вратамъ. Къ нимъ же съ противоположной стороны изъ алтаря выходитъ патріархъ съ сослужащими архіереями. Подошедши къ первосвятителю, императоръ снимаетъ съ своей головы калитру и, повергшись ницъ, вслухъ всей церкви исповѣдуются предъ нимъ въ содѣянномъ противъ законнаго наследника престола преступленіи и пламенно просятъ прощенія. Выслушавши исповѣдь, патріархъ развертываетъ находившійся въ его рукахъ свитокъ и читаетъ надъ поверженнымъ долу императоромъ подробное и раздѣльное изложеніе вины его относительно ослѣпленнаго царевича и, въ заключеніе, проноситъ ему прощеніе и разрѣшеніе. Тоже сдѣлали одинъ за другимъ и всѣ остальные архіереи. Каждому

(1) Пахим. стр. 281—282.

изъ нихъ царь кланялся въ ноги, у каждаго просилъ прощенія; а они—одинъ за другимъ—держа бумагу въ рукахъ, читали ее и прощали, подобно патриарху. Слезы умиленія появились на глазахъ у многихъ присутствующихъ при этомъ уничиженіи царственнаго преступника, — „особенно же подвиглись къ жалости члены сената“.

„Наконецъ царь всталъ, обновился священнымъ веселіемъ духа, помолился и, простившись, пошелъ во дворецъ“. Торжество заключилось благотвореніемъ: тутъ же сдѣлалъ онъ распоряженіе о томъ, чтобы несчастнаго царевича, все еще томившагося въ Никитской крѣпости, накормили получше (ради праздника) и впредь отпускали извѣстное количество денегъ на улучшение его содержанія (1).

Но день примиренія Палеолога съ церковью былъ послѣднимъ днемъ популярности Іосифа. Не успѣли еще почтенные члены сената утереть слезъ умиленія, какъ въ городъ бушевала уже буря, тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ дольше длилось затишье предъ нею. Арсениты подняли крикъ негодованія. Благонамѣренные опустили головы. Галесійцы не знали куда дѣваться отъ стыда и досады. Всѣ чувствовали себя обманутыми, а послѣдніе, вмѣстѣ съ арсенитами, и одураченными. Арсениты увидѣли, что Іосифъ не только не думалъ „ревновать“ долѣе по Арсенію, но и при помощи благодѣяній, съ такою щедростью расточаемыхъ императоромъ, хотѣлъ, очевидно, посѣять рознь между ними и царемъ, хотѣлъ не только безъ нихъ, но и противъ нихъ упрочить себѣ расположеніе народа. Галесійцы... Но ихъ положеніе было жалко до трагизма! Они не только допустили Іосифа безпрепятственно пріобрѣтать любовь народа, но и своими

(1) Пахим. стр. 282—283.

неумѣстными и опрометчивыми восхваленіями и обща-ніями изъ всѣхъ силъ помогали ему въ этомъ. Чѣмъ болѣе вложили они, сравнительно съ другими, усердія въ его дѣло, чѣмъ неожиданнѣе обманулись въ своихъ расчетахъ и чѣмъ, вслѣдствіе этого, смѣшнѣе было ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе должно было быть ихъ раздраженіе противъ своего бывшаго настоятеля. Благонамѣренныя поняли, что они должны разстаться съ своими мечтами на возстановленіе церковнаго мира. Но обманулся и императоръ: парадное примиреніе съ церковію не только не поправило его положенія въ глазахъ народа, но и ухудшило оное, не только не ослабило арсеніанской оппозиціи, напротивъ еще усилило ее. Въ самомъ этомъ примиреніи его враги нашли оружіе противъ него. Въ-мѣсто ожидаемаго мира, ему пришлось вмѣстѣ съ патриархомъ готовиться къ жестокой борьбѣ.

Инициативу въ этой новой борьбѣ взяли на себя галлесійцы. Они формально отреклись отъ всякаго общенія съ Іосифомъ. Ихъ примѣру послѣдовали ихъ собратья, монахи монтепоитскаго монастыря. Тѣ и другіе мотивировали свое отреченіе такимъ образомъ: „Іосифъ виновнѣе самаго Германа; Германъ виноватъ предъ Арсе-ніемъ только тѣмъ, что при его жизни занялъ его престолъ, отъ котораго, изъ уваженія къ неправильно низложенному святителю, онъ долженъ былъ отказаться; а Іосифъ не только не сдѣлалъ того же самаго, между тѣмъ какъ требовалъ этого отъ своего предшественника, но и не уважилъ отлученія, наложеннаго Арсе-ніемъ на императора, отлученія, на которое не дерзнулъ поднять руки его предшественникъ, и слѣдовательно виноватъ вдвойнѣ. Далѣе, заключали канонисты, Іосифъ, какъ от-важнѣйшійся даровать царю разрѣшеніе, возможность и

законность котораго отрицалъ для своего предшественника, взялся разрѣшить неразрѣшимое и такимъ образомъ не только не разрѣшилъ императора, но тѣми же узамъ, которыми былъ связанъ послѣдній, связалъ и самаго себя (1)“. Глухая петля затянулась на шеѣ Іосифа.

Оппозиція галесійцевъ была тѣмъ опаснѣе для Іосифа, что, съ одной стороны, между ними было много почтенныхъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, съ другой ихъ прежнія отношенія къ Іосифу ни для кого не были тайною, — очень многіе помнили не только то, какъ они „ревновали“ по Іосифу, но и то, какъ *вмѣстѣ съ ними* „ревновали“ по Арсенію. Начались толки и пересуды, оскорбительные для патріарха, подвергавшіе сильному испытанію его нравственный характеръ. Къ несчастію, Іосифъ оказался несостоятельнымъ на этомъ пунктѣ, — онъ далеко не былъ такъ равнодушенъ къ враждебной агитаціи своихъ бывшихъ почитателей и толкамъ и пересудамъ толпы, какъ его предшественникъ. „Обличенія“ галесійцевъ „вонзались въ его душу, какъ острыя иглы“, и, будучи не въ состояніи ни переносить ихъ, не имѣя ни сообразительности, ни твердости самостоятельно принять какія либо мѣры къ ослабленію оппозиціи, онъ имѣлъ слабость пожаловаться на галесійцевъ императору — и оба вмѣстѣ пришли къ несчастной мысли — или „убѣдить ихъ въ прогивномъ, или уничтожить“. Такъ какъ первое не удалось (да и какъ было? спрашиваетъ нашъ историкъ), не смотря на личныя, совокупныя успія царя и патріарха, то оставалось исполнить послѣднее. Исполненіе возложено было на великаго логовѣта Георгія Акрополита. Императорскій канцлеръ блистательно

(1) Пахим. стр. 289—290.

исполнилъ возложенное на него порученіе, — собралъ всѣхъ упрямцевъ въ свой домъ — „сѣкъ, держалъ на вѣсу, билъ, почетнѣйшихъ изъ нихъ безчестилъ, и какъ людей безчестныхъ торжественно водилъ по площади, причины же ихъ наказанія выставлялъ самыя постыдныя и вымышленныя. Послѣ того эти лица, по своей жизни и званію пользовавшіеся уваженіемъ, испытавъ горькое безчестіе, сосланы были въ ссылку и такимъ образомъ были лишены земли и всего земнаго“ (1).

Тягостное впечатлѣніе произвела на всѣхъ эта свирѣпая расправа съ несчастными монахами. Общественная совѣсть была крайне скандализована ею. „Такимъ поступкомъ Іосифъ въ первый разъ тогда взволновалъ совѣсть многихъ“ (2). Вслѣдъ за арсенитами отвернулись отъ него многіе изъ тѣхъ, которые держали до сихъ поръ нейтралитетъ. Даже не популярный Гермаць выигралъ отъ этого въ глазахъ толпы, — стали находить, что „онъ дѣйствовалъ гораздо лучше, молча перенося все“; и то, что прежде ставили ему въ вину, теперь стали ставить въ заслугу — именно его умѣнье подходить къ правителямъ, умѣнье смягчать ихъ; вспоминали, какъ всегда овъ готовъ былъ даже по нѣсколько разъ въ недѣлю ходить къ царю для ходатайства за тѣхъ, кто просилъ его о ходатайствѣ. Должно быть съ большими достоинствами былъ человекъ, заключали теперь константинопольцы, когда самъ царь цѣнилъ его, — „наименовалъ его своимъ отцемъ, просилъ его совѣта, во многомъ искалъ его помощи и съ удовольствіемъ выслушивалъ его предстательства“ (3). Такимъ образомъ, желая поправить

(1) Пахим. стр. 291.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

свои дѣла, Іосифъ неожиданно для себя поправилъ испорченную имъ же самимъ репутацію Германа.

Система застрачиванія, которую приняло теперь правительство относительно арсенитовъ, вмѣсто того, чтобы парализовать ихъ страхомъ, лишь разогнала ихъ изъ столицы, гдѣ до сихъ поръ почти исключительно они сосредоточивались и такимъ образомъ открыла для ихъ темной пропаганды провинціи. Множество монаховъ, принадлежавшихъ большею частію къ числу учениковъ Такипеа, и не имѣвшихъ постоянного мѣста жительства, начали бродить изъ монастыря въ монастырь, повсюду разнося свою „ревность“ по изгнанномъ патриархѣ (1). Не менѣе многочисленныя толпы „дохмотниковъ и сумконосцевъ“ разсыпались по городамъ и селамъ, распространяя повсюду самые скандальные слухи на счетъ императора. Дерзость ихъ при этомъ была истинно изумительная. Они сновали изъ дома въ домъ „и не задумываясь сплетали на царя многое, какъ онъ обидѣлъ законнаго наследника и согналъ съ престола патриарха, какія давалъ клятвы, къ какія входилъ условія, какъ было то и то, — обо всемъ этомъ они подробно рассказывали и привлекали себѣ слушателей во множествѣ“ (2).

Послѣ извѣстнаго истязанія галесійцевъ и монтепоптцевъ центрами агитаціи противъ правительства сдѣлались монастыри, а самыми дѣятельными двигателями ея монахи. Кромѣ оскорбительной несправедливости, сдѣланной всему монашеству въ лицѣ монтепоптцевъ и галесійцевъ, близкое участіе, принятое имъ въ

(1) Пахим. стр. 289.

(2) Пахим. стр. 288.

дѣлъ Арсенія объясняется съ одной стороны старинными традиціями восточнаго монашества, съ другой—его отношеніемъ къ личности Арсенія. Монашество восточное съ давнихъ поръ привыкло принимать весьма живое и дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ, — въ періодъ обсужденія догматическихъ вопросовъ—въ рѣшеніи этихъ вопросовъ; въ періодъ обсужденія вопросовъ обрядовыхъ и дисциплинарныхъ—въ рѣшеніи этого рода вопросовъ. Участіе это было такъ велико, что давало себя чувствовать не только помѣстнымъ, но и вселенскимъ соборамъ. Со времени смуты иконоборческихъ вниманіе монашества обращено было преимущественно на вопросы каноническіе и—кто знаетъ—сколькихъ бессонныхъ ночей стояли византійскимъ императорамъ и патріархамъ каноническія познанія смиренныхъ иноковъ (!) Такимъ образомъ во вмѣшательствѣ монашества въ каноническій вопросъ, возникшій вслѣдствіе разрѣшенія Михаила Палеолога отъ церковныхъ узъ, наложенныхъ на него Арсеніемъ, не было ничего ни новаго, ни необычайнаго. Это вмѣшательство завѣщано было ему его традиціями. Съ другой стороны монашество вмѣшалось и въ этотъ вопросъ и въ дѣло Арсенія потому, что было сильно заинтересовано въ личности Арсенія, какъ аскета, какимъ онъ постоянно оставался на патріаршемъ престолѣ, — оно гордилось имъ, какъ своимъ лучшимъ представителемъ. Притомъ, кто знаетъ, какъ велико было то вліяніе, которое оно проводило чрезъ него въ церковную жизнь, и не были ли замѣшанъ въ его дѣлъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ

(¹) Въ подтвержденіе достаточно напомнить исторію борьбы Студитовъ съ императорами—Константиномъ VI (790—797) и Никифоромъ (801—811).

этого вліянiя (1)? Впрочемъ и указанныхъ выше причинъ достаточно для объясненiя того, почему первыми и самыми рѣшительными сторонниками Арсенiя оказались и до конца продолжали оставаться монашествующіе.

Благодаря необыкновенному радушію, съ какимъ всѣ классы общества принимали къ себѣ въ домъ этихъ, „земныхъ ангеловъ и небесныхъ чловѣковъ“ (по любимому выраженію того времени) и полной довѣренности къ ихъ рѣчамъ, они очень легко и быстро подвинули впередъ дѣло раскола: „теперь не только знавшіе лично бывшаго патріарха (Арсенiя) становились на его сторону, но, увлекаясь другими, отдѣлялись отъ церкви и тѣ, которые не знали его“ (2). Напрасно Іосифъ обѣими руками разсыпалъ вокругъ себя золото, присылаемое императоромъ,—нравственное вліянiе арсенитовъ пересиливало вліянiе презрѣннаго металла. Тщетно императоръ трясъ въ своихъ рукахъ священную мантию патріарха и со слезами умиленiя благодарилъ его въ присутствiи всего своего двора за то, что онъ „открылъ ему врата эдема и вмѣстѣ съ собою введетъ его туда,“—арсениты упорно продолжали утверждать, что нетолько царю, но и патріарху не видать вратъ эдема, что „разрѣшенiемъ“ царя отъ узъ, наложенныхъ на него Арсенiемъ, Іосифъ окончательно и безвозвратно заперъ и для себя и для императора эти врата (3). Къ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и слухъ, распущенный арсенитами о томъ, будто Іосифъ еще заранѣе былъ „отлученъ“ Арсенiемъ за тайное „разрѣшенiе“ императора.

(1) Къ сожалѣнію недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ поставить этотъ вопросъ болѣе рѣшительно.

(2) Пахим. стр. 291. 311.

(3) Тамъ же, стр. 311.

На бѣду императора небо, повидимому, рѣшилось самымъ яснымъ образомъ выражать свое неодобреніе его дѣйствіямъ. 25 мая того же года, т. е. спустя три мѣсяца съ небольшимъ послѣ примиренія съ церковію, за три часа до полудни случилось такое солнечное затмѣніе, что показались даже звѣзды (1). Такимъ образомъ въ руки арсенитовъ неожиданно попало новое доказательство явнаго гнѣва Божія на императора и его патріарха, доказательство, которое увеличивало собою коллекцію доводовъ противъ него, а слѣдовательно и орудій для агитаціи.

Число темныхъ сѣятелей вражды умножалось съ каждымъ днемъ. Не замедлили произрасти и горькіе плоды подпольнаго сѣянія; съ расширеніемъ и усиленіемъ раскола стали разлагаться постепенно узы семейной и общественной жизни: „иначе сталъ жить отецъ и иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе сноха и иначе свекровь“ (2). Отдѣлившіеся отъ церкви не хотѣли имѣть ничего общаго и съ государствомъ, не признававшіе Іосифа патріархомъ не хотѣли служить и императору, и одни бѣжали за границу къ недругамъ имперіи, другіе вступали въ ряды агитаторовъ и вели бродяжническую жизнь, разсѣвая плевелы раскола,—тѣ и другіе не только были потеряны для семейной и общественной жизни, но и одни безсознательно, другіе сознательно вредили той и другой, думая вредить только царю и патріарху.

(1) Григ. стр. 104. Если ученый Григора, повѣствующій объ этомъ затмѣніи, старается оправдать приписываемое подобнымъ небеснымъ знаменіямъ таинственное значеніе философскими соображеніями; то о роли, которую играли эти знаменія въ воображеніи толпы, было бы излишне говорить.

(2) Нахим. стр. 289.

Между тѣмъ, если когда, то особенно теперь необходимо было имперіи нравственное единство, сосредоточеніе всѣхъ ея наличныхъ силъ и полное довѣріе къ правительству. Она переживала одну изъ труднѣйшихъ эпохъ своей политической жизни. Много было у ней враговъ въ это время. Одни изъ нихъ давно уже сводили съ нею свои счеты, другіе явились вновь вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Тѣ и другіе, какъ коршуны, дружной стаей слетались терзать ее. Съ сѣвера давно уже терзали ее давнишніе ея враги болгары (1), съ сѣверо-запада венгры и лазы; съ юго-запада венеціане (2), французскіе синьоры (3) и греческіе деспоты (4); съ востока постоянно тревожили ее татары и турки—сельджуки; съ запада грозила обрушиться на нее вся запад-

(1) Объ особенныхъ причинахъ вражды болгаръ къ грекамъ въ это время см. Христіан. Чтеніе за 1867 г. июль стр. 90.

(2) Венеціане, въ это время, владѣли почти всеми островами греческаго архипелага и флотъ ихъ постоянно крейсировалъ вокругъ этихъ острововъ, частію для ихъ охраненія, частію для наблюденія за движеніями греческаго флота. Морскія стычки и даже сраженія между обоими флотами были не рѣдки (Шахим. стр. 306—308). Венеціанскія владѣнія въ Архипелагѣ, охраняемыя венеціанскимъ флотомъ, совершенно преграждали грекамъ доступъ къ Средиземному морю.

(3) Французскими синьоріями были покрыты вся Ахаія и Пелопонезъ съ нѣсколькими островами Архипелага (въ томъ числѣ Евбея). Большая часть ихъ находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ князю Ахаіи и Пелопонеза Вильгардуэну, нѣкоторыя были независимы, но тѣ и другія находились во враждебномъ отношеніи къ Византіи и служили аванпостами для западной Европы въ ея покушеніяхъ на востокъ. Это послѣднее обстоятельство достаточно объясняетъ тѣ отчаянныя усилія, которыя употреблялъ Палеологъ, въ теченіе всего своего царствованія къ тому, чтобы вытѣснить синьоровъ изъ занимаемыхъ ими земель. См. *Geschichte der Halbinsel Morea während d. Mittelalters v. Falmerayer. Stuttgart u. Tübingen. 1830.*

(4) Греческіе деспоты, изъ династіи Ангеловъ, владѣли Фессаліей и Эпиромъ; гдѣ находились самыя крѣпкія природныя позиціи, ограждавшія востокъ отъ покушеній запада, и тоже почти постоянно враждовали съ имперіей. См. между прочимъ Христіан. Чтеніе за 1867 г. августъ, стр. 194—203.

ная Европа, раздраженная отнятіемъ Константинополя (1). Среди такого множества болѣе или менѣе опасныхъ враговъ положеніе имперіи и ея главы было крайне затруднительно, — приходилось употреблять отчаянныя усилія, чтобы не быть поглощену ими, „изворачиваться всѣми силами“, по мѣткому выраженію Пахимера, пускать въ ходъ всевозможныя средства, не стѣсняясь ихъ качествомъ: однихъ обезоруживать брачными союзами (2),

(1) До какой степени были раздражены на западѣ отнятіемъ Константинополя у латинянъ, видно изъ того, что, съ одного изъ двухъ пословъ, отправленныхъ Михаиломъ Палеологомъ къ папѣ, для смягченія горькаго чувства, возбужденнаго въ немъ отнятіемъ Константинополя, итальянцы содрали кожу съ живаго; другой спасся отъ той же участи послѣднимъ бѣгствомъ (Пахим. стр. 155). Папа Урбанъ IV (1261—1264), при которомъ совершилось это событіе, немедленно же сталъ хлопотать о созваніи крестоваго похода для отнятія Константинополя у грековъ. Крестоносцамъ обѣщали тѣ же преимущества, какими пользовались рагники св. Гроба (См. Histoire de pape Urbain IV et de son temps (1185—1264); par l'Abbé Etienne Georges de Troyes. Paris et Troyes. 1866 p. 282). Изгнанный латинскій императоръ Балдуинъ, дѣтельно поддерживаемый папою, лично объѣзжалъ всѣ важнѣйшіе дворы въ западной Европѣ, возбуждая повсюду участіе къ своему положенію и собирая помощь людьми и деньгами. Плодомъ совокунныхъ усилій папы и Балдуина былъ сначала вооруженный союзъ послѣдняго съ венеціанскою республикой, французскими баронами Ахаіи и Пелопонеза и деспотомъ Эпирскимъ (въ 1263 г.) серьезно и надолго озаботившій Палеолога своими враждебными дѣйствіями, и потомъ, по разрушеніи его (въслѣдствіе выхода изъ него венеціанъ и деспота Эпирскаго, благодаря ловкой политикѣ Палеолога) вторичный, болѣе страшный для имперіи, родственныи и политическій союзъ Балдуина съ французскимъ королевскимъ домомъ въ лицѣ Карла аяжуйскаго, короля сицилійскаго. Времи заключенія этаго послѣдняго союза и открытія непріязненныхъ дѣйствій противъ имперіи со стороны союзниковъ падаетъ на время наибольшаго усиленія арсеніанской агитаціи, именно на 1268—71 г.г.

(2) Такъ въ 1265 г. онъ обезоружилъ деспота эпирскаго Михаила Ангела, выдавши за старшаго его сына Никифора третью дочь сестры своей Евлогіи, Аницу (Пахим. стр. 221—222); въ 1272 г. болгарскаго царя Константина, выдавши за него вторую дочь Евлогіи, Марію (Тамъ же); въ 1273 г. предводителя татаръ Ногаю, выдавши за него незаконнорожденную дочь свою Евфросинію (Тамъ же, стр. 201. 216—219).

другихъ—подкупами ⁽¹⁾, третьихъ интригами ⁽²⁾,—и въ то же время быть постоянно готову къ войнѣ со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь.

Понятно, какъ опасна была арсеніанская агитація для императора при такихъ серьезныхъ внѣшнихъ затрудненіяхъ. Кромѣ того, что она, распространяя недовольство правительствомъ, отнимала у него однихъ защитниковъ и парализовала энергію другихъ, она ставила его между двухъ огней:—принимая мѣры противъ внѣшнихъ враговъ, императоръ долженъ былъ осматриваться на нее и ея дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ предвидѣть вѣроятный ходъ и исходъ агитаціи? Кто могъ поручиться, что она при своемъ частію церковномъ, частію политическомъ, частію социальномъ характерѣ, ограничится одной церковной сферой, а не попробуетъ сдѣлать воззванія къ политическимъ и социальнымъ страстямъ? Кто могъ поручиться, что фанатизмъ толпы, постоянно наэлектризовываемый „ревнителями“, не вспыхнетъ въ какую нибудь несчастную

(1) „Онъ часто отправлялъ посольства къ папѣ и сопровождалъ ихъ дарамъ (Пахим. стр. 191)... папскимъ кардиналамъ посылалъ онъ и деньги или крокъ—сзофѣй сказалъ бы грекъ,—на которомъ поворачиваются вводящія ко Христу папскія двери (Тамъ же стр. 330), т. е. деньгами Палеологъ подмазывалъ дверныя крючья (cardo—отъ этого слова производилъ слово cardinalis—папа Пій II въ своей рѣчи къ кардиналамъ, призывая къ себѣ слова Спасителя: *Азъ есмь дверь*), чтобы дверь (папа) на нихъ легче поворачивалась. Известно также, что Михаилъ Палеологъ денежными субсидіями поддерживалъ Манфреда Гогенштауфена въ его борьбѣ съ Карломъ анжуйскимъ.

(2) Интриги были любимымъ средствомъ Палеолога. Онъ интриговалъ всѣхъ своихъ враговъ, стараясь посеять рознь и вражду между ними и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе и силы отъ имперіи. Вести одновременно войну и мирные переговоры съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, или замиряясь съ однимъ, въ то же время подстрекать другаго въ нападенію на своего сегодняшняго союзника и друга, для него было дѣломъ обыкновеннымъ. См. Пахим. стр. 150.

минуту самъ собою даже помимо воли и противъ желанія послѣднихъ? Кто могъ наконецъ поручиться за то, что внѣшніе враги не воспользуются ею для своихъ цѣлей, какъ уже воспользовались разъ враги внутренніе? Что если они увлекутъ ее на путь политическихъ интригъ и чрезъ нее возбудятъ войну внутреннюю для усиленія внѣшнихъ затрудненій?

Особенно опасна была для церкви и государства арсеніанская агитація въ восточныхъ провинціяхъ. Эти провинціи находились въ то время въ исключительномъ положеніи, чрезвычайно благопріятномъ для успѣховъ агитаціи. При множествѣ внѣшнихъ враговъ, императоръ по необходимости долженъ былъ раздроблять свои силы — дѣйствовать не цѣлою ихъ массою, а по частямъ, сосредоточивая наибольшую часть ихъ на болѣе угрожаемыхъ пунктахъ, и оставляя другіе менѣе угрожаемые или совершенно беззащитными или подъ охраною ничтожныхъ отрядовъ. Такъ какъ наибольшая опасность угрожала съ латинскаго запада; то главныя средства обороны были сосредоточены вокругъ столицы и на пунктахъ, угрожаемыхъ западомъ, а восточныя провинціи, угрожаемыя мусульманами, были мало-по-малу оставлены на произволь судьбы за недостаткомъ средствъ къ защитѣ (1). Между тѣмъ, въ этихъ отдаленныхъ отъ центра политическаго и церковнаго управленія провинціяхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и какъ бы пренебрегаемыхъ правительствомъ, сравнительно съ европейскими провинціями, живѣе, чѣмъ гдѣ либо, сохранялось воспоминаніе о насильственно устраненной династіи, крѣпче держалась привязанность къ „любимому“ патріарху; здѣсь же, наконецъ, сильнѣе и вліятельнѣе,

(1) Пахля. стр. 222.

чѣмъ гдѣ либо, былъ и элементъ монашескій (1). Словомъ, почва востока была отлично подготовлена для сѣянiя плевелъ раскола и въ тоже время агитаторамъ было здѣсь полное раздолье и никакихъ препятствiй. И дѣйствительно, они массами хлынули на востокъ и разсѣялись по тамошнимъ монастырямъ съ нѣлюю сдѣлать изъ нихъ операціонныя базисы для дальнѣйшей борьбы съ правительствомъ.

Когда слухи о распространенiи „соблазна“ въ монастыряхъ восточныхъ дошли до патрiарха Юсифа, то онъ сильно перетревожился. Опасенiя, внушенныя этими слухами, были такъ велики, что онъ пересталъ даже обращать вниманiе на окружавшихъ его агитаторовъ, „которые усиленно возмущали и отклоняли отъ него народъ“, и всѣ свои заботы сосредоточилъ на движенiи въ восточныхъ областяхъ. Тревожно прислушивался онъ ко всѣмъ вѣстямъ, приходившимъ съ востока, приглашалъ къ себѣ и спрашивалъ о тамошнихъ дѣлахъ всѣхъ восточныхъ монаховъ, прибывавшихъ въ столицу по дѣламъ своихъ монастырей, желая вывѣдать отъ нихъ, дѣйствительно ли такъ велика опасность, какъ ее представляютъ темныя слухи. Полученныя отъ нихъ свѣдѣнiя вполнѣ подтвердили справедливость доходящихъ слуховъ и заставили патрiарха подумать о средствахъ къ пресѣченiю зловердной пропаганды. Сначала онъ по-

(1) „Страна по Меандру (теперь Руюль-Мендеръ, рѣка въ Малой Азiи, берущая свое начало въ Фригiи, текущая по направленiю съ запада на востокъ и впадающая въ Эгейское море между Ираклiею и Приеномъ; на берегахъ ея лежали Анамея, Колоссы, Антиохiя, Пирры, Милеть и др.) была другою Палестиною и изобилуема.. множествомъ земныхъ странниковъ и небесныхъ жителей—монаховъ. Эта страна по всему другому на столько первенствовала предъ Палестиною, на сколько Палестина стояла выше ея тѣмъ величайшимъ преимуществомъ, что въ ней жилъ и училъ мой Христосъ и Богъ“. Пахим. стр. 286.

пробовалъ произвести спасительную реакцію посредствомъ ласковаго приёма и привлеченія на свою сторону тѣхъ же восточныхъ монаховъ, отъ которыхъ окончательно удостовѣрился въ серьёзныхъ размѣрахъ произведеннаго арсенитами зла; но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ неудовлетворительности этого средства и обратиться за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ императору. Императоръ не менѣе патріарха былъ встревоженъ восточными событіями и такъ какъ опытъ съ галесійцами доказалъ непрактичность крутыхъ мѣръ; то, по долгомъ совѣщаніи, рѣшено было испробовать предварительно мѣры кротости и убѣжденія. Патріархъ долженъ былъ лично отправиться на востокъ и повліять на тамошнихъ монаховъ обаяніемъ своего сана, величавой фигуры, придворныхъ приѣмовъ и вкрадчиваго слова. И дѣйствительно, послѣ долгихъ сборовъ, Іосифъ выѣхалъ изъ столицы съ многочисленною свитою, повидимому, въ началѣ 1272 г. (1) и отправился на востокъ. Идоломъ восточныхъ монаховъ былъ тогда знаменитый аскетъ и ученый Влеммидъ, къ нему-то прежде всего и направилъ свой путь Іосифъ.

Встрѣча этихъ двухъ человѣкъ, столь различныхъ по характерамъ и общественному положенію, не лишена драматическаго интереса. „Со славою“, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, вступилъ „вселенскій патріархъ“ въ убогую келью бывшаго учителя младшаго Ласкариса, а теперь смиреннаго настоятеля обители Суцаго (2). На грубомъ сѣдалищѣ, погружен-

(1) По крайней мѣрѣ къ этому году относится повѣдка эту Поссинъ въ своихъ *Observationes Pashimerianae*, p. 758. ed. Bonn.

(2) Самое названіе обители показываетъ, что она была основана философъ. Но гдѣ она находилась? На этотъ вопросъ не всѣ отвѣчаютъ одинаково. По мнѣнію Геселе (*Conciliengeschichte* t. VI S. 107), она находилась

ный въ глубокую думу, неподвижно сидѣлъ предъ нимъ бѣлый, какъ лунь, старецъ, съ рѣзкими чертами лица, въ грубой монашеской одеждѣ. Ни однимъ жестомъ не отвѣтилъ онъ на церемонный привѣтъ вошедшаго. Патріархъ, безъ приглашенія, сѣлъ неподалеку отъ негостепріимнаго хозяина, свита его размѣстилась гдѣ могла, стоя. Вкрадчиво, плавно, округленно полилась рѣчь изъ устъ гостя: онъ заговорилъ о томъ, какъ глубоко уважаетъ онъ Арсенія, какъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ другими „ревность“ по немъ, какъ неохотно принялъ онъ его престоль, уступая лишь крайней необходимости и жертвуя собою пользамъ церкви, какъ любитъ его императоръ и какія дѣлаетъ изъ-за него благодѣянія всѣмъ и каждому, и проч... Молча слушалъ его странный хозяинъ, не перемѣняя позы, ни однимъ движеніемъ не обнаруживая, чтобы онъ понималъ что-либо изъ того, что говорилъ его гость. Какъ жилецъ другаго міра, совершенно чуждый интересамъ грѣшной земли,

лась въ Македоніи. Но а) исторія поѣздки Іосифа на востокъ показываетъ, что монастырь этотъ находился въ Малой Азіи, б) исторія съ Маркесиною, фавориткой императора Іоанна Ватацци, которую Влеммидъ не пустилъ въ церковь, когда она съ блестящей свитою придворныхъ, пріѣхала въ его монастырь къ обѣдни, показываетъ, что монастырь находился неподалеку отъ какой нибудь изъ тогдашнихъ императорскихъ резиденцій—Никеи, Никосы или Лескаря, и в) изъ того, что, по смерти Влеммида, его монастырь былъ приписанъ къ галесійскому, можно заключать, что онъ лежалъ по соседству съ этимъ монастыремъ. О. архимандритъ Деметракопулъ (какъ и Удинъ in suo Commentario t. III. p. 221.) называетъ монастырь Влеммида Инасіями *Ἰνασίαι* и полагаетъ его близъ Ефеса. См. его Bibliotheca ecclesiastica continens Graecorum theologorum opera. t. I. Lipsiae 1866 p. 27. Последнее мнѣніе находятъ для себя подтвержденіе въ автобіографіи патріарха константинопольскаго Григорія Кипрскаго (Vid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie herausgegeben v. D-r F. C. Matthiae. Frankfurt am Main 1817 S. 8). Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить нашимъ читателямъ эту интересную автобіографію въ русскомъ переводѣ.

безмолвно и неподвижно сидѣлъ онъ предъ патріархомъ. Отъ долговременнаго уединенія и постояннаго самоуглубленія люди превратились для него въ отвлеченныя понятія; Арсеній и Іосифъ одинаково были для него пустыми звуками; не имѣлъ онъ ничего общаго съ церковными агитаторами, не хотѣлъ имѣть дѣла и съ правительствомъ. „Онъ былъ ко всему равнодушенъ, ни къ кому не имѣлъ ни симпатіи, ни антипатіи“. „Для него единственною необходимостью было благочестіе, все же остальное онъ предоставилъ людямъ, живущимъ по образу вѣка“. „Дѣла только его удивляли“. „Внутреннія достоинства чтилъ онъ и уважалъ, видя въ нихъ дары Божіи“ (1). Это былъ замѣчательный, типическій образчикъ совмѣщенія философскаго міросозерцанія съ аскетическими привычками и внѣшностью. Это былъ истый философъ въ рубищѣхъ средневѣковаго монаха. И предъ такимъ-то человѣкомъ расточалъ теперь Іосифъ свои сладкія рѣчи. Когда запасъ ихъ истощился и высокій гость, кончивши свою рѣчь, видимо находился въ затруднительномъ положеніи, безмолвный хозяинъ, послѣ нѣкоторой паузы, вдругъ предложилъ ему требованіе, „чтобы правительство утвердило за его обителью право получать по прежнему на содержаніе 300 литръ золота, ассигнованнаго на этотъ предметъ покойнымъ императоромъ, чтобы ему самому продолжено было право управлять ею на всей своей волѣ,

(1) Въ упомянутой нами автобіографіи Григорія Кипрскаго высказывается другой взглядъ на Влежмида: тамъ онъ представляется человекомъ „гордымъ, суровымъ, недоступнымъ для маленькихъ людей“. Очевидно эта разность взглядовъ обусловливается разностью точекъ зрѣнія на личность знаменитаго аскета—философа; факты же, лежащіе въ основаніи того и другаго взгляда, одни и тѣ же и, до известной степени, могутъ если не примирить, то объяснить оба взгляда.

и чтобы право самоуправления оставлено было за нею и послѣ его смерти, и чтобы затѣмъ императоръ, патриархъ и всякія другія власти оставили бы его и его обитель въ покоѣ“. Занятый мыслию какою бы то ни было цѣною привлечь на свою сторону кумира восточныхъ монаховъ и чрезъ него расположить въ свою пользу ихъ самихъ, Іосифъ изъявилъ полную готовность подписать письменный актъ, утверждающій всѣ требованія Влеммида, и исходатайствовать такую же подпись и со стороны императора. Послѣ этого гость и хозяинъ разстались другъ съ другомъ такъ же, какъ и встрѣтились“ (1).

Съ такими визитами объѣхалъ Іосифъ всѣ важнѣйшіе монастыри на востокѣ, побывалъ у всѣхъ болѣе вліятельныхъ настоятелей. О результатахъ этой поѣздки нашъ историкъ ничего не говоритъ, а замѣчаетъ только, что патриархъ, пробывъ довольно времени на востокѣ, возвратился въ Византію (2). Но дальнѣйшій ходъ событій на востокѣ показываетъ, что онъ не имѣлъ особенныхъ причинъ хвалиться пріобрѣтенными тамъ успѣхами.

Въ октябрѣ 1273 г. получено было въ Константинополь извѣстіе о смерти Арсенія. Низложенный святи- тель скончался на мѣстѣ своего заточенія 30-го сентяб- ря (3) того же года отъ карбункула на правой рукѣ,

(1) Пахим. стр. 311—314. „Но по смерти Влеммида, замѣчаетъ нашъ историкъ, марка перевернулась, утвердительный актъ былъ взятъ назадъ, условія нарушены, деньги присвоены великой церкви, а самая та обитель приписана къ галесійской и подчинена ей“. А такъ какъ Влеммидъ скончался въ томъ же 1272 г. (Vid. Bibliotheca ecclesiastica continens graecorum theologorum opera; p. 27); то не долго же царь и патриархъ исполняли обшчаніе, облеченное въ столь торжественную форму.

(2) Пахим. стр. 314.

(3) Мѣсяць и день смерти Арсенія Пахимеръ опредѣляетъ весьма точно. Рассказывая объ изгнаніи ритора Оловола и монаха Іасита

окруженный немногими преданными ему друзьями. Если вѣрить оставшемуся съ его именемъ завѣщанію, то на смертномъ одрѣ своемъ онъ снова повторилъ произнесенное имъ на императора отлученіе (1).

Мелія за сопротивленіе уніи съ латинянами, Пахиеръ говоритъ: „Это происходило въ шестой день Елафовоіона (октября) наступившаго года (византійскіе греки начинали годъ сентябремъ), спустя шесть дней послѣ смерти патріарха Арсенія, который умеръ на островѣ тридцатаго Гамиліона (сентября)“ стр. 363—364. Что же касается года смерти, то онъ опредѣляется слѣдующими обстоятельствами. Пахиеръ говоритъ, что упомянутое истязаніе Оловода и Іасата случилось „спустя около года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи (съ латинскою церковью) всколебалъ души восточныхъ христіанъ (стр. 363)“. Между тѣмъ изъ разсказа Пахиера (въ 12 г. V кн. 343, 344 стр.) о собраніи патріарха и греческихъ архіереевъ въ царскихъ палатахъ по случаю прибытія пословъ Григорія X въ Константинополь, съ предложеніемъ мира между церквами, видно, что на этомъ собраніи „впервые“ были возобновлены души восточныхъ христіанъ, такъ какъ на немъ „впервые“ былъ поставленъ серьезно вопросъ объ уніи и несчастному Оловоду тогда же пришлось полатиться изгнаніемъ въ Никею, откуда, „не прошло и года“, какъ онъ истребованъ былъ, по темному доносу, для навѣстнаго истязанія, въ Константинополь вмѣстѣ съ Іасатомъ Меліемъ. Послы же Григорія X, избраннаго въ папы въ концѣ 1271 г., въ бытность его папскимъ легатомъ въ Сиріи, не могли прибыть въ Константинополь раньше, какъ въ концѣ 1272 г., такъ какъ грамоты папы на имя императора и патріарха Іосифа даны были посламъ въ Римъ и помѣчены 24 числомъ октября 1272 г. (Vid. Raun. sub. 1272 n. 25.).

(1) Котелеръ, отыскавшій это завѣщаніе между рукописями королевской парижской бібліотеки, издалъ оное во 2 томѣ *Ecclesiae Graecae Monumenta* (цитованномъ выше), безъ всякихъ объясненій; учонный рецензентъ этого сборника въ *Acta eruditorum* (An. 1682—1684 ed. Lipsiae 1682—1684 in. 4° p. 137) ограничивается передачею вкратцѣ содержанія этого документа, не поднимая вопроса объ его подлинности. Значить ли это, что оба ученые считали оное подлиннымъ? Иначе отнесся къ этому вопросу современникъ завѣщанія, императоръ Андроникъ I Палеологъ. Онъ положительно оспаривалъ его подлинность на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: а) оно не было подписано Арсеніемъ и б) по своему содержанію противорѣчитъ духу Арсенія (Vid. apud Pashum. Andronicus Palaeologus, lib IV c. II p. 276, 277 ed. Venet. 1729 in f^o). Но, очевидно, ни то, ни другое основанія нерѣшительны. Первое слишкомъ формально, второе слишкомъ шпріорично. Если Арсеній поставленъ былъ своею бодрвію въ невозможность подписать завѣщаніе,

Смерть Арсенія не превратила, да и не могла прекратить вызваннаго имъ движенія: а) потому, что всѣ факты, связанные съ его личностью и съ его дѣломъ, продолжали оставаться во всей силѣ и послѣ его смерти, каковы, напр., несправедливость и насиліе относительно его лица, — этотъ фактъ приобрѣталъ даже извѣстную

какъ доказывалъ Андроникъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что эта невозможность простиралась и на самый актъ составленія завѣщанія, — подъ его диктовку или по крайней мѣрѣ по его желанію, оно могло быть написано другими, и въ томъ и въ другомъ случаѣ выражать действительно его *последнюю волю*. Равнымъ образомъ „повтореніе отлученія“, представляющееся Андронику не мыслимымъ для патріарха, обнаруживавшаго постоянно самую широкую любовь христіанскую ко всѣмъ, не исключая и отлученнаго императора, притомъ „повтореніе“ на *смертномъ одрѣ*, когда и обыкновенные люди прощаютъ и разрѣшаютъ самыхъ смертельныхъ своихъ враговъ, — очень мыслимо, если перенести этотъ фактъ съ нравственной почвы на каноническую. Императоръ отлученъ былъ Арсеніемъ не за личное его оскорбленіе, а за нарушение клятвы, торжественно данной церкви въ лицѣ ея патріарха и епископовъ. Такимъ образомъ, какъ отлученіе, такъ и разрѣшеніе его выходятъ совершенно изъ сферы личныхъ отношеній къ нему патріарха. Арсеній очень легко могъ простить Михаилу личную свою обиду по христіанской любви, но, какъ представитель церкви, онъ могъ снять съ него церковное наказаніе только подъ условіемъ исполненія церковной впитиміи (Слѣдуя завѣщанію, патріархъ требовалъ отъ императора, чтобы онъ облегчилъ народу и торговымъ людямъ безмѣрныя подати и виллоги, и подъ этимъ условіемъ обѣщался снять съ него отлученіе, а по словамъ Андроника Палолога, онъ требовалъ, чтобы императоръ призналъ себя недостойнымъ царства и отказался отъ него въ пользу своего сына Андроника). А такъ какъ императоръ не исполнилъ ея, то Арсеній, желая быть последовательнымъ, не снялъ съ него и наказанія. Въ завѣщаніи указаны слѣдующія основанія въ повторенію отлученія: „послику онъ (императоръ), говоритъ здѣсь, превратилъ церковь Божию въ вертепъ разбойниковъ и домъ блудилщныи, посллику онъ посадилъ на мой престолъ человека мною отлученнаго (Іосифа), посллику усиливался ввести въ церковь Божию, очищенную тысячами кровей, изліянныхъ до и послѣ Христа, равно какъ и кровію Его великой жертвы, нечестіе и мерзости латинянъ, и воздвигъ на нее великое гоненіе послѣ того, какъ гоненія на нее давно уже прекратились; то я повторяю надъ нимъ отлученіе, которому онъ самъ подвергъ себя по собственной своей волѣ, по собственному изволенію и по собственному рѣшенію, —

законченность въ его смерти, — мнимое или истинное запрещеніе имъ Іосифа, отлученіе императора, снятіе этого отлученія Іосифомъ и пр.; б) движеніе, вызванное Арсеніемъ, держалось не имъ, а его именемъ и его дѣломъ, — самъ онъ лично столь же мало принималъ въ немъ участія при своей жизни, какъ и по смерти, а его имя и его дѣло остались жить и послѣ его смерти,

да будетъ анафема, и предаю его сатанѣ, какъ самъ онъ сначала предалъ себя своимъ клятвopреступничествомъ, а теперь предаетъ гонениемъ на церковь Божию (Слѣдуя завѣщанію, Михайлъ Палеологъ заклалъ себя при вступленіи на престолъ слѣдующею клятвою: „если я замысла учинить какое либо зло, самъ ли собою или чрезъ другаго, господину (αδελφῷ) моему и наследнику и преемнику царства (Ιωαννῷ), то да буду и отлученъ отъ Животворящей и Единосушной Троицы и преданъ дѣволу“). Тому же отлученію завѣщаніе подвергало, даѣе, всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, принимавшихъ сознательное участіе въ исчисленныхъ преступленіяхъ Палеолога. Нельзя не согласиться, что указанныя завѣщаніемъ основанія къ вторичному отлученію Михайла могли достаточно оправдывать оное въ глазахъ Арсенія. Къ нимъ могло присоединиться еще очень естественное желаніе—не дозволить Михайлу эксплуатировать его смерть для своего разрѣшенія, какъ раньше хотѣлъ онъ эксплуатировать таинство покаянія, и очень также возможное среди тѣхъ стѣсненій и лишеній, которыя изгнанному патриарху приходилось переносить на мѣстѣ своего изгнанія, раздраженіе противъ своего гонителя, пробивающееся въ каждомъ словѣ завѣщанія. Если примемъ все это въ расчетъ, то должны будемъ согласиться, что доводы Андроника противъ подлинности завѣщанія слишкомъ слабы, хотя не считаемъ достаточными для доказательства противнаго и намѣченныхъ нами основаній. Вообще этотъ вопросъ нуждается еще въ серьезномъ и всестороннемъ обсужденіи.

Кромѣ завѣщанія, имя Арсенія носятъ на себѣ а) сборникъ канонѡвъ (въ количествѣ 141), помѣщенный во II-мъ т. Bibliothecae juris canonici veteris. (Ex codd. bibl. Ch. Justelli, Lutetiae 1661), б) одно правило (Στοιχία καὶ Ἀρσενίου. Περί γάμοι δύο ἀδελφῶν μετὰ νόμου καὶ ἀνδραδείας) въ Jus Graecoromanum Leunclavii. (Francofurti. 1596 t. I. p. 217). γ) Νομοκανὼν (въ концѣ рукописнаго греч. кодекса, упоминаемаго Удиномъ) и д) Lexicon (упомянутый in Breviario et supplemento Commentariorum Lambecianorum de Biblioth. Caesarea Vindobonensi anno 1690. Vindobonae 1690 in 1°, in parte 4, per Danielelem de Nessel). Vid. C. Oudin, Commentarius de Scripturis ecclesiasticis. Lipsiae. 1722 in 1°, t. III, p. 231. Conf. Fabricii Biblioth.—Graeca. ed. Harles. in 4°. t. XI, p. 216.

слѣд.... в) съ самаго же начала, какъ мы видѣли, арсеніанское движеніе осложнилось такими элементами, которые не имѣли никакой генетической связи съ дѣломъ Арсенія и которыхъ самъ Арсеній никогда не призналъ бы солидарными съ собою, и, такимъ образомъ, питалось и поддерживалось такими началами и интересами, которые въ случаѣ нужды давали ему возможность самостоятельнаго существованія и независимо отъ личности Арсенія; наконецъ, г) благодаря системѣ преслѣдованій, принятой правительствомъ, арсеніанское движеніе, державшееся сначала однимъ только именемъ Арсенія, постепенно развилось до формы самостоятельной фракціи, у которой явились уже свои особыя, отличныя отъ номинальнаго главы ея, интересы; семилѣтняя борьба ея съ правительствомъ, ознаменованная жестокими истязаніями отдѣльныхъ ея членовъ со стороны послѣдняго, создала для ней свою собственную исторію, отдѣльную отъ исторіи Арсенія; — въ теченіе этого времени и при указанныхъ условіяхъ образовались у ней свои преданія, возникли особыя счеты съ правительствомъ, требовавшіе продолженія борьбы. И борьба дѣйствительно продолжалась.

(Продолженіе будетъ)

И. Троицкій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 12. С. 1012-1048.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

АРСЕНІЙ

ПАТРИАРХЪ ИВБЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкл).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

...

Гораздо болѣе вліянія на дальнѣйшую судьбу арсеніанскаго движенія имѣло другое событіе, совершившееся въ слѣдующемъ 1274 г. Это—ліонская унія. Что она была дѣломъ чисто политическихъ расчетовъ императора Михаила Палеолога, въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но на сколько въ этихъ расчетахъ имѣли мѣсто внутренніе затрудненія, вызванныя арсеніанскимъ движеніемъ, это не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно. Во всякомъ случаѣ можно принять за вѣрное, что если и имѣли, то очень скромное. Правда, во время возникшихъ для него затрудненій, вслѣдствіе наложеннаго патриархомъ Арсеніемъ отлученія, онъ неоднократно грозилъ архіереямъ греческимъ обратиться къ папѣ за раз-

рѣшеніемъ; но въ серьёзность этой угрозы и самъ онъ не могъ вѣрить, такъ какъ очень хорошо зналъ, что папское разрѣшеніе въ глазахъ греческаго народа значило еще менѣе, чѣмъ разрѣшеніе его духовника Іосифа. Угроза эта имѣла и могла имѣть одну только цѣль— напугать архіереевъ, а чрезъ нихъ и Арсенія, перспективой не желанныхъ для нихъ сношеній съ Римомъ и побудить послѣдняго къ бѣльшей уступчивости. По удаленіи же Арсенія онъ уже ни разу не возвращался къ этой угрозѣ. Равнымъ образомъ когда завязалось дѣло объ униі съ Римомъ, въ числѣ побужденій къ этой униі онъ ни разу не упомянулъ о надеждѣ при посредствѣ ея подавить арсеніанскій расколъ, а постоянно и неизмѣнно указывалъ на коалицію западныхъ державъ противъ имперіи, какъ на единственное побужденіе къ униі, представлявшейся ему лучшимъ и единственнымъ средствомъ устранить отъ имперіи опасности, которыми она ей угрожала. Значить въ его глазахъ внѣшняя опасность, и именно угрожавшая съ запада, была гораздо серьёзнѣе опасности внутренней, созданной арсенитами. Да иначе и не могло быть. Арсеніанская агитація, при отсутствіи опредѣленнаго плана, единства въ дѣйствіяхъ и опытной руководящей руки, могла быть для него опасна только относительно, — т. е. при извѣстномъ только настроеніи народа; тогда какъ коалиція западныхъ державъ, силу которыхъ не разъ уже испытывала на себѣ имперія, была для него опасна безусловно. Пригомъ она была направлена на Константинополь, на обладаніи которомъ онъ главнымъ образомъ и основывалъ права своей династіи на похищенный престолъ, такъ что съ нею она держалась и падала. И въ самомъ дѣлѣ если бы, въ случаѣ очень возможной потери этого го-

рода, ему пришлось снова возвратиться въ Никею; то, при доказанномъ сочувствіи никейцевъ къ послѣднему представителю низложенной династіи и при успѣхахъ здѣсь арсеніанской пропаганды, удержаніе престола превратилось бы въ вопросъ. Притомъ внутренняя опасность, созданная арсенитами, не вызывала неизбежно опасности вѣшной со стороны запада: между тѣмъ какъ опасность вѣшняя неизбежно питала и поддерживала опасность внутреннюю: успѣхъ вѣшной коалиціи неизбежно усиливалъ бы недовольство и раздраженіе въ народѣ, привыкшемъ искать послѣдняго источника и своего благоденствія и своихъ несчастій въ личностяхъ своихъ государей, усиливалъ бы и дерзость агитаторовъ и при народномъ раздраженіи дѣлалъ бы ее очень опасною. А такъ какъ размѣры внутреннихъ опасностей обуславливались въ очень сильной степени опасностями вѣшними, но не на оборотъ: то и естественно, что послѣднія должны были занимать первое мѣсто въ политическихъ соображеніяхъ Михаила Палеолога, разрѣшившихся лѳонской уніей. Внутреннія же опасности могли имѣть въ нихъ мѣсто настолько, насколько были связаны съ вѣшными, т. е. насколько устраненіе первыхъ могло способствовать ему къ устраненію послѣднихъ. Въ этомъ смыслѣ мы готовы допустить, что, при обсужденіи мотивовъ къ уніи, приходило иногда императору на мысль, что, отстранивши посредствомъ ея затрудненія со стороны запада, онъ гораздо легче могъ справиться съ внутренними затрудненіями. Но мы должны сказать, что для современныхъ историковъ этого мотива не существуетъ.

Какъ бы впрочемъ ни было, но унія состоялась и во многомъ измѣнила положеніе арсеніанской фракціи.

Она затронула и вызвала къ жизни болѣе широкіе, общіе и существенные интересы греческой церкви, чѣмъ тѣ, которые отстаивала арсеніанская фракція, — она затронула коренную основу ея — православіе. Ліонской уніей императоръ греческій, для спасенія цѣлости имперіи и своей династіи, принесъ въ жертву Риму то, чѣмъ болѣе всего дорожилъ его народъ, — именно православіе. Этотъ фактъ, возмутившій до глубины души національное чувство грековъ, заставилъ ихъ позабыть на время объ арсенитахъ и ихъ борьбѣ съ правительствомъ и обратить все свое вниманіе на одинъ этотъ пунктъ, — арсениты со своими интересами и счетами должны были отойти на время на задній планъ. Этимъ и объясняется странное на первый взглядъ молчаніе историковъ о дальнѣйшихъ цѣляхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ арсеніанской фракціи во все время съ провозглашенія ліонской уніи до смерти Михаила Палеолога. Имъ было не до арсенитовъ, и не до ихъ предположеній и дѣйствій; другія дѣла и дѣятели занимаютъ ихъ, — дѣла и дѣятели, связанные непосредственно съ новымъ интересомъ, затронутымъ уніей. Этотъ интересъ дѣлается — по крайней мѣрѣ на время — новою силою, управляющею судьбами православнаго востока.

Но оттѣсненные могучимъ народнымъ движеніемъ съ передовой позиціи на полѣ битвы, арсениты не оставили ее совершенно, не потерялись въ массѣ новыхъ бойцовъ, а продолжали сохранять и свое знамя и свою самостоятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе члены лѣвой стороны раскола, т. е. знаменитые „сумконосцы и лохмотники“, дезертировали въ новый лагерь подъ сѣнь болѣе широкаго и внушительнаго знамени, но несомнѣнно и то, что большинство ихъ сохраняло въ то же время

вѣрность и прежнему знамени и, смотря по обстоятельствамъ, поднимало то одно, то другое, то оба вмѣстѣ. Что же касается остальныхъ членовъ фракціи, то сохранилось положительное свидѣтельство о томъ, что послѣ ліонской уніи они тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ, почували въ себѣ приливъ новыхъ силъ и удвоили свою агитацію противъ императора (1). До ліонской уніи была между ними партія умѣренныхъ, наружно мирившихся съ Іосифомъ и церковію, а послѣ нея и эта партія примкнула къ „рьянымъ ревнителямъ“ Арсенія и отвернулась отъ всего, что было не за него (2).

Въ виду опасности, которою угрожало спеціальнымъ интересамъ арсеніанской фракціи новое народное движеніе, обнаруженная арсеніанами тревожная энергія совершенно понятна. Имъ предстояло одно изъ двухъ, — или увлечься волнами этого новаго движенія и исчезнуть въ немъ, или овладѣть имъ и дать ему направленіе сообразное съ своими спеціальными цѣлями. Чувство самосохраненія заставляло ихъ употребить все усилія къ тому, чтобы избѣжать перваго. А на пути къ послѣднему они встрѣтили почти неодолимые препятствія частію въ характерѣ и размѣрахъ новаго движенія, частію въ новыхъ дѣятеляхъ, вызванныхъ этимъ движеніемъ и претендовавшихъ на руководительную роль въ немъ. Ввести могучій порывъ народнаго духа въ тѣсныя рамки, очерченныя спеціальною задачею партіи, значило почти тоже, что вводить бурную много-

(1) Pashum. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 12, p. 23—24, ed Venet.

(2) Хотя некоторые и послѣ провозглашенія уніи колебались между вѣрностью Арсенію и признаніемъ Іосифа, въ виду сопротивленія послѣдней уніи, сильно говорившаго въ его пользу. См. предлагаемое ниже письмо Каллиста къ Мануилу, епископу вессалоникскому.

водную рѣку въ берега узкаго ручья. И при этомъ приходилось еще вести борьбу съ лицами, созданными самимъ же этимъ движеніемъ и поставленными въ челѣ его. Но жребій былъ брошенъ. Для арсенитовъ не было другаго выхода.

Народное движеніе противъ уніи началось гораздо раньше ея формальнаго провозглашенія въ церкви большаго дворца въ Константинополѣ 16 января 1275 г. Начало его можно возводить ко времени первыхъ серьезныхъ попытокъ императора втянуть греческое духовенство въ свои уніональные планы, — именно къ 1272 г. По крайней мѣрѣ къ этому времени относятся первые извѣстные намъ публичные протесты противъ уніи и первыя насильственные мѣры императора, обозначившія собою переходъ отъ словъ къ дѣлу. Замѣчательно, что первый открытый протестъ противъ уніи сдѣланъ былъ арсенитомъ — риторомъ Оловомъ (1). Не входя

(1) Мануиль Оловоль, „очень молодой человекъ, состоявшій въ штатѣ придворныхъ грамматиковъ (*ἡκιδεὶς ὡς ἔστι καὶ εἰς τοὺς οἰκείους τότε τέλειοντα ὑποκριτικός*)“, за сочувствіе къ ослѣпленному Іоанну былъ лишенъ носа и губъ, по приказанію Палеолога, вслѣдствіе чего и долженъ былъ „одѣваться и вступить въ монастырь Предтечя (Нахим. стр. 176)“. Сдѣланный впоследствии, по ходатайству патріарха Германа (тамъ же стр. 260), начальникомъ патріаршей школы, онъ оказалъ не мало услугъ дѣлу церковнаго образованія. Последняя милость, оказанная ему императоромъ чрезъ патрарха, по видимому, примирила его и съ своимъ несчастіемъ и съ императоромъ: нѣкоторое время онъ казался даже сторонникомъ уніи (см. Нахим. стр. 243); но... вотъ что съ нимъ случилось: „Былъ день собранія въ священныя царскія палатахъ — продолжимъ словами Нахимера, — и на священное собраніе явились іеромонахи, священники и монахи, сколько находилось ихъ въ городѣ. Пришелъ и патріархъ и весь соборъ. Предметомъ разсужденія былъ тотъ, занимавшій всѣхъ миръ (унія съ Римомъ). Когда всѣ усялись и двое приверженцевъ царя — архидіаконъ Мелитіонъ и Протоапостоларій кипрскій (Григоръ и впоследствии патріархъ) удостоены были чести занять мѣста, — Григоръ Оловоль стоялъ и ожидалъ отъ царя позволенія сѣсть. Такъ какъ ему не было указано кресло, то онъ вышелъ въ другую комнату

въ разборъ случайныхъ побужденій, руководившихъ въ данномъ случаѣ Оловола, мы однакожь не можемъ при-

и съязь. Потому, когда начали разсуждать и стали нехвалить риторика, считая полезнымъ его присутствіе, онъ позванъ былъ и, чувствуя нанесенное себѣ безчестіе, предсталъ предъ царя не съ видомъ кротости, — на вопросы не отвѣчалъ; и между тѣмъ, какъ царь надвигая найти въ немъ поддержку (на первомъ засѣданіи по этому вопросу Оловола, по замѣчанію Пахимера, *слегка говорилъ въ пользу царя* стр. 343) своихъ мнѣній, тотъ совершенно измѣнилъ прежній образъ мыслей и объявилъ царю противное, утверждая, что никогда не согласится на предложенное требованіе. Царемъ вдругъ овладѣла ярость, и онъ разразился крикомъ: ты всегда непріязненъ царю и постоянно мѣняешься въ своихъ мысляхъ — не по другой какой причинѣ, а только по своей ко мнѣ ненависти, которая написана у тебя на носу, напоминающемъ тебѣ о понесенномъ наказаніи. Выведенный изъ себя непомятою страстію честолюбія и раздраженный вмѣстѣ мыслию о своемъ униженіи, риторъ высказалъ дѣйствительную причину испытаннаго наказанія: причина состояла въ томъ, говорилъ Оловола, что онъ былъ преданъ малолюбимому царю Іоанну. Едва онъ сказалъ это, какъ приверженцы царя... бросились... и хотѣли растерзать его... Но царь... сослалъ его въ Никею (Пахим. стр. 361, 362)*. Какъ ни случайно представляется здѣсь оппозиція Оловола униональнымъ планамъ императора; но она была бы не мыслима при серьезномъ его убѣжденіи въ законности уніи и при искреннемъ примиреніи съ императоромъ. Очевидно до тѣхъ поръ онъ маскировалъ свои истинныя отношенія къ уніи и царю, оставаясь въ душѣ враждебнымъ и той и другому.

Отъ Оловола осталось полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи, подъ названіемъ: *Ἀπολογία καὶ ἀκρόασις τῶν κεφαλαίων τοῦ εὐθὺς φασκεύεως*, оно помѣщено у Муана въ его *Varia sacra. Lugd. Batavor. MDCLXXXV* р. 268—293. У Муана, какъ письмо Франциска, такъ и отвѣтъ на оно Оловола, помѣщены вмѣстѣ; вмѣстѣ же находятся они и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексахъ (какъ напр въ кодексѣ Водлейянской бібліотеки подъ № 3377, въ кодексѣ I. Сельдена № 3 и 6, и въ той же Водлейянской бібліотекѣ въ кодексѣ подъ № 291 между рукописными кодексами Оливера Кромвеля 115 num. 3, цитуемыхъ Удиномъ въ своемъ *Commentario de scriptor. et scriptis ecclesiasticis*, t. III, р. 477, равно какъ и въ сборникѣ греческихъ рукописей, хранящихся въ Московской синодальной бібліотекѣ, подъ № CCCXI по *Accurata codicum graecorum MSS. bibl. Mosquensium S. Synodi notitia et recensio* Chr. de Matthiae, t. I. Lipsiae 1805, р. 202). Кроме того хранятся въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ бібліотекъ и другія сочиненія, носящія на себѣ имя Оловола, кивовы: а) *Manueli Holoboli Rhetoris Rhetorum versus politici in Michae*

знать этого факта совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакой связи съ общимъ дѣломъ арсенитовъ. Оппозиція императору на этомъ пунктѣ должна была прямо входить въ программу арсенитовъ, такъ какъ съ одной стороны она давала имъ новое оружіе противъ него, съ другой открывала для нихъ возможность явиться въ новой очень важной по обстоятельствамъ времени роли защитниковъ православія.

Еще болѣе замѣчательно то, что Оловоль находился въ то же время въ сношеніяхъ съ извѣстными тогда сторонниками Іосифа, — и именно съ правою рукою его монахомъ Яситомъ Меліемъ, — что въ послѣдствіи объединило ихъ въ позорномъ триумфѣ, устроенномъ для нихъ императоромъ (1). Это объясняется тѣмъ, что Оловоль принадлежалъ къ умѣренной партіи въ расколѣ, пред-

elem Palaeologum Imperatorem — въ греческомъ кодексѣ библиотеки Кольбертинской подъ № 6044; и b) *Versus politici XXV de vanitate et instabilitate vatum hujus vitae omnium et c.* (Не есть ли это одно и то же сочиненіе съ предыдущимъ?) въ кодексѣ Барокчіанскомъ подъ № 125. Vid. Удина lib. cit.

(1) Вотъ какъ описываетъ этотъ триумфъ Пахимеръ: „не прошло еще и года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи (съ западною церковью) всколебалъ души восточныхъ христіанъ. Царь, пользуясь нисколько неприличными ему доносами, услышалъ уже, что риторъ (Оловоль) отказывается принять предписанное соглашеніе, и, находя въ этомъ удобный случай — его наказать, а насъ убѣдить, что онъ стѣбитъ такого наказанія, дать приказъ привести его въ городъ въ оковахъ, и сперва подвергнуть жестокимъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ, а потомъ устроить слѣдующій новый триумфъ. Онъ велѣлъ надѣть на шею длинныя веревки, сперва ему, затѣмъ второму — Яситу Мелію, и такъ далѣе подъ рядъ до десяти человѣкъ, а на концѣ всѣхъ — племянницъ его, какъ будто за чародѣйство; потомъ первыхъ двухъ велѣлъ обвѣшать овечьими внутренностями со всѣми находившимися въ нихъ нечистотами, за то будто они не покорны царю, а ритора сверхъ того приказалъ постоянно бить по устамъ овечьими печенями и въ такой торжественной процессіи водить ихъ по всему городу, около же церкви подвергать ихъ еще большому безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и на вода на нихъ страхъ“, стр. 363.

ставители которой простирали свое внешнее общеніе съ Іосифомъ до солидарности на тѣхъ по крайней мѣрѣ пунктахъ, на которыхъ самъ Іосифъ расходился съ императоромъ (1). А то обстоятельство, что солидарность Оловола съ Іосифомъ и его приверженцами на пунктѣ сопротивленія уніи не встрѣчала порицанія со стороны арсенитовъ, даетъ право заключать, что они на пер-

(1) Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи другой примѣръ. Пякто Іоанинкій Терникакоцулъ, ревностный арсенитъ, „явно отдѣлявшійся отъ Іосифа“, не затруднился предложить свои услуги этому патріарху и его партіи для составленія письменнаго отвѣта на записку, составленную придворными богословами въ оправданіе предположенной уніи и, по приказанію императора, присланную патріарху съ требованіемъ отвѣта. Пахим., стр. 348.

Весьма вѣроятно, что этотъ „отвѣтъ“ составляетъ одно и то же съ „апологіей“ патріарха Іосифа, хранящейся доселѣ въ рукописяхъ (именно въ кодексахъ подъ № ССLXXXI Вѣнской библиотекѣ. Vid. С. Oudini, Comment. de scriptoribus et scriptis ecclesiasticis, т. III, р. 468). По крайней мѣрѣ, по своему содержанию, на сколько оно можетъ быть понято изъ заглавія и изъ нѣсколькихъ отрывковъ, приведенныхъ Гергенрётеромъ, во II и III том. своего Photius Patriarch v. Constantinopel, онъ долженъ былъ весьма близко походить на эту апологію. Вотъ ея заглавіе: *Ἀπολογία τοῦ παναρχιεράτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κροῦ Ιωσήφ ἐπὶ τοῖς προβληθεῖσι ὑπερτῶν λατίνων ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ θεαυγουλοδουάτου καὶ αὐτοῦ βασιλέως Μιχαὴλ καὶ Θεοδοῦρας ἐμπροσθεῖσα τῷ ἱερομονάχῳ Ἰωβ τῷ μνηστῷ τοῦτε διὰ τῆς τοῦτε παρακλεῦσεως, καὶ δικαίως μὴ δεῖν εἶναι, μήτε τῶν πρωτεῶν ὡς ἀρχιερεῖ τῷ Πάπῃ παραχωρεῖν, μήτε ἐκκλητῶν τοῦτε διδοῦναι, μήτε ἀναφέρειν ἐν τοῖς ἱεροῖς βιβλίοις αὐτῶν ἕως ἀνείσθη τὰ καινοτομηθέντα τῇ Ἐκκλησίᾳ τῆς προαφθέντος Ῥώμης κατὰ τὰς αἰῶν ποτέρων παραδόσεις, καὶ τὰ θεσπίσμενα... etc.* Что она приписывается здѣсь исключавшему Ясенту, это весьма легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что, по словамъ Пахимера, ему принадлежала главная роль при составленіи означеннаго „отвѣта“ (Vid. loco cit.). Непосредственное обращеніе къ императору, обращеніе, которымъ она начинается, говоритъ также за ея тождество съ „отвѣтомъ“, который, какъ непосредственно представленный императору, и не могъ иначе начинаться. Вотъ ея начало въ извлеченіи Удина: *Κράτιστε, Θεοτάτα, Θεογονεῖριστε, Θεοδόξατε ἅγιε Λέσκοτα μετὰ καὶ β σιλεῦ, χάριον, εἰρήνην, ἔλεος, εὐσπλαγιστῶν γνάτης, καὶ ὑπερίας μακρομμεροτάτην ἀπολογεῖται ἡ μετρούτης ἡμῶν κατὰ τοῦ εἰρηνάσχη Χριστοῦ etc.* Наконецъ изъ сказанной современныхъ историковъ не видно, чтобы Іосифъ писалъ въ свою защиту и подавалъ императору какое либо другое сочиненіе кромѣ известнаго „отвѣта“.

выхъ порахъ не находили ничего особенно зазорнаго во внѣшнемъ союзѣ съ своими противниками для защиты одинаково дорогаго тѣмъ и другимъ православія противъ угрожавшей ему опасности. Притомъ сближеніе съ Іосифомъ на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ онъ расходился съ императоромъ, могло входить и въ спеціальныя цѣли фракціи—она могла рассчитывать посредствомъ этого сближенія укрѣпить рознь между патріархомъ и императоромъ, поссорить ихъ другъ съ другомъ,—что во всякомъ случаѣ могло быть выгодно для нея. Правда, это было не благовидно; но какая же партія затрудняется въ выборѣ средствъ, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ противницей?

Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этотъ внѣшній союзъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ членовъ фракціи съ ея противниками, былъ крайне непродолжителенъ. Онъ едва ли пережилъ первыя минуты негодованія, пробужденнаго въ тѣхъ и другихъ первыми насильственными дѣйствіями императора. Не могъ онъ быть продолжителенъ потому, а) что строгіе арсениты никакъ не могли простить Іосифу его поведенія относительно Арсенія, б) — перѣшительное положеніе, принятое на первыхъ порахъ Іосифомъ относительно проектируемой униі (¹), не

(¹) Колебаніе и перѣшительность его были такъ велики, что его приверженцы принуждены были помочь ему искусственно. „Монахъ Іовъ Іаситъ, видя безпокойство патріарха (Іосифа) и опасаясь, какъ-бы онъ, ослабѣвъ, не отказался отъ своей настойчивости, придумалъ способъ укрѣпить его мысли. Онъ предлагаетъ ему совѣтъ—написать окружное посланіе и разослать его во все мѣста къ лицамъ благочестивымъ, а для удостовѣренія присоединить и клятву, чтобы они не уклонялись въ сторону латинянъ, но были тверды, чтобы не вѣрили также, будто патріархъ ослабѣваетъ и такимъ образомъ готовъ увлечь ихъ куда ему угодно, лишь бы принять отделившихся прежде. Убѣжденный этими словами, іерархъ позволяетъ изложить дѣло, и бумага въ скоромъ времени была готова. Но прежде чѣмъ послали ее, патріархъ пожелалъ спросить архіереевъ и узнать, будутъ ли они стоять до конца. Для этого окруж-

могло нравиться не только строгимъ, но и умѣреннымъ арсенитамъ, и в) — арсениты не могли не понимать, что ихъ дальнѣйшія цѣли и стремленія совершенно расходятся съ цѣлями и стремленіями защитниковъ православія, сгруппировавшихся вокругъ Іосифа. И потому хотя не сохранилось положительныхъ свидѣтельствъ ⁽¹⁾, тѣмъ не менѣе, мы кажется не ошибемся, если предположимъ, что еще до формальнаго провозглашенія уніи арсениты въ своей оппозиціи ей шли врозь съ іосифитами, не смотря на то, что интересы тѣхъ и другихъ были совершенно солидарны на этомъ пунктѣ.

А когда унія состоялась и была провозглашена формально, когда патріархъ Іосифъ, послѣ долгихъ колебаній и нерѣшительности и благодаря искусственнымъ помочамъ своихъ приверженцевъ, волей-не-волей сталъ наконецъ во главѣ ⁽²⁾ ея противниковъ, когда народное посланіе патріарха прочтано было въ общемъ собраніи, и потомъ предложенъ вопросъ: устоятъ ли они въ этомъ? Архіереи тотчасъ изъяснили свое согласіе и засвидѣтельствовали его собственноручными подписями, кромѣ немногихъ, болѣе предусмотрительныхъ. Затѣмъ бумага была скрѣплена и запечатана. Когда это посланіе было разослано, патріархъ *по необходимости* не могъ ничего переимѣнить, что бы ни случилось; ибо связанъ былъ клятвою, а потому объявилъ всѣмъ, да говорилъ и царю, что онъ и самъ не начнетъ и другимъ не будетъ содѣйствовать въ пользу принятаго намѣренія (Шахимъ, стр. 350—351)⁴.

Не желая употреблять насилія относительно своего бывшаго духовника, императоръ, во время переговоровъ объ уніи, заключилъ съ Іосифомъ условіе, по которому патріархъ обизывался добровольно отказаться отъ престола, если унія состоится.

⁽¹⁾ Если не принимать во вниманіе известнаго завѣщанія, приписываемаго Арсенію, гдѣ арсениты прямо представляются единственными законными представителями и защитниками православія отъ латинства. Да иначе они и не могли смотрѣть на себя, если хотѣли быть послѣдовательными, а такой взглядъ необходимо долженъ былъ привести ихъ къ антагонизму іосифитамъ и въ дѣлѣ защиты православія.

⁽²⁾ Не смотря на условіе, заключенное съ императоромъ, когда дѣло дошло до исполненія, у Іосифа не достало духа разстаться съ престоломъ и онъ упрямо сталъ отказываться отъ выполненія условія, такъ

ная масса въ первомъ порывѣ негодованія противъ уніи забыла всѣ недостатки и слабости низложеннаго патріарха, провозгласила его мученикомъ православія и слѣпо устремилась за нимъ и его приверженцами, тогда арсениты уже ясно увидѣли, что для нихъ и для ихъ дѣла наступила критическая минута, увидѣли, что общественное вниманіе, поглощенное новымъ народнымъ интересомъ, затронутымъ уніей, дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе равнодушнымъ къ нимъ и ихъ „ревности“, что народное движеніе, вызванное этимъ интересомъ и управляемое ихъ соперниками, готово совершенно отбросить ихъ со сцены, поняли, что они стоятъ совершенно особнякомъ, не могутъ пристать ни къ противникамъ уніи, ни къ ея сторонникамъ, не пожертвовавши всѣми своими спеціальными интересами, не отрекшись не только отъ своего прошедшаго, но и отъ будущаго... поняли и собрали всю свою энергію, всѣ свои силы, чтобы не дать новому движенію поглотить себя, не дать своимъ противникамъ посмѣяться надъ собою а, если можно, то и овладѣть самымъ движеніемъ и направить его противъ своихъ недруговъ.

Но какъ это сдѣлать? Положеніе ихъ было менѣе выгодно, чѣмъ положеніе обѣихъ враждебныхъ имъ партій. Та и другая изъ нихъ имѣла на своей сторонѣ патріарха, а уніональная партія кромѣ того — и правительство и всю оффиціальную церковь, и потому обѣ имѣли возможность выдавать себя за истинную церковь въ глазахъ народа, который не могъ представить себѣ

что вынудялъ императора предложить дѣло на разсмотрѣніе епископовъ, которые и присудили его къ лишенію престола (Пахия., стр. 368). Въ этихъ двухъ фактахъ видны весь Іосифъ — слабый, безхарактерный, неспособный ни къ какой инициативѣ, а — къ одному лишь пассивному сопротивленію.

церкви безъ патріарха. Между тѣмъ на сторонѣ арсенитовъ въ это время не было уже патріарха, а было два-три епископа (1), — если считать и отказавшагося

(1) Мануиль Θεσσαλονικεύς, раздѣлившій протестъ Андроника Сардскаго послѣ добровольнаго удаленія Арсенія съ престола и вытѣхавшій за границу (Пахм., стр. 110), въ это время снова занималъ свой престолъ (возвращенный ему, впрямую, во время вторичнаго патріаршества Арсенія), продолжая оставаться вѣрнымъ памяти Арсенія, какъ это видно изъ дошедшаго до насъ письма къ нему нѣкоего Каллиста. Письмо это писано на второй годъ послѣ удаленія Юсефа отъ престола, сѣдовѣтельно въ 1276 г., и проливаетъ не мало свѣта на взаимныя отношенія арсенитовъ и юсефитовъ. Вотъ отрывокъ изъ него, занимаемый нами изъ *Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ἐπιβολῆς ἑλληνικῆς ὑπὸ Α. Δικητραχολεῶν. Ἐν Λειψία 1837. σελ. 68. 69* (Подлинникъ хранится между рукописями Вѣнской библиотекы): *Ὅτις ἡ ἀνωτατὴ σοῦ ὡς ὁ παναγιώτατος θεοπάτερος καὶ ἀδελφός ἡμῶν, ὁ αἰνουμενὸς πατριάρχης κύριος Ἀρσένιος μετέβη πρὸς κύριον, τὰ τῶν πόνων ἐκβλάλα λυόμενος πρὸς αὐτοῦ ὡς οὐν μεμαρτέον φανώμεθα ταῖς ἐχέρσασιν καὶ τοῦ προσήκοντος διαταμενοί, εἰ κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσήφ τῷ γενεσίῳ πατριάρχῃ, καὶ τῆς πατριαρχίας ἐβλήθημεν ἀπὸ πέρας διὰ τὸ μὴ θελήσει κοινωνῆσαι τῷ τῆς πρωσβυτέρως Ρώμης Πάπῃ... Εἶπε ἡμῖν τὸ ἀληθές· κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσῆφ, καὶ μήποτε οὐν ἐκτεμρῶμεν πρὸς ἕξορῶν διὰ τὴν δαδοτομίαν τῆς πίστεως, τ. ε.* „святѣйшій владыка и господинъ нашъ вселенскій патріархъ киръ Арсеній представилъ ко Господу, чтобы воспріять отъ Него награду за (свои) подвиги: итакъ не окажемъ ли мы въ глазахъ благомыслящихъ людей заслуживающими порицанія и забывшими свой долгъ, если вступимъ въ общеніе съ киръ Юсефомъ, который былъ сдѣланъ патріархомъ, и въ прошломъ году низложенъ за нежеланіе войти въ общеніе съ папою ветхаго Рима... Скажи намъ по сущей справедливости: ветушать ли намъ въ общеніе съ киръ Юсефомъ, и особенно теперь, когда онъ отправленъ въ ссылку за правосудіе въ вѣрнѣ?“ Что отвѣчалъ на это письмо Мануиль, мы не знаемъ. Не знаемъ также и того, былъ ли живъ въ это время александрійскій патріархъ Николай, „отсѣченный“ отъ церкви о.о. Константинопольскаго собора 1266 г. за несогласіе на низложеніе Арсенія, и если былъ живъ, то какъ относился онъ къ арсенитамъ? Извѣстный историкъ Ниль на томъ основаніи, что въ 1270 г. на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ сидѣлъ уже Аванасій, заключаетъ, что Николай въ этомъ году скончался; но такъ какъ Аванасій могъ смѣнить въ этомъ году Николая и не вслѣдствіе смерти послѣдняго, а низложенія, или добровольнаго удаленія его; то мы и не можемъ принять вывода, сдѣланнаго изъ этого факта Нилемъ. Впрочемъ и самъ Ниль не настаиваетъ на своемъ выводѣ. Vid. A history of the holy eastern church. by Neale. London. M.DCCCXLVII. Vol. II. 312.

отъ своей каведры и сана Андроника Сардскаго,—да и тѣ скрывали свою принадлежность къ партіи. Въ личномъ духовенствѣ, составленномъ большею частію во время патріаршества Іосифа, частію чрезъ непосредственную хиротонію этого патріарха, частію чрезъ посредство лицъ, имъ хиротонисанныхъ, и потому болѣе или менѣе связанномъ съ Іосифомъ, они имѣли мало сторонниковъ. Оно массой объявило себя за Іосифа (1). Больше насчитывали они приверженцевъ между монашествомъ—особенно мало-азійскимъ, гдѣ цѣлыя монастыри принадлежали къ ихъ фракціи, но за то монастыри европейскіе,—одни объявили себя за Іосифа и православіе, другіе — и между ними знаменитая аѳонская гора (2)—просто за православіе. Такимъ образомъ борьба

(1) Григора ставитъ сопротивленіе духовенства униі въ прямую связь съ сопротивленіемъ Іосифа и его удаленіемъ: „послѣ сего понятно, говорятъ онъ, почему и все вообще духовенство не хотѣло успокоиться и старалось отшатнуть народъ отъ царя, говоря, что наступило время мученичества и побѣдныхъ вѣнцовъ“. Григ., стр. 119—120.

(2) Между рукописями Московской синодальной бібліотеки сохранилась одна, носящая слѣдующее заглавіе: *Διήγησις περὶ τῶν ἀλιτροφέντων ἁγίων πατέρων ἐν τῇ ἀγίῳ ὄρει τοῦ Ἁθῶν ὑπὸ Μιχαὴλ βασιλέως τοῦ λατινοβροχῶς καὶ τῶν σὺν αὐτῷ λατίνων καὶ κατινοβροχῶν* (т. е. повѣствованіе о св. отцахъ, на св. горѣ Аѳонской избѣнныхъ латиномудрствующимъ царемъ Михаиломъ и находившимися съ нимъ латинянами и латиномудрствующими). Въ этомъ повѣствованіи (оно перепечатано въ книгѣ о Деметриѣ Копулу *Ἱστορία τοῦ σχίσματος... σελ. 70—74*) разсказывается о погромѣ, произведенномъ будто бы (другіе писатели не подтверждаютъ этого факта) Михаиломъ Палеологомъ на аѳонской горѣ надъ тѣми монастырями и монахами, которые отказались принять унию. Историческое значеніе этого сказанія ничтожно. Оно наполнено анахронизмами и сказками, свидѣтельствующими о невѣрности источника, изъ котораго почерпнулъ свои свѣдѣнія авторъ. Изъ ссылки на *προβλεπὸς τῶν*, составленный на вѣрушечскомъ соборѣ 1283 г. при Андроникѣ старшемъ, видно, что оно и писано послѣ этого собора; изъ явного искаженія фактовъ (к-ково напр. извѣстие о миномѣ путешествіи Михаила Палеолога вмѣстѣ съ патріархомъ Веккомъ въ Италію, для принятія униі и отнесеніе путешествія Палеолога на аѳонскую гору въ 1285 г., между тѣмъ, какъ въ концѣ

съ этой партіей, и притомъ борьба, имѣвшая характеръ не совсѣмъ благовиднаго соревнованія, не могла обѣщать большихъ успѣховъ.

Не больше было шансовъ на успѣшное состязаніе и съ правительственной партіей. Сознавая важность момента, императоръ употребилъ всѣ усилія въ тому, чтобы дать ей возможно лучшую организацію. Церковнымъ главою ея онъ поставилъ человѣка, обладавшаго, кромѣ важной, внушительной наружности (что не мало значило въ глазахъ византійцевъ), обширнымъ

1282 г. его не было уже въ живыхъ), видно, что оно написано лицомъ, далекимъ отъ описываемыхъ событій, если не по времени, то по мѣсту, а изъ легендарнаго тона повѣствованія и явнаго желанія автора возвеличить подвигъ св. горы, можно заключать, что оно написано кѣмъ либо изъ ея иноковъ... Изъ сказанія этого мы узнаемъ, что неонскіе иноки, послѣ провозглашенія лѳонской уніи, послали императору Михаилу посланіе, въ которомъ заявляли свой протестъ противъ уніи и умоляли его отвергнуть ее. Это посланіе тоже сохранилось между рукописями московской синодальной бібліотеки вмѣстѣ съ повѣствованіемъ (*Ἱστορία τοῦ συζητήτου*; с. 70). Но ни въ повѣствованіи, ни въ посланіи нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на какую либо солидарность аеонскихъ противниковъ уніи, какъ съ арсеніанской, такъ и съ іосифитской партіей. Это объясняется исключительнымъ положеніемъ св. горы въ то время. Со взятія Константинополя латинянами и до 1313 г. она находилась подъ властію папы и потому не могла стоять такъ близко къ личностямъ патріарховъ константинопольскихъ и принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ константинопольской церкви, какое принимала послѣ этого года. Vid. I. Müller: Historische Denkmäler in d. Klöstern des Athos, in Miklosich, Slavische Bibliothek. B. 1. Wien. S. 123—147.

Имена аеонскихъ иноковъ, пострадавшихъ въ это время за православіе, внесены и въ аеонскій патерикъ (Слб. 1867, стр. 273—274) изъ пространной рукописной повѣсти—какъ объяснено въ подстрочномъ примѣчаніи издателями—на славянскомъ (въ Зографѣ) и греческомъ языкахъ. Въ Зографѣ—узнаемъ изъ этого же примѣчанія—есть даже книга подъ названіемъ „Рай мысленный“, въ которой между прочими статьями изложена и эта повѣсть. Изданіе валдайскаго иверскаго монастыря 7167 г., октября 28-го. Въ аеонскомъ патерикѣ она озаглавляется: „Преподобномученики, пострадавшіе отъ латиномудренныхъ царя Михаила Палеолога и патріарха Вѣкка, за обличеніе ихъ въ ереси“, и занимаетъ всего двѣ страницы.

умомъ, замѣчательной эрудицей, даромъ слова и рѣдкими административными способностями, изощренными многолѣтнею опытностью. Это былъ извѣстный уже намъ великій хартофилакскъ Іоаннъ Веккъ (1). Искуснаго, опытнаго патріарха окружали, въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ, лучшіе богословы тогдашняго времени — архидіаконы Метохитъ (2) и Мелетині-

(1) Григора дѣлаетъ такой отзывъ о Веккѣ: „въ это время былъ хартофилаксомъ великой церкви нѣкто по прозванію Веккъ, человекъ умный, витонецъ краснорѣчія и науки, надѣленный такими дарами природы, какими — нити изъ его современниковъ. Ростомъ, пріятнымъ и важнымъ лицомъ, свободно и плавною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ, всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ бы для того, чтобы имя его съ уваженіемъ произносили царя, правители и всѣ ученые... Правда, хотя греческою ученостію нѣкоторые превосходили его, но по гибкости ума, по оборотливости языка и знанію церковныхъ догматовъ, всѣ предъ нимъ казались дѣтьми (стр. 122 --123)“. Сначала онъ былъ противникомъ уніи, но потомъ сдѣлался ея сторонникомъ, потому ли, что ознакомился съ неудобствами „страшнѣйшей“ темницы, куда за сопротивленіе уніи былъ посаженъ вмѣстѣ со всѣми своими родными (Пахим. стр. 347. Григор. стр. 123), или потому, что лучше ознакомился съ сущностью „обвиненій“, которыми одна церковь осмыала другую и не нашелъ, чтобы онѣ могли служить достаточнымъ основаніемъ къ раздѣленію церкви, какъ утверждалъ послѣ самъ онъ (Vid. его сочиненіе *Περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ ἐσθλότητος τῶν τῆς καλλιῆς καὶ νῆς Ρώμης ἐκκλησιῶν* in *scriptorium Graeciae orthodoxae bibliotheca selecta* ed. Luchner, Friburgi Brisoviae. 1864; см. Пахим. стр. 350, 352) — рѣшить трудно.

Патріаршіи престолъ былъ объявленъ празднымъ и имя патріарха Іосифа перестали поминать на церковныхъ службахъ 9 января 1275 г. (Пахим. стр. 368), а Іоаннъ Веккъ возведенъ былъ на престолъ 2 мая того же года въ день Сшествія Св. Духа (Пахим. стр. 372 — 373). „Поставивъ его (Векка) на этотъ духовный постъ, прибавляетъ Пахимеръ, царь не много думалъ о церковномъ управленіи, но заботился о дѣлахъ свѣтскихъ; ибо зналъ, что Веккъ имѣетъ довольно опытности и различныхъ свѣдѣній, чтобы управлять церковію“. Нѣсколько ниже онъ называетъ патріаршество Векка „прекраснымъ“, стр. 415.

(2) Отъ него остались два полемическія сочиненія, изъ коихъ одно — направлено противъ Максима Планудиса, другое противъ Мануила критскаго, извѣстныхъ противниковъ уніи. Оба напечатаны въ сборникѣ Аляція (*Graeciae Orthodoxae. Romae. 1652*, во II-мъ томѣ, отрывки

оть (1) и протоапостоларій Георгій Кипрскій (2). Къ нему же примыкали волей-не-волей всѣ высшіе представители церкви и государства,—все, что было богатаго, знатнаго, чиновнаго,—представители высшей финансовой и чиновной аристократіи, люди, которымъ жаль было разстаться съ обеспеченными и вліятельными положеніями. Къ этой же партіи должно было присоединиться все, что было апатичнаго, коснаго, индифферентнаго къ высшимъ духовнымъ интересамъ, своекорыстнаго, пронырливаго... Словомъ на сторонѣ правительства были и умъ, и власть, и сила, и матеріальныя средства, и всѣ дурныя инстинкты толпы...

Составъ и средства арсеніанской партіи намъ уже извѣстны.

Борьба этихъ партій, при такомъ разнообразіи въ стремленіяхъ, обѣщала быть не совсѣмъ обыкновенною. И дѣйствительно, своимъ лихорадочнымъ одушевленіемъ и неразборчивостью въ средствахъ, она напомнила самыя шумныя времена борьбы ересей IV, V и VI вѣковъ.

Тонъ задавала уніональная партія, за которой, благодаря правительству, было преобладающее положеніе на полѣ битвы.

Ближайшій планъ дѣйствій императора и его партіи былъ основанъ на отношеніи двухъ оппозиціонныхъ

изъ третьяго сочиненія Метохита *Libri V de processione Spiritus sancti*, напечатаны въ сочиненіи *Alaxia de Purgatorio, Combatis Auctar. ad bibliothecam Patrum*; и въ сочин. *Alaxia Adversus Hottingerum*.

(1) Отъ него остались двѣ рчи объ исхожденіи Св. Духа: а) *De ecclesiastica unione Graecorum et Latinorum et de processione Spiritus sancti per Filium Oratio I* (*Graeciae Orthodoxae II*, p. 642—75; б) *De processione Spiritus sancti etiam ex Filio, Oratio II* (I. c., p. 765—941).

(2) По смерти Михаила Палеолога перешедшій на сторону противниковъ умія и возведенный на патриршій престолъ Андроникомъ старшимъ.

партій другъ къ другу. Притворившись равнодушнымъ къ энергической оппозиціи, съ которой была встрѣчена лѳонская унія сторонниками обѣихъ партій и народной массой, онъ повелъ хитрую интригу противъ первыхъ, имѣвшую цѣлью — отвлечь отъ нихъ послѣднюю. При враждебномъ отношеніи партій планъ этотъ обѣщаль, по видимому, благоприятные результаты. И вотъ многочисленные агенты, въ которыхъ византійскій дворъ никогда не встрѣчалъ недостатка, каково бы ни было употребленіе, для котораго они предназначались, — люди безъ совѣсти и убѣжденій, готовые служить всякому дѣлу, лишь бы оно хорошо оплачивалось, — разсѣялись повсюду интриговать всѣхъ и каждаго. Разборчивость въ средствахъ не входила въ программу этихъ людей. Изъ правительственной власти и денегъ они сдѣлали самое широкое употребленіе: „люди бѣдные были подкупасмы щедрыми подарками злонамѣренныхъ...“ „всякое беззаконіе отступниковъ (отъ православія) считалось ни во что“... Оппозиціонныя партіи отвѣчали на интриги правительственной интригами съ своей стороны, и такъ какъ эти интриги приходилось имъ вести въ разныхъ направленіяхъ — и противъ правительства и другъ противъ друга, то легко себѣ вообразить, какая происходила отсюда путаница. Эта путаница увеличивалась еще отъ того, что, — какъ всегда бываетъ при борьбѣ партій, — расплодился шпионы и наушники, злонамѣренно интриговавшіе не угодныхъ имъ — почему либо — людей. Такъ какъ многіе изъ нихъ служили всѣмъ партіямъ, изъ каждой извлекая свою выгоду: то сѣтъ интриги раскинулась, наконецъ, по всему государству; трудно было отличать своего отъ чужаго, врага отъ друга; стало тяжело дышать и опасно говорить: „кто,

подъ предлогомъ утвержденія себя въ вѣрѣ, тронулъ бы и поднялъ извѣстный вопросъ, тотъ—охъ какой получилъ бы насморкъ!“ восклицаетъ нашъ историкъ. „Но если, напротивъ, начинали въ чемъ—либо убѣждать его самого,—онъ долженъ былъ слушать скромно, показывая видъ, что дальше лопаты, заступа, да насущнаго хлѣба ничего не знаетъ“... (1). И если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что послѣднія нити этихъ перекрестныхъ интригъ держали въ своихъ рукахъ разные члены императорскаго семейства, — такъ какъ каждая партія имѣла своихъ патроновъ и милостивцевъ при дворѣ, снабжавшихъ ее и матеріальными и моральными средствами для борьбы, — то лихорадочная энергія, одушевлявшая всѣ партіи, будетъ для насъ вполне понятна.

Такъ какъ всѣ три партіи въ сущности употребляли православіе, какъ средство для достиженія своихъ спеціальныхъ цѣлей, отождествляя оное съ личностями своихъ вождей; то лица, не заинтересованныя въ этихъ личностяхъ, составили свою самостоятельную партію, поставившую своею цѣлью защиту одного православія безъ отношенія къ тѣмъ или другимъ его официальнымъ представителямъ. Это послужило сигналомъ къ образованію множества новыхъ партій, которыя, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, или выдѣлялись изъ существовавшихъ уже партій, или сформировывались вновь изъ индифферентной толпы. Словомъ, діонская унія усѣяла восточную имперію драконовыми зубами, изъ которыхъ возникла борьба всѣхъ противъ всѣхъ (2).

(1) Пахм. стр. 370.

(2) Вотъ какъ описываетъ Пахимерь тогдашнее состояніе константинопольской церкви: „съ того времени (со времени провозглашенія діонской унии) церковныя дѣла пришли въ совершенное разстройство,

Тяжеле всѣхъ въ этой перекрестной борьбѣ было положеніе народа, надъ которымъ пробовали свои силы и средства всѣ партіи. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, кого слушать, къ кому пристать. Правительство съ высшею церковною и чиновною іерархіею приглашало его къ униі съ Римомъ; его симпатіи тянули его на сторону ея противниковъ; но эти противники сами раздѣлялись на нѣсколько враждебныхъ лагерей, позорили и интриговали другъ друга... И мудрено ли, что бѣдный народъ шелъ за кѣмъ ни попало — и за іосифитами, и за арсенитами, и за Акакіемъ фригійскимъ (1) и другими темными вожаками...

Это дѣленіе партій, угрожавшее идти въ безконеч-

люди начали чуждаться другъ друга и, между тѣмъ какъ одни желали общенія въ Божественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: „не прикасайся ниже оснжи“, и отчужденіе простиралось до того, что не хотѣли ни изъ одной посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, и съ тѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня. Какъ больной желудкомъ, подвергаясь сверхъ того какойнибудь новой болѣзни, двойнѣ страдаетъ и чувствуетъ, что первая болѣзнь, отъ ея столкновенія съ другою, еще болѣе усиливается, особенно, если онѣ столь различны, что лекарство, служащее къ облегченію первой, дѣйствуетъ на другую противоположно и расслабляетъ больного: такъ точно было тогда и съ церковію Божіею. Претерпѣвая довольно зла отъ раскола арсенитовъ, она испытывала теперь еще другое зло, и притомъ такъ, что обѣ эти болѣзни, терзавшія великое и прежде здоровое тѣло церкви, когда бы стали ты разсматривать ихъ отдѣльно, не только сами по себѣ — величайшее зло, но и несродны одна съ другою. Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій—одни такъ, другіе иначе, одни просто, другіе съ большею ревностію“, стр. 369, 370. Св. Григоры, стр. 119—122, 153—155.

(1) Кто былъ этотъ Акакій фригійскій, равно какъ и его ученикъ Германъ, во главѣ какой партіи они стояли, и чѣмъ эта партія отличалась отъ другихъ, мы не знаемъ. Въ исторіи Пахамера они появляются одинъ только разъ, именно въ собраніи представителей всѣхъ партій,—на которомъ императоръ говорилъ свою приточную рѣчь, убажывая раскольниковъ къ миру съ церковію словами параволики Ихизата (Пахам. стр. 427, 428)—и за тѣмъ исчезаютъ навсегда.

ность и осложненіемъ интриги окончательно запутать внутреннія дѣла имперіи, не могло не озабочивать императора и его патріарха. Но пока борьба ограничивалась внутренними — домашними, такъ сказать, предѣлами, они удерживались отъ радикальныхъ мѣръ, вѣроятно въ предположеніи, что порожденія драконовыхъ зубовъ пожрутъ другъ друга сами. Три года ограничивались они лишь наблюденіемъ за этой борьбой и косвеннымъ заправленіемъ ея, прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ только изрѣдка, въ единичныхъ случаяхъ. Не позволяя себѣ измѣнить этой системѣ и тогда, когда начали появляться анонимныя сочиненія, направленные противъ уни (¹), ни даже тогда, когда фанатизмъ ея противниковъ выразился въ такихъ крайнихъ формахъ, какъ поруганіе святыни православныхъ храмовъ (²).

Но не нужно было обладать даромъ пророчества для того, чтобы предсказать, что игра въ интриги не ограничится внутренними предѣлами имперіи. Она слишкомъ энергично велась, слишкомъ широко раскинулась, слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ интересовъ затронула, слишкомъ много низкихъ страстей разшевелила, слишкомъ много всякой грязи со дна народной жизни подняла, чтобы ограничиться такими тѣсными, сравнительно, предѣлами. Она должна была выйти за эти предѣлы ужъ по тому одному, что виѣшнія отношенія имперіи составляли самое больное мѣсто императора, — ударъ, нанесенный ему съ этой стороны, былъ бы особенно тяжелъ и чувствителенъ для него, — и потому не мы-

(¹) Пахим. стр. 384—385.

(²) Пахим. стр. 227. „Эти люди (противники уни) стали гнущаться и нашими (православными) священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи невзслуживающія никакого уваженія, и чрезъ то препятствовали ходу вѣры“.

слимо, чтобы многочисленные и разнородные противники его устояли противъ искушенія—уязвить его съ этой стороны. Не дремали съ своей стороны и внѣшніе враги имперіи.

Но первый ударъ съ этой стороны былъ нанесенъ императору, не внѣшними, а внутренними врагами, не посторонними, а домашними, не чужими, а родными. Рука, нанесшая ему этотъ ударъ, принадлежала его родной сестрѣ, извѣстной уже намъ Евлогіи.

Въ началѣ 1274 г., когда императоръ, рѣшившись принять участіе въ ліонскомъ соборѣ, объявилъ объ этомъ своему духовенству и настоятельно потребовалъ его согласія на предполагаемую унію, она открыто стала въ ряды оппозиціи и съ тѣхъ поръ принимала близкое участіе во всѣхъ ея дѣйствіяхъ—неоднократно присутствовала на явныхъ и тайныхъ засѣданіяхъ противниковъ уніи и старалась поддерживать ихъ энергію всѣми зависящими отъ нея средствами. Партія іосифитовъ имѣла въ ней самаго энергическаго и дѣятельнаго сочлена (1).

Но не любовь къ православію,—хотя она и старалась выставлять ее единственнымъ мотивомъ своихъ дѣйствій,—не слабость прослыть ученой богословкой—хотя она и не чужда была этой слабости,—не страсть къ интригамъ—хотя съ этой стороны она не знала себѣ соперницы,—а жажда мести заставила ее вступить въ опасную борьбу съ своимъ братомъ, къ которому до сихъ поръ питала такую нѣжную привязанность, для котораго такъ много сдѣлала, и котораго характеръ и принципы ей были извѣстнѣе, чѣмъ кому либо. Эта гордая, злая, властолюбивая женщина считала себя

(1) Пахив., стр. 348—349.

оскорбленною въ своихъ чувствахъ матери и, становясь въ ряды оппозиціи, мстила тѣмъ за поруганныя права своей дочери. Дѣло въ томъ, что за два года предъ тѣмъ—именно въ 1272 году—ея братъ императоръ изъ политическихъ расчетовъ выдалъ дочь ея Марію — съ согласія, впрочемъ, невѣсты и ея матери, — за болгарскаго короля Константина Тиха (1), обѣщавшись уступить за нею, въ видѣ приданнаго, города Месемврію и Анхіалъ (принадлежавшіе прежде болгарамъ). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы; Константинъ потребовалъ городовъ; но императоръ, желая, по его словамъ, почтить этимъ даромъ племянницу въ лицѣ ея потомства, отложилъ передачу ихъ впредь до рожденія Марією сына или дочери. Прошелъ годъ; у Маріи родился сынъ; но императоръ нашелъ какой-то новый предлогъ къ отсрочкѣ, изъ котораго Константинъ и его жена должны были заключать, что онъ и не думалъ уступать обѣщанныхъ городовъ. Ярость обманутой женщины не знала предѣловъ,—она неотступно стала докучать своему мужу просьбами „нарушить мирныя условія съ царемъ, объявить войну и требовать городовъ“ (2), и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока Константинъ въ началѣ 1274 года дѣйствительно не вторгся въ предѣлы имперіи и не овладѣлъ не только Месемврію и Анхіаломъ, но и Агаѳіополемъ, Созополемъ, Костричиномъ и нѣкоторыми другими пограничными крѣпостями.

(1) Того самаго, который раньше былъ женатъ на старшей дочери императора Феодора Ласкариса II Прицъ и часто тревожилъ имперію своими вторженіями въ ея предѣлы, по просьбамъ своей жены, вѣдшей Палеологу за ослабленіе своего брата—Іоанна. Въ 1272 г. она скончалась и императоръ посвѣшилъ связать руки безпокойному сосѣду родственнымъ съ нимъ союзомъ.

(2) Нахим., стр. 316.

Озлобленіе дочери сообщилось и матери, и вотъ въ то время, когда ея зять бралъ одну за другою означенныя крѣпости, она, какъ бы для подкрѣпленія его требованій, объявила своему брату войну на поприщѣ церковномъ. Долго связь между политической интригой племянницы и церковной оппозиціей сестры оставалась тайною для императора, пока, наконецъ, не удалось ему, уже въ 1279 году, овладѣть особою болгарской королевы и разоблачить всѣ нити замѣчательной, по своей смѣлости и обширности, церковно-политической интриги, въ которой мать оказалась столько же замѣшанною, какъ и дочь (1). Старая ин-

(1) Главная роль въ этой интригѣ принадлежала Маріи. Посредниками между обѣими интригантками служили монахи. Узнавая отъ нихъ о „презрѣніи“ императора къ своей матери, Марія „старалась сдѣлать ему столько же зла, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ женщины“. „Она отправляетъ посольство въ палестину и, чрезъ избраннаго для этой цѣли Иосифа, называемаго также Каваромъ, въ сопровожденіи другихъ, съ одной стороны открываетъ азіискому (іерусалимскому) патріарху все, что соображалъ царь, съ другой—распознаетъ султана къ возстанію за царя (Михаила); такъ чтобы султану оттуда, а болгарамъ отсюда сойтись въ его земляхъ и раззорить ихъ; ибо царь, какъ нарушитель данной Богомъ вѣры, ненавиденъ Ему, и ничто столько не привлекаетъ на людей Его гнѣва, какъ нарушение древле откровеннаго Писанія ученія (Дочь, очевидно, вошла отлично въ роль матери и столь же ловко владѣетъ всеоружіемъ православія). Патріархъ эти рассказы пословъ Маріинныхъ почиталъ очень вѣроятными; потому что подобные слухи доходили до него и отъ другихъ. Стало быть, посольство это, если не смотрѣть на преувеличеніе дѣла, представлялось ему говорившимъ правду, и онъ уже не входилъ въ намѣренія того, отъ кого оно было прислано; даже съ своей стороны удостоверялъ пословъ, что если бы александрійскій (патріархъ) Аванасій и антиохійскій Еввеній пришли къ единомыслию съ царемъ, — онъ будетъ дѣйствовать и одинъ. А что касается султана, то для него болгарское посольство было явленіемъ вовсе неожиданнымъ; да и предшествовавшіе ему правители Египта не выдвигали подобнаго. Притомъ народъ болгарскій не пользовался такою славой, чтобы можно было возводить его на степень государства. По этому послы показались султану подозрительными, и онъ отпустилъ ихъ молча“. Пахля, стр. 305—306.

тригантика Евлогія поплатилась заключеніемъ въ крѣ-
пость (1).

Примѣръ сестры и племянницы императора поощри-
тельно подѣйствовалъ и на другихъ его противниковъ.
И вотъ одни изъ нихъ спѣшили завязать сношенія съ
его политическими врагами, другіе — поссорить его
съ политическими друзьями и союзниками; первые, въ
сопровожденіи многочисленной толпы, бѣжали къ деспоту
эпирскому, владѣтелю (Дуксу) Патрасскому, Севастокра-
тору, Іоанну Батардѣ, императору Трапезундскому (2)
и др. съ предложеніемъ своихъ услугъ; послѣдніе дали
понять папѣ чрезъ его агентовъ, что миръ церковей
(провозглашенный ліонской уніей) есть ничто иное,
какъ забавная шутка. И когда происки тѣхъ и другихъ
не замедлили увѣнчаться успѣхомъ, когда севастокра-
торъ Іоаннъ взялся за оружіе, чтобы, пользуясь внут-
ренними затрудненіями имперіи, увеличить на ея счетъ

Между тѣмъ предположеніе іерусалимскаго патріарха о томъ, что
патріархи александрійскій и антиохійскій войдутъ въ единомысліе съ
царемъ, до извѣстной степени оправдалось. Антиохійскій патріархъ въ
это время искалъ убѣжища въ Константинополѣ отъ преслѣдованій
армянскаго царя и ему было не до комплотовъ противъ императора,
радушно предложившаго ему свое гостепріимство и защиту. Въ подоб-
номъ же положеніи находился и александрійскій патріархъ: „Взошедши
на престолъ уже послѣ описанныхъ выше событій (т. е. сопровождав-
шихъ введеніе уніи, — что впрочемъ несправедливо, такъ какъ Афанасій
взошелъ на александрійскій патріаршій престолъ въ 1270 г. и слѣд.
еще до формальнаго провозглашенія уніи), онъ не хотѣлъ пересмат-
ривать то, что состоялось прежде, и, почитая это дѣломъ къ себѣ не
относящимся, былъ спокоенъ. Спрашивать его — не спрашивали; а самъ
онъ извѣщалъ себя тѣмъ, что, живя между безбожниками и перенося
много оскорбленій, прибѣгалъ къ царю, будто въ пристань, и потому,
узнавъ о новыхъ постановленіяхъ церкви, считалъ нужнымъ молчать“.
Пахн. стр. 397.

Но и іерусалимскій патріархъ, не смотря на свою похвалю, ровно
ничего не сдѣлалъ.

(1) Pachym. Andronicus Palaeol. lib. 1, c. 2, p. 12, ed. Venet.

(2) Григор., стр. 121.

свои владѣнія, когда императоръ Трапезундскій и деспотъ эпирскій, подъ предлогомъ защиты православія, стали явно поддерживать и поощрять эмиграцію, когда, наконецъ, папа прислалъ въ 1279 г. посольство въ Константинополь съ порученіемъ „освѣдомиться на мѣстѣ, какъ исполняются греческимъ императоромъ обязательства, возложенныя на него уніей“, то императоръ понялъ, что путемъ интригъ не сломить оппозиціи, и что нужно подумать о другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ.

Съ этихъ поръ начинается отчаянная борьба между императоромъ и оппозиціей, борьба, ознаменованная самыми крайними проявленіями жестокости съ одной стороны и фанатизма съ другой, — борьба, окончательно испортившая отношеніе между императоромъ и народомъ, омрачившая послѣдніе годы замѣчательно счастливаго царствованія, отравившая остатокъ жизни императора, разстроившая имперію матеріально и испортившая народонаселеніе морально. Императоръ и его патриархъ обнаружили въ этой борьбѣ необыкновенную дѣятельность, ловкость и энергію, не говоря уже о громадныхъ матеріальныхъ средствахъ, пущенныхъ ими въ ходъ для обезпеченія успѣха. И при всемъ томъ борьба кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ и позоромъ для обоихъ. Какой урокъ для тѣхъ экспериментаторовъ надъ народной жизнью, которые усиливаются навязать народу то, противъ чего возмущаются всѣ его инстинкты и протестуетъ его исторія.

Заплативши послѣднюю дань выжидательной системѣ рѣчью къ вождямъ враждебныхъ партій, прозвучавшей среди такой же зловѣщей тишины, какъ и знаменитая рѣчь его съ дворцоваго балкона по низложеніи Арсенія, императоръ круто повернулъ на болѣе свойственный

его натурѣ и привычкамъ путь насилій. „По волѣ царя, оно (насиліе) употреблено было во многихъ и разнообразныхъ формахъ: лишеніе состоянія, ссылка, тюрьма, ослѣпленіе, бичи, отсѣченіе рукъ,—вообще употреблено было все, чрезъ что только узнають, мужественъ—ли кто, или малодушенъ“ (1). Тюрьмы, крѣпости, острова греческаго Архипелага и Мраморнаго моря, города малоазійскихъ греческихъ областей наполнились заключенными и изгнанными (2). Сотни семействъ были пущены по—міру; сотни людей были изувѣчены на всю жизнь; другія сотни не пережили своего увѣчья.

На ряду съ этими гражданскими казнями шли мѣры церковныя. Патріархъ неумоимо писалъ въ защиту уніи (3), собиралъ соборы (4), отлучалъ отъ церкви.

(1) Григор., стр. 121.

(2) *Kai πάντες φοβάδες, καὶ μεταλλάσαι γυμνάσιον, ὅσοι μὲν πεπώκειτο τὸ τῆς ἀνατροπῆς θέλημα τῆς αἰρέσεως ἐκείνου πόμιν. Καὶ διερχόμενοι μὲν οὐσίαι. Ἐξενοχωροῦντο τὰ δεσποτήσια τῶν πληθει τῶν καταλείψου, καὶ πάντα θορόβη, καὶ ταραχῆς ἐκλήρωθησαν,* говоритъ авторъ жизни патріарха Аѳанасія у Аллїація. Vid. De ecclesiae Occident. et Orient. perpetua consensione. lib. II, c. XV. § VII. col. 759.

(3) До нашего времени сохранились слѣд. сочиненія Векка въ защиту уніи: а) *περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νεωτέρας ἐκκλησιῶν*; б) *τρεῖς συναδικίαι*; γ) *Ἀπολογία*; δ) *Ἐπιτομὴ αἰρέσεως γραφικαί*; ε) *ἡ διαθήκη ἢ ἐπιστολαὶ (τρῖς) πρὸς τὸν Συρδαίαν Θεόδωρον*; ι) *τῶν πρὸς Κωνσταντῖνον* (4 книги); κ) *εἰς τὸν τόμον τοῦ κοπιε κατὰ τῶν νεορανῶν αἰρέσεων αὐτοῦ σχεδιασθεὶς* (λόγοι β); λ) *Ἀντιροτικὰ τῶν ἐπὶ ταῖς περὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος γραφικαῖς χρήσεσιν ἐπιτασιῶν κυρίως Ἀνδρονίκου τοῦ Καματήρου ὀνομαζομένου τῆς βυζαντίας*; μ) *Ἐπιστολὴ πρὸς τὸν Ἀγγλιανὸν κύριον Ἀλέξιον τῆς μεγάλης Ἐκκλησίας δόμονον*. Всѣ эти сочиненія изданы отчасти Аркудіемъ въ его сборникъ подъ названіемъ: *Opuscula aenea theologica*. Romae. MDCXXX, p. 4 — 159; частью Аллїадіемъ въ *Grassiae Orthodoxae*. Romae 1652 t. I, II, частью Лэммеромъ въ *Scriptorium graeciae orthodoxae bibliotheca selecta*. Friburgi Brisgovine. MDCCCLXIV t. I, p. 189—652. Въ сборникъ Лэммера помѣщены первыя шесть изъ поименованныхъ выше сочиненій Векка, и каждому отдѣльному сочиненію предпослано *Monitum*, звакомѣющее читателя съ исторіей и задачей сочиненія. Въ *Monitum*, предпосланномъ всѣмъ вообще сочиненіямъ Векка, помѣщеннымъ къ сборникъ, даются краткія свѣдѣнія о лицѣ и судьбѣ автора.

(4) Пахиц. стр., 441. Въ письмъ Векка къ папѣ Іоанну XIX

Но тѣ и другія мѣры вели къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Апологетическія сочиненія Векка лишь умножали число полемическихъ сочиненій противъ уніи (¹), своимъ крайне раздражительнымъ тономъ ясно показывавшія, что оппозиція ей не только не ослабѣваетъ, но и усиливается. На соборы патріарха его противники отвѣчали соборами, на отлученія — отлученіями (²).

Мѣры императорскія сопровождались еще болѣе печальными результатами. Онѣ увеличили озлобленіе и дерзость противниковъ: „въ обличеніе злоупотребленій властію стала выползать наружу говорливая смѣлость людей свободныхъ: начали появляться сочиненія, направленные уже прямо противъ личности императора (³)“. Внутренняя и виѣшняя интрига приняла болѣе широкіе и злокачественные размѣры. Сдѣлана была попытка поссорить императора съ его патріархомъ (⁴), — что,

отъ 1277 г. (у Ляббея Concilior. t. XI, col. 1033) упоминается о константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ этомъ году подъ предѣдательствомъ Векка и о признаніи на немъ главенства папы всеми присутствующими. Въ XI же томѣ сборника соборовъ Ляббея помѣщены акты другаго константинопольскаго собора, бывшаго въ 1280 г. по поводу зловѣренной порчи одного мѣста въ твореніяхъ св. Григорія Нисскаго. Опрежденіе (*Схизма*) этого собора перепечатано въ сборникѣ Лэмера (р. 411--422).

(¹) Пахим., стр. 384, 440 и 442.

(²) Въ 1278 г. у севастократора Іоанна Батарды, владѣтеля Патръ, былъ церковный соборъ, на которомъ присутствовало 8 епископовъ, нѣсколько игуменовъ и до ста монаховъ, болѣею частію эмигрировавшихъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ имперіи, и произведена была анаѣма на унію и ея приверженцевъ. Vid. Annal. Raynaldi, ad an. 1278, n. 13—14.

(³) Пахим., стр. 454. Онѣ назывались *раслоурѣра* (сочиненія, написанныя противъ царя). Къ сожалѣнію все эти памфлеты впоследствии были сожжены на соборѣ въ Атрумитѣ 1283 г., а они, вѣроятно, объяснили бы намъ многое въ событіяхъ того времени.

(⁴) Пахим., стр. 417. Душею интриги противъ Векка оказался ду-

при ревности къ своей власти со стороны первого (1) и довольно безтактной назойливости со стороны послѣдняго (2), — оказалось вовсе не труднымъ и едва

ховнигъ императорскій, Исаакъ, епископъ ефесскій, который, по словамъ нашего историка, „не имѣлъ причины ненавидѣть патріарха, а только хотѣлъ сдѣлать пріятное державному (которому Веккъ успѣлъ уже надобѣть своею настойчивостью)“.

(1) Корововавши своего сына Андроника и провозгласивши его своимъ соправителемъ въ 1272 г., императоръ сначала велѣлъ было сдѣлать для него жезлъ въ родѣ того, который носилъ самъ олъ. „Но потомъ ему показалось иначе: такъ какъ власть одна, а жезлъ есть символъ власти; то надобно, чтобы и жезлъ былъ одинъ, и жезлъ сына отъиенить“ (Пахим., стр. 294).

Иногда эта ревность къ своей власти выражалась довольно комично. Патріархъ Іосифъ, бывшій уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, ожидая смерти, составилъ духовное завѣщаніе. Обычай и этикетъ требовали, чтобы въ завѣщаніе включена была молитва за царствующаго императора. Молитва была включена, но изъ царскаго титула опущенъ былъ зпитеть *ἅγιος* (святій), „который обыкновенно носили цари муропомазаніи“. Когда завѣщаніе въ такомъ видѣ прислано было къ императору, онъ пришелъ въ негодование и тотчасъ же написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города (Іосифъ жилъ тогда на островѣ Халгъ), чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это случилось, что отъ царскаго его титула отнято слово *ἅγιος*. Не считаетъ ли меня Іосифъ не достойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишеть? Написано было объ этомъ и антиохійскому патріарху Принкипу. Тѣ послали спросить Іосифа о причинѣ, по которой онъ такъ написалъ, и говорили, что спрашиваютъ по желанію царя; а Іосифъ причину этого сложилъ на окружающихъ его монаховъ, и въ доказательство представлялъ другой, точно такой же экземпляръ, только съ прибавленіемъ *святости*. „Объявивъ этотъ подлинный документъ, онъ сказалъ, чтобы сняли съ него копію; но монахи соблазнились пизъ и сообщили ему такой видъ, въ какомъ онъ перешелъ въ руки царя“. Императоръ покаялъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей подозрительности и велѣлъ прекратить это дѣло, показавши видъ, „что дѣлалъ розыски ради смѣха, а не серьезно“ (Пахим., стр. 468—469).

(2) У Пахимера приведено два случая, дающіе понятіе объ этой особенноти въ характерѣ Векка. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ: „однажды въ знойное время лѣта, въ самый полдень, державный, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, сидѣлъ на террасѣ и прохлаждался. Недалеко оттуда, въ сторонѣ, сидѣлъ и патріархъ, ожидая, пока онъ проснется, чтобы тотчасъ подойти къ нему. Наконецъ подошелъ онъ и сталъ ходатайствовать за человека, который, какъ ему сдѣбалось извѣстно, обвинень былъ несправедливо. Но, думая о томъ человекѣ не хорошо, царь

было не повело къ серьёзной размолвкѣ между ними къ великому удовольствію оппозиціи (1). Умножились зловерные толки, дерзость нѣкоторыхъ фанатиковъ дошла до того, что открыто, въ глаза одинъ изъ нихъ

не соглашался помиловать его. Настойчивость съ той и другой стороны была такова, что могла смутить и сторонняго слушателя. Между тѣмъ дѣло не оканчивалось: напротивъ патріархъ, какъ ходатай за правду, разгорался еще большею ревностью и все смѣлѣе приступалъ къ царю съ просьбою; а царь, у котораго непріятное чувство къ защищаемому обратилось уже на защищавшаго, сталъ приходить въ раздраженіе. Одинъ просилъ, а другой не соглашался, тотъ настойчиво умолялъ, а этотъ тѣмъ болѣе ожесточался, первый говорилъ, что обвиняемый несправедливо потерпитъ наказаніе, а послѣдній не обращалъ на это вниманія. Наконецъ патріархъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать рѣшительно, если царь не послушаетъ его, а царь отвѣчалъ, что никакъ не проститъ, чтобы онъ ни дѣлалъ. Тогда іерей вскипѣлъ ревностію, и сказалъ: „что же это? Чѣмъ архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые необходимо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите“. И, сказавъ это, бросилъ смеловъ патріаршей власти—жезлъ, упавшій прямо къ ногамъ царя, а самъ всталъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ. Видя, что это дѣло не ладное, царь всталъ молча; а патріархъ, не смотря на то, что его удерживали, и что многіе, одни за другими, посланные царемъ, просили возвратиться, утѣряя, что царя очень огорчить это,—ничего не слушалъ; но пошелъ пѣшкомъ и зашелъ въ соседній монастырь, показавъ самымъ дѣломъ, какъ была велика ревность его и какъ „не обращалъ онъ вниманія на лицо, когда требовалъ угоднаго Богу“. Пахм., стр. 375—376.

Императоръ потомъ жаловался своимъ приближеннымъ, что „патріархъ часто бываетъ упрямъ, не вѣритъ никакому посреднику и, по своей недоверчивости, требуетъ непрестаннаго свиданія съ нимъ, что пѣходя обезпокоиваемый его добуками, я чувствую то же, что чувствуютъ сытые люди, когда предлагаютъ имъ множество блюдъ. Какъ эти досаждаютъ, когда не могутъ отдѣлаться отъ предлагаемаго, такъ досадно и мнѣ, когда патріархъ ежедневно докладываетъ о множествѣ дѣлъ, и притомъ не на бумагѣ, а лично; такъ что по всякому предмету приходится заводить съ нимъ споръ и съ неудовольствіемъ оскорблять его достоинство отказами; а между тѣмъ дѣла нацываютъ и съ другихъ сторонъ и развлекаютъ вниманіе уха царскаго. Чтобы избѣгнуть такого затрудненія, царю внушилъ избрать изъ семи дней одинъ и назначить его для сношеній съ патріархомъ“. Пахм., стр. 377—378.

(1) Пахм., стр. 420—425.

дерзнулъ назвать его Юліаномъ отступникомъ (1). Лучшие сановники, люди благодѣтельствоваанные императоромъ и даже состоявшіе въ родствѣ съ нимъ, отказывались служить ему (2). Ближайшіе его родные, его сестры, племянники и племянницы строили противъ него и домашніе и политическіе ковы (3). Даже на своего сына и наслѣдника престола Андроника онъ не могъ безусловно положиться (4).

(1) Это былъ монахъ изъ монастыря св. и праведнаго Лазаря, Мелетій, по прозванію святой (*ὁ τῆ ἁγιότητος*); за это ему отрѣзали языкъ. Другой монахъ Галесійскаго монастыря, (вѣроятно, арсенитъ) по имени Галактіонъ, распустилъ молву, будто бы видѣлъ собственными глазами, что императоръ въ свой объездъ восточныхъ провинцій причащался опрѣсноками. Этого лишили зрѣнія. Vid. Pashum. Andronicus Palaeolog. ed. Venet. p. 12—13.

(2) Такъ напр. логоветъ общихъ дѣлъ Константинъ Акрополитъ (сынъ великаго логовста Георгія Акрополита), еще мальчикомъ взятый ко двору и здѣсь получившій воспитаніе вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Андроникомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ императора, и вначерній Феодоръ Музалонъ отказались, по не сочувствію къ уніи, отправиться послами въ Римъ въ 1280 г.,—за что первый изъ нихъ былъ удаленъ отъ двора, а второй, кромя удаленія отъ всѣхъ дѣлъ, былъ жестоко избитъ палками своимъ роднымъ братомъ, по приказанію императора. Пах., стр. 458.

(3) Племянникъ императора Андроникъ Тарханіогъ, старшій сынъ его сестры Марыи, еще въ 1270 г., будучи губернаторомъ адрианопольской провинціи (*Ἄδρια*), подговорилъ татаръ сдѣлать нападеніе на вѣрненную ему провинцію, и, пользуясь происшедшею при семъ суматохою, бѣжалъ вмѣстѣ со своей женой къ тестю своему, владѣтелю патраскому, Іоанну Ангелу—Батардѣ, одному изъ самыхъ беспокойныхъ сосѣдей имперіи. Живя у своего тестя, онъ принималъ потомъ дѣятельное участіе въ его предпріятіяхъ противъ имперіи (Пах., стр. 298). Племянница императора, жена Рауля, старшая дочь Евлогіи, была замѣшана въ интригу своей матери и сестры, королевы болгаркею, и вмѣстѣ съ первою заключена была въ крѣпость св. Григорія въ 1280 г. Pashum. Andron. Palaeol. p. 6.

(4) Андроникъ дѣйствительно держалъ себѣ весьма двусмысленно относительно уніи: писалъ, или по крайней мѣрѣ подписывалъ весьма почтительныя письма къ папѣ, и потомъ по смерти своего отца торжественно объявилъ, что все это онъ дѣлалъ нехотя, исполняя лишь волю отца. Vid. Andron. Palaeol. lib. I, c. II, p. 11—12, lib. VI, c. II, p. 177, см. Пахим., стр. 461—463.

Ожесточеніе оппозиціи въ свою очередь усиливало раздраженіе императора и вызывало его на большія жестокости. Встрѣчая всюду то прямое, то косвенное сопротивленіе и даже противодѣйствіе своимъ планамъ, потерявши вѣру во всѣхъ и все, изстуженный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы, ... такъ что, по словамъ историка-очевидца, „сдѣланное имъ въ послѣдніе годы своей жизни стоило бы описать не чернилами, а слезами“.... Никому не было пощады. Ни знатность рода, ни государственныя заслуги, ни кровное родство съ царствующимъ домомъ, — ничто не спасало отъ его гнѣва (1).

Особенно лютъ былъ гнѣвъ императора на духовныхъ (2) и на монаховъ. Съ искреннимъ или притворнымъ сожалѣніемъ, онъ неоднократно говаривалъ, что, „прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ за враждебное ихъ къ себѣ расположеніе. Монахи въ свою очередь платили ему откровенностью за откровенность:

(1) Изъ многочисленныхъ жертвъ лютой Михаила мы должны назвать здѣсь его близкихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ особъ имперіи, протостратора Андроника Палеолога (родственникъ императора), виночерпца Манупла Раули (зять его сестры Евлогіи), брата его Исаака и родного племянника протостратора Іоанна Палеолога. Всѣ эти знатныя лица послѣ долгихъ томленій въ темницѣ (Пахим., стр. 423—424) и жестокихъ истязаній лишены были зрѣнія (Пахим., стр. 447. Кроме протостратора Андроника, который умеръ раньше въ темницѣ). Всѣмъ этимъ истязаніямъ они подверглись за сопротивленіе уни, но въ то же время они были и ревностными арсенитами. Vid. Andron. Palaeologus. lib. III, c. VII, p. 120 ed. Venet.

Кромѣ поименованныхъ той же участи подверглись еще два арсенита — Лазарь Гаріанита, „человѣкъ достопочтенный“, и монахъ Магарій, „за свое незлобіе и простоту прозванный голубемъ“. Пахим., стр. 451—452. conf. Andronite. Palaeolog. l. IV, c. XXXIII, p. 211.

(2) Пахим., стр. 363, 455.

„они считали дни и часы его жизни, — когда наконецъ отъ него избавятся“ (1).

Всѣ свои жестокости императоръ оправдывалъ государственной необходимостью, приговаривая, что „не хорошо и несправедливо римлянамъ (грекамъ) управляться монашескими уставами, по которымъ преступленіе можно залажживать покаяніемъ“ (2).

Какой злой ироніей надъ нимъ самимъ должны были звучать эти слова!

Глубокіе, неизгладимые слѣды оставила эта ожесточенная борьба, какъ на личномъ характерѣ императора, такъ и на матеріальномъ и нравственномъ бытѣ имперіи. Императоръ сдѣлался мраченъ, крайне раздражителенъ и подозрителенъ (3), боязливъ и суевѣренъ (4). По цѣлымъ недѣлямъ не показывался онъ изъ своего дворца, боясь злого умысла противъ своей

(1) Пахим., стр. 451, 453.

(2) Пахим., стр. 453.

(3) „Царь дошелъ до такой раздражительности, что едва только доносили ему, что такой-то возмутился, за доносомъ тотчасъ же слѣдовала казнь: онъ вѣрилъ всякому, кто ни говорилъ, основываясь на подозрѣніяхъ, будто на достаточныхъ свидѣтельствахъ противъ (своихъ) поданныхъ“. Пахим., стр. 452.

(4) Одинъ тогдашній ученый, по имени Георгій Пахомій лишенъ былъ зрѣнія между прочимъ (формально осудили его за связь съ стратигопуломъ Михайломъ, заподозрѣннымъ въ домогательствѣ престола, — подозрѣніе основано было на ночныхъ бесѣдахъ его съ Пахоміемъ, какъ оказалось послѣ, имѣвшихъ чисто ученый характеръ; за свое имя, которое наводило на царя суевѣрный страхъ, и „о которомъ онъ слышалъ, какъ о магическомъ... такъ какъ оно содержало въ себѣ что-то злое, имя выразилось какое-то соответствующее ему *прорицаніе*. Итакъ желая избѣжать *предопредѣлений рока*, царь отдалъ приказъ ослѣпить этого человека. И вотъ тогда какъ Пахомій на своей родинѣ въ Македоніи, гдѣ давно ожидали его, былъ уже оплаканъ, какъ умершій, этотъ слѣпецъ бродилъ между людьми и возбуждалъ въ нихъ не столько жалость, сколько удивленіе, неужели и такіе люди могли подвергнуться подозрѣнію въ посягательствѣ на царствованіе“. Пахим., стр. 451.

особы; еще рѣже показывался онъ въ провинціяхъ; восточныя же провинціи за послѣдніе 3 года его жизни видѣли его только разъ и то не задолго до смерти.

Не порадовали онъ его въ этотъ послѣдній, какъ бы прощальный, объѣздъ ихъ. Мѣстности, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, во дни блаженной памяти Ласкариса младшаго, находившіяся въ цвѣтушемъ состояніи, сдѣлались неузнаваемыми,—онъ оказались до того раззоренными и опустошенными, что изъ очей императора невольно полились горькія слезы.

И тѣмъ горчѣе должны были быть эти позднія слезы, что жалкое зрѣлище, ихъ вызвавшее, было подготовлено не врагами императора, а людьми, выдававшими себя за его вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, пользовавшихся его полнымъ довѣріемъ. Это были губернаторы провинцій. Пользуясь печальнымъ недоразумѣніемъ между императоромъ и его народомъ, предполагая (что оказалось и справедливымъ), что, при постоянно возрастающемъ озлобленіи съ той и другой стороны, императоръ не посмѣетъ предпринять путешествія для обзора этихъ провинцій, переполненныхъ политическими и церковными агитаторами и ссыльными, они присвоивали себѣ деньги, предназначаемыя на содержаніе войскъ и укрѣпленій, продавали врагамъ имперіи ея тайны, позволяли себѣ возмутительныя насилія и самоуправство съ жителями, ввѣренными ихъ охранѣ и попеченію, и, чтобы скрыть свои безчестныя дѣйствія отъ императора, усыпить его бдительность, присылали самыя успокоительныя донесенія о благосостояніи провинцій, имъ ввѣренныхъ (1), и, вѣроятно,

(1) Пахм., стр. 464.
Христ. Чт. № 12.

не одинъ изъ нихъ прибѣгалъ къ способу племянника императорскаго, Андроника Тарханіота — накликалъ толпы татаръ, или сельджуковъ на ввѣренную себѣ провинцію, и, среди произведенной ими суматохи, скрывался вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ за границу. Не одиѣ восточныя провинці находились въ такомъ плачевномъ состояніи. Не много было лучше и состояніе западныхъ (европейскихъ) и особенно пограничныхъ съ Болгаріей и Фессаліей. Благодаря постояннымъ эмиграціямъ и почти непрерывнымъ войнамъ съ болгарами, лазами и съ севастократоромъ Батардою, многолюдные цѣюгда города обезлюдѣли, богатныя и цвѣтуція селенія опустѣли, поля и виноградники заросли сорными травами и дикими кустарниками. И среди этихъ пустырей бродили толпы лохмотниковъ, нищихъ, калѣкъ, монаховъ и монахинь, своими зловѣщими фигурами и рѣчами придававшихъ печальной картинѣ еще болѣе печальный видъ.

А кто исчислитъ и опредѣлитъ громадную сумму нравственнаго зла, порожденнаго разнузданностью грубыхъ инстинктовъ и страстей, развивавшихся и изощравшихся въ темныхъ ухищреніяхъ всякаго рода для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей? Чѣмъ ожесточеннѣе была борьба партій, тѣмъ громаднѣе должна была быть сумма мелкихъ и крупныхъ интригъ, происковъ, лжи, коварства, измѣнъ, доносовъ, большихъ и малыхъ преступленій, неизбежно соединенныхъ съ борьбами такого рода, такъ что, соображая печальныя послѣдствія этой несчастной борьбы для народной нравственности, невольно соглашаешься съ суровымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ внутренней политикой

Михайла Финлеемъ, — дѣйствительно „онъ испортилъ свой народъ“ (1).

И теперь, проливая горькія слезы надъ опустошенными провинціями, проклиная безчестныхъ правителей, встрѣчая повсюду недоброжелательство, измѣну, коварство, онъ пожиналъ плоды горькихъ плевелъ, посвященныхъ его собственной державной рукой.

Вотъ чѣмъ разрѣшились никейскіе праздники, сулившіе возстановленіе древнихъ свободныхъ учрежденій и возвращеніе на землю золотого вѣка, подъ скипетромъ державнаго Палеолога.

Правы были вы, темные предвѣщатели (2)!

Но худшее было еще впереди. Вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что раззорилъ и испортилъ свой народъ *напрасно*. Папа Мартинъ IV, по вступленіи на престолъ въ 1281 г., вмѣсто отвѣта на дружеское привѣтствіе императора, прислалъ ему анаемому за неискренность отношеній къ уни.

Вѣсть о новомъ вторженіи севастократора Іоанна въ предѣлы имперіи, полученная вслѣдъ за тѣмъ, была уже излишней жестокостью со стороны судьбы.

Собравши послѣднія, надломленные уже тяжелой борьбой, силы, онъ отправился въ опустошаемыя неугомоннымъ врагомъ провинціи для отпора ему; но дни его были сочтены. Неумолимая смерть шла по его пятамъ, и 11 декабря 1282 г. не стало основателя династїи Палеологовъ.

За нѣсколько минутъ до смерти онъ спросилъ ок-

(1) History of the byzantine and greek empires. Edinburg and London. 1854, p. 463.

(2) Сх. Пахям., стр. 95—96.

ружавшихъ: „какъ называется мѣстность, на которой мы находимся?“ „Пахоміева“ — былъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ „думая избѣжать опредѣленій рока, царь, однако же, не избѣжалъ ихъ,“ замѣчаетъ нашъ историкъ (1).

Пигмеи сломили исполина и готовились признать свою побѣду на его одинокой могилѣ.

(Продолженіе будетъ)

И. Троицкій.

(1) Пахим., стр. 451

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 579-645.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Изъ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ (*))

III

Со смертію Михаила положеніе дѣлъ и партій въ имперіи перемѣнилось.

Эта перемѣна обусловливалась сколько характеромъ и наклонностями новаго государя, столько же и обстоятельствами, сопровождавшими вступленіе его на престолъ.

Сынъ и преемникъ Михаила, Андроникъ Палеологъ старшій (1282—1328), не былъ приготовленъ къ царствованію ни природою, ни отцемъ своимъ. Природа, передавшая ему, можетъ быть, съ излишнею полнотою все слабости и недостатки его отца, не передала ему ни одного изъ его достоинствъ. Это была натура вялая, слабая, не рѣшительная, крайне мнительная и суевѣрная, не лишенная простаго житейскаго благоразумія, умѣющаго схватить связь между ближайшими причинами и слѣдствіями, но крайне близорукая и вовсе обдѣленная политическимъ смыс-

*) См. Христ. Чтеніе за 1869 г. ноябрь и декабрь.

Хр. Чт. № 4. 1871 года.

ломъ и тактомъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно того, какого рода воспитаніе дано было Михаиломъ наслѣднику своего престола; но, судя по вкусамъ и привычкамъ, обнаруженнымъ Андроникомъ во время своего царствованія, склоняемся къ мысли, что оно скорѣе соответствовало его природнымъ свойствамъ и наклонностямъ, чѣмъ его будущей роли правителя. Андроникъ любилъ выставлать на видъ свои познанія въ тогдашней школьной «мудрости», любилъ составлять и произносить витіеватыя рѣчи, любилъ окружать себя людьми, знавшими толкъ въ этихъ рѣчахъ и умѣвшими цѣнить ихъ, любилъ говорить съ этими «питомцами мудрости» объ астрономіи, о небесныхъ свѣтилахъ, о движеніи звѣздъ блуждающихъ и не блуждающихъ (¹);—еще болѣе любилъ онъ казаться знатокомъ «божественной мудрости»,—любилъ говорить «о вещахъ божественныхъ», устроить богословскіе диспуты, церковныя процессіи и соборы, принимать въ тѣхъ, и другихъ, и третьихъ, самое живое и дѣятельное участіе. Его дворецъ во всякое время дня и ночи былъ открытъ для всѣхъ «ревнителей вѣры и благочестія», и особенно изъ иноческаго званія. Бесѣды съ людьми этого рода были пріятнѣе для Андроника и сна и пищи... Но за то къ военному дѣлу онъ чувствовалъ положительное отвращеніе; не чувствовалъ также охоты и къ дѣламъ гражданскаго управленія. Да нѣгдѣ было ему развить и вкуса къ дѣламъ этого рода. Правда, девять лѣтъ ужъ носилъ онъ званіе соправителя своего отца (²), но не принималъ близкаго участія—ни вообще въ дѣлахъ прав-

(¹) Григор., стр. 359.

(²) Съ 1273 г. см. Пахим., стр. 293.

ленія, ни вчастности въ какой либо отдѣльной его отрасли военной или гражданской. Покойный императоръ былъ крайне ревнивъ къ своей власти и вслѣдствіе этого ограничилъ царственную роль своего сына—соправителя однимъ подписомъ текущихъ бумагъ и то безъ права выставлять на нихъ годъ и число мѣсяца,—безъ чего онѣ никакой силы не имѣли,—предоставивши это право себѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы ни одна бумага, подписанная соправителемъ, не прошла мимо его рукъ (1). Этимъ же подписомъ ограничивалось участіе соправителя и въ сношеніяхъ съ иностранными дворами и государствами. Гдѣ же было ему набраться государственной мудрости и опытности? Словомъ—Андроникъ и созданъ былъ и готовился быть кабинетнымъ ученымъ, или монахомъ, но ни чуть не государемъ.

Притомъ, въ минуту смерти отца ему было лишь съ небольшимъ 24 года (2). Между тѣмъ обстоятель-

(1) Пахим., стр. 294. Впрочемъ, есть основаніе думать, что не по одной только ревности къ своей власти Михаилъ ограничилъ царственную роль своего первенца-соправителя такими скромными размѣрами, а и потому, что считалъ его неспособнымъ къ болѣе видной и широкой роли, до того неспособнымъ, что подумывалъ даже о передачѣ своей власти второму своему сыну Константину, болѣе отвѣчавшему его желаніямъ и надеждамъ (см. Григор., стр. 779—180), хотя самъ Андроникъ передавалъ советамъ иначе мнѣніе своего отца о своихъ административныхъ способностяхъ. Но кто-жь себѣ врагъ?

(2) Vid. Rasinum Andronicus Palaeologus lib. 1, c. 1 p. 12. ed. Bonn. 1835. Григора даетъ ему двумя годами меньше (см. Григор., стр. 160); но мы считаемъ показаніе Пахимера болѣе вѣрнымъ: а) потому, что Пахимерьъ былъ современникомъ и рожденія Андроника и смерти Михаила, тогда какъ Григора родился 12—13 лѣтъ спустя послѣ смерти Михаила (см. Григор., стр. 320); б) потому, что его показаніе совершенно согласно съ показаніемъ втораго современнаго писателя Акрополита (см. лѣтопись Великаго Логоета Георгія Акрополита по русск. перев. (Спб. 1863), стр. 222. См. Пахим. царствованіе Михаила Палеолога. стр. 147, 153), и в) потому, что согласно съ показаніемъ

ства сложились такъ серьезно, что не вдругъ нашелся бы опредѣлить свое къ нимъ отношеніе и болѣе опытный, ловкій и энергическій человекъ. Андроникъ очутился буквально между двухъ огней: съ одной стороны вспомогательный татарскій отрядъ, присланный по просьбѣ покойнаго императора зятемъ его Ногаемъ для совокупнаго дѣйствованія противъ безпокойнаго Батарды, и оказавшійся не нужнымъ за смертію Михаила, требовать или битвы или денегъ; съ другой—отрядъ греческаго войска, слишкомъ недостаточный для того, чтобы внушить должное уваженіе къ особѣ молодаго государя татарскимъ союзникамъ, былъ болѣе, чѣмъ достаточенъ для того, чтобы внушить серьезные опасенія самому молодому государю своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ личности и дѣлу его отца. И во главѣ этого отряда стоялъ вліятельнѣйшій вельможа тогдашняго времени, великій логоуетъ Феодоръ Музалонъ, тотъ самый, который былъ избитъ палками, по приказанію покойнаго императора, своимъ роднымъ братомъ за отказъ ѣхать посломъ въ Римъ въ 1280 году. Гордый вельможа склонился тогда предъ силою неотразимыхъ обстоятельствъ и къ концу жизни Михаила успѣлъ приобрести его благосклонность на столько, что былъ почтенъ важнымъ саномъ великаго логоуета (1). Но никто, конечно, не вѣрилъ

самаго Григоры объ общемъ количествѣ лѣтъ, прожитыхъ Андроникомъ (см. Григор., стр. 138). Исключены 74 года, прожитыхъ, по словамъ Григоры, Андроникомъ, изъ 1332 (годъ его смерти), получая 1258 (годъ его рожденія по Ак, опчелгу и Пахамеру), а исключивши 1258 изъ 1282 (годъ смерти Михаила), получимъ 24-хъ лѣтній возрастъ, въ которомъ находится въ это время Андроникъ, по словамъ Пахамера.

(1) Въ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ въ жизни Музалона Пахамеръ: «когда же у него время отправитъ посольство въ Римъ,

въ искренность его примиренія съ покойникомъ, и еще менѣе въ искренность примиренія съ унией. Теперь онъ могъ жестоко отомстить за себя наследнику Михаилу, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ... Союзники весьма легко нашлись бы между тѣми же приближенными Михаила, окружавшими теперь его бездыханный трупъ (1). Конечно, не одинъ Музалонъ былъ вынужденъ къ примиренію съ унией логикой паловъ.

Андроникъ очень хорошо зналъ это, — сознавалъ и то, что ему не подъ силу отстаивать память и дѣло своего отца: для этого нужно было имѣть его умъ, энергію и опытность, — а онъ не имѣлъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Съ его же собственными духовными задатками и въ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ

державный, оставивъ въ покоѣ другихъ, для испытанія, думаю, сталъ возлагать дѣло посольства больше на него. Однакожь, сколько ни приказывалъ онъ, не добился отъ него никакого знака согласія, какъ будто говорилъ глухому, или указывалъ что либо слѣпому. Причина отказа (отвращеніе къ униі) царю не была не известна, — и онъ какъ ни сдерживалъ свой гнѣвъ, наконецъ, не могши болѣе владѣть собою, приказалъ другому Музалону, который былъ при царѣ въ качествѣ докладчика и получилъ эту должность при посредствѣ брата, — долго и жестоко бить его, такъ что находявшіяся въ рукахъ его палка не могла удовлетворить гнѣву царя, и, отъ многократныхъ ударовъ сложившись, отказалась служить и потребовала другой, которая бы докончила ея дѣло. Но и этимъ тогда не ограничилось его наказаніе; царь удалялъ его отъ своего лица и не замедлялъ устранить отъ участія въ управленіи государственными дѣлами. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ презрѣніи и приобреталъ необходимое грудями рукъ своихъ, пока не только не согласился на миръ (унию), но и готовъ былъ дѣлать еще больше, если царь прикажетъ. Довольный такою его перемѣною... онъ опять принялъ его къ дѣламъ и приказалъ твердо стоять въ своихъ мысляхъ. Пахия. стр. 257—259.

(1) По крайней мѣрѣ, многіе изъ этихъ приближенныхъ не затруднились поддержать совѣтъ, данный Музалономъ Андронику, относительно похоронъ его отца (Pachym. Andron. Palaeologas, lib 1, c. 1 p. 12, ed. Вон. 1855), совѣтъ явно неприявленный покойному.

находился, ничего не оставалось больше дѣлать, какъ броситься въ объятія Музалона и поручить ему и честь своего отца и свою собственную участь и будущее своего царства. Онъ такъ и сдѣлалъ (1).

Музалонъ дѣйствительно его выручилъ. Онъ помогъ ему отдѣлаться и отъ татарскаго отряда и отъ трупа своего отца. Первому дано было порученіе казнить ни душою, ни тѣломъ неповинныхъ Тривалловъ (2), второй былъ спрятанъ въ надежное мѣсто впредь до усмотрѣнія (3).

(1) Pashum. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 1. p. 12.

(2) Pashum. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 1. p. 11, 12. Григор., стр. 150--151.

(3) Впрочемъ, мы должны здѣсь оговориться, что возстановить фактъ погребенія Михаила въ дѣйствительныхъ его подробностяхъ и въ его смыслѣ не легко, вслѣдствіе разнорѣчія въ показаніяхъ историковъ. Пахимерь въ своей исторіи царствованія Михаила Палеолога говоритъ, что «умершаго назначенные для того люди поспѣшно перенесли ночью въ новую, недалеко отсюда находившуюся обитель» (исторія царствованія Михаила Палеолога по русскому переводу, стр. 491); Григора же въ своей римской исторіи увѣряетъ, что присутствовавшій здѣсь (при смерти Михаила) его сынъ, царь Андроникъ, не только не почтилъ своего отца приличнымъ царю погребеніемъ, но *не удостоился* и того, какое предоставляется ремесленникамъ и земледѣльцамъ. Онъ только приказалъ, чтобы нѣсколько человекъ, отнеся тѣло подальше отъ лагеря, зарыли его глубже въ землю; онъ позаботился только о томъ, чтобы тѣло царя не досталось на растерзаніе *вѣрнымъ*» (Григоръ римская исторія по русск. перев., стр. 147). Последнее сказаніе принимаетъ и Франца въ свою хроникку (*Хроника*, ed. Bonn. 1838 p. 24). Разнорѣчіе между обоими сказаніями касается не только подробностей погребенія, сколько его смысла. Сопоставляя сказаніе Пахимера съ другими мѣстами въ его книгѣ, мы должны думать, что Андроникъ, отдавая приказаніе на счетъ погребенія своего отца, руководился желаніемъ скрыть его трупъ отъ оскорбленія со стороны «ревнителей», между тѣмъ какъ, слѣдуя Григорѣ, онъ хотѣлъ выразить этимъ свое «отверженіе къ поступку отца» (принятію уни); и такимъ образомъ, слѣдуя первому, мы должны признать «лишеніе христіанскаго погребенія» моментомъ случайнымъ, обусловленнымъ потребностями минуты, — *средствомъ* для извѣстной предположенной себѣ Андроникомъ цѣли, а слѣдуя последнему, должны признать свое

Развязавшись такимъ образомъ съ ближайшими затрудненіями, Андроникъ, въ сопровожденіи своего

моментомъ существеннымъ, преднамѣреннымъ, — моментомъ, къ которому сводился весь смыслъ рассказаннаго событія, — не средствомъ къ цѣли, а самою *цѣлю*, предположенною Андроникомъ. Сказаніе Григоры со стороны смысла и отчасти фактическихъ подробностей погребенія находятъ для себя подтвержденіе съ одной стороны въ существовавшей тогда на востокѣ погребальной практикѣ относительно лицъ, отлученныхъ отъ церкви, съ другой — въ заявленіяхъ самаго Андроника. Тѣла отлученныхъ отъ церкви въ то время дѣйствительно зарывали въ землю гдѣ нибудь въ пустомъ мѣстѣ вдали отъ жилья и кладбищъ безъ всякихъ церковныхъ молитвословій (см. примѣч. Бонвивана къ цитованному мѣсту Григоры). Андроникъ впоследствии въ оффіціальныхъ документахъ и рѣчахъ указывалъ на «лишеніе своего отца христіанскаго погребенія», какъ на доказательство своей «ревности по благочестію». И при всемъ томъ мы отдаемъ предпочтеніе Пахимеру. Его сказаніе и съ фактической, и экзегетической стороны представляется намъ болѣе вѣрнымъ потому, что оно вполне подтверждается *дѣлами* Андроника, тогда какъ сказаніе Григоры подтверждается только его *словами* и то лишь отчасти. Возьмемъ фактъ погребенія Михаила въ тѣхъ его подробностяхъ, въ которыхъ онъ передается *согласно* обоими историками, и, оставивши въ сторонѣ его несогласное толкованіе, посмотримъ, какъ онъ самъ себя объясняетъ. Историки согласно свидѣтельствуютъ, что погребеніе совершено было *ночью*, совершено было *ночью*, доверено *нѣсколькимъ* лицамъ, приняты были *мѣры къ охраненію* трупа (хотя бы-то и отъ хищныхъ звѣрей, какъ увѣряетъ Григора). (Спрашивается: къ чему было *сплнить* похороны? Къ чему было совершать ихъ *ночью*? Къ чему было набирать для этого *глухой*, безвѣстный монастырь, какъ показываетъ Пахимеръ, или *глухой* мѣсто вообще, какъ свидѣтельствуетъ Григора? Къ чему было *заботиться* еще о *сохраненіи* трупа? Къ чему, спрашивается, все это, если *цѣлю* Андроника при этомъ было выразить *открыто* свое «отвращеніе къ извѣстному поступку отца», какъ утверждаетъ Григора? Не цѣлесообразнѣ ли былъ бы совершенно противоположный образъ дѣйствій? Но разладъ между *словами* и *дѣлами* Андроника на этомъ не останавливается, а идетъ дальше, и, что особенно важно, въ существенныхъ моментахъ *согласно* подтверждается обоими историками. Распорядившись похоронами отца, Андроникъ шлетъ *секретное* предписаніе префекту Константинополя Папилъ «принять всѣ нужныя *мѣры* для поддержанія спокойствія въ городѣ до его прибытія» и *секретное* же извѣщеніе патриарху о смерти отца (Pachym. Andron. Palaeol. p. 13.). Къ чему всѣ эти *предосторожности* и *секреты*, если дѣло шло о заявленіи *Истинной ревности по благочестію*?

ментора Музалона, поспѣвши въ столицу» объявить

Далѣе, по прибытіи въ столицу, Андроникъ налагаетъ на народъ «обычный по царямъ трауръ» и послѣ того ужъ, какъ константинопольскій соборъ въ февралѣ 1283 г. опредѣлялъ лишить усопшаго государя христіанскаго погребенія и поминовенія, онъ, подъ предлогомъ опасности отъ предполагаемаго нашествія каталонцевъ на мѣстность, гдѣ скрыты были смертные останки Михаила, приказываетъ перенести ихъ въ знаменитый Силверійскій монастырь (Рашин. I, с. 37 р. 105—108. Григор., стр. 151) и положить рядомъ съ гробницей героя средне-вѣковой Византіи, императора Василія Болгароктона. Гдѣ же во всемъ этомъ «отвращеніе къ поступку отца» и желаніе покарать его за этотъ поступокъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что если бы Андроникъ и дѣйствительно имѣлъ это «отвращеніе», — въ чемъ позволительно еще сомнѣваться, — если бы даже это «отвращеніе» было такъ велико, что подавило въ немъ естественное чувство любви и признательности къ отцу, то среди обстоятельствъ, въ какихъ онъ находился, онъ не могъ обнять открыто этого чувства, если бы и хотѣлъ. Это значило бы играть въ слишкомъ опасную игру съ фанатизмомъ толпы. Возбудить этотъ фанатизмъ при томъ напряженномъ состояніи, въ какомъ держала его «ревнители» всѣхъ цѣтвовъ и отцѣнковъ, было бы чрезвычайно легко, но чрезвычайно трудно было бы указать его проявленія въ должныя границы. Что если бы онъ, развернувшись подъ такими поощрительными примѣромъ, потребовалъ къ своему суду вмѣстѣ съ умершимъ государемъ и живаго? А это было тѣмъ естественнѣе, что до послѣдней минуты толпа считала ихъ солидарными на пунктѣ отношенія къ униі... Чувство совиѣстной съ отцемъ ответственности предъ своимъ народомъ за унию слишкомъ ясно сквозить въ первыхъ дѣйствіяхъ Андроника по прибытіи въ столицу и не могло поощрять его къ слишкомъ крутому образу дѣйствій не только относительно личности почившаго, но и относительно его дѣла. Самыми особенностями своего положенія между покойнымъ и народомъ онъ вынуждался къ выжидательному образу дѣйствій и дѣйствительно держался его, можетъ быть, даже дольше, чѣмъ слѣдовало... Согласіе сказанія Григоры съ существовавшей тогда на востокѣ погребальной практикой относительно отлученныхъ отъ церкви въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ: а) потому, что императоръ Михаилъ, какъ справедливо замѣтилъ Бювинъ, комментаторъ Григоры, не былъ формально отлученъ отъ церкви за унию съ Римомъ (отлученіе, произнесенное близкими «ревнителями» на соборѣхъ въ Патрахъ подъ поощрительномъ вліяніемъ смертельнаго врага Михаила, севастократора Іоанна Батарды, не могло быть обязательно для Андроника, какъ и не для кого въ имперіи) и б) потому, что это не былъ простой вѣрующій, а императоръ, — а относительно лицъ его подожерія существовала другая практика. Еще менѣе

о смерти своего отца-царя своей матери-государыни

можетъ быть доказываема справедливость сказанія Григоры официальными заявленіями самаго Андроника. Смыслъ этихъ заявленій опредѣляется потребностями положенія. И Григора, въ качествѣ придворнаго ученаго, взысканнаго вниманіемъ и милостыями Андроника (Григор., стр. 313, 319, 333), очевидно, служилъ лишь эхомъ и усерднымъ истолкователемъ и апологетомъ словъ и дѣяній своего государя... Притомъ слова Андроника о лишеніи имъ своего отца христіанскаго погребенія весьма легко могутъ быть отнесены къ опредѣленію константинопольскаго собора, которое Андроникъ утвердилъ своимъ согласіемъ, а не къ первоначальнымъ похоронамъ. Въ виду этихъ фактовъ мы думаемъ, что не «отращеніе къ поступку отца» и не желаніе покарать его за этотъ поступокъ (общій ему съ отцемъ) выражалось въ распоряженіяхъ Андроника относительно похоронъ отца, а опасеніе за него (и, вѣроятно, за себя) и желаніе сохранить его трупъ отъ весьма возможнаго при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился покойный къ своему народу въ послѣдніе годы своей жизни, поруганія надъ нимъ, что «лишеніе христіанскаго погребенія» не было и не могло быть при этомъ *цѣлюю* Андроника, несмотря на увѣренія въ противномъ его усерднаго панегирика Григоры, а было лишь *одною изъ мѣръ предосторожности*, разсчитанною на время впредь до отмѣненія при благопріятныхъ обстоятельствахъ... И если этой мѣрѣ суждено было остановиться и окаменѣть на своей переходной формѣ и принять не свойственный ей смыслъ, и если этотъ смыслъ не только признавъ былъ Андроникомъ, но и объявленъ ею первичнымъ, преднамѣреннымъ смысломъ и остается за нею до сихъ поръ, то это было чистой случайностью, вовсе не входившей въ первоначальный планъ Андроника и только искусственно приуроченной къ дальнѣйшимъ его планамъ. Неестественность *предназначенности* этого смысла въ распоряженіяхъ Андронина относительно похоронъ отца сознаетъ и самъ Григора: возводя эти распоряженія на степень *религіозною повинности*, онъ въ то же время находитъ нужнымъ *оправдывать* его въ этомъ подвигѣ, «впрочемъ, онъ (Андроникъ) питалъ такое отвращеніе не къ отцу, а къ поступку отца, и сыновнею преданностью, почтеніемъ и должнымъ уваженіемъ къ отцу *превозмогъ*, *всѣхъ сыновей*, которые когда либо заслужили отцовскую любовь» (Григор., стр. 148). Падѣмся, что наши читатели оцѣнятъ сами по достоинству эту риторическую *штуку* почтеннаго Григоры.

Вообще же разногласіе въ показаніяхъ Пахимера и Григоры, по нашему мнѣнію, происходитъ оттого, что Григора смѣшалъ въ одно два совершенно отдѣльные факта—первоначальные поспѣшные похороны Михаила и опредѣленіе константинопольскаго собора 1283 г., лишившее его христіанскаго погребенія и поминовенія, и, приписавши доброй волѣ Андроника то, на что онъ вынужденъ былъ согласиться

и положить на народъ обычный по царямъ трауръ ⁽¹⁾. Здѣсь только два человѣка знали о смерти Михаила—патріархъ Іоаннъ Веккъ и префектъ города Папила, извѣщенные секретными письмами Андроника для принятія мѣръ предосторожности на всякій случай ⁽²⁾. Особеннаго рода предосторожность найдено было нужнымъ употребить относительно вдовствующей императрицы. Щадя ея чувства, Андроникъ взялъ на себя лично сообщить ей эту прискорбную вѣсть. Но было и другое основаніе для этой предосторожности, — не показное, а завѣтное. Θεодора, также какъ и ея покойный супругъ, больше любилъ своего втораго сына ⁽³⁾, который находился въ это время въ столицѣ... А въ Византіи, при перемѣнѣ царствованій, бывали всякія комбинаціи. Потому-то найдено было нужнымъ до поры до времени морочить и главу партіи уніонистовъ, патріарха Векка.

Сближеніемъ Андроника съ Музалономъ приговоръ надъ дѣломъ Михаила былъ уже произнесенъ и участь партій была рѣшена. Ревностный Іосифитъ, Музалонъ уже рѣшилъ въ душѣ торжество своей партіи и гибель уніонистовъ съ ненавистнымъ Веккомъ во главѣ; но, какъ человѣкъ крайне осторожный, привыкшій дѣйствовать навѣрняка, онъ не спѣшилъ къ своей цѣли, чтобы тѣмъ вѣрнѣе ея достигнуть. Впрочемъ къ этой медленности и осторожности побуждали его сколько личные расчеты—не желаніе безъ край-

по необходимости, вставилъ его, въ минуту смерти отца, разиграть роль, совершенно не соответствующую ни личнымъ отношеніямъ его къ покойному, ни потребностямъ его положенія.

(1) Григор., стр. 151.

(2) Pashum. lib. 1. c. 1, p. 13.

(3) Pashum. Andron. Palaeol. lib. II c. 29, p. 166. Григ., стр. 179. 197.

лей нужды рисковать своимъ положеніемъ и будущностью своего дѣла, — столько же и мнительность и инертность Андроника, находившія себѣ пищу и отчасти оправданіе въ особенностяхъ его положенія. Что Андроникъ не сочувствовалъ уніональнымъ затѣямъ своего отца, въ этомъ едва ли позволительно сомнѣваться: онъ не могъ имъ сочувствовать ужъ по тому одному, что онѣ были сопряжены съ громаднымъ рискомъ, а Андроникъ былъ квіетистъ въ душѣ и больше всего на свѣтѣ цѣнилъ спокойствіе; — но въ то же время уступая волѣ своего отца онъ присоединился къ нимъ и скрѣпилъ это присоединеніе письменнымъ актомъ. Этотъ актъ сильно тревожилъ Андроника и отнималъ у него и остатокъ микроскопической энергій, отпущенной ему природой. Не могло также не говорить въ немъ и естественное чувство любви къ своему отцу и не побуждать его по возможности щадить его память. Необходимо было также оглядываться и на народъ, чтобы какимъ нибудь необдуманномъ распоряженіемъ не поднять его страстей преждевременно. Могла также въ крайнемъ случаѣ постоять за себя и партія уніонистовъ, конечно не изъ привязанности къ уніи, а по чувству самосохраненія. Все это Музалонъ долженъ былъ брать въ соображеніе и дѣйствовать съ крайней осторожностію.

Чтобы обезпечить себѣ побѣду и надъ инертностію, щекотливостію и опасеніями Андроника, и надъ возможнымъ сопротивленіемъ оппозиціонныхъ партій, Музалонъ успѣшилъ собрать вокругъ себя коринѳеевъ своей партіи и прежде всѣхъ возвратить ко двору главную придворную опору этой партіи, тетку императора, знаменитую Евлогію. Она все еще томилась

въ крѣпости св. Григорія, куда была заключена покойнымъ императоромъ вмѣстѣ съ своей старшею дочерью, женою Рауля, за свою церковно-политическую интригу. Теперь настало и для нея время торжества и мщенія! Немедленно же дано было приказаніе освободить ее изъ заключенія и съ честію препроводить ко двору.

Велѣдъ за Евлогіей очутились въ столицѣ и Галакціонъ Галесійскій и Мелетій «святой».

Андроникъ былъ теперь уже совершенно въ рукахъ Юсифитовъ.

Но коноводы партіи еще медлили рѣшительными мѣрами. По личному ли усмотрѣнію, или по желанію Андроника, они предпочитали до поры до времени играть въ темную съ своими врагами, такъ что по наружности ничего нельзя было замѣтить при дворѣ. Здѣсь, по видимому, ничѣмъ болѣе не занимались, кромѣ скорби по усопшемъ. И обоихъ патріарховъ—какъ Векка, такъ и Юсифа—встрѣчали съ одинаковымъ почетомъ и предупредительностью, когда они явились утѣшать вдовствующую императрицу. Но въ то же время главы Юсифитовъ держали конфиденціальныя совѣщанія у Андроника о средствахъ къ отмѣненію уніи и устраненію Векка съ его партіей, и молодой императоръ проводилъ дни и ночи въ кельѣ Юсифа въ тайнственныхъ переговорахъ о возстановленіи его на престолѣ (1). Между тѣмъ какъ Евлогія, поселившаяся во дворцѣ, какъ какой либо злой демонъ, изливала ядъ родственнаго участія въ растерзанное сердце вдовствующей императрицы, занимая ее разсказами объ адекихъ мученіяхъ, которымъ, по ея

(1) Pachym. lib. 1. c. 3 p. 16.

словамъ, подвергся покойный императоръ за унію съ Римомъ, — (1) и тѣмъ давала предвкушать какъ ей самой, такъ и всѣмъ принимавшимъ унію, чего они могутъ ожидать отъ ревнителей вѣры и благочестія въ родѣ Евлогія.

Понятно, что подобная игра въ жмурки не могла быть продолжительною. И дѣйствительно. лишь только ея двигатели условились окончательно на счетъ плана, которому должно слѣдовать, какъ она немедленно же и разрѣшилась катастрофой для уніи и ея вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ.

Насталъ праздникъ Рождества Христова. По обычаю, издавле установившемуся при Константинопольскомъ дворѣ (2). въ этотъ день долженъ былъ быть высочайшій выходъ въ «великую церковь». Служить долженъ былъ самъ патріархъ. Но Андронику, рѣшившему уже въ интимномъ совѣтѣ съ Іосифитами покончить съ уніей и ея сторонниками, не возможно было принять участія въ Богослуженіи, совершаемомъ главою уніонистовъ, и допустить возношеніе его имени на церковныхъ молитвахъ въ своемъ присутствіи. Это было бы равносильно вступленію съ нимъ въ церковное общеніе. Въ силу этого соображенія высочайшій выходъ въ великую церковь былъ отмѣненъ подъ предлогомъ траура по скончавшемся государѣ (3).

На интимныхъ совѣщаніяхъ по вопросу объ устраненіи уніи нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ подано было мнѣніе, что для этого вполне достаточно

(1) Ibid.

(2) Vid. Constant. Porphyrogen. de ceremoniis aulae Constantinop. c. 2, § 7. 5. 11. ed. Bonn. 1829 Vol. 1.

(3) Pacyum. Andron. Palaeologas lib. 1 c. 3. n. 16.

формальнаго разрыва съ Римомъ; но Галактіонъ и Мелетій, болѣе другихъ пострадавшіе отъ униі, сильно возстали противъ этого мнѣнія и съ своей стороны потребовали, чтобы вновь были освящены всѣ церкви, оскверненные, по ихъ мнѣнію, присутствіемъ въ нихъ латинянъ и латинумудрствующихъ, и чтобы послѣдніе были подвергнуты церковной эпитиміи за общеніе съ первыми (1).

Ихъ мнѣніе одержало верхъ; но прежде приведенія его въ исполненіе положено было немедленно устранить Векка и возстановить на патріаршемъ престолѣ Іосифа. Объявленіе Векку императорскаго повелѣнія объ увольненіи состоялось въ самый же праздникъ Рождества одновременно съ распоряженіемъ объ отпѣвѣ высочайшаго выхода. Оно возложено было на его ближайшаго сподвижника, архидіакона и великаго хартофилакса Константина Мелетниціота. Андроникъ хотѣлъ облечь свою волю въ возможно-мягкую форму. Хартофилаксу поручено было объявить патріарху, что императоръ рѣшился удалить его отъ престола не подъ вліяніемъ какаго либо непріязннаго къ нему чувства, а уступая лишь настоятельной необходимости—водворить, въ самомъ же началѣ своего царствованія, спокойствіе въ имперіи и прекратить соблазнъ и расколъ, возникшіе въ церкви вслѣдствіе устраненія Іосифа отъ патріаршаго престола, что императоръ нисколько не сомнѣвается въ готовности патріарха пожертвовать для блага церкви не только своимъ престоломъ, но и жизнью, и просить его удалиться только на время, и притомъ въ-

(1) Рачум. ІІв. 1. с. 3 р. 17.

рить, что съ потерей патриаршаго престола, онъ не потеряетъ ни его благоволенія, ни уваженія (¹).

Веккъ, по словамъ Пахимера, давно уже тяготившійся патриаршимъ престоломъ и заявлявшій словомъ и дѣломъ готовность уступить его всякому желающему (²), безпрекословно повиновался и попросилъ лишь у императора чрезъ его посланца вооруженнаго конвоя, который проводилъ бы его до монастыря Пречистой Дѣвы (*Παραχράντης*), куда думалъ онъ удалиться. Просьба была мотивирована тѣмъ, что онъ опасается публичнаго оскорбленія со стороны нѣкоторыхъ, неприязненно къ нему расположенныхъ духовныхъ лицъ, на дѣлѣ же ему хотѣлось оправдать себя и въ собственныхъ своихъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ въ томъ, что онъ не бѣжитъ съ своего мѣста, а уступаетъ лишь силѣ (³).

26 декабря вооруженный конвой, согласно изъявленному Веккомъ желанію, проводилъ его до монастыря Паракранты (⁴).

Вечеромъ 31 декабря полуживой патриархъ Іосифъ былъ перенесенъ на носилкахъ въ зданіе патриархіи, при звонѣ колоколовъ, въ сопровожденіи безчисленной толпы народа, сопровождавшей его съ зажженными свѣчами и факелами въ рукахъ и заявлявшей свою радость восклицаніями и рукоплесканіями (⁵).

Вечерню въ этотъ день духовенство великой церкви отиравляло у себя дома (*κατ' ἐαυτοῦς*). На другой же день, т. е. 1 января, обычнаго звона къ утрени не было и духовенство, собравшись по обычаю для слу-

(¹) Pashum. lib. 1. c. 3, p. 15—18.

(²) См. Пахим., стр. 376, 420.

(³) Pashum. lib. 1, c. 4 p. 18, 19.

(⁴) Ibid. 1, c. 4 p. 19.

(⁵) Ibid. lib. 1, c. 5 p. 19.

женія утрени, нашло двери великой церкви запертыми. но, не желая остаться безъ Богослуженія въ такой большой праздникъ, отравило службу на улицѣ предъ церковными дверями и потомъ разошлось по домамъ въ крайнемъ недоумѣннн на счетъ причины этого страннаго распоряженія властей (¹).

Загадка, впрочемъ. скоро разрѣшилась. На разсвѣтъ появилась процессія у великой церкви и принялась освящать сначала наружныя стѣны храма, а потомъ и внутреннія его принадлежности: колонны, портики, иконы, окропляя все это св. водой. Обрядъ освященія совершалъ слѣпой Галактіонъ Галесійскій, котораго водили подъ руки. Это — приводилось въ исполненіе мнѣніе, поданное Галактіономъ и Мелетіемъ на совѣтъ у императора. Толпа зѣвакъ, сбѣжавшаяся поглазѣть на это зрѣлище, смиренно просила окропить и ихъ (²).

Послѣ освященія храма началась расправа съ уніонистами. Они раздѣлены были на двѣ категоріи: къ одной отнесены были духовные, къ другой — міряне. Наказаніе духовныхъ предоставлено было патриарху, наказать мірянъ взяли на себя монахи, принадлежавшіе къ его партіи. Принято было степень епитиміи соразмѣрять съ степенью общенія, въ какое желалъ вступить виновный съ церковію: самую легкую епитимію предположено было налагать на тѣхъ, которые некали общенія въ псалмопѣніяхъ, болѣе тяжелую для тѣхъ, которые желали общенія въ благословенномъ хлѣбѣ (антидорѣ) и, наконецъ, самую тяжелую для искавшихъ общенія въ причащеніи. А

¹ Pachym. p. 13. 20.

(²) Ibid. p. 20.

такъ какъ никакихъ другихъ, болѣе точныхъ указаний и ограниченій для выбора эпитиміи не было дано эпитиматорамъ, то дикій произволь въ наложеніи эпитиміи на виновныхъ, на который нашъ историкъ указываетъ какъ на характеристическую особенность этого импровизованнаго монашескаго суда (1), дѣлается вполнѣ понятнымъ.

Духовныхъ лицъ отсылали для принятія эпитиміи къ патріарху. А такъ какъ патріархъ лежалъ почти безъ движенія, не принимая никакого участія въ совершавшемся вокругъ него, то и здѣсь отъ его имени распоряжались назначеніемъ эпитимій окружавшіе его монахи. Къ духовнымъ лицамъ они были гораздо строже, чѣмъ къ мірянамъ. — эпитиміи на нихъ возлагались самыя тяжкія. Излишне было бы прибавлять, что и здѣсь царль тотъ же произволь въ выборѣ эпитимій, какой и на судѣ надъ мірянами.

Между тѣмъ, великая церковь все еще была закрыта для всѣхъ. Епископы, находившіеся въ столицѣ и, конечно, волей не-волей «согласавшіеся въ догматѣ съ царемъ Михаиломъ» при его жизни и, слѣдовательно, не по должности только, а и лично заинтересованные въ совершавшихся вокругъ ихъ событіяхъ, недоумѣвая, что бы все это значило и чѣмъ все это кончится, собрались въ патріархіи и потребовали себѣ аудіенціи у патріарха. «Ревнители» вынесли къ нимъ въ аудіенць-залу Іосифа, который походилъ скорѣе на трупъ, чѣмъ на живаго человѣка, и одинъ изъ коноводовъ партіи, монахъ Геннадій, обратившись къ собравшимся епископамъ отъ лица патріарха, произнесъ зловѣщимъ голосомъ: «вы со-

(1) Pachum. lib. 1, c. 6. p. 20—21.

вершили тяжкое преступленіе, — попрали святое Евангеліе» (1).

Эта дикая выходка фанатика привела въ смятеніе и ужасъ епископовъ. Они бросились къ полумертвому патріарху, умоляя его сказать имъ, что все это значитъ и дѣйствительно ли по его приказанію все это дѣлается? Іосифъ съ трудомъ могъ произнести отрицательный отвѣтъ и, съ горькимъ упрекомъ взглянувши на самозваннаго истолкователя его мыслей, отпустилъ епископовъ съ обѣщаніемъ, что свою волю объявить имъ письменно.

На другой день дѣйствительно было прочтано въ церкви письменное изложеніе воли патріарха. Всѣмъ духовнымъ лицамъ объявлялось запрещеніе Богослуженія на три мѣсяца, а мірянамъ разныя эпитиміи, смотря по степени участія въ общеніи съ латинянами. Архидіаконы Мелитиніотъ и Метохитъ лишались сана навсегда за то, что, будучи послами въ Римъ, присутствовали при папскомъ Богослуженіи. «Въ такое тяжкое преступленіе вмѣнено было имъ, прибавляетъ нашъ историкъ, присутствіе при латинскомъ Богослуженіи, между тѣмъ какъ самому патріарху не вмѣнили въ преступленіе того, что онъ дозволялъ присутствовать при своемъ Богослуженіи Іоанну Парастроу и Фреріямъ, пріѣзжавшимъ въ Константинополь послами отъ папы» (2).

5 января въ сочельникъ наканунѣ крещенія вечеромъ «ревнители» допустили духовныхъ лицъ «къ общенію въ молитвахъ». Послѣ обычныхъ молитвъ и

(1) Παρηνεὸν ἔχθη: μὲν σφοδρὸν μένος αὐτῶν, παραβέβασται δὲ τὰ ἱερὰ ἐὺχαγγέλιον. Pashum, c. 6, p. 21.

(2) Pashum, c. 6, p. 21, 22.

псалмопѣній приступили къ водосвятію. Духовенство и народъ, греки и латиняне столпились вокругъ церковнаго водоема (*χυρίτης πύλην τῆς ἐκκλησίας*), у всѣхъ, не исключая и латинянь, были въ рукахъ зажженные свѣчи. Священнодѣйствовалъ опять слѣпой Галактіонъ, водимый подъ руки. Присутствовавшіе при этой церемоніи греки, — духовные и міряне, допущенные къ «общенію въ молитвахъ», не могли достаточно надивиться, каковымъ образомъ и для чего очутились при Богослуженіи латиняне, изъ — за которыхъ недавно освящали и церковь, и на нихъ самихъ наложили эпитиміи, — они не вѣрили глазамъ своимъ, считая за сонъ то, что происходило вокругъ нихъ.

Между тѣмъ это былъ не сонъ, а явь. Латиняне дѣйствительно присутствовали при Богослуженіи «ревнителѣй», и притомъ по ихъ собственному приглашенію. А почему «ревнители» пригласили «латинянь» принять участіе въ своемъ Богослуженіи, — они и сами не знали. Они просто потеряли голову, ошалѣли отъ неожиданно доставшейся имъ въ руки власти, дѣйствовали точно въ чадѣ (1). Императоръ, залуганный своей теткой и великимъ логоветомъ и имѣвшій наивность думать, что «ревнители», отметивши за себя униі и унионистамъ, подарятъ его желаннымъ спокойствіемъ и водворятъ миръ и тишину въ церкви

(1) Отлично охарактеризовалъ тогдашнее психическое состояніе «ревнителѣй» Григоръ: «очень многіе изъ нихъ принадлежали къ племени, необразованному и своевольному люду, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотреть въ лицо царю; теперь же, внезапно, и не по заслугамъ, встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пльмне» (Григор. стр. 163—164).

и государствѣ, предоставилъ имъ полную свободу дѣйствій» (1).

Старый патріархъ Іосифъ, знавшій по собственному опыту какъ трудно было противиться волѣ покойнаго императора, который на отказъ принять унію смотрѣлъ какъ на оскорбленіе величества, крайне не одобрялъ суровыхъ мѣръ, принятыхъ «ревнителями» противъ вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ уніи, и совѣтовалъ имъ мѣры кротости и снисхожденія (2).

Но не такъ были настроены «ревнители», чтобы внимать такимъ совѣтамъ. При томъ, оставался еще не наказаннымъ человѣкъ, котораго они считали главнымъ виновникомъ уніи и всѣхъ бѣдствій, отъ нея происшедшихъ, — бывший патріархъ Іоаннъ Веккъ. Онъ сошелъ уже со сцены, удалившись въ монастырь Парахранты; но этого удаленія было мало «ревнителямъ»: они хотѣли суда, позора и положительнаго наказанія.

Встрѣтивши сопротивленіе своимъ видамъ въ Іосифѣ, не видя возможности самолично произвести судъ и расправу надъ павшимъ патріархомъ, такъ какъ были простыми монахами, они вступили въ переговоры съ тѣми самыми епископами, которыхъ за два дня тому назадъ такъ грубо оскорбили, чтобы произвести требуемый судъ и осужденіе посредствомъ ихъ.

На счетъ роли, которую епископамъ пришлось бы играть въ этомъ судѣ, и вѣроятныхъ результатовъ его для нихъ самихъ, мудро было ошибаться. И дѣйствительно, ее отлично понялъ и охарактеризовалъ епископъ адрианопольскій Θεоктистъ, одинъ изъ ум-

(1) Рахум. с. 7 р. 22.

(2) Ibid. р. 23, 24.

нѣйшихъ людей того времени, слѣдующимъ остроумнымъ сравненіемъ: «ревнители думаютъ употребить теперь епископовъ вмѣсто деревянныхъ вертеловъ для того, чтобы поджарить Векка, а потомъ, по минованіи надобности, бросать и ихъ самихъ въ огонь» (1).

Такъ и случилось. Епископы имѣли неосторожность или слабость войти въ виды «ревнителей» и дорого за это заплатились.

Назначенъ былъ день (2) и мѣсто для суда, поставлено два престола—одинъ для патріарха Іосифа, другой для александрійскаго Аѳанасія (издавна жившаго въ Константинополѣ) съ обычными сѣдалищами для епископовъ и другихъ членовъ собора. Престоль Іосифа все время простоялъ празднымъ. По болѣзни, патріархъ не могъ принять участія въ дѣйствіяхъ собора. Его мѣсто занимали «ревнители». На соборъ явились: великій логоѣтъ Музалонъ, протоапостоларій Георгій Кипрскій, великій риторъ Оловоль, возвратившійся за нѣсколько дней предъ тѣмъ изъ монастыря *μεγίστη Λύρα* въ Константинополь, монахъ Θεοδοσίη Сапонополь, бывший нѣкогда протокогаріемъ Михаила Палеолога, и другіе «ревнители». Дѣйствіями собора заправлялъ великій логоѣтъ.

Положено было разсмотрѣть сочиненія, написанныя по вопросу о соединеніи церквей, но не съ мирною цѣлію—хорошее одобрить, а сомнительное отбросить, нѣтъ, «ревнителей» не занималъ вопросъ—

(1) Νῦν μὲν εἰς ἄπτηρον τὴν ἀκρίβειαν (Векка) βραδείας ἐολίνας χροῦνται τοῖς κρίνοισιν, ὕστερον δὲ καὶ αὐτοὶ περὶ θεοῦ καὶ καθήκοντα. Pash. c. 7. p. 25.

(2) По мнѣнію Поссина, соборъ, о которомъ рѣчь, падалъ на одно изъ чиселъ февраля 1283 г. Vid. Observaciones Pashymerianae 1b III. c. II. p. 780.

здравыя или ложныя мысли проводились въ этихъ сочиненіяхъ, — они исключительно имѣли въ виду «соблазнь», произведенный этими сочиненіями, и вслѣдствіе этого, признавали справедливымъ винить писателей за то одно, что они *писали*, безъ всякаго отношенія къ характеру ихъ писаній.

Великій логоѳетъ представилъ собору свою собственную книгу, написанную имъ въ защиту православія (1), съ предложеніемъ сжечь ее тутъ же въ присутствіи собора. Предложеніе было мотивировано тѣмъ, что «хотя она не содержитъ никакого ложнаго ученія, но такъ какъ написана въ бурныя времена церкви и такъ или иначе поддерживала церковныя смуты; то и должна быть предана сожженію».

Предложеніе было единодушно принято и немедленно же приведено въ исполненіе. Въстѣ съ книгой Музалона сожжена была и книга покойнаго великаго логоѳета Георгія Акрополита (2), равно какъ и нѣкоторыя другія сочиненія, касавшіяся спорныхъ вопросовъ.

Бросая въ огонь эти сочиненія, «ревнители» считали нужнымъ для успокоенія своей совѣсти торжественно оговориться, что «они жгутъ не изреченія отцовъ церкви, приводимыя въ этихъ книгахъ, а собственные сочиненія» (3).

(1) Это сочиненіе не дошло до насъ.

(2) Отъ Георгія Акрополита осталось два разсужденія, посвященные вопросу объ исхожденіи св. Духа — Ἀπό τοῦ θεοῦ καὶ τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Πνεύματος. Одно изъ нихъ издано по рукописи московской синодальной библіотеки о. Андроникомъ Димитракопуломъ въ его bibliotheca ecclesiastica graecorum... p. 395--410. Другое остается въ рукописи.

(3) Ἄμψι δὲ καὶ τῷ δεχεῖν περιεχόμενα οἱ τῆς εὐσεβείας, οὐχ ὡς πατέρων ἐδίδου τὰ σωτηριώδη περί, ἀλλ' ὡς ἰδίων οὐ γράμμα. Pashum. c. 8 p. 27.

Все это было прелюдией къ суду надъ злополучнымъ Веккомъ. Великій логоуеть, предавая пламени свою собственную, ни въ чемъ неповинную книгу, подогрѣвалъ лишь «ревность» присутствовавшихъ противъ дѣйствительнаго преступника.

Векка винили не въ «недостаткъ благоразумія» — что поставилъ себѣ въ вину великій логоуеть — а прямо въ ереси». Ему ставили въ преступленіе то, что онъ «дерзнулъ слабымъ человѣческимъ разумомъ углубляться въ смыслъ божественныхъ изреченій, превышающихъ всякое разумѣніе и, водясь предосудительнымъ любопытствомъ, хотѣлъ проникнуть въ божественныя тайны, которыя должно чтить благочестивымъ молчаніемъ» (1).

Вина его состояла въ слѣдующемъ:

«Встрѣтивши у о.о. церкви, разсуждавшихъ о св. Духѣ, изреченіе, что *Духъ святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына* (2), онъ воспользовался этимъ изреченіемъ къ тому, чтобы выставить прибавленіе, сдѣланное латинянами къ символу, какъ нѣчто не важное (*Filioque*)... Но опасаясь, чтобы его не обвинили за это въ дерзости, онъ увѣрялъ съ страшными клятвами, что дѣлаетъ это не для того, чтобы обвинять нашихъ въ какихъ либо погрѣшностяхъ, равно какъ и не для того, чтобы принять мнѣніе латинянъ, какъ лучшее, а единственно для того, чтобы снять наложенное на нихъ пятно ереси, имѣя въ виду оправдывать не италіянцевъ (за это прибавленіе) а тѣхъ, изъ нашихъ, которые вступили въ общеніе съ ними ради возста-

(1) Ibid.; p. 27.

(2) Τὸ ἐκ πατρὸς δι' υἱοῦ τὸ πνεῦμα παρὰ τῶν πατέρων λεγόμενον ἐκπαρέσβηται ἐπὶ τῇ θεολογίᾳ τοῦ πνεύματος. Ibid.

повлелія мира и древняго согласія. Онъ старался также доказать, что предлоги *ἐκ* и *ἐκ* въ изреченіяхъ о.о. церкви, говорящихъ объ исхожденіи Духа Св. отъ (*ἐκ*) Отца чрезъ (*διὰ*) Сына замѣняются одинъ другимъ, какъ въ тѣхъ изреченіяхъ, гдѣ говорится объ исхожденіи Духа Св., такъ и въ тѣхъ, гдѣ говорится о рожденіи Сына. Такъ, по его словамъ, учитъ и «Священное оружехранилище», одобренное церковію (1). Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобы доказать, что и у насъ есть нѣчто подобное сдѣланному латинянами прибавленію къ символу (и тѣмъ сдѣлать это прибавленіе менѣе ненавистнымъ). Наконецъ, чтобы отклонить отъ себя всякій упрекъ, онъ прибавилъ три главы къ опредѣленію (*ἐξου*), читаемому въ недѣлю православія, — именно включилъ анаѹему во 1-хъ тѣмъ, которые Сына считаютъ виновникомъ Духа, во 2-хъ тѣмъ, которые считаютъ Его виновникомъ Духа вмѣстѣ съ Отцемъ, и въ 3-хъ тѣмъ, которые имѣютъ общеніе съ тѣми и другими». Къ этому впрочемъ онъ прибавлялъ, что отнимать отъ предлога *διὰ* всякую тѣнь *причинности*, въ виду многочисленныхъ и точныхъ изреченій о.о. церкви, было бы большою дер-

(1) *Ἐκ τῆς Ὁρθοδόξου* — Богословскій энциклопедическій словарь, составленный по приказанію императора Мануила Комнина (1143—1181), Андроникомъ Канигаромъ, другаріемъ Влглы (*δραγουγγάριος τῆς βίβλας*) и принадлежащій къ той же категоріи богословскихъ сочиненій, къ которой принадлежатъ *Παρολίγα δογματικῆ* Евхимія Зигабена и *Ἐσχαυρος τῆς ἐρδοδοξου πίστεως* Никиты Хоніата. Оно остается до сихъ поръ въ рукописяхъ. Векъ написалъ опроверженіе на толкованіе изреченій отеческихъ, приведенныхъ въ этой книгѣ въ подтвержденіе православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа, помѣщенное въ II-хъ томъ *Glacis Orthofoxae* Аландія, р. 287—521.

зостью (1). Вотъ все, что онъ говорилъ, и что писалъ, и больше ничего (2)».

Но не изъ-за мнимой ереси Векка билнсь «ревнители». Имъ хотѣлось заставитьъ его подчиниться Юсифу, испросить у него прощенье въ томъ, что не только при его жизни занялъ принадлежавшій ему престолъ, но и старался оправдать свой поступокъ въ нарочитыхъ сочиненіяхъ, и наконецъ вынудить у него формальное отреченіе отъ патриаршаго престола (3). Притомъ Евлогія и Музалонъ имѣли особые счеты съ Веккомъ. Они считали его главнымъ виновникомъ опалы, постигшей ихъ въ предшествовавшее царствованіе, и теперь, прикрываясь личиною ревности по благочестію, мстили ему за свою личную обиду.

Желая придать какъ можно больше торжественности суду надъ Веккомъ и еще прежде осужденія подвергнуть публичному позору какъ его самого, такъ и дѣло, котораго онъ являлся защитникомъ, «ревнители» ударили въ набатъ, чтобы собрать звѣвакъ и толпы народа къ мѣсту собора. Это должно было возбудить толки и говоръ въ толпѣ и наэлектризовать ея ненависть къ униі, латинянамъ и ихъ сторонникамъ однимъ видомъ ведомаго къ суду патриарха (4).

На требованіе собора явиться въ его собраніе и дать отчетъ въ своихъ сочиненіяхъ въ защиту латинянъ, Веккъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить этого требованія, такъ какъ народъ, считая его глав-

(1) ... Προβλεπόμενος ἐπὶ ἀναστάσεα τρίτον τὸν ἥτοι δοξάζοντα ἢ αἰτίον ἢ μετὰ τοῦ πατρὸς συναίτιον, τὸν οἶόν τοῦ πνεύματος, ἢ συγκαταλέγειν ἐν γυνώσεα κατὰ δεχόμενον τοῖς οὕτω λέγουσι καὶ δοξάζουσι.

(2) Pashum. с. 9. 27—33.

(3) Pashum. с. 9. р. 33.

(4) Pashum. с. 10. р. 33, 34.

нымъ виновникомъ ненавистной ему уніи, при появленіи его придетъ въ бѣшенство и растерзаетъ его (1).

Вслѣдствіе этого, великій логоуетъ вышелъ къ народу и объявилъ тѣмъ, которые особенно сильно бѣсновались въ ожиданіи расправы съ «еретикомъ», что всякое оскорбленіе словомъ или дѣломъ нанесенное подсудному, будетъ принято императоромъ на свой счетъ и повлечетъ за собою наказаніе, положенное за оскорбленіе величества.

Толпа присмирѣла.

Получивши удостовѣреніе въ своей безопасности, Веккъ явился на соборъ. Судъ надъ нимъ былъ коротокъ. Ему указали послѣднее мѣсто и потребовали, чтобы онъ оправдался въ томъ, что говоритъ и писалъ въ защиту уніи. Веккъ отвѣчалъ: «я писалъ свои сочиненія единственно потому, что того требовали неотразимыя обстоятельства. И такъ какъ эти обстоятельства теперь миновались, то вамъ столько же не своевременно спрашивать меня объ этомъ, сколько мнѣ бесполезно въ этомъ оправдываться. Единственное, что остается рѣшить собору, это слѣдующій вопросъ: такъ какъ въ настоящее время возстановленъ на своемъ престолѣ прежній патріархъ, то что дѣлать съ патріаршимъ саномъ чловѣка, которому навязанъ былъ этотъ санъ противъ его воли его избирателями, и котораго все доселѣ признавали и считали законнымъ патріархомъ?»

Послѣднія слова Векка задѣли за живое весьма многихъ и вызвали цѣлую бурю въ собраніи. Со всѣхъ сторонъ завопили: «скажите, пожалуйста, онъ претен-

(1) Рачум. с. 10. р. 34.

дуетъ на патриаршій санъ, тогда какъ ему нужно еще доказать свое православіе!»

Но заправители дѣла, очень хорошо понимая, что крикомъ и попреками они ничего не добьются отъ Векка, поторопились успокоить своихъ слишкомъ рьяныхъ пособниковъ. Когда тишина была възстановлена, Веккъ, уступая частью убѣжденіямъ, частью угрозамъ своихъ судей, согласился лично извиниться предъ Иосифомъ въ занятіи его престола при его жизни и подписать «покаянную записку», заключающую въ себѣ изложеніе вѣры, направленное противъ тѣхъ пунктовъ латинскаго ученія, которые онъ бралъ (въ извѣстномъ смыслѣ) подъ защиту въ своихъ сочиненіяхъ, и отреченіе отъ патриаршаго престола (1).

(1) «Покаянная записка» (λίβελλος μετὰ ὀμώσεως), подписанная Веккомъ на этомъ соборѣ, сохранилась; она напечатана у Вандурія въ его *Imperium orientale* (по венеціанскому изданію византійскихъ историковъ, томъ XXX, р. 653—654). Мы помѣщаемъ ее здѣсь въ переводѣ: «Поелику, гласить она, во время недавней неудачной попытки возстановить церковный миръ посредствомъ благоразумнаго приспособленія къ обстоятельствамъ (ἐπεισέρ ἐπί τῆ προῳχῆ ἐπισφαλῶς οἰκονομίᾳ τῆς ὁρθῆς ἐκκλησιαστικῆς εἰρηνῆς), случилось мнѣ, въ видахъ приведенія всѣхъ къ этому миру, говорить и писать о церковныхъ догматахъ, и при этомъ употреблять выраженія, несогласныя съ священными и божественными догматами и опасныя (ἐπισφαλῶς ἔχοντα), выраженія, на которыя такъ посмотрѣлъ и сей божественный и священный соборъ (ἄπὸρ οὕτω ἔχοντα καὶ ἡ θεία καὶ ἱερὰ σύνοδος ἐφωράσθη), именно: я говорилъ, что Духъ св. имѣеть Виновникомъ своего исхожденія (ἐκτορεύσεως) Отца и Сына, находя подтвержденіе этой мысли въ изреченіи: «Духъ св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына»,—вслѣдствіе чего оказывалось двѣ причины Духа и отсюда подразумѣвалось два начала (исхожденія) ближайшее и отдаленное ὅθεν καὶ δύο ἀναφίεται τοῦ Πνεύματος ἁγίου, καὶ ἡ προεχὺς καὶ ἡ πορεύσασα ἀρχὴ ἐντεῦθεν ὑποσείτα), и что Сынъ настолько есть виновникъ бытія (ὁπαρξέως) св. Духа, на сколько это заключается въ предлогѣ чрезъ. Такъ какъ всѣ эти выраженія я употреблялъ и въ устныхъ бесѣдахъ и въ сочиненіяхъ, и такъ какъ я, а не другой кто, и говорилъ и писалъ все это, и вромѣ того говорилъ и писалъ, что Отецъ и Сынъ являются (въ актѣ исхожденія) не двумя виновниками, а единымъ виновникомъ Духа св., что онъ (Духъ святой) имѣеть бытіе отъ нихъ (ἐξ ὧν, какъ

Иосифъ, узнавши потомъ объ этомъ насиліи чело-
вѣку, ничѣмъ не погрѣшившему противъ чистоты пра-

отъ одного начала и источника ὡς ἀπὸ μιᾶς ἁρχῆς καὶ πηγῆς ἕνα: τὸ εἶναι); то отъ всего этого, равно какъ и отъ другаго подобнаго—если таковое окажется (въ моихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ), заключающаго въ себѣ тавилъ же неумѣстныя уклоненія отъ догмата, предъ Богомъ и страшными Его ангелами, равно какъ и предъ свѣтъ божественнымъ и священнымъ соборомъ, отъ всего сердца (ἐκ ψυχῆς μέσης), безъ всякаго лукавства и безъ всякой задней мысли (καὶ τοῦ ἄλλα μὲν κρύπτειν, ἄλλα δὲ λέγειν) отвергаюсь, отрицаю все это и отвергаю (ἀποτρέπομαι καὶ ἀπέτω καὶ ἀποβάλλομαι), какъ угрожающее конечной гибелью душъ ὡς εἰς ἐσχάτων ψυχῆς ἐλεσθων φέρουσα). Сердцемъ и устами исповѣдую, какъ издревле исповѣдуетъ святая католическая церковь, и мудрствую подобно ей, о святой Троицѣ, Единомъ Богъ такъ: Отецъ не получилъ бытія ни отъ другаго кого, ни отъ Себя Самаго, а безначаленъ и безвиновенъ; Единородный Сынъ Божій получалъ бытіе отъ Отца посредствомъ рожденія (γεννητῶς), и имѣеть своимъ виновникомъ Отца; относительно Духа св. исповѣдую и вѣрую, что онъ имѣетъ бытіе отъ Бога и Отца посредствомъ исхожденія (ἐκπορεύτῶς), и что Отецъ, по словамъ священныя учителей, есть виновникъ Сына и св. Духа, такъ какъ изреченіе: *Духъ св. исходитъ чрезъ Сына*, вовсе не дѣлаетъ Сына виновникомъ св. Духа, ни самаго по Себѣ, ни вмѣстѣ съ Отцомъ такъ, чтобы Сынъ и Отецъ, по неосновательному представленію некоторыхъ вномыслящихъ, представляли единого виновника и единое начало Духа. Такъ и о семъ мудрствую и молю Бога, да сподобитъ меня такъ мудрствовать и до послѣдняго моего издыханія; равно какъ и относительно всѣхъ другихъ догматовъ быть единомысленнымъ съ святою католическою церковію Божіею, согласно вышеизложенному исповѣданію; говѣхъ же не такъ мудрствующихъ, или живущихъ мудрствовать на будущее время, считаю находящимися внѣ общенія (съ церковью), отверженными, далеко уклонившимися отъ православной вѣры христіанской (ἀνομιωγήτους ἔχω καὶ ἀποβλήτους καὶ πῶρῶ τῆς τῶν χριστιανῶν ἐρθεδοξοῦ πίστεως). Такова моего исповѣданія и вѣры записъ, чрезъ которую предъ всеми признаюсь, свидѣтельствую и лено провозвѣщаю, какъ и содержу еще по Бозѣ благочестіе, и какъ всецѣло пріемлю евангельскіе и отеческіе догматы. А поелику за дерзновеніе, съ каковыми и неразумно дерзнулъ (послѣгнуть) на нѣкоторые изъ выше-реченныхъ божественныхъ догматовъ, я присужденъ къ лишенію архіерейскаго сана святѣйшимъ господнимъ и вселенскимъ патріархомъ, и сущимъ при немъ божественнымъ и священнымъ соборомъ (τῆς περὶ αὐτῶν ἐκκλησίᾳ...), на которомъ присутствуетъ и святѣйшій папа и патріархъ Александріи, тѣ я пріемлю это лишніе, какъ законно и канонически совершившееся, доволенъ (πείρω) имъ, какъ законнымъ и праведнымъ, и никогда не буду пытаться возвратитъ себѣ священство.

вославія, признавъ вынужденное у него отреченіе не законнымъ; такъ какъ оно было противно канонамъ (1).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Веккъ былъ сосланъ, по требованію Іосифитовъ, въ Прузу. Андроникъ, чувствовавшій себя виноватымъ въ двойной измѣнѣ бывшему патріарху, озаботился устроить его здѣсь прилично его высокому положенію (2).

Раздѣлавшись съ Веккомъ, торжествующіе Іосифиты не забыли и о покойномъ императорѣ. Они потребовали, чтобы онъ былъ лишенъ христіанскаго погребенія и поминовенія. Слабый Андроникъ исполнилъ и это требованіе.

Тогда же, вѣроятно, издалъ онъ и пресловутый манифестъ, на который давно подбивали его Музалонъ съ Евлогіей (3), и о которомъ говоритъ Григора,—манифестъ, въ которомъ онъ торжественно отрекался отъ униі, сваливая всю отвѣтственность за нее на своего отца, объявлялъ «исправленіе безпорядковъ, допущенныхъ въ церкви, возвращеніе всѣхъ, за ревность свою о церкви подвергшихся ссылкѣ, и помилованіе испытавшихъ другое какое либо бѣдствіе (4)».

Всѣми этими жертвами онъ надѣялся удовлетворить суровыхъ ревнителей и возстановить желанное спокойствіе въ церкви и имперіи. Но, увы! это были мечты, грезы на яву! замѣчаетъ нашъ историкъ (5).

(1) *Ἐπερ μαζὸν ὕστερον Ἰωσήφ. τὴν ἐπὶ τῆ παρατίθει βίαν ἐρθεσθευόντος, ὡς εἰς κανονικῆς, ἀδίκου ἔχρισεν.* Pashum. I. 1. с. 10. p. 36.

(2) Ibid. p. 33.

(3) Pashum. lib. 1. с. 2. p. 14.

(4) Григор., стр. 152.

(5) Pashum. lib. 1. с. 11 p. 36.

Оказалось, что онъ рассчитывалъ безъ третьяго игрока и потому жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ.

Пока Иосифиты, предводимые Евлогией и Музаломъ, торжествовали свою некрасивую побѣду надъ живыми и мертвыми, вольными и невольными сторонниками уніи, ихъ соперники «по ревности» Арсениты также стягивались со всѣхъ сторонъ къ столицѣ, чтобы принять свою долю участія въ торжествѣ православія и въ «исправленіи безпорядковъ, допущенныхъ въ церкви». Историкъ говоритъ, что самъ императоръ далъ имъ не гласное позволеніе собраться въ столицу, въ надеждѣ примирить ихъ съ церковію. Они группировались вокругъ своихъ старинныхъ милостивцевъ при дворѣ, — извѣстнаго намъ «ревнителя» Іоанна Тарханіота, двоюроднаго брата императорскаго, и его сестеръ — монахинь Θεодосіи и Πιστογονиссы, и если еще не выступали прямо со своей программой «исправленія», то съ одной стороны потому, что не представлялось пока благопріятнаго случая, съ другой потому, что поджидали своего главу Андроника Сардскаго, который почему-то замедлилъ въ своемъ монастырѣ. Такиѳъ со своими «учениками» былъ уже на лицо (1). Вѣроятно здѣсь же были и Мануилъ и Исаакъ Раули, и Іоаннъ Палеологъ, и Дазаръ Гаріанита и Макарій Голубъ (2).

Но не пассивно ждали Арсениты наступленія благопріятнаго момента и прибытія своего вождя для вмѣшательства въ игру, а исподоволь подготавливали константинопольскую публику къ своей будущей роли въ этой игрѣ, — именно: они громко возобновили свое ста-

(1) Ραθυμ. Πβ. 1. с. 12 р. 38.

(2) Сл. Христ. Чтеніе за 1869 г., декабрь, стр. 1013.

ринное обвиненіе противъ Іосифа въ противозаконномъ занятіи патріаршаго престола при жизни несправедливо изложеннаго Арсенія и сказаніе о мнимомъ, или истинномъ отлученіи его Арсеніемъ отъ церкви.

Іосифиты очень хорошо поняли, къ чему клонятся деклараціи Арсенитовъ, тѣмъ болѣе, что не замедлили обнаружиться и слѣдствія этихъ декларацій въ весьма замѣтномъ увеличеніи ихъ сторонниковъ, которые, подобно имъ, стали уклоняться отъ церковнаго общенія съ Іосифомъ и его приверженцами (1). Они поняли, что ихъ непримиримые соперники не только хотятъ лишить ихъ всѣхъ плодовъ, прибрѣтенныхъ ими въ послѣднее время въ награду за свою «ревность» по вѣрѣ, но и привлечь ихъ къ отвѣту не только за ихъ настоящее поведеніе относительно уніонистовъ но и за прошедшее ихъ поведеніе относительно Арсенія и его партіи: поняли, что Арсениты вызываютъ ихъ на борьбу не на животъ, а на смерть, и не на шутку встревожились. Впрочемъ, пока живъ былъ Іосифъ, борьба эта не слишкомъ ихъ затрудняла. Они легко набросили тѣнь подозрѣнія на своихъ недруговъ въ глазахъ императора, выставивши ихъ раскольниками, столь же опасными для единства церкви, сколько и для спокойствія и благосостоянія государства. Но по мѣрѣ того, какъ силы Іосифа унадали и надежда на продолженіе его жизни ослабѣвала, уменьшалась и самоувѣренность Іосифитовъ; между тѣмъ какъ энергія и силы ихъ противниковъ возрасли до

(1) Καὶ τὴν ἐκείνου (Іосифа) κοινότητα μὴ, ὅτι γ' ἐκείνοι (Арсениты) ὁ ἄγος ἐξέκλινον, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς ἐπειθὸν φεύγειν, ὥστε καὶ ὁσμήραι πλείους ἐκείνους προστίθεσθαι κατ' ἐλαίωσιν τῶν πρῶτων πολλοὺς γίνεσθαι. Puchum. c. 12 p. 37.

того, что императоръ увидѣлъ себя въ необходимости считаться съ ними (1).

Наконецъ смерть Іосифа, послѣдовавшая черезъ нѣсколько недѣль послѣ ссылки Векка—именно въ началѣ марта того же 1283 г., совершенно уравнила положеніе и шансы противниковъ (2). Іосифиты, оставшись безъ главы, очутились въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились Арсениты, и должны были вести съ ними борьбу *al pari*.

Которая изъ двухъ партій по праву можетъ считаться истинною представительницею церкви? Вотъ тотъ вопросъ, который раздѣлялъ обѣихъ соперницъ и дѣлалъ примиреніе между ними не возможнымъ.

Каждая изъ нихъ со своей точки зрѣнія смотрѣла на другую, какъ на раскольническую. Іосифиты, считая себя съ Іосифомъ истинными представителями церкви, считали Арсенитовъ злыми и упорными раскольниками, безъ достаточной причины уклоняющимися отъ общенія съ нею. Арсениты въ свою очередь считали себя однихъ истинными представителями церкви, смотрѣли на Іосифитовъ, какъ на сомнище лукавующихъ въ нѣдрахъ истинной церкви, избравшихъ своимъ главою челоуѣка, не только восхитившаго себѣ противо-канонически патріаршій санъ при жизни законнаго патріарха, но и отлученнаго этимъ послѣднимъ отъ общества вѣрующихъ, и слѣдовательно не заслуживающаго не только имени патріарха, но и просто христіанина.

Положеніе ироника между партіями, выступав-

(1) *Ibid.* с. 13. р. 39.

(2) Историки говорятъ, что Іосифъ за нѣсколько дней до смерти формально отказался отъ престола. См. *Rachum. lib. 1. c. 12 p. 37—38.* си. Григор., стр. 154.

шими съ такими радикальными претензіями одна противъ другой, сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Съ той и другой изъ нихъ его связывали нравственныя узы, которыхъ онъ не могъ порвать безъ дальнихъ оцѣнокъ. Съ партіей арсенитовъ связывало его уваженіе къ личности ихъ главы и сознаніе вопіющей несправедливости, ему сдѣланной; съ партіей іосифитовъ — не давнее торжественное возстановленіе іосифа на патріаршемъ престолѣ и коронованіе изъ его рукъ императорскою короною. Это послѣднее обстоятельство особенно озабочивало Андроника. Отрицаніе законности хиротоніи Іосифа казалось ему равносильнымъ отрицанію дѣйствительности его собственной коронаціи (1). Притомъ его ближайшіе родственники и лучшіе совѣтники дѣлились между обѣими партіями. Необходимо было щадить убѣжденія и чувства тѣхъ и другихъ.

Все это наталкивало его на попытку примирить такъ или иначе обѣ партіи, попытку, которую давнымъ давно подсказывала ему его природная склонность къ среднимъ путямъ, къ выжидательному образу дѣйствій. Такъ какъ арсениты вынесли весьма много горькихъ воспоминаній изъ своихъ прежнихъ столкновеній съ іосифитами, которые во дни своего владычества весьма безцеремонно давали чувствовать свою силу своимъ противникамъ; то императоръ, справедливо предполагая, что эти воспоминанія играютъ весьма важную роль въ той ожесточенной оппозиціи, въ которую они выступили теперь противъ іосифитовъ, рѣшился прежде всего ослабить въ нихъ чувство раздраженія и злости противъ своихъ недруговъ и съ

(1) Рачун. с. 13, р. 39.

этою цѣлю открывалъ съ ними личныя конференціи въ своемъ дворцѣ. Посредникомъ въ этихъ конференціяхъ служилъ Іоаннъ Тарханіотъ. Онъ приводилъ къ императору вліятельнѣйшихъ изъ своей партіи и неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ ихъ совѣщаніяхъ. Императоръ принималъ своихъ гостей весьма предупредительно, осыпалъ ихъ ласковыми словами, заботливо освѣдомлялся объ ихъ нуждахъ, спѣшилъ удовлетворить ихъ щедрою рукою, — словомъ, дѣлалъ все возможное, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе, возбудить въ нихъ благодарность и привязанность къ себѣ, успокоить ихъ смятенныя души, смягчить ожесточенныя сердца; но старался избѣгать разговоровъ объ Іосифѣ, чтобы не скомпрометировать своихъ отношеній къ его партіи, съ которою онъ не хотѣлъ и даже не считалъ возможнымъ прервать сношенія по выше изложеннымъ причинамъ.

Арсениты, настроенные своимъ милостивцемъ, вели себя на этихъ совѣщаніяхъ съ такою же выдержанностію и осторожностію, какъ и ихъ царственный собесѣдникъ. Съ признательностію выслушивали отъ него ласковыя слова, съ благодарностію принимали оказываемыя имъ милости; но въ концѣ концовъ рѣшительно объявили, что не хотятъ имѣть ничего общаго съ іосифитами, вызываясь доказать справедливость своего отдѣленія отъ нихъ «судомъ Божиимъ». Съ этою цѣлю они попросили себѣ одну изъ городскихъ церквей, въ которой ни разу не было совершено богослуженіе во время патриаршества Іосифа.

Императоръ склонился на ихъ просьбу и приказалъ передать въ ихъ распоряженіе церковь всѣхъ святыхъ, которая почему-то давнымъ давно оставалась

безъ богослуженія, хотя по своимъ размѣрамъ и богатству украшеній принадлежала къ числу лучшихъ церквей столицы (1). Получивши въ свои руки эту церковь, арсениты открыли въ ней богослуженіе. При этомъ были приняты все мѣры къ тому, чтобы никто не принадлежащій къ ихъ обществу не могъ попасть въ ихъ церковь, своимъ присутствіемъ не осквернилъ бы ее и тѣмъ не помѣшалъ бы совершенію ожидаемаго чуда.

Они надѣялись совершить чудо въ родѣ того, какое совершилось въ Халкидонѣ во время засѣданій IV вселен. собора въ гробницѣ св. великомученицы Евѳиміи Всехвальной, именно:—увѣряли, что свитокъ, въ которомъ они изложатъ причины своего отдѣленія отъ іосифитовъ и который положить въ ногахъ святого, очитится, по ихъ молитвамъ, въ его рукахъ; вслѣдствіе этого они обратились къ императору съ новою просьбою—дать имъ мощи одного изъ святыхъ нетлѣнно почивающихъ въ городѣ, вмѣстѣ съ ракою, въ которой онѣ почиваютъ. Императоръ исполнилъ и эту просьбу и приказалъ передать имъ раку съ мощами св. Іоанна Дамаскина; но во избѣжаніе какого либо подлога съ ихъ стороны, повелѣлъ устроить новую раку, въ которую помѣстились бы мощи святого и вмѣстѣ съ ихъ прежнею ракою, замкнуть эту вторую раку нѣсколькими замками и запечатать нѣсколькими печатями, такъ чтобы никто, будь онъ искуснѣе самого Дедала, не проникъ бы въ нее (2).

(1) Pachym. c. 13, p. 40.

(2) Βασιλεὺς προτάσσει ἐπισκευασθῆναι μὲν ἑτέραν μαζονα θύκην, καὶ σῶμα καὶ θύκην αὐτὴν ἐν ἣ τὸ σῶμα χρητίσθησαν, οὕτω δὲ ταύτην εἶναι τ' εἶναι ἀσφραγισθῆναι καὶ κλεισὶ καὶ σφραγίσαι ὡς μηδὲ τὸν ἐπιτεχνότατον κατὰ Δαίδαλον παρεγγχεῖν μηδ' ἐπιδοῦν δύνασθαι. Pachym. lib. 1. c. 13, p. 41.

Пока всё эти распоряженія приводились въ исполненіе арсениты усердно готовились къ совершенію чуда постомъ и молитвами. Но въ то время, когда все уже было готово, и оставалось лишь приступить къ самому совершенію обѣщаннаго чуда, императоръ вдругъ отмѣнилъ свои распоряженія. Историкъ говоритъ, что причиною этой отмѣны было опасеніе за свою коронацію, которая была бы сильно скомпрометирована въ случаѣ совершенія чуда; но не беретса рѣшить,—самому ли ему пришло въ голову это опасеніе, или другіе ему подсказали. Какъ-бы то ни было, самъ ли Андроникъ, или тѣ, чьимъ интересамъ непосредственно угрожалъ приготовляемый экспериментъ, испугались, какъ бы онъ и на самомъ дѣлѣ не сопровождался тѣми результатами, которыхъ съ такою увѣренностію ожидали смѣлые экспериментаторы, и потому во избѣжаніе вѣщихъ затрудненій, рѣшено было остановить ихъ во время.

Предъ арсенитами эта отмѣна прежнихъ распоряженій была мотивирована тѣмъ, что «время чудесъ въ церкви прошло съ распространеніемъ истинной вѣры, что въ настоящее время для удостовѣренія въ истинѣ достаточно отеческихъ твореній, что когда извѣстный евангельскій богачъ потребовалъ, чтобы кто нибудь изъ мертвыхъ возсталъ для вразумленія его братьевъ, то получилъ въ отвѣтъ, что они имѣютъ Моисея и пророковъ, и пусть ихъ слушаютъ (Лук. 16, 29). По всемъ этимъ соображеніямъ императоръ посовѣтовалъ арсенитамъ смиренно ждать обнаруженія воли Божіей, а не искушать ее дерзновенными вызовами» (1).

(1) Pashum. с. 13, р 41—42.

Неизвѣстно, какъ былъ принятъ этотъ умный совѣтъ арсенитами; но извѣстно, что послѣ этого Андроникъ значительно охладѣлъ къ нимъ и снова обратился къ іосифитамъ, дѣло которыхъ показалось ему теперь болѣе справедливымъ. — что и наводитъ на предположеніе, что опасеніе за коронацію внушено было ему іосифитами.

Но поелику въ его расчеты вовсе не входило отталкивать отъ себя окончательно арсенитовъ, а приобрести ихъ такъ или иначе для церкви, то онъ продолжалъ поддерживать съ ними прежнія сношенія съ цѣлію устроить ихъ соглашеніе съ іосифитами на какомъ нибудь компромиссѣ. Удобный случай къ тому представляло предстоявшее избраніе преемника Іосифу на патриаршемъ престолѣ. Задушевное желаніе обѣихъ партій состояло въ томъ, чтобы занять это мѣсто кѣмъ либо изъ своихъ. Но такъ какъ исполненіе этого желанія въ одностороннемъ интересѣ равнялось бы прямому разрыву съ одной изъ партій, — что, какъ мы сказали, не входило въ виды Андроника, — то онъ рѣшился на среднюю мѣру, — именно задумалъ возвести на это мѣсто такого человѣка, противъ котораго не имѣла бы ничего сказать ни та, ни другая партія, и который бы, по своему уму, опытности и миролюбивому характеру, могъ бы съ успѣхомъ разыграть роль посредника и миротворца между той и другой.

Выборъ его палъ на Георгія кипрскаго. Этотъ человѣкъ казался ему вполне отвѣчающимъ его видамъ, какъ по своимъ талантамъ, характеру и образованію, такъ и потому, что формально не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой партіи. Онъ принад-

лежалъ къ нейтральной партіи Акакія Фригійскаго и его ученика Германа,—партіи, отдѣлявшей догматической вопросъ отъ каноническаго и потому ратовавшей только съ уніонистами и старавшейся ладить какъ съ іосифитами, такъ и съ арсенитами (1). Между тѣмъ, были у него пункты соприкосновенія съ той и другой изъ этихъ двухъ партій: съ партіей іосифитовъ связывало его то, что онъ былъ посвященъ въ протоапостоларіи Іосифомъ; съ партіей арсенитовъ — глубокое уваженіе, которое онъ оказывалъ къ памяти Арсенія. Но какъ устроить избраніе? Если повести его обыкновеннымъ порядкомъ, то, при возбужденіи партій, трудно было рассчитывать, чтобы выборъ палъ на Георгія; съ другой стороны и обойти этотъ порядокъ въ самомъ же началѣ царствованія и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, казалось ему неудобнымъ и потому онъ рѣшился повести дѣло такъ, чтобы и форма была соблюдена и результатъ выборовъ былъ обеспеченъ. Съ этою цѣлью онъ началъ приглашать къ себѣ болѣе вліятельныхъ изъ епископовъ и склонять ихъ въ пользу намѣченнаго имъ кандидата; а такъ какъ въ конечной цѣли имѣлось въ виду достигнуть, при помощи его, соглашенія между двумя враждебными партіями и, слѣдовательно, весьма важно было заручиться и согласіемъ партій на его выборъ, то Андроникъ тотъ же пріёмъ употребилъ и относительно главъ партій. Со стороны арсенитовъ на интимныя совѣщанія къ императору былъ приглашенъ глава

(1) Этими и объясняется, какъ Георгій могъ очутиться въ числѣ „ревнителей-іосифитовъ“ на Константинопольскомъ соборѣ въ февралѣ 1283 г., осудившемъ Векка.

ихъ—монахъ Аванасій, бывшій Андроникъ сардскій. Честолюбивый арсенить самъ имѣлъ виды на патриаршій престолъ; но, уступая представленіямъ императора, согласился помириться на возстановленіи себя въ санъ и правахъ епископа сардскаго и возведеніи въ званіе духовника императорскаго. Будущій патриархъ поспѣшилъ съ своей стороны задобрить суроваго «ревнителя» тѣмъ, что «безъ всякой нужды, а единственно изъ ласкательства и для обезпеченія себѣ его согласія, подошелъ къ нему подъ благословеніе» (1).

Когда такимъ образомъ согласіе важнѣйшихъ избирателей и главъ партій было получено, то результаты избранія не могъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. И дѣйствительно Георгій былъ избранъ въ патриархи соборомъ епископовъ и утвержденъ императоромъ, который, «по установившемуся издревле обычаю, съ царскаго мѣста вручилъ ему пастырскій жезлъ» (2).

Хиротонія новаго патриарха была совершена еще съ большими предосторожностями, чѣмъ хиротонія Іосифа. Въ виду щекотливости партій нужно было отыскать такого епископа, который не только бы не «соглашался въ догматѣ съ царемъ Михаиломъ», но и не принималъ никакого участія въ распрѣ между Арсеніемъ и Іосифомъ. Поиски продолжались недолго. «Немного спустя, случайно ли или, лучше, по устроенію Промысла Божія, прибылъ въ Константинополь посломъ отъ тогдашняго правителя Этоліи, деспота Никифора, епископъ Козилы, и вмѣстѣ съ нимъ при-

(1) Raskum. lib. 14 p. 44.

(2) Григор., стр. 156.

былъ и изъ Македоніи епископъ Девръ, не въ качествѣ посла, а по другой надобности. Оба они соблюли себя отъ сообщества съ тѣми, которые добровольно согласились на догматическую новость; но козильскій епископъ былъ предпочтенъ епископу деврскому. Козильскій епископъ зависѣлъ отъ навпактской митрополіи, а навпактская митрополія — отъ константинопольскаго престола, между тѣмъ, какъ деврскій епископъ былъ подчиненъ престолу первой Юстиніаны. Поэтому козильскій епископъ былъ болѣе пригоденъ къ тому, чтобы послужить настоящимъ нуждамъ, чѣмъ епископъ деврскій» (1).

Въ монастырѣ св. Предтечи найдена была среди виноградниковъ давнымъ-давно заброшенная маленькая церковь. Въ этой церкви епископъ козильскій, въ присутствіи пяти или шести челоувѣкъ, подобно ему соблювшихъ себя отъ «соблазна», постригъ Георгія кипрскаго въ монахи, переименовавъ его въ Григорія, и посвятилъ его изъ чтецовъ въ діаконы. Въ тотъ же день онъ былъ нареченъ и патріархомъ, по вышеизложенному церемонаіалу (2), и «дѣятельно принялся за управленіе дѣлами, которыя хотя и входили въ область патріаршаго права, но могли быть исправляемы и безъ патріаршаго посвященія» (3).

Съ такими же предосторожностями былъ избранъ и рукоположенъ и архіепископъ праклійскій, долженствовавшій, по древнему обычаю, рукоположить Григорія въ патріархи. Григорій, послѣ императорскаго утвержденія, располагавшій уже патріаршими права-

¹(1) Григор., стр. 156.

²(2) Рашун. с. 14, р. 44

³(3) Григор., стр. 156.

ми, нарекъ въ ираклійскіе архіепископы своего духовника Германа, ученика извѣстнаго намъ Акакія фригійскаго, которые, въ качествѣ главъ особой партіи, фигурировали на извѣстномъ собраніи, гдѣ императоръ Михайль Палеологъ старался склонить представителей всѣхъ партій къ миру и соединенію съ церковію словами параволики Ихнилата (1).

Хиротонія Германа была совершена епископомъ Козильскимъ въ храмъ св. Ирины, престолъ которой былъ предварительно вновь освященъ. Чрезъ нѣскольکو дней Германъ рукоположилъ Григорія во священника, а въ Вербное воскресенье, которое въ этомъ году приходилось 11 апрѣля, въ патріарха (2).

«Не лишне будетъ, замѣчаетъ нашъ историкъ, сообщить кое-какія подробности и относительно того, какъ совершена была хиротонія Григорія».

Прежде всего найдено было нужнымъ совершить обрядъ освященія престола Великой церкви (3), въ которой должна была совершиться хиротонія патріарха. Вокругъ будущаго патріарха собрались толпы отщепенцевъ (*οἱ δὲ καὶ τῶν σχιζομένων*),—люди, совершенно незнакомые съ обрядомъ, который собирались совершать, а думавшіе замѣнить недостатокъ знанія «ревностію» Они не только не знакомы были съ чиномъ хиротоніи, но и вообще съ порядками богослуженія, такъ, что настояла опасность опустить что либудь изъ существеннаго. Намѣреніе ихъ состояло

(1) См. Христ. Чтен. За 1869 г. декабрь, стр. 1031.

(2) Pachym. с. 11, р. 42—45. Пасха въ этомъ году была, по вычисленію Посеяна, 18 апрѣля. Vid. Observations Pachymevianae. lib. III. р. 780.

(3) *Ἦνυστο μὲν εὐχαῖς τε καὶ ἀγιάσμασιν ἢ τῆς μεγίστης ἐκκλησίας ἱερά τραπεζῆα.*

въ томъ, чтобы не допустить никого изъ клириковъ великой церкви, кто бы онъ ни былъ, не только принять прямое участіе въ совершеніи хиротоніи, но и просто видѣть ее. Только горькая необходимость заставила ихъ пригласить одного изъ клириковъ, именно великаго епископа, чтобы онъ показывалъ и училъ ихъ, что и какъ нужно было дѣлать. Имъ казалось, что они могутъ дозволить себѣ это маленькое отступленіе, лишь бы соблюдено было все остальное. Для всѣхъ же остальныхъ клириковъ двери были заперты. За дверьми же стоялъ и великій логоѣтъ: хотя никто не запрещалъ ему войти въ церковь, но самъ онъ считалъ себя недостойнымъ присутствовать при совершеніи священнодѣйствія. Помѣстившись поодаль отъ закрытыхъ дверей, онъ стоялъ съ опущенными долу глазами, въ положеніи человѣка, сознающаго свое недостоинство. Приняты были также мѣры и къ тому, чтобы не дать видѣть совершеніе священнодѣйствія съ верхнихъ галлерей, извѣстныхъ подъ именемъ «Катехуменъ» (*Katechumena*), тѣмъ, которыхъ не удержало бы отъ неумѣстнаго любопытства сознаніе своего недостоинства. Когда богослуженіе кое-какъ было совершено и освящены были три хлѣба для употребленія въ первые три дня страстной недѣли (1), патриархъ отправился къ царю, чтобы съ нимъ отпраздновать праздникъ по заведенному обычаю; клирикамъ же снова былъ прегражденъ доступъ къ священнымъ собраніямъ не на основаніи какого либо церковнаго закона, а согласно эпитиміи, наложенной на нихъ патриархомъ

(1) На литургіи преждеосвященныхъ даровъ, которая по церковному уставу въ эти дни обыкновенно совершается.

Иосифомъ. Насталъ второй день (понедѣльникъ); для окружающихъ патріарха храмъ былъ открытъ; для клириковъ же святилище было недоступно. На третій день (вторникъ) то же самое. Когда же насталъ четвертый день, то рѣшились сдѣлать имъ (клирикамъ) нѣкоторое снисхожденіе; но при этомъ возникло разногласіе между ними и клириками (относительно условій, на которыхъ первые хотѣли оказать снисхожденіе послѣднимъ), перешедшее въ оживленный споръ, такъ что въ этомъ спорѣ прошло время, положенное для совершенія литургіи прежде освященныхъ даровъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ порѣшили на томъ, что «ревнители» во главѣ предводимой ими толпы станутъ шпалерами въ два ряда у наружныхъ портиковъ, ведущихъ въ преддверіе храма, а желающіе удостоиться «снисхожденія» пройдутъ между ними въ церковь, кланяясь въ землю на ту и другую сторону и испрашивая себѣ прощенія, и такимъ образомъ сподобятся соприсчисленія къ церкви (τῆς συνεκκλησιαστικῆς). Совершивши въ сумеркахъ вечерню (литургія была опущена, потому-ли, что пропущено было уреченное время, или потому, что не хотѣли еще удостоившихся снисхожденія допустить до участія въ преломленіи хлѣба, какъ оказалось на слѣдующій день), разошлись по своимъ домамъ. Въ великій четвергъ совершена была литургія въ присутствіи удостоенныхъ снисхожденія, но ревнители, желая обмануть ихъ на счетъ освященія (ἀγιάσμων), тайкомъ послали на рынокъ купить хлѣбовъ и, разломивши ихъ на мелкія части, роздали ихъ послѣднимъ вмѣсто причастія, — что вскорѣ же и открылось и повергло несчастныхъ въ ужасную тоску. Этимъ дано имъ было понять, что жи-

даетъ ихъ въ будущемъ, такъ что они не столько страдали отъ того, что уже испытали, сколько отъ мысли о томъ, что еще придется имъ испытать да-лѣе»...

«Насталъ и праздникъ праздниковъ (пасха), когда какъ служители церкви, такъ и простые вѣрующіе даютъ другъ другу лобзаніе любви. Приглашены были и архіереи, приглашены были и клирики и, собравшись на второй день пасхи, дали другъ другу святое лобзаніе, какъ того требовали время и обычай» (¹).

«Но все это было злой насмѣшкой. Люди опытные предугадали это по слѣдующимъ предзнаменованіямъ. Одному епископу пригрезился сонъ, будто бы онъ присутствуетъ въ патріаршемъ соборѣ и видитъ, что всѣ сѣдалища, начиная съ патріаршаго, опрокинулись, и всѣ засѣдавшіе грохнулись на землю, такъ что возбудили жалость въ присутствующихъ. Другое предзнаменованіе: въ началѣ мѣсяца Воудроміона (апрѣля), когда солнце, поворачивая на весну, сіяетъ ярче, чѣмъ прежде, благодаря тому, что въ это время зимнія облака разгоняются вѣтромъ, на самой срединѣ неба вдругъ заблестѣлъ Сатурнъ... Одни видѣли въ этомъ доброе предзнаменованіе. Имъ казалось, что новый патріархъ засіяетъ добрыми дѣлами и разгонитъ мракъ невѣжества и умопомраченія. Но болѣе знающіе (*λειτουργοι*) люди находили, что это скорѣе предзнаменовываетъ помраченіе и потерю чести для величайшихъ мужей: высота звѣзды соотвѣтствуетъ величію сихъ мужей, а поелику эта звѣзда холодная и суровая; то эти свойства свои она передаетъ и ихъ

(¹) Рашум. с. 15, р. 45—49.

величію, такъ что они будутъ оквачены несчастіемъ, какъ мразомъ, идущимъ по пятамъ Сатурна» (1).

На второй недѣлѣ послѣ пасхи былъ обнародованъ императорскій декретъ, которымъ монахъ Аѳанасій возстановлялся въ санѣ епископа сардскаго, переименовывался снова въ Андроника и назначался въ духовники царскіе. Встрепенулась суровая душа жестокаго старика. «Богъ сохранилъ мнѣ жизнь до сихъ поръ (2), чтобы дать мнѣ возможность отмстить за себя!» воскликнулъ онъ, получивши этотъ указъ, и впалые глаза его загорѣлись зловѣщимъ блескомъ».

«Совершилось нѣчто странное и жалости достойное! Этому человѣку суждено было отмстить тѣмъ, которые допустили совершиться всему вышеописанному. Имъ желательно было ограничиться отмѣною того, что сдѣлано было за послѣднее время относительно папы вопреки канонамъ, какъ они говорили, и возстановленіемъ прежнихъ порядковъ на этотъ счетъ; а ему хотѣлось поднять старину, хотѣлось потребовать (у кого слѣдуетъ) отчета въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ относительно Іоанна, сына императора Θεодора Ласкариса, въ измѣнѣ патріарху Арсенію и наконецъ въ оставленіи на произволь судьбы его самого (Андроника); какъ архіереи, они должны были слѣдовать за ними (Арсеніемъ и Андроникомъ), а не отступаться отъ патріарха, какъ они сдѣлали, и не искать на мѣсто его другаго, не оставлять также на произволь судьбы и его (Андроника), когда онъ поревновалъ (о несправедливо низложенномъ патріар-

(1) Рачум. с. 16, р. 49 - 50.

(2) Ему было уже за 80 лѣтъ.

хъ), и не передавать его церкви Халазъ (1). Раздраженный всѣмъ этимъ, онъ привлекъ къ отвѣтственности не только тѣхъ (архіереевъ), которые остались еще въ живыхъ отъ того времени (времени перваго удаленія Арсенія отъ престола въ 1260 г.), но и тѣхъ, которые были рукоположены позднѣе» (2).

На той же недѣлѣ, для удовлетворенія претензій Андроника былъ составленъ соборъ во Влахернскомъ храмѣ. Лице императора на этомъ соборѣ представлялъ Михайлъ Стратигопуль, не задолго предъ тѣмъ возведенный въ достоинство протостратора. Церковь представляли собою патріархъ Григорій и Андроникъ сардскій.

Влахернскій соборъ былъ торжествомъ арсенистовъ. Всѣми его дѣйствіями заправлялъ Андроникъ сардскій, облеченный неограниченнымъ полномочіемъ со стороны императора. Патріархъ присутствовалъ лишь для того, чтобы одобрить всѣ распоряженія Андроника, а представитель императора для того, чтобы приводить ихъ немедленно въ исполненіе при помощи военной команды, которая съ этою цѣлію была помѣщена у церковныхъ дверей. Патріархъ Григорій и Андроникъ сардскій, окруженные огромной толпой «отщепенцевъ» (*τῶν σχιζομένων*), помѣстились на одну сторону церкви; представитель императора съ царскими эдиктами, долженствовавшими вести протоколы соборныхъ дѣяній, заняли другую. Подсудимыми были епископы, обвиняемые въ тройкой измѣнѣ — Іоанну Ласкарнеу, патріарху Арсенію и

(1) Пресмыкаль Андроника на Сардской каедрѣ, рукоположенный патріархомъ Никифоромъ въ Цикъ въ 1260 г., см. Христ. Чтен. за 1867 г. Декабрь, стр. 956—957.

(2) Рашум. с. 17, р. 50—52.

Андронику сардскому, и внесенные этимъ послѣднимъ въ особый списокъ, съ которымъ онъ и явился на засѣданіе собора.

Царскимъ эдиктамъ оказалось здѣсь немного дѣла. На соборѣ раздавались только слова, выкрикиваемые нѣсколькими голосами: «привести такога-то» — и — «отвести такога-то назадъ». Изслѣдованія не было. Виновность подсудимыхъ напередъ была рѣшена. Ихъ призывали лишь для выслушанія приговора. Всѣ формальности ограничивались тѣмъ, что монахи фигурировавшіе въ качествѣ обвинителей, заявляли, что подсудимый (имя рекъ) виновенъ въ нарушеніи церковныхъ канонѣвъ, а судья (Андроникъ) провозглашалъ: «низлагается». Одни изъ монаховъ прибавляли къ этому законическому опредѣленію, столь же законическій эпитетъ осужденному: — «нечестивецъ», другіе кричали ему: «анаѣема», третьи — самые озлобленные — рвали на немъ мантию или заворачивали ее на голову съ возгласомъ: «недостойнъ», и передавали несчастныхъ съ рукъ на руки солдатамъ, которые доканчивали судебную процедуру тѣмъ, что выпроваживали ихъ изъ церкви пинками, толчками и пощечинами ('). Никто не вышелъ изъ этого страннаго судилища оправданнымъ. Никому не было оказано ни малѣйшей пощады. Патріархъ Григорій, хотя возмущавшійся до глубины души всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, долженъ былъ однакожъ волей неволей показывать видъ, что одобряетъ всѣ дѣйствія импровизованныхъ судей. Но въ послѣдствіи въ интимныхъ разговорахъ съ приближенными онъ не скрывалъ своего отвращенія къ дѣйствіямъ Влахерискаго

(') Расчум. с. 17, р. 52, 53.

собора и откровенно сознавался, что это былъ не соборъ, а настоящее «соимиче лукавнующихъ» (1).

Одинъ изъ архіереевъ, занесенныхъ въ роковой списокъ Андроника Сардскаго, — именно Θεодоръ Клизическій думалъ избѣжать, если не осужденія, то по крайней мѣрѣ поруганія, тѣмъ, что не явился на соборъ. Спрятавшись въ монастырѣ Предтечи, онъ надѣялся переждать здѣсь, пока утихнетъ разразившаяся столь неожиданно буря. Но надежда его оказалась тщетною. Мѣсто его убѣжища было открыто и отъ собора стали посылать пословъ за послами съ требованіемъ на судъ. Онъ отказывался явиться и, когда послы соборные объявили ему, что они уполномочены употребить относительно его силу, если онъ не отправится съ ними добровольно, то онъ бросился въ церковь и, ухватившись за престолъ, объявилъ, что выйдетъ отсюда не иначе, какъ мертвый. Цѣлый день пробились съ нимъ соборные посланцы и, не добившись ничего, возвратились на соборъ уже вечеромъ. Андроникъ сдѣлалъ имъ выговоръ за то, что они потратили понапрасну столько времени, которое могли бы съ пользою употребить на другія дѣла. Θεодоръ, равно какъ и другіе епископы, не явившіеся на судъ, были осуждены заочно. Но это спасло ихъ по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ поруганій и истязаній, которымъ подверглись ихъ собратья, имѣвшіе несчастье явиться на соборъ (2).

(1) Ibid. p. 53

(2) Pashum. c. 17, p. 53—54. Почти тѣми же словами, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ, опущенныхъ Пахиеромъ подробностей, рассказываетъ о дѣяніяхъ Влахернскаго собора и Григоръ. Такъ какъ эти подробности удачно дополняютъ печальную картину, нарисованную Пахиеромъ, то мы приводимъ здѣсь и рассказъ Григоры: «получивъ

Мѣста низложенныхъ епископовъ были переданы ревнителямъ, какъ вполнѣ заслуженная ими награда за ревность.

Вспомнили неумытные судьи и о вдовствующей императрицѣ Теодорѣ, которую іосифиты, во дни своего безраздѣльнаго господства, щадили, вѣроятно, изъ уваженія къ императору. Арсениты не были такъ снисходительны. А можетъ быть и взаимное соревнованіе дѣлало тѣхъ и другихъ болѣе жестокими и требовательными. Какъ бы то ни было, но суровые ревнители, предводимые Андроникомъ Сардскимъ, требовали, чтобъ вдовствующая императрица подписала «покаянную запись» (*ἑξομολογήσειαν*) съ изложе-

дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ по своему пламенному, наполнявшему его сердце желанію единенія церкви, они (ревнители) потомъ уже, несколько не стѣняясь, собрали, какъ овецъ, въ великій Влахернскій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ предположили произнести то безчестное опредѣленіе. Послѣдніе старались пробудить въ нихъ жалость и виѣшнымъ своимъ видомъ, и словами, и древними примѣрами снисходительности въ подобныхъ случаяхъ, между прочимъ, примѣрами, взятыми изъ времянъ перваго и втораго иконоборства, когда поступившіе хуже, чѣмъ они, нашли, однакожь, человеколюбіе у защитниковъ православія и нѣкоторые даже остались на своихъ мѣстахъ. Несмотря на все это, тѣ не отступились отъ своего зѣвскаго рѣшенія; всѣ чувства милосердія и состраданія, какія могли быть въ нихъ, точно разнесли и схоронили на днѣ Атлантическаго океана. Среди этого священнаго собранія разгуливала зависть, и добрыхъ согласіемъ, только что начавшамся, потѣшалась жестокая буря. Но у кого найдется такое жестокое и такое ваменное сердце, чтобы рассказать о той наглости и о томъ необыкновенномъ безчеловѣчии, какія они обнаружили къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ лицамъ? Послѣ ругательствъ, предсѣдатели приказали прислужникамъ снимать съ головы виновныхъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ произношеніемъ: „недостойнъ“; у другихъ же снимать другія одежды, и, заворачивая имъ подола на голову, возглашать тоже: „недостойнъ“, а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихънибудь убойцъ выгонять изъ храма. И это праведные судьи, люди посвященные въ тайны Евангелія!“ Григор., стр. 164. - 165.

ніемъ вѣры, отреченіемъ отъ всего сдѣланнаго (противъ вѣры и церковныхъ канонѡвъ) въ царствованіе своего супруга, и съ обязательствомъ, что она никогда не позволитъ себѣ добиваться христіанскаго погребенія и поминовенія покойнаго супруга; въ награду за это они соглашались упоминать имя ея въ церковныхъ молитвословіяхъ на ряду съ именемъ ея сына, императора Андроника. Требованіе ревнителей было исполнено (1). Тогда же, вѣроятно, было исклю-

(1) Этотъ любопытный документъ, находившійся до сихъ поръ въ рукописяхъ, недавно изданъ о. архимандритомъ Демитракопуломъ въ своей *Исторіа τῶν συζητησῶν τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἐλληνικῆς*. Ев. Аѳѣз. 1867 по рукописи Визской бібліотеки (за № 245). Възвѣтъ онъ въ возможно-близкомъ переводѣ:

„Теодора по Христу Богъ верная Августа и самодержица Римская, Дука, Комнина, Палеологъ.

„Мнѣ кажется, что поученіе о благодетіи не такъ должно выражаться, какъ поученіе о собственномъ спасеніи. Не вѣдь послѣднее хорошо скрывать и содержать въ тайнѣ отъ постороннихъ взоровъ, да видѣвъ втайнѣ небесный Отець и Богъ воздастъ явъ, такъ, наоборотъ, благодетіе, этотъ источникъ и мать всякой добродѣтели, не скрывать, а отрывать всею и всенаро ко возвыщать — спасительно. Мнѣ кажется, что это и есть тотъ свѣтъ, который священное евангеліе повелѣваетъ намъ просвѣщать предъ челоуѣки. Почему наше Царское Величество (*βασιλεὺς ἡμῶν*) ни прежде не опускало, ни теперь не опускаетъ обнаруживать еже по Божъ благодетіе: скажу болѣе, — оно постоянно старалось показывать и самымъ дѣломъ подтверждать, что именно такъ вѣруетъ, какъ издревле учила вѣровать и исповѣдывать церковь Божія. Сіе вѣдаетъ Богъ, испытуя глубины сердець нашихъ; пусть же вѣдаютъ и все люди, что у насъ нѣтъ другихъ мнѣній (по вопросамъ вѣры), кромя свойственныхъ католической церкви. Понятно, что, имѣя такіа мысли и убѣжденія, по благодати Божіей, наше Царское Величество отъ всей души отвращается, ненавидитъ и порицаетъ гибельное начпаніе и дѣло, въ недавнее время не въ добру приключившіяся церкви и въ конецъ ее возмутившія, какъ бы ихъ не напыляли — миромъ ли, или приспособленіемъ къ обстоятельствамъ (*εἰτε εἰρήνῃ, εἰτε οὐκ εἰρήνῃ*), или другими какими бы то ни было не вѣнѣ ложными яченами; а тѣхъ, которые продолжаютъ еще и теперь одобрять это дѣло и прилежать ему, считаетъ суцостатами (*παιδομαχῶν*) церкви Божіей, злоумышленниками и противъ собственнаго спасенія, вра-

чено изъ церковныхъ диптиховъ и имя первой супруги Андроника (Анны) за то только, что она скончалась во время введенія уніи.

Отъ александрійскаго патріарха Аѳанасія требовали: а) согласія на низложеніе архіереевъ, осужденныхъ на влахернскомъ соборѣ, и б) отреченія отъ всего, что сдѣлано было по дѣлу уніи съ Римомъ. На этомъ послѣднемъ они настаивали особенно потому, что Аѳанасій во все время поддерживалъ самыя близкія сношенія съ лицами, заправлявшими этимъ дѣломъ, т. е. съ императоромъ Михаиломъ и патріар-

гами и губителями тѣхъ, которые ихъ принимаютъ и отвергаютъ какъ причинающихъ гибель душамъ. Ибо если прежде отъ нашего Царскаго Величества укрывалось то, что есть въ этомъ начинаніи душевреднаго, то теперь ужь не укроется. Намъ явужили самыя дѣла и слова, ими оправдываемыя и подтверждаемыя. Впрочемъ, наше Царское Величество, по благодати Божіей, и тогда, какъ готовялось это начинаніе, сильно было опечалѣно и скорбѣло объ этомъ дѣлѣ, какъ не обыкновенъ и новомъ, и возмущалось противъ него въ душѣ, хотя и не повидало вродѣ всего, что было въ немъ ужаснаго (δραστήριον), въ настоящее же время возмущается и еще болѣе, ясно видя, какимъ не добрымъ концомъ заключилась эта нелюбая затѣя (ἐπιτέλειον). Но объ этомъ и довольно. А послѣку церковь Божія осудила и Векка за его хульные догматы (τὰ βλασφημὰ ἐπὶ τοῦ θεοῦ), равно какъ и единомышленниковъ его Мелитиніота и Метохита отчуждила и отлучила отъ своего общенія, то и наше Царское Величество, слѣдуя опредѣленію церкви, считаетъ ихъ также отлученными и отверженными. А послѣку той же святой церкви угодно было не удостоить обычнаго поминовенія усопшаго господина нашего, царя и супруга по причинѣ вышереченнаго начинанія, то наше Царское Величество, предпочиталъ страхъ Божій и послушаніе Его св. церкви, соглашается (συνέταξε) и пріемлетъ то, что ей угодно было опредѣлить о немъ, и не будетъ принуждать дѣлать поминовеніе по господинѣ и супругъ нашимъ, ни что либо другое, кромѣ постановленнаго ею. Ибо наше Царское Величество во всемъ послушно слѣдуетъ церкви Божіей, всеконечно (κατὰ πάντα) устраивая отсюда свое спасеніе и желая извѣстно и явлено сотворити всемъ свое благочестіе, которое, принявши отъ отцевъ и сохранивши до настоящаго времени, сохранять и до конца, охраняемое силою создавшаго насъ и воспринявшаго Бога, *Ἱστορία τῆς οὐχίας τοῦ 78, 80.*

хомъ Веккомъ. Подъ этими условіями ревнители соглашались принять его имя въ церковныя диптихи наравнѣ съ другими патріархами (1).

Анастасій отбазался исполнить требованія, предложенныя ему ревнителями, и былъ за это исключень имъ изъ церковныхъ диптиховъ. Но это мало его беспокоило. Онъ утѣшалъ себя примѣромъ многихъ другихъ, подвергшихся одной съ нимъ участи, и продолжалъ преспокойно жить въ Константинополѣ.

Антиохійскій патріархъ Θεодосій Принкипсъ (2), которому угрожали тѣ же требованія, тайно скрылся во владѣнія латинянь, находившіяся въ Сиріи, не предупредивши императора, а отиравивши лишь письменное отреченіе отъ своего престола. На мѣсто его клиръ антиохійской церкви избралъ нѣкоего Арсенія Агіосимеонита, «мужа во всемъ святолѣпнаго и

(1) Pashup с. 19 p. 55.

(2) Объ этомъ Принкипсѣ Пахимерь сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „это былъ человекъ благородный; ведущій свой родъ отъ князей (латинскихъ) Пелопонезскихъ. Пришедши съ родины еще въ юношествѣ, онъ, ради подвиговъ добродѣтели и совершеннѣйшей жизни заключился сперва въ одномъ изъ восточныхъ монастырей Черной Горы, потомъ, чрезъ нѣсколько времени, пришелъ къ царю и, получивъ санъ архимандрита, слѣланъ былъ настоятелемъ монастыря Вседержителя; затѣмъ находился въ посольствѣ къ восточнымъ Тохарамъ и, тамъ, сочетавъ бракомъ побочную дочь царя съ Анагою, удалился для уединенной жизни въ келію Одиійской обители. Впослѣдствіи Принкипсъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ антиохійской церкви“ (Пахим. стр. 371—372). Русскій переводчикъ Пахимера комментируетъ это мѣсто такимъ образомъ: „Это былъ тотъ самый Принкипсъ, котораго Палеологъ посылалъ съ незаконнорожденною своею дочерью къ Тохарскому правителю Халавъ (кн. 3, гл. 3) и который въ санъ архимандрита, а потомъ патріарха назывался Θεодосіемъ (кн. 6, гл. 5). Имя Принкипса безъ сомнѣнія было не собственнымъ, а родовымъ его именемъ и происходило отъ управлявшей Пелопонезомъ княжеской фамиліи (Princers). Собственное же имя, которымъ назывался Принкипсъ, по Георгію Акрополиту (Hystoria с. 48) было Виллардуинъ“.

почтениаго». Константинопольскіе ревнители, узнавши объ этомъ и не имѣя ничего противъ новаго патріарха, немедленно же приняли его имя въ церковныя диптихи; но вскорѣ затѣмъ столь же быстро и исключили его, такъ какъ разнесся слухъ, неизвѣстно на чемъ основанный, будто онъ находился въ церковномъ общеніи съ царемъ армянскимъ ⁽¹⁾. Провѣрять справедливость слуха ревнители не считали нужнымъ.

Относительно избранія преемника Арсенію произошло разногласіе между епископами: епископы Киликійскіе избрали на вакантный патріаршій престолъ Діонисія, епископа помпеіопольскаго, а сирскіе — Кирилла, епископа тирскаго, за которымъ и остался спорный престолъ ⁽²⁾.

Такъ скоро и точно исполнилось предсказаніе Θεоктиста адрианопольскаго на счетъ участи епископовъ, согласившихся судить Векка въ угоду «ревнителямъ».

Но доброе согласіе, установившееся между «ревнителями» всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ ⁽³⁾ было не

⁽¹⁾ Ibid. p. 55, 56.

⁽²⁾ Ibid. p. 56.

⁽³⁾ Что кромѣ Арсенитовъ, Іосифитовъ и Акавантъ сохранили свою особность и свои оттѣнки и другія партіи, о которыхъ мы упоминали выше, это прямо утверждаетъ Григоръ: „онъ (дѣволъ) устраиваетъ такъ, что они (ревнители) раздѣляются на двѣ и даже на три части: одна беретъ сторону патріарха Іосифа, другая — давно умершаго Арсенія. Эта говорила, что Іосифъ былъ отлученъ Арсеніемъ за то, что при его жизни занялъ престолъ; а та утверждала, что Арсеній былъ низложенъ законно всѣмъ соборомъ присутствовавшихъ тогда архіереевъ. Третья предъявляла противъ той и другой другія обвиненія (къ сожалѣнію историкъ не говоритъ, въ чемъ состояли эти обвиненія)... „Были наконецъ и такіе ревнители, которые только пререкались между собою и язвили другъ друга языкомъ, приводимымъ въ движеніе и управляемымъ не божественною ревностію, а безразсудною горячіестью“. Григоръ, стр. 153—154.

продолжительно: оно держалось до тѣхъ лишь поръ, пока существовали «козлы очищенія» въ видѣ несчастныхъ уніонистовъ, на которыхъ они могли вымѣщать накопившуюся въ нихъ злобу противъ этихъ людей, которыхъ считали своими общими врагами. А когда расправа съ ними была покончена и торжествующіе «ревнители» очутились лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, безъ всякой посредствующей партіи, которая могла бы послужить громоотводомъ для ихъ взаимнаго озлобленія другъ противъ друга, это озлобленіе сказалось съ удвоенною силой и мечты императора на возстановленіе церковнаго мира путемъ уступокъ всеѣмъ и каждому разлетѣлись, какъ дымъ.

Ближайшимъ поводомъ къ возобновленію прежней неприязни и происковъ другъ противъ друга послужило поведеніе новаго патріарха Григорія. Арсенитамъ показалось, что онъ больше тянетъ на сторону своей партіи и ихъ соперниковъ — іосифитовъ. Насколько это было справедливо—трудно рѣшить. Наши историки оставляютъ насъ на этомъ пунктѣ безъ всякихъ руководящихъ указаній. Но мы думаемъ, что и безъ всякихъ особыхъ поводовъ со стороны патріарха опасность быть занозрѣну въ пристрастіи къ одной сторонѣ во вредъ другихъ заключалась въ самой его задачѣ—быть посредникомъ и миротворцемъ между партіями. Какъ бы неусоно и добросовѣтно ни выполнялъ онъ эту задачу; но едва ли была какая нибудь возможность выполнить ее такъ, чтобы остались довольными все партіи. Ихъ раздвляла непроходимая бездна, созданная радикальной противоположностью ихъ интересовъ и ихъ бурнымъ, полнымъ

вражды и самых горьких воспоминаній, прошедшимъ. При такихъ отношеніяхъ между ними самый избытокъ безпристрастія могъ быть принятъ за признакъ равнодушія и послужить поводомъ къ жалобамъ и неудовольствію. Какъ бы, впрочемъ, ни было, подалъ ли Григорій дѣйствительно поводъ къ жалобамъ со стороны арсенитовъ, или имъ такъ показалось, только они повели теперь интригу одновременно и противъ своихъ старыхъ совмѣстниковъ іосифитовъ и противъ ихъ единомышленника и покровителя — какъ имъ казалось — патріарха. Обвиненія ихъ противъ іосифитовъ были старыя. Противъ патріарха они пустили молву «будто онъ, будучи 20 лѣтъ, отправился изъ Кипра къ Римлянамъ и усвоилъ тамъ нѣкоторые обычаи латинянъ, и будто посвященіе въ чтеца получилъ отъ латинянъ». Хотя историкъ и не рѣшается обвинять въ распущеніи этой молвы прямо арсенитовъ, а говоритъ, что «такая молва, быть можетъ, еще прежде была пущена въ ходъ, какимъ либо недоброжелателемъ Григорія, или же была обязана своимъ появленіемъ неблагородству зилотовъ, которыхъ вызвали къ тому тогдашнія обстоятельства, или лучше поджегъ демонъ» (1); но принимая въ соображеніе, что она направлена была именно противъ того пункта, который соединялъ Григорія съ іосифитами (посвященія его въ чтеца Іосифомъ), едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она вышла не изъ лагеря Арсенитовъ. Очевидно, она рассчитана была не на то только, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на православіе патріарха, но и на то, чтобы поссорить его съ іосифитами.

(1) Григор., стр. 157—158.

Историкъ не безъ основанія предполагаетъ, что «это было только поводомъ отвергать патріарха; на самомъ же дѣлѣ, рисуясь и непомѣрно гордясь ссылками и другими страданіями за свою ревность по вѣрѣ, они желали заправлять всеѣми церковными дѣлами и рѣшать всё какъ бы мановеніемъ скинистра. Мало того, они хотѣли утвердить на патріаршемъ престолѣ кого либо изъ своихъ по своему усмотрѣнію, чтобы, пользуясь его высокимъ положеніемъ, какъ бы какою неприступною крѣпостью, удобно подѣлать между собою епископін и митрополін, завладѣть всеѣми монастырями, распредѣлить между собою все церковные чины, занять все епархіи и получить въ свое распоряженіе все доходы, расходы и выдачи. Все это, думали они, должно быть предоставлено имъ, какъ награда за ихъ добродѣтель и ревность» (1).

Эта новая вспышка старой вражды партій, осложнившаяся злостной экскурсіей къ сторонѣ новаго патріарха и подсаженная такими честолюбивыми тенденціями, сильно смутила императора. Городъ находился въ постоянной агитаціи, благодаря взаимнымъ интригамъ и пронкамъ партій. Нужно было подумать о средствахъ, если не къ примиренію враждовавшихъ партій, то по крайней мѣрѣ къ устраниенію изъ города ихъ коноводовъ, поддерживавшихъ въ немъ постоянное броженіе.

Мысль Андроника остановилась на созваніи новаго собора изъ представителей всеѣхъ партій для обсужденія еще разъ средствъ къ примиренію, но не въ столицѣ, а гдѣ либо поодаль отъ нея, чтобы—въ крайнемъ случаѣ; т. е. если попытки къ примиренію

(1) Тамъ же, стр. 158.

опять окажутся тщетными — отвлечь от нея элементы, поддерживающіе въ ней агитацію. Выборъ императора палъ на небольшой городокъ — Атрамитій.

Приказано было заготовить средства къ продовольствію, достаточныя для содержанія собора, въ теченіе всей зимы (1283—1284 гг.). Императоръ со своимъ дворомъ выѣхалъ раньше, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ ускорить приготовленія. Патріарху съ представителями партій повелѣно было отправиться вѣдѣ за нимъ немного спустя. Григорій прибылъ въ сопровожденіи Евлогіи и ея дочерей Феодоры и западной императрицы Анны (1), которая, узнавши о приготовляемомъ соборѣ, поспѣшила изъ Фессалоникъ, чтобы принять въ немъ участіе, и великаго логовѣта Музалона, который за услуги, оказанныя молодому императору, былъ почтенъ особенными отличіями, приравнивавшими его къ членамъ царской родни (2). Партію арсенитовъ представляли Іакимъ, Лазарь Гаріанита, Магарій Голубъ и Аванасій Лепендренъ, окруженные огромной толпой единомышленниковъ, такъ какъ императоръ, желая, чтобы соглашеніе было полнѣе, позволилъ всѣмъ, кому угодно — изъ при-

(1) Супруга Эгзійскаго деспота Никифора Ангела.

(2) „Музалонъ раздѣлялъ тогда управленіе съ царемъ, былъ посредникомъ въ дѣлахъ государственныхъ и народныхъ и пользовался у царя величайшимъ уваженіемъ за свою ученость, глубокую старость и многостороннюю опытность, соединенную съ разсудительностію. Поэтому онъ одинъ изъ всѣхъ, носившихъ прежде его одно съ нимъ достоинство, отличенъ былъ почетнымъ правомъ носить на головѣ калитру, имѣвшую алую съ золотомъ покрывку, которая возвышалась въ видѣ пирамиды, и тѣмъ только отличавшущаяся отъ калитры царскихъ родственниковъ, что ея внутренняя сторона, ея подкладка не была изукрашена золотистыми кружками, и была вся гладкая“. Григор., стр. 162, 163.

дворныхъ дн. или простонародья. — державшимся ихъ стороны, слѣдовать за ними (¹).

Всѣ, получившіе приглашеніе, или позволеніе явиться на соборъ, собрались въ Атрамшій къ великому посту 1284 г. (²). Императоръ отложилъ въ сторону всѣ остальные дѣла и занялся исключительно дѣломъ соглашенія партій. Всѣ великій постъ былъ посвященъ этому дѣлу. Извѣстные дни недели были посвящены соборнымъ совѣщаніямъ, другіе молитвамъ о дарованіи мира. Не скунился также императоръ ни на обѣщанія, ни на угрозы. Но всѣ его усилія, равно какъ и усилія собора разбивались о непреклонное упрямство партій. Этимъ упрямствомъ особенно отличались арсениты. Они оставались глухи ко всѣмъ представленіямъ, резоламъ и убѣжденіямъ императора и въ отвѣтъ на всѣ его усилія возобновили свое прежнее требованіе — рѣшить споръ между ними и іосифитами судомъ Божиимъ. Патріархъ на отрѣлъ отказался согласиться на это требованіе. Не одобрили этой мѣры и болѣе умеренные между арсенитами. Но императоръ, безуспѣшно истощившій всѣ обыкновенныя средства къ соглашенію противниковъ, и не видѣвшій выхода изъ положенія, созданнаго ихъ взаимною ненавистью и упрямствомъ, послѣ долгаго колебанія рѣшился спуститься къ требованію упрямцевъ и испробовать предлагаемое ими чрезвычайное средство.

(¹) Pachym., c. 21, p. 57—59.

(²) Поссант, въ своихъ *Observationes Pachymerianae* Ев. II, p. 780, 836, допускаетъ странную хронологическую ошибку — относитъ хиротонію Григорія и открытіе Атрамшискаго собора къ великому посту 1283 г., тогда какъ Шахимеръ ясно говоритъ, что Влахернскій соборъ, бывшій раньше Атрамшискаго, являлъ свои засѣданія на Фоминѣй недѣль 1283 г.

Условились на томъ, чтобы арсеиты въ особомъ свиткѣ изложили свои претензіи на іосифитовъ, равно какъ и средства къ удовлетворенію этихъ претензій; а іосифиты, съ своей стороны, изложили въ своемъ свиткѣ то, что они имѣютъ сказать въ свою защиту. И потомъ оба свитка будутъ одновременно брошены въ огонь и затѣмъ если который либо свитокъ останется цѣлъ и невредимъ, то это будетъ знакомъ того, что дѣло, защищаемое партией, которой принадлежитъ этотъ свитокъ, есть дѣло правое, одобряемое Богомъ; если же оба свитка сгорятъ, то противники бросятъ взаимныя претензіи и примирятся другъ съ другомъ.

Императоръ, не щадившій никакихъ издержекъ— лишь бы достигнуть примиренія партій, велѣлъ приготовить великолѣпный серебряный треножникъ для разведенія огня, въ который предполагалось бросить оба свитка. Днемъ для испытанія воли Божіей была назначена великая суббота, приходившаяся въ этомъ году 8-го апрѣля (1).

Когда наступилъ назначенный день, представители и сторонники той и другой партій, послѣ долгихъ и усердныхъ молитвъ къ Богу за успѣхъ предпринимаемаго дѣла, выбрали изъ своей среды двухъ самыхъ благочестивыхъ и уважаемыхъ старцевъ, которые въ присутствіи императора, его двора и огромной массы ревнителей и зрителей, одновременно бросили въ огонь два, заранее приготовленныхъ той и другою партией, свитка. Всѣ присутствующіе точно по мановенію волшебнаго жезла устремили свои взоры на роковой треножникъ—заинтересованные извѣстнымъ

(1) По вычисленіямъ Поевина, пасха въ 1284 г. была 9 Апрѣля. Удд. Observat. Raschumer. Вѣ. III, p. 780.

исходомъ дѣла съ замираніемъ сердца, — не заинтересованные — съ любопытствомъ. Результатъ испытанія впрочемъ не заставилъ себя долго ждать. Черезъ нѣсколько мгновеній отъ обонхъ свитковъ осталась только гореть зола.

Этотъ естественный и неизбежный результатъ до того однако былъ неожиданъ для дерзкихъ искушателей воли Божіей, что они точно пойманные на мѣсть преступленія, вали ницъ предъ императоромъ, обѣщаясь повиноваться во всемъ его власти, также точно, какъ ихъ свитки уступили силѣ огня, и подчиниться патриарху и слушаться его во всемъ.

Обрадованный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, императоръ сѣвшилъ ковать желѣзо, пока горячо: — во главѣ несмѣтной толпы обезкураженныхъ ревнителей онъ посиѣвшилъ, не смотря на снѣгъ и слякоть, пѣшкомъ къ патриарху, который, какъ не одобрявшій этого дѣла, не присутствовалъ и при его производствѣ. Патриархъ, не менѣе императора обрадованный такимъ счастливымъ результатомъ сумазброднаго предпріятія, немедленно же согласился вступить съ ними въ общеніе. Арсениты — такъ какъ собственно они только враждовали противъ Григорія — въ свою очередь посиѣвшили принять благословеніе и частицы антидора изъ рукъ патриарха въ доказательство искренности и прочности своего примиренія съ нимъ, а черезъ него и съ церковію, которую онъ представлялъ собою, обѣщаясь на будущее время оставить весь распри и раздоры, на которыя ихъ наводила до сихъ поръ — по ихъ словамъ — горькая необходимость (1).

Но на другой день (въ Пасху) арсениты были уже

(1) Рахуш. с. 22, р. 60—63.

не тѣ, что на кануиѣ, и заговорили другія рѣчи. Ошеломляющее дѣйствіе неудачнаго испытанія воли Божіей прошло и все, совершившееся накануиѣ, явилось предъ ихъ взорами совѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Изъ безусловно-вѣрующихъ они превратились въ скептиковъ и заговорили тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ до сихъ поръ тщетно говорили съ ними императоръ и патріархъ, — языкомъ простаго здраваго смысла. На исчезновеніе брошенныхъ въ огонь свитковъ они смотрѣли теперь уже какъ на случайность, ничего не рѣшающую въ вопросахъ совѣсти, и возгорѣли желаніемъ, чтобы убѣдили ихъ въ неправотѣ ихъ дѣла разумными доводами, къ которымъ до сихъ поръ были такъ глухи. Но въ этотъ день они ничего не предприняли, чтобы взять назадъ согласіе на миръ, столь опромѣтчиво — какъ имъ теперь казалось — данное ими царю и патріарху накануиѣ. Весь день прошелъ лишь въ сожалѣніяхъ, толкахъ и въ построеніи предположеній и плановъ относительно того, что и какъ предпринять далѣе.

На другой день (понедѣльникъ свѣтлой недѣли) они уже заявили подъ рукой, что не считаютъ для себя обязательнымъ согласіе на миръ, данное патріарху, и снова прерываютъ съ нимъ церковное общеніе. Это заявленіе разомъ уничтожило все результаты, добытые тяжкими успліями и жертвами (какъ матеріальными, такъ и моральными) императора и снова возвращало дѣло о примиреніи партій и восстановленіи церковнаго мира въ прежнее безвыходное положеніе. Оскорбленный и раздраженный до глубины души этимъ непостоянствомъ арсенитовъ, онъ призвалъ главнѣйшихъ боюководовъ партій въ свой кабинетъ, чтобы

лично переговорить съ ними и — если можно — образумить ихъ, а чрезъ нихъ и остальныхъ ея членовъ и возвратитъ ихъ къ тому миролюбивому настроенію, въ которомъ онъ ихъ оставилъ вечеромъ третьяго дня. Въ сосѣдней комнатѣ, по его распоряженію, помѣстился патріархъ Григорій въ полномъ святительскомъ облаченіи. Вожди арсенитовъ были встрѣчены вопросомъ: признаютъ ли они патріарха? Этотъ простой вопросъ поставилъ въ крайнее затрудненіе арсенитовъ, — они рѣшительно не знали, что имъ отвѣчать; утвердительный и отрицательный отвѣтъ одинаково ставилъ ихъ въ противорѣчіе съ самими собой: не признавать Григорія патріархомъ мѣшало имъ то, что они не дальше какъ за день тому назадъ приняли изъ его рукъ благословеніе и антидоръ, признать — принятое ими рѣшеніе снова прервать съ нимъ общеніе. Но дѣлать было нечего, — необходимо было отвѣчать — «да» или «нѣтъ». Послѣ долгаго колебанія они отвѣтили наконецъ, что признаютъ Григорія патріархомъ. Этого только и нужно было императору. Едва лишь произнесли они послѣднее слово, какъ патріархъ, скрывавшійся въ сосѣдней комнатѣ, внезапно появился предъ ихъ изумленными взорами и обратился къ нимъ съ горькимъ и грознымъ обличеніемъ, упрекая ихъ въ неискренности, лицемеріи, желаніи обмануть людей и Бога, и немедленно же произнесъ имъ отлученіе отъ церкви. Этой послѣдней, крайней мѣрой онъ рассчитывалъ подѣйствовать на болѣе благочестивыхъ между ними — Іакинва и Лепендрона, а чрезъ нихъ и на остальныхъ членовъ фракціи. Но эффектъ, полученный отъ этой мѣры, вышелъ діаметрально противоположный ожиданіямъ царя и патріарха. Она озлобила ар-

сенитовъ и побудила ихъ къ открытому разрыву съ церковію и явному пренебреженію ея авторитетомъ (1).

Тѣмъ не менѣ попытка императора не осталась совсѣмъ безъ послѣдствій въ интересѣ церковнаго мира и единенія. Плотному единству и согласію арсенитовъ была нанесенъ ею жестокой ударъ. Въ то время какъ одни изъ нихъ прервали всякое общеніе съ церковію, другіе согласились повиноваться ей на извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія были слѣдующія: все хиротоніи, совершенныя Веккомъ—лично ли, или чрезъ лицъ, имъ рукоположенныхъ, должны быть признаны недѣйствительными, если онѣ совершены въ Константинополѣ, если же въ другомъ какомъ мѣстѣ, то ограничиться наложеніемъ эпитиміи на таковыхъ лицъ, не лишая ихъ сана. Ихъ (арсенитовъ) гонителямъ безъ различія того, къъ они рукоположены, запретить навсегда священнослуженіе, будутъ ли они въ Константинополѣ или другомъ какомъ мѣстѣ. Подъ своими гонителями они разумѣли тѣхъ, которые лично принимали противъ нихъ какія либо строгія мѣры, или чрезъ другихъ. Относительно же всѣхъ остальныхъ духовныхъ лицъ, какую бы степень въ іерархіи они не занимали, они находили возможнымъ ограничиться одними эпитиміями, не подвергая ихъ запрещенію священнодѣйствія и, лишь не возводя ихъ на высшія степени, какими бы заслугами они не отличались. Царь и патріархъ нашли возможнымъ принять эти условія и вслѣдствіе этого они были изложены въ особомъ актѣ и скрѣплены подписями (2).

(1) Pashum. с. 22, р. 63—64.

(2) Pashum. с. 22, р. 64—65. Соборное опредѣленіе (Συμβολα) по этому предмету издаво о. Андронкомъ Дамитракоуломъ въ его 1206/2

дѣйствій, а послѣдній, горѣвщій жаждой мести своимъ недругамъ и гонителямъ, настаивалъ на самыхъ рѣшительныхъ и крайнихъ мѣрахъ (1). Теперь это разногласіе приняло болѣе опредѣленный характеръ и широкіе размѣры. Іоаннъ сталъ теперь во главѣ умеренной, а Іакинѣвъ во главѣ крайней партіи арсенитовъ.

Андроникъ Сардскій, по словамъ Пахимера, бывшій главнымъ заправителемъ всего совершеннаго арсенитами въ Атрамитѣ, хотя, по неизвѣстной намъ причинѣ, и не присутствовалъ здѣсь лично, вскорѣ сошелъ со сцены столь же шумно, какъ и вступилъ на нее. Его келейникъ, монахъ Галактіонъ, сдѣлалъ на него доносъ, будто онъ держалъ непригожія рѣчи на счетъ императора. Вслѣдствіе этого доноса суровый глава арсенитовъ, котораго давно уже, и вѣроятно не безъ основанія, подозрѣвали въ недоброжелательствѣ къ царствующей фамиліи, былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и лишенъ всѣхъ своихъ должностей и званій. Когда слухъ объ этой опять безжалостнаго временщика разнесся по городу, массы потерпѣвшихъ отъ его неумолимой жестокости лицъ устремились къ зданію патріархіи, гдѣ происходило засѣданіе патріаршаго собора, судившаго и осудившаго Андроника по императорскому повелѣнію. Такъ какъ, по существовавшему обычаю, входъ въ залу засѣданій никому не воспрещался, то многіе проникли и сюда, и когда былъ произнесенъ приговоръ изложенія, стоявшая у дверей толпа, не стѣняясь присутствіемъ членовъ собора, выразила свое сочувствіе соборному приговору громкими рукоплесканіями и

1) Pachym. с. 12, р. 38.

вслѣдъ затѣмъ стала осыпать осужденнаго ругательствами и насмѣшками. Нѣкоторые, болѣе озлобленные, скоро перешли отъ словъ къ дѣлу, наложили на него руки и потащили вонъ изъ комнаты. А Никандръ, епископъ зарисскій, лишенный сана за то, что получилъ рукоположеніе отъ Векка, видя, что главный виновникъ его низложенія, подвергся той же самой участи, прорядая къ нему сквозь толпу и нахлобучилъ ему на голову монашескій клобукъ. Андроникъ, остававшійся равнодушнымъ ко всѣмъ другимъ оскорбленіямъ, не вытерпѣлъ этого и порывистымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя ненавистный клобукъ, такъ некстати напомнивавшій ему бурное прошедшее и сулившій вдали мрачное будущее. Вмѣстѣ съ клобукомъ упала на землю и архіерейская шаночка, которою была покрыта совершенно лысая голова стараго ветерана арсенитовъ. Гомерическимъ хохотомъ и рукоплесканіями привѣтствовала толпа праздныхъ зѣвакъ это неожиданное открытіе и поощрила шутника повторить свою плоскую шутку нѣсколько разъ, а такъ какъ Андроникъ всякій разъ столь же поспѣшно сбрасывалъ съ себя клобукъ, какъ Никандръ набрасывалъ его на него; то праздные зѣваки досыта насладились даровымъ спектаклемъ, которымъ неожиданно угостили ихъ два эвсъ-епископа.

Для толпы все это было предметомъ глумленія, но «люди разсудительные видѣли въ этомъ справедливое воздаяніе за тѣ неистовства, которыя позволялъ себѣ Андроникъ относительно другихъ епископовъ», замѣчаетъ нашъ историкъ (1).

(Продолженіе будетъ).

И. Троицкій.

(1) Рашум. с. 23, р. 65.—66.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 1055-1119.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Императоръ не оставлялъ своихъ примирительныхъ плановъ и по возвращеніи въ столицу (1). Такъ какъ одна половина (меньшая) арсеніанской фракціи согласилась подчиниться церкви на выше изложенныхъ условіяхъ, а другая на отръзъ отказалась отъ этого подчиненія, то его ближайшею задачею сдѣлалось теперь устроить соглашеніе между обѣими половинами и тѣмъ подготовить окончательное вступленіе ихъ въ церковь.

(1) Негорикъ, по обыкновенію, не отмѣчаетъ точно времени этого возвращенія; но такъ какъ онъ не разказываетъ ни о какихъ другихъ событіяхъ между дѣйствіями Атрамитскаго собора и возвращеніемъ императора въ столицу, то это возвращеніе можно полагать сряду же по закрытіи собора т. е. въ Мавъ того же 1284 г., но самое возобновленіе примирительныхъ попытокъ должно быть отнесено на нѣсколько недѣль позднѣе возвращенія, такъ какъ, по словамъ негорика, императоръ по возвращеніи въ столицу занялся сначала другими дѣлами и только по обыкновеннымъ знаменіямъ, о которыхъ разказывается ниже, заставили его бросить эти дѣла и заняться снова вразумленіемъ отщепенцовъ. Къ числу этихъ дѣлъ должно быть отнесено и дѣло Андроника Сардскаго, разгравившееся, несомнѣнно, уже послѣ возвращенія императора въ столицу и до возобновленія примирительныхъ попытокъ.

Къ этому побуждало его, говорить нашъ историкъ, сколько его личное убѣжденіе въ необходимости устроить такъ или иначе примиреніе раскольниковъ другъ съ другомъ и съ церковью, столько же знаменія и чудеса, которыя способны были поразить самыхъ безстрашныхъ людей. Разнесся слухъ, что образъ Пресвятой Богородицы, находившійся въ одномъ изъ домовъ, сосѣднихъ съ Великою церковью, источалъ такое множество слезъ, что ихъ собирали губками. Пречистая Дѣва видимо оплакивала гибельное раздѣленіе въ церкви. Императоръ пожелалъ лично удостовѣриться въ дѣйствительности этого чуда и воздать должное поклоненіе Матери Бога Слова. Поклонившись чудесному образу, онъ приказалъ запечатать домъ, въ которомъ онъ находился; но чудо продолжало совершаться и послѣ этого. Въ то же время отъ образа св. великомученика Георгія, находившагося въ части города, лежавшей близъ воротъ Харсія, выпало нѣсколько капель крови. Императоръ, который былъ, по правдѣ сказать, боязливъ и суевѣренъ на этотъ счетъ (*δειδύμων ὢν, ὡς τὸ ἀλυστὸς ἔπιπν, παρὶ τὰ τοιαῦτα καὶ εὐλαβής*), не въ шутку испугался (*φόβον ἐν μικρῶν εἶχε*): онъ принялъ эти знаменія за выраженіе гнѣва Божія къ нему за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы заниматься исключительно вразумленіемъ и обращеніемъ отщепенцевъ, занялся другими дѣлами, и потому, бросивши все, снова принялся за свои прежнія попытки достигнуть примиренія партій ⁽¹⁾, — приглашалъ къ себѣ ихъ вождей и вмѣстѣ и порознь, совѣщался съ ними и конфиденціально и открыто, и лично и чрезъ посредство другихъ.... но все эти усилія разбивались

(1) Pashum. liv. 1, с. 30, р. 81—82.

о взаимное раздраженіе и упорство отщепенцевъ. Представители умѣреннаго направленія арсеніанской фракціи, предводимые Іоанномъ Тарханіотомъ, прозвали своихъ прежнихъ союзниковъ огнепоклонниками послѣ неудачнаго искушенія води Божіей въ Атрамитѣхъ и до того чуждались ихъ, что не хотѣли даже говорить съ ними; эти въ свою очередь не хотѣли и слышать о какомъ бы то ни было сближеніи съ церковью. Они продолжали жаловаться на то, что имя Іосифа по прежнему красуется въ церковныхъ диптихахъ и поминается въ церковныхъ молитвахъ не смотря на то, что онъ отлученъ отъ церкви Арсеніемъ вмѣстѣ со всѣми, находившимися въ общеніи съ нимъ, и объявили, что до тѣхъ поръ не вступятъ въ общеніе съ официальной церковію, пока отлученные Арсеніемъ не будутъ приняты въ общеніе намѣстникомъ Арсенія Іакинфомъ, который уполномоченъ на это самимъ Арсеніемъ и который для этого долженъ быть возведенъ на патріаршій престолъ. Наконецъ они утверждали, что имъ однимъ принадлежитъ право предписывать условія принятія въ церковное общеніе, такъ какъ они только одни соблюли себя отъ всякаго компромисса съ папою и его клеветами (1).

Очевидно, раскольники продолжали стоять на своей прежней точкѣ зрѣнія: считая себя однихъ истинными представителями церкви, они отрицали за официальной церковію право принимать ихъ въ свое общеніе, и напротивъ присвоили себѣ право принять или не принять ее въ общеніе съ собою. Понятно, что императоръ не могъ принять этой точки зрѣнія, такъ какъ это равнялось бы формальному осужде-

(1) Pachym. lib. 1, c. 30, p. 82—83.

нію и отмѣненію всего совершившагося въ церкви со времени удаленія Арсенія отъ престола; пришлось бы пересовершать все церковныя таинства надъ всѣми, надъ которыми эти таинства совершены не арсенитами, такъ какъ, при незаконности іерархіи, онѣ оказывались не дѣйствительными. А поелику Іакинвъ съ своей партіей не хотѣлъ поступиться ни на волосъ въ своихъ требованіяхъ, то желанное соглашеніе и не могло быть достигнуто, не смотря на все усилія императора.

Но и умѣренные арсениты примирились съ церковію не впопыхъ и не безъ задней мысли. Не много спустя они сдѣлали съ своей стороны попытку достигнуть тѣхъ же результатовъ, которыхъ добивались ихъ собратья, только другимъ путемъ. Они приступили къ императору съ просьбою позволить имъ перенести тѣло Арсенія съ острова Приконниса, гдѣ онъ былъ погребенъ, въ столицу. «Просьба была сдѣлана не проста; но заключала въ себѣ затаенную мысль—прямо возвысить въ мнѣніи народа арсенитовъ и косвенно унижить іосифитовъ» (1). Мало этого: этимъ путемъ они надѣялись возстановить Арсенія на его престолѣ хотя бы то и послѣ смерти, ео ipso осудить Іосифа, какъ узурпатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣнить все то, что было сдѣлано имъ во время его патріаршества (2).

Не понялъ ли императоръ этой затаенной мысли арсенитовъ, или въ немъ родилась надежда этой уступкой смягчить суровыхъ представителей крайняго направленія и достигнуть примиренія ихъ съ цер-

(1) Григор. стр. 159.

(2) Рашут. lib. 1, c. 31, p. 83.

вію, только онъ безъ труда согласился исполнить предложенную ему просьбу, если не представится къ тому препятствій со стороны завѣщанія Арсенія.

Эта послѣдняя оговорка была сдѣлана потому, что носился слухъ, будто Арсеній на смертномъ одрѣ своемъ подвергъ отлученію всякаго, кто захотѣлъ бы перенести его тѣло съ Приконниса куда бы то ни было. Но когда нѣкоторые изъ арсенитовъ, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, увѣрили его, что это выдумка ученика 'Арсеніева, Матѳея, который изъ личныхъ расчетовъ распустилъ этотъ слухъ, чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ благочестивыхъ поклонниковъ, оставаясь при гробѣ почитаемаго святителя; то Андроникъ отправилъ въ Приконнисъ особую галеру подъ начальствомъ Θεодора Мануелита, съ порученіемъ привезти тѣло въ столицу. Само собою разумѣется, что галера наполнена была арсенитами, которые не могли уступить другимъ чести сопровождать прахъ своего главы.

Когда чрезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе о прибытіи галеры съ драгоценною ношею, императоръ и патріархъ—первый во главѣ всего двора и сената, послѣдній во главѣ духовенства, поспѣшили на встрѣчу браннымъ останкамъ святителя. Безчисленная толпа народа сопровождала ихъ. Прибывши на пристань Евгенія, покрыли раку драгоценнымъ покровомъ; священнослужители, вышедшіе на встрѣчу, приняли ее на свои плечи и несли до самаго храма Великой Премудрости Божіей съ пѣніемъ различныхъ случаю священныхъ пѣсней. У всѣхъ, сопровождавшихъ гробъ, были въ рукахъ зажженные свѣчи. Не было, говорить историкъ, ни одного человѣка,

который бы не оказывалъ останкамъ блаженно-почившаго патріарха такихъ же почестей, какія оказывали и арсениты. Клирики, находившіеся въ церковномъ общеніи съ патріархомъ Григоріемъ, облачившись въ священныя одежды, приготовились служить литургію; но предъ началомъ литургіи они переоблачили мощи, одѣтые въ убогую монашескую одежду, въ святительскія ризы, на амвонѣ, съ обычными обрядами, принятыми при облаченіи архіереевъ, при пѣніи священныхъ пѣсней тѣмъ и другимъ клиросомъ попеременно. Затѣмъ епископы перенесли ихъ въ олтарь на горнее мѣсто. Послѣ этого началась литургія. Во все продолженіе литургіи мощи оставались на горнемъ мѣстѣ, какъ будто усопшій святитель былъ священнодѣйствующимъ. По окончаніи литургіи ихъ положили въ раку, поставленную направо отъ олтаря, замкнувши ее нѣсколькими замками и занечатавши нѣсколькими печатями изъ опасенія, какъ бы арсениты не похитили тѣла. По вторникамъ, на каждой недѣлѣ, когда народъ, по обычаю, стекался къ Одигитріи (1), гробни-

(1) Πρὸς τὴν τῶν Ὀδηγῶν κατ' ἔτος λαοὺ συντρέχοντος... Ученая Поекина сильно затрудняетъ смыслъ этихъ словъ Пахимера: „привыкою откровенно, говорить онъ, что я брожу здѣсь въ потьмахъ, такъ какъ въ греческихъ книгахъ не нахожу ничего объ этомъ. Послѣ долгого и тщательнаго обсужденія я останавливаюсь на слѣдующемъ, представляющемъ мнѣ болѣе вѣроятнымъ, предположеніи, — именно, что здѣсь дѣло идетъ объ обычномъ стеченіи Константинопольскаго народа на поклоненіе ангеламъ. Ибо я нахожу, что ангелы называются словомъ Ὀδηγός въ литургіи Златоуста, во время совершенія которой диаконъ громкогласно возглашаетъ: ἄγγελον εἰρήνης πιστῶν ὀδηγῶν, φύλακα τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἡμῶν, παρὰ τοῦ Κυρίου ἀπεστάμεθα. Эти слова Кавасила с. 31 константируютъ слѣдующимъ образомъ: εὐχόμεθα περὶ τοῦ φύλακος ἄγγελου, οὗ ἕνα ἡμῖν τότε δοτεῖ (δέδοται γὰρ ἐξ ἀρχῆς ἐκάστῳ τῶν πιστῶν ἄγγελος), ἀλλ' ἕνα ἐνεργῶς ἢ καὶ τὰ αὐτοῦ ποιῆ καὶ φρονη καὶ πρὸς τὴν εὐθείαν ὁδὸν ἡμᾶς ὀδηγῆ. (Оглагола видно, какъ часто греки

цу открывали, чтобы всё желающіе могли видѣть
 и зывали ангеломъ словомъ ἄγγελοι. Кроме того известно, что съ древ-
 нѣйшихъ временъ установилось въ церкви въ третій день недѣли со-
 вершать службу въ честь ангеловъ. И такъ я думаю, что въ третій
 день недѣли Константинопольскій народъ имѣлъ обыкновеніе стекаться
 на поклоненіе ангеламъ. Но въ какое мѣсто? Пахимеръ здѣсь указы-
 ваетъ, что стеченіе это было къ правой сторонѣ главнаго алтаря
 (μακίναε αἰαε) въ храмѣ св. Софїи; ибо тамъ, по его словамъ, была
 поставлена гробница или рака съ костями патріарха Арсенія, рака, ко-
 торую, по случаю этого стеченія, имѣли обыкновеніе отярывать. Мнѣ
 кажется, что не будетъ пустой догадкой предположеніе, что мѣсто это
 избрано было въ силу вѣрованія, что ангелы по преимуществу пребы-
 ваютъ въ этомъ мѣстѣ, согласно съ 11-мъ ст. 1 гл. евангелія отъ Луки,
 гдѣ ангель представляется стоящимъ одесную алтаря кадилазнаго. Оста-
 ется еще указать читателю основаніе къ исправленію текста въ этомъ мѣ-
 стѣ книги Пахимера, исправленію, представляющемуся необходимымъ,
 согласно съ вышесприведенною догадкою. Въ двухъ лучшихъ кодексахъ
 подъ литерами В и А (въ кодексахъ У это мѣсто совершенно опущено)
 это мѣсто читается: πρὸς τὴν τοῦ Ὀδγγῶν; чтеніе очевидно испорченное.
 И прежде всего къ чему относится или на какой предметъ указываетъ
 слово τὴν? Ни выше ни ниже его нѣтъ ни одного слова того же рода,
 съ которымъ оно могло бы находиться въ грамматическомъ сочетаніи.
 Между тѣмъ известно, что переписчики древнихъ книгъ въ этомъ родѣ
 нѣкоторыя слова обыкновенно изображали собрашенно. Много подобныхъ
 сокращеній встрѣчается и въ обонхъ упомянутыхъ выше кодексахъ,
 какъ напр. мы тамъ встрѣчаемъ ἀνος вмѣсто ἀνδρωπος, οὐνδς вмѣсто
 οὐρανδς и пр. Такимъ обр., я думаю, что здѣсь слово τὴν стоитъ вмѣ-
 сто τῆς... Это подтверждается другимъ мѣстомъ нашего автора, нахо-
 дящимся ниже, р. 302 v. 14, гдѣ говорится, что προσκυνῆσεως ἕνεκα имѣли
 обыкновеніе приходитъ въ монастырь τῶν Ὀδγγῶν не только народъ, но
 и самъ императоръ. Вотъ это мѣсто: εἰς ἑκείθεν ἐπὶ τρίτῃ τῆς ἐβδομάδος
 τῆς καὶ γ' ἐξ ἀνάγκης ἐκ πολλοῦ τῷ βασιλεῖ τῆς τῆς Ὀδγγῶν μονῆς κατὰ ταύτην
 τῆς ἡμέρας παραβάλλειν προσκυνῆσεως ἕνεκα. Отсюда видно, что импера-
 торъ, слѣдуя народному обычаю, имѣлъ обыкновеніе отправляться на
 поклоненіе въ монастырь Ὀδγγῶν, которому, какъ можно подозрѣ-
 вать, дано было это наименование потому, что онъ посвященъ былъ
 специально Ὀδγγοί, или ангеламъ-руководителямъ, согласно съ выше-
 предложеннымъ объясненіемъ. Observat. Pachym. lib. I. p. 707—708.

Но уже ученый Дерубецъ (въ своихъ Dissertationes duae histo-
 ricæ et dogmaticæ... по изд. Миня Patrologiæ cursus completus, t.
 CXLIH. col. 126) находилъ это объясненіе неудовлетворительнымъ и
 высказалъ убѣжденіе, что здѣсь дѣло идетъ не объ ангелахъ, а объ
 иконѣ Богородицы—Омгитриѣ, находившейся въ монастырѣ ея имени.
 И дѣйствительно лучшимъ доказательствомъ несостоятельности этого

мощи (1).

Въ послѣдствіи старшая дочь Евлогія, супруга

объясненія служить его крайняя искусственность, не отступающая даже предъ очевидными натяжками. Между тѣмъ простое и естественное объясненіе затруднившаго Поссина мѣста находилось въ тѣхъ же словахъ Пахимера, которыя онъ привелъ ниже въ подтвержденіе своего искусственнаго предположенія (р. 302), стоило лишь сопоставить эти слова съ словами того же Пахимера на стр. 231-й — αὐτόθεν ἐξ ἀνακτόρων παρῆ τῆν ἐδὸν διεξεληλυθῶς ἅμα τῇ περὶ αὐτὸν τάξει τῆν τῶν Ὀδηγῶν καταλάμβαν ἐμοῦ, καὶ κατέναντι τῆς σεβασμίας εἰκόνης σταθεῖς ἀπονεμεὶ μὲν κατὰ τὸ εἰσῶς τῆν προσκύνησιν, λιπαρὰν τῆν ἱεσίαν ποιοῦμενος ἀπονεμεὶ δὲ γε καὶ τῆν εὐχαριστίαν μετὰ θερμῆς ὑποπτώσεως, αὐτῇ γε μετὰ θεῶν λέγων καὶ βασι λείαν καὶ ἐκκλησίαν εἰς χέρας τιθέναι, καὶ παρ' αὐτῆς καὶ μόνης ἐλπίζειν ἄξιαν γε τῆν διοίκησιν καὶ ἐπ' ἀμφοτέροις. Эти два мѣста ставить внѣ всякаго сомнѣнія два факта: а) что въ третій день недѣли существовалъ въ Константинополѣ обычай ходить на поклоненіе въ монастырь τῶν Ὀδηγῶν и б) что предметомъ поклоненія была икона Божіей Матери τῶν Ὀδηγῶν. Эти два факта дѣють ключъ и къ пониманію, столь сильно затруднившихъ нашего ученаго, словъ Пахимера. Говоря объ открытіи раки Арсенія по вторникамъ, когда народъ по обычаю стекался на поклоненіе прѣс τῆν τῶν Ὀδηγῶν, историкъ, очевидно, хочетъ лишь опредѣлить поточнѣе время открытія раки для народнаго поклоненія, а не мѣсто, гдѣ поставлена была рака (оно точно опредѣлено имъ выше словами: περὶ τὰ δεξιὰ τοῦ βήματος) и не мѣсто стеченія народа (оно хотя и указывается историкомъ; но а) не тамъ, гдѣ ищетъ его ученый комментаторъ, и б) не оно составляетъ здѣсь ту специальную цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ). Онъ хочетъ лишь сказать, что раку открывали въ тотъ самый день, въ который народъ по обычаю стекался на поклоненіе Одигитріи (т. е. въ известный монастырь, ей посвященный) и больше ничего. И потому, если ужъ непремѣнно предполагать здѣсь порчу текста; то она должна состоять въ опущеніи слова μου, которое фигурируетъ въ двухъ другихъ, приведенныхъ нами мѣстахъ изъ книги Пахимера, и имѣть никакой нужды предполагать здѣсь такое двусмысленное сокращеніе, какое предполагаетъ Поссинъ, тѣмъ болѣе, что а) предположеніе такого сокращенія совершенно произвольно и б) ровно ничего не объясняетъ. Намъ кажется, что на истинный смыслъ этихъ словъ Пахимера наводитъ между прочимъ и упомянутый Поссиномъ греческій кодексъ № V, гдѣ этихъ словъ нѣтъ. По существу дѣла онъ и дѣйствительно были здѣсь плеоназмомъ, такъ какъ ближайшая цѣль историка—опредѣлить время открытія раки Арсенія вродѣ достигалась словами: τρίτης ἑκάστης ἐβδόμαδος.

(1) Pachym., II, с. 31. р. 84—85.

протоѣвѣстіарія Рауля, читавшая особенную привязанность и уваженіе къ Арсенію и при жизни и по смерти его, выпросила у императора его мощи для вновь построенной ею великолѣпной церкви въ монастырѣ святаго Андрея. Это второе перенесеніе смертныхъ останковъ святителя совершенно было съ тою же торжественностію, какъ и первое (1).

Но всѣ эти церемоніи не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на суровыхъ приверженцевъ Іакинѣа. Они не сдѣлали ни одного шага къ сближенію съ церковію. Императоръ, впрочемъ, все еще не терялъ надежды побѣдить ихъ упорство, но примирительныя попытки его были на время прерваны неожиданно всплывшимъ дѣломъ Векка, имѣвшимъ роковое значеніе и для патріарха Григорія Кипрскаго.

Послѣ Атрамитскаго собора, когда «всѣ показавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ, собравшись въ Византію, подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста» (2), катедра митрополіи Прузской досталась нѣкому повару на царской кухнѣ Николаю, который вслѣдствіе этого постригся въ монахи и принялъ имя Неофита. Историкъ замѣчаетъ, что обычай избирать и возводить такихъ скороспѣлыхъ монаховъ на высшія іерархическія мѣста существовалъ только въ этомъ городѣ, а что въ другихъ мѣстахъ этого обычая не одобряли, находя неприличнымъ, чтобы человѣкъ, только что произнесшій обѣтъ монашества предъ Богомъ и ангелами Его, — обѣтъ послушанія другимъ, такъ скоро бралъ въ свои руки бразды управленія другими (3).

(1) Ibid. p. 85—86.

(2) Григор. стр. 163

(3) Pashyut. lid. 1, c 34, p. 88.

Къ какой партіи «ревнителейъ» принадлежалъ этотъ новый епископъ изъ поваровъ, неизвѣстно. По видимому, онъ принадлежалъ къ одной партіи съ Германомъ Никомидійскимъ и самимъ патріархомъ Григоріемъ. По крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи отношеній между этими тремя лицами, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ «ревнитель» вступленіе свое на кафедру митрополита вздумалъ ознаменовать «ревностью по вѣрѣ» и наложилъ на свою епархію постъ за возношеніе имени папы на церковныхъ молитвахъ, допущенное здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ имперіи, послѣ Ліонской уніи. Граждане Фрузы нѣкоторое время переносили наложенное на нихъ наказаніе, но потомъ стали роптать и вымѣщать свою досаду на Веккѣ, какъ главнымъ виновникѣ Ліонской уніи, а слѣдовательно и наложенной на нихъ эпитиміи. Градъ насмѣшекъ, ругательствъ и проклятій сыпался на несчастнаго экс-патріарха при всякомъ появленіи его не только на улицахъ города, но и на дворѣ Космидійскаго монастыря, гдѣ онъ жилъ. Уличныя мальчишки показывали ему языки и забрасывали грязью. Долго терпѣлъ Веккѣ, но наконецъ не выдержалъ и, когда однажды на монастырскомъ дворѣ собралась довольно многочисленная толпа и начала по обычаю поносить его разными бранными словами, онъ остановился на среднѣ обширнаго двора и, возвысивши голосъ такъ, чтобы всѣ могли его слышать, отозвался въ самихъ рѣзкихъ выраженіяхъ о невѣжествѣ мѣтнаго епископа и личномъ характерѣ и убѣжденіяхъ патріарха Григорія. «Удивляюсь я на ваше безсмысліе», ска-

залъ онъ. Вы набрасываетесь на меня съ ругательствами и трактуете меня, какъ язычника, меня, который родился и выросъ среди васъ, между тѣмъ какъ принимаете и превозносите похвалами человѣка, который родился и выросъ между латинянами и до сихъ поръ остается чуждымъ намъ и по одеждѣ и по выговору. Если дѣло идетъ о моемъ ученіи, то пусть императоръ созоветъ соборъ и поручитъ ему рассмотреть, содержится ли въ немъ что либо противное ученію священ. Писанія и отцовъ церкви. И если окажется, что нѣтъ, то за что же вы поносите меня такъ, какъ могутъ поносить лишь невѣжды и площадные крикуны?» Веккъ нарочно сказалъ эти слова публично, чтобы онѣ переданы были царю. По словамъ Григоры, онъ «надѣялся достигнуть одного изъ двухъ: или своимъ видомъ, своимъ лицомъ и рѣчью добиться отъ судей человѣколюбія, или же дать всѣмъ знать о нихъ, какъ о людяхъ безжалостныхъ и жестокихъ» (1).

Андронику дѣйствительно скоро были переданы рѣчи Векка, и онъ «нашелъ, что требованіемъ его пренебрегать не слѣдуетъ,—иначе можно посѣять въ головахъ многихъ подозрѣніе, что человѣка обижаютъ; а тогда въ народѣ начнется нескончаемая ругательства противъ мнимыхъ обидчиковъ, сперва втихомолку, а со временемъ открыто и въявь» (2). Вслѣдствіе этихъ соображеній рѣшено было созвать соборъ въ триклиніѣ Алексѣя, въ томъ самомъ, гдѣ собирався соборъ, низложившій Арсенія. На соборѣ присутствовали кромѣ множества архіереевъ, монаховъ

(1) Григор. стр. 161—162.

(2) Тамъ же стр. 162.

и почетнѣйшихъ изъ мірянъ два патріарха—Константинопольскій Григорій и Александрійскій Аѳанасій. Послѣдній, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, былъ принесенъ въ залу собранія на носилкахъ, на которыхъ оставался и во все время засѣданія. Императоръ лично предсѣдательствовалъ на соборѣ, окруженный членами сената и чинами своего двора. Великій логоветъ Музалонъ помѣстился близъ патріарха Григорія, чтобы поддержать его въ случаѣ нужды своимъ авторитетомъ и своими богословскими познаніями. Веккъ предсталъ на соборъ въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ и товарищей по ссылке архидіаконовъ Мелетиніота и Метохита (1).

Преніе между Веккомъ, Мелетиніотомъ и Метохитомъ съ одной стороны, и ихъ противниками съ другой—весьма подробно и обстоятельно изложено у Пахимера, но мы коснемся его лишь на столько, на сколько оно входитъ въ нашу исторію.

Предметомъ пренія были нѣкоторыя изреченія о.о. церкви, которыя Веккъ приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ защиту уніи, и въ которыхъ,

(1) *Rashum. lib. 1. c. 34 p. 89—90.* Акты этого собора были открыты Сирмондомъ, который доставилъ списки съ нихъ продолжателямъ лѣтописей Баронію Генриху Спондану и Одорику Райнальду. Первый изъ нихъ относитъ этотъ соборъ къ 1283 г. (п. 10), второй къ 1284 (п. 48). Это разнорѣчіе въ опредѣленіи времени собора обомъ учеными происходитъ отъ того, что начальныи листъ актовъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, было точно обозначено время созванія собора, испорченъ. Но мнѣніе Райнальда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ этотъ соборъ былъ созванъ послѣ Атрамитскаго, бывшаго несомнѣнно въ 1284 г. Притомъ, соображая естественный ходъ событій въ связи съ крайней медлительностью Андроника во всѣхъ мѣропріятіяхъ, мы должны относить созваніе собора этого къ концу 1284, или даже началу 1285 г. Лямбезій относитъ начало его къ концу 1287, а конецъ къ началу 1288 г. (*T. V. Commentariorum Bibliothecae saesarae Yindobonensis p. 116.*)

по его мнѣнію, излагалось ученіе, благопріятствовавшее латинскому ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Особенно жаркій споръ былъ вызванъ однимъ мѣстомъ изъ твореній св. Іоанна Дамаскина, гдѣ св. отецъ называетъ Бога Отца *Προβολεύς διὰ λόγου ἐκφορητικῶς Πνεύματος*, Изводителемъ Духа Возсіявателя чрезъ Слово. Мелитиніотъ и Метохитъ, которые привели это мѣсто, замѣтили, что со словомъ *προβολεύς* они соединяютъ тотъ же самый смыслъ, какой принято соединять со словомъ *ἄϊτιος* (Винovníкъ) въ предложеніи къ первому лицу Св. Троицы и для обозначенія Его отношеній къ двумъ остальнымъ». Но, присовокупили они, мы этимъ не хотимъ сказать, что Сынъ, имѣющій бытіе отъ Отца, есть Винovníкъ Духа Святаго, ни того, что Онъ есть Винovníкъ Духа Святаго вмѣстѣ съ Отцемъ (т. е. что вмѣстѣ съ Отцемъ изводитъ Духа Святаго). Напротивъ мы анафематствуемъ всякаго, кто говоритъ такимъ образомъ. Мы говоримъ только, что Отецъ есть Винovníкъ Духа Святаго чрезъ Сына, поелику слово Изводитель принимается въ смыслѣ Винovníка.»

На это великій логофетъ имъ замѣтилъ: «Какъ же вы не говорите, что Сынъ, пріемлющій бытіе отъ Отца, не есть Винovníкъ Духа Святаго, когда утверждаете, что Отецъ есть Винovníкъ Духа Святаго чрезъ Сына? Развѣ сказать, что Отецъ изводитъ Святаго Духа не иначе какъ чрезъ Сына, Который рождается отъ Него, не значитъ приписать Сыну истинную причинность относительно Святаго Духа?»

Архидіаконы, желая отклонить отъ себя упрекъ въ непослѣдовательности, отвѣтили, что когда богословы изъясняютъ божественныя тайны, то хотя

употребляютъ самыя тонкія и возвышенныя выраженія, но эти выраженія, какъ бы тонки и возвышены не были—все таки могутъ показаться грубыми и недостойными божественнаго величія, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія слабаго разума человѣческаго. «Развѣ мы не говоримъ, присовокупили они, въ подтвержденіе своихъ словъ, что Отецъ есть Богъ совершенный, что Сынъ есть Богъ совершенный и что Духъ Святой есть Богъ совершенный? И однако кто же думаетъ заключать отсюда, что мы признаемъ трехъ боговъ? Равнымъ образомъ развѣ мы не говоримъ, что Отецъ родилъ Сына? А кто не знаетъ, какъ злоупотребилъ этимъ выраженіемъ Арій, который вывелъ изъ него заключеніе, что Они не совѣчны по бытію, а что существуетъ извѣстный промежутокъ времени между бытіемъ Того и Другаго. Это однако не мѣшаетъ намъ оставаться твердыми въ вѣрѣ и отвращаться его богохульства. Такъ и здѣсь:—мы принимаемъ истину, возвѣщаемую Св. Писаніемъ, и отвергаемъ ложныя заключенія, которыя изъ нея дѣлаютъ».

Великій харгофлаксъ Георгій Мосхампартъ высказалъ было предположеніе, что приведенное архидіаконами изреченіе св. Дамаскина подложно; но великій логоветъ, наклонившись къ его уху, сказалъ такъ, чтобы другимъ было не слышно: «чтожъ о насъ подумаютъ, если мы будемъ основываться на такихъ слабыхъ доказательствахъ? Мѣсто, которое ты заподозрилъ, читается буквально въ *Ἐρξὸς Ὀπλοθήκη* (свящ. оружехранилище), какъ несомнѣнно принадлежащее св. Дамаскину». За тѣмъ, возвысивши голосъ, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ противникамъ: «я со-

гласенъ съ тѣмъ, что это мѣсто дѣйствительно принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину, но не согласенъ съ тѣмъ, что будто Духъ Святой получаетъ Свое бытіе отъ Отца чрезъ Слово или чрезъ Сына, такъ такъ если бы я согласился съ этимъ, то позволилъ бы себѣ иѣчто болѣе дерзновенное, чѣмъ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына. Ибо когда латиняне говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына, то употребленіемъ одного и того же предлога (*отъ*) они уравниваютъ оба лица, и тѣмъ иѣкоторымъ образомъ смягчаютъ то, что есть отталкивающаго въ ихъ ученіи, а когда я слышу, что Духъ Святой исходитъ *отъ* Отца *чрезъ* Сына, то различіе употребляемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ предлоговъ даетъ и различныя идеи о способѣ извожденія Св. Духа Отцемъ и Сыномъ,— именно въ одномъ смыслѣ является виновникомъ извожденія Отецъ и въ иномъ Сынъ, и так. обр. вводится въ актъ извожденія величайшее различіе въ богоначальные упостаси,— а что можетъ быть хуже этого?

Сказавши это, великій логоуетъ думать, что сказалъ иѣчто такое, противъ чего его противники не имѣютъ отвѣта. Они однакожь отвѣчали: «къ чему же ты направляешь свои слова противъ насъ? Направляй ихъ противъ того, чье изреченіе мы привели. Одно изъ двухъ—или это изреченіе Дамаскина должно быть отвергнуто, какъ неудачное, или принято какъ оно есть. За что же насъ обвиняете въ ереси, когда мы съ такимъ же уваженіемъ приедемъ это изреченіе св. Дамаскина, съ какимъ принимаете и вы?»

На это патріархъ Григорій имъ замѣтилъ: «кто жъ не уважаетъ св. евангелія, встрѣчая въ немъ

напр. слова: *Отецъ Мой болій Мене есть?* Но не достаточно принимать только съ должнымъ уваженіемъ эти слова, а необходимо и понимать ихъ согласно съ мыслию ихъ Божественнаго автора. Что же толку въ томъ, что вы принимаете эти слова св. Іоанна Дамаскина, когда вы ихъ криво толкуете? Изреченія св. отцевъ находятся въ тѣсной связи и въ полномъ согласіи одно съ другимъ, такъ какъ они произошли хотя и различнымъ образомъ (по формѣ) отъ одного и того же Духа. Докажите же намъ, что и другіе отцы говорили такимъ же образомъ. А такъ какъ вы этого доказать не можете. то явный знакъ, что вы искажаете смыслъ словъ св. Дамаскина, влагаете въ нихъ мысль, противную согласному ученію остальныхъ отцевъ».

Рѣчь патріарха оставила въ большое затрудненіе архидіаконовъ: не имѣя, что отвѣтить на вторую ея половину, они ограничились слѣдующимъ отвѣтомъ на первую: «на слова евангелія, которыя приведены тобою, существуютъ изъясненія о.о. церкви, которыя не позволительно отвергать. Приведенныя нами слова св. Дамаскина должны быть также объяснены. Такъ какъ наше объясненіе вы отвергаете, то скажите намъ свое, чтобы мы могли имъ замѣнить наше, если оно окажется болѣе вѣрнымъ».

Патріархъ отвѣтилъ: «вполнѣ достаточнымъ изъясненіемъ этихъ словъ св. Дамаскина служить ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца».

«Кто же возражаетъ противъ этого? отвѣчали архидіаконы. И мы говоримъ то же самое и въ соблюденіи этой истины полагаемъ надежду на спасеніе».

«А если вы принимаете это толкованіе словъ св.

Дамаскина, то за чѣмъ же вамъ было выставять другое ихъ толкованіе?» возразилъ имъ великій логоветъ.

«Этого требовали обстоятельства времени, — необходимо было успокоить народъ», — отвѣчали архидіаконы».

«А теперь», прибавилъ къ этому Веккъ, «мы пожалуй уступимъ вамъ это изреченіе, если вы находите его нѣсколько смѣлымъ; мы настаивали на немъ потому лишь, что оно давало намъ возможность оправдываться въ преступленіи, въ которомъ вы насъ обвиняли, — именно: будто мы искажаемъ здоровое ученіе. Тебя, великій логоветъ, столь хорошо знакомаго съ основами здраваго сужденія, я умоляю благосклонно меня выслушать».

«Пожалуйста безъ лести!» прервалъ его Музалонъ.

«Я и не думалъ льстить, отвѣчалъ ему Веккъ, — я прошу лишь вниманія къ тѣмъ сравненіямъ, которыя имѣю предложить для объясненія возвышенныхъ тайнъ, которыя другимъ путемъ не могутъ быть объяснены достойнымъ ихъ образомъ. И впрочемъ не позволю себѣ приводить здѣсь никакихъ другихъ сравненій кромѣ тѣхъ, которыя я нахожу въ твореніяхъ отцовъ церкви. Они говорятъ, напр., что солнце, лучъ и свѣтъ служатъ образами этого таинства, которое впрочемъ не имѣетъ себѣ точнаго подобія. У нихъ же я встрѣчаю и другое сравненіе — съ источникомъ, водой и потокомъ. Лучъ непосредственно исходитъ отъ солнца, но въ то же время исходитъ и свѣтъ, прежде чѣмъ лучъ будетъ замѣченъ глазами. Спрашивается: что же служить причиною свѣта — лучъ или солнце? На это разсужденіе наводитъ меня св. Григорій Нисскій,

когда говорить, что «мы различаемъ между тѣмъ, что *отъ* причины, и тѣмъ, что *чрезъ* причину. Ибо то — непосредственно *отъ* перваго, а это *чрезъ* то, что непосредственно *отъ* перваго (1).

«Такъ ты не признаешь Духа Святаго, непосредственно соединеннымъ съ Отцомъ, какъ Сына? возразилъ ему патріархъ со своими сторонниками. Чьи же уши могутъ вынести такія рѣчи? О Сынѣ говорятъ, что Онъ непосредственно съ Отцомъ, а о Духѣ— что Его отдѣляетъ отъ Отца какое то пространственное разстояніе! Не бессмыслица ли это? Ибо если Господь сказалъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*; то съ такимъ же правомъ можно сказать то же самое и о Святомъ Духѣ. Если мы хотимъ быть православными, то должны говорить, что Духъ Святой во Отца и Отецъ во Св. Духѣ, равно какъ, что Духъ Святой въ Сынѣ и Сынъ во Св. Духѣ».

«Совершенно справедливо, отвѣчалъ Веккъ, и вполне рационально признавать, что Духъ Св. не отдѣленъ ничѣмъ отъ Отца, что Онъ соединенъ съ Нимъ непосредственно, какъ свѣтъ — если позволено мнѣ будетъ возвратиться къ прежнему сравненію,—непосредственно соединенъ съ солнцемъ. Противъ этого я не спору. Но нельзя сказать, что Духъ Святой непосредственно отъ Отца, поелику св. Григорій говорить, что Сынъ непосредственно отъ Отца, а что Духъ Святой отъ Того, Кто непосредственно отъ Отца». Что же касается пространственнаго, или временнаго разстоянія, которое, по вашимъ словамъ,

(1) ...ὁ Νέστωρ Γρηγόριος λέγων τοῦ δὲ ἐξ αἰτίας ὄντος, τοῦτέστι τῶν αἰτιατῶν, πάλιν ἄλλην διαφορὰν ἐννοοῦμεν τὸ μὲν γὰρ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου, τὸ δὲ διὰ τοῦ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου.

вводится будто бы нами между Отцомъ и Св. Духомъ, то это такая нелѣпность, которой и опровергать не стоить. Правда, когда говорится, что Сынъ рождается отъ Отца,—то этимъ дается понять, что тутъ дѣло идетъ о плотскомъ выдѣленіи и разлученіи одного отъ другого, но когда къ этому присовокупляется, что Онъ рождается нераздѣльно (*ἀσπασταῶς*), то этимъ ясно показывается, что хотя Сынъ и отъ Него, но не такъ, чтобы отдѣлялся отъ Него. Такъ же точно представляемъ мы и отношеніе между Отцомъ и Духомъ Святымъ. Но для большей точности обратимся опять къ сравненію. Мы говоримъ, что свѣтъ исходитъ изъ солнца при посредствѣ луча, но въ тоже время мы не отрицаемъ того, чтобы свѣтъ не былъ соединенъ съ солнцемъ посредствомъ луча. Вотъ почему святой (Григорій Нисскій) присовокупилъ, что *посредничество Сына въ одно и тоже время и Его свойство Единороднаго сохраняетъ и не отнимаетъ у Духа связи съ Отцомъ* (').

На это патріархъ Александрійскій замѣтилъ ему со своихъ послоекъ: «мы хранимъ ученіе церкви въ томъ видѣ, въ какомъ его приняли; а говорить такъ, какъ вы говорите, мы не научены. Если бы церковь содержала это въ болѣе пространномъ видѣ, то всеконечно не скрыла бы и отъ насъ. А поелику она держитъ вѣру просто и безхитростно (*ἀπειρογως*), то и мы будемъ также точно хранить догматы вѣры, въ которыхъ мы воспитаны: и къ чему вы усиливаетесь вводить въ церковь Божию то, чего мы не приняли

(') *Διὰ τοῦτο καὶ ἐπιφέρει ὁ ἅγιος τῆς τοῦ υἱοῦ μεσιτείας καὶ αὐτῶς τὸ μονογενὲς φιλαττοῦσης, καὶ τὸ πνεῦμα τῆς τοῦ πατρὸς σχέσεως μὴ ἀπειρογούσης.*

говорить? Оставьте все это, и тогда миръ между нами и вами установится».

«Но мы говоримъ все это потому, Владыка, что насъ обвиняютъ въ ереси», сказали они.

«И справедливо поступаютъ, отвѣтилъ Аѳанасій; всякое необычное нововведеніе, хотя бы то и безопасное, можетъ считаться ересью; и потому я снова увѣщаваю васъ—присоединитесь къ общему мнѣнію и миръ легко возстановится при посредничествѣ святаго царя нашего (1)».

Въ томъ же направленіи шли пренія и дальше. Обѣ стороны старались перецеголять одна другую діалектическими тонкостями и въ слѣдствіе этого постоянно уклонялись въ сторону, стараясь не о томъ, чтобы общими усиліями выяснить предметъ спора, а о томъ, чтобы поставить на своемъ. Между прочимъ Веккъ, отклоняя отъ себя упрекъ въ ереси, оборотилъ этотъ упрекъ къ самимъ же членамъ собора и, когда патріархъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ потребовалъ доказательствъ, вынулъ изъ-за пазухи одну рукопись и, прочитавши изъ ней нѣсколько словъ, спросилъ Григорія: «какъ онъ находитъ высказанныя авторомъ мысли»? Патріархъ призналъ ихъ еретическими; то же подтвердилъ великій логофетъ и другіе. Великій хартофилакъ Мосхампаръ, оказавшійся авторомъ злополучной рукописи, началъ говорить что-то въ свою защиту; но Веккъ, довольный тѣмъ, что ему удалось озадачить своихъ противниковъ, прервалъ его и съ улыбочкой сказалъ патріарху: «мы думали, что это твое сочиненіе, а если оно принадлежитъ этому господину, какъ онъ самъ сознался, то

(1) Pashum. lib. I. c. 35 p. 90—103.

намъ нѣтъ до него дѣла, — это блоха на дышлѣ, которая не можетъ ни поднять, ни опустить козель колесницы (1)».

Въ заключеніе спора Веккъ предложилъ слѣдующій проектъ соглашенія: «если позволите, я откровенно выскажусь относительно раздѣляющаго насъ пререканія, такъ какъ я столь же искренно желаю мира, какъ и вы. Мы, по обстоятельствамъ времени, приводили мѣста изъ твореній отцевъ церкви, считая ихъ твердо обоснованными (*ἀσφαλῶς ἔχοντα*) и православными. Посему мы принимали и приѣмлемъ и того, кто исповѣдуетъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, ибо это изреченіе (*ἐξ ἑαυτοῦ*) Самаго Господа и собора (2) и сами мы въ каждый день то же самое исповѣдуемъ (3). Но въ то же время мы приѣмлемъ и того, кто говоритъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, такъ какъ онъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ цѣлому седьмому вселенскому собору (4): а кто не чтитъ из-

(1) Φύλλα τις ἐπικαθίσασα τῷ τῆς ἀμάξης ῥυμίῳ οὐτ' ἀναστάν οὕτε καταστάν ἔχει τῷ περὶ τοῦ. Игра обоюдностью значенія слова Μοσχάμπρ.

(2) Второго вселенскаго.

(3) Читая символъ Никео-цареградскій.

(4) Веккъ разумѣетъ окружное посланіе св. Тарасія къ патріархамъ Александрійскому, Антиохійскому и Іерусалимскому, которое было читано на VII всел. соборѣ и присоединено къ его актамъ. Въ этомъ посланіи между прочимъ читались по рукописи, бывшей въ рукахъ Векка слѣд. слова: καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ ἐκ πατρὸς δι' Υἱοῦ ἐκπορευόμενον, καὶ αὐτὸ Θεὸν εἶναι ὑπορριζόμενον. Кроме Векка эти слова цитовали: Никифоръ Влемидь Orat. 1 п. 24—26 (Graeciae Orthodoxae t. 1 p. 31—38). Константинъ Мелетиніотъ Orat. 1. (Ibid t. II. p. 695—696), Георгій Метохитъ съ Максимомъ Планудисомъ (Ibid p. 924. sq.), Мануилъ Калекъ Lib. I. p. 386. Lib. VI p. 442 sq., Андрей Родосскій въ 7 засѣданіи елорентинскаго собора (Hard. IX. 100) Виссаріонъ Никейскій (Ibid. p. 344), Іосифъ Мевонскій (Ibid p. 574), Григорій Протосинакелъ (Ib. p. 623) и Левъ Азлэцкій (contra Hotting. c. 20 p. 521. Virgic. Syn. Ephesineae c. 48 p. 263). Но на елорентинскомъ соборѣ въ рукописномъ кодексѣ, выходящемся въ рукахъ латинякъ, вѣсто

реченій отеческихъ, того мы считаемъ дерзновеннымъ. Вотъ, въ настоящую минуту, здѣсь присутствуютъ патріархи, епископы и весь клиръ, равно какъ и почетнѣйшіе изъ мірянъ. Я желаю вступить въ общеніе съ вами, признавая васъ за православныхъ, предпочитаю даже раздѣлить вмѣстѣ съ вами и осужденіе отъ правосуднаго судіи.—Бога, если вы уклонились въ чемъ либо отъ православія, чѣмъ оберегать собственную безопасность. И хотя настойчивость, съ какою вы требуете отъ меня и отъ моихъ товарищей, чтобы мы отвергли отеческій догматъ, имѣющій за себя столь почтенную древность и столь многими уважаемый, между тѣмъ какъ сами вы не обращаете на него ни малѣйшаго вниманія, и кажется мнѣ не основательною.—поселику я всячески остерегаюсь какъ бы не уклониться мнѣ отъ чистоты православія,—тѣмъ не менѣе я готовъ отказаться отъ своего мнѣнія, всецѣло присоединиться къ вамъ и быть вашимъ ученикомъ. Ведите меня, куда хотите: я всюду послѣдую за вами, если вы будете предшествовать мнѣ своимъ примѣромъ. Пусть будетъ составлено опредѣленіе (*ἐκτεθέντος τῆς*), пусть будетъ отмѣненъ этотъ догматъ, пусть будетъ отвергнуто слово: *чрезъ Сына*, если хотите. И если я не послѣдую за вами—хотя я очень хорошо знаю, какъ опасно подобное пренебреженіе къ изреченіямъ отеческимъ,—то беру на себя одного отвѣтственность въ чемъ бы меня за это не обвиняли—въ измѣнѣ-ли убѣжденію, или въ ереси, такъ какъ— снова повторяю это—и предпочитаю быть оправдан-

словъ δι' υἱοῦ стояли слова ἐκ υἱοῦ, а въ кодексѣ, находившемся въ рукахъ грековъ, не овазалося ни тѣхъ ни другихъ словъ. Vid. Н. ἄγιος καὶ οἰχομενικὸς ἐν Φλωρεντίᾳ σύντομος. Ἐν Ρώμῃ. 1865 г.)

нымъ или осужденнымъ вмѣстѣ съ вами. Но если вы затрудняетесь это сдѣлать, возлагая на насъ однихъ всю тяжесть отвѣтственности за подобное дѣло, то въ свою очередь, развѣ мы не имѣемъ основанія, — скажу болѣе — развѣ не вынуждаемся, въ виду вашихъ опасеній и колебаній, и сами бояться, какъ бы намъ однимъ не подвергнуться опасности, если мы одни рискнемъ сдѣлать это?».

«Но вѣдь мы ничего объ этомъ не писали, возразили имъ сторонники Григорія. Вѣдь вы одни писали объ этомъ и вызвали все это броженіе. Вамъ однимъ нужно и отказаться отъ всего этого. И что же вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?»

«Рискните вы первые на это, отвѣтилъ Веккъ со своими товарищами. Этимъ вы уврачуете немощную совѣсть братій вашихъ и пріобрѣтете ихъ для себя».

Затѣмъ разговоръ снова сбился на колкости; взаимное раздраженіе возросло до того, что Веккъ, обратившись къ императору, громко и рѣзко сказалъ, что волненіе въ церкви не успокоится до тѣхъ поръ, пока Григорій будетъ занимать патріаршій престолъ».

Андроникъ, безмолвно и неподвижно сидѣвшій до сихъ поръ, страшно вспыхнулъ при этой выходкѣ Векка. Не влады собой, онъ всталъ съ своего трона и, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, сказалъ, обратившись къ Векку и его товарищамъ: «вы находите, что церковь еще недостаточно страдала? Вамъ мало ея прежнихъ напастей, и вы снова хотите замутить ее? Вы хотите поставить ее между двумя огнями — между нападками раскольниковъ съ одной стороны и вашими собственными вздорными разглагольствованіями (*evangelium*) съ другой. Вы хотите, чтобы единая и нераздѣльная

церковь, за которую Христосъ пролилъ свою кровь, была растерзана своими собственными чадами?»...

Долго и хорошо говорилъ императоръ, замѣчаетъ нашъ историкъ. Онъ былъ истинно краснорѣчивъ въ эту минуту; но тщетно сыпалъ онъ цвѣты своего краснорѣчія. Они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія и ни на волосъ не измѣнили враждебнаго настроенія присутствовавшихъ. «Это отъ того, заключаетъ историкъ, что не о Божіей правдѣ заботились присутствовавшіе, а всякой нарвилъ поставить свою правду» (1).

Дѣло кончилось тѣмъ, что Веккъ и его сподвижники, не хотѣвшіе отстуниться отъ своихъ убѣжденій, были осуждены, какъ еретики, и за упорство въ ереси—заключены въ крѣпость св. Григорія, въ которой, за два года предъ тѣмъ, томилаcь знаменитая Евлогія.

Этотъ неожиданный эпизодъ изъ исторіи ліонской уніи, которую все считали уже окончательно сданною въ архивъ, завязалъ первый узелъ въ длинной цѣпи непріятностей и тревоженій, разразившихся надъ патриархомъ Григоріемъ и осложнившихъ церковныя смуты и нестроенія новымъ яблокомъ раздора къ великой радости арсенитовъ

«Удалившись со сцены, Веккъ, по словамъ Пахимера, оставилъ по себѣ ничто подобное тому, что оставляютъ въ тѣлѣ ужаленнаго человѣка пчелы послѣ своего удаленія» (2). Жгучей болячкой засѣли въ душѣ его противниковъ его доводы въ свою защиту, представленные на диспутъ. Они не могли не

1, Pachym. lib. I. c. 35 p. 90—102

(2) Pachym. lib. II. c. 1 p. 108.

сознавать, что безусловно отвергнуть эти доводы еще не значить опровергнуть ихъ. Особенно смущалъ ихъ его доводъ, основанный на пзвѣстномъ изреченіи св. Дамаскина. Хотя патріархъ Григорій и заявилъ на диспутѣ, что вполне достаточнымъ изъясненіемъ этого изреченія служить ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; но, послѣ спокойнаго обсужденія дѣла, его сторонники находили это изъясненіе недостаточнымъ, такъ какъ оно обходило вопросъ, а не разрѣшало его. И потому они не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ такого объясненія словъ св. Дамаскина, которое было бы, съ одной стороны, противно объясненію Векка, съ другой—согласно съ мыслью св. Дамаскина. На предположеніи Мосхампара на счетъ подложности этого изреченія, основанномъ на отсутствіи его въ нѣкоторыхъ экземплярахъ твореній св. Дамаскина, они не могли успокоиться потому, что это изреченіе буквально читалось въ *Ἔκτα Οὐλοδότηκῃ*, какъ подлинное, съ той только оговоркой, сдѣланной на полѣ автографа рукою самого императора Мануила Комнина, что «св. Дамаскинъ не говоритъ здѣсь, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, а что Онъ исходитъ чрезъ Сына и чрезъ Слово» (1). Притомъ было и другое обстоятельство, удерживавшее ихъ отъ принятія предположенія Мосхампара: въ той же главѣ, гдѣ находилось это изреченіе св. Дамаскина, было другое изреченіе, чрезвычайно имъ благопріятствовавшее. Вотъ это изреченіе: «мы не говоримъ, что Духъ отъ Сына» (2). Такимъ образомъ отверженіе подлинности перваго изреченія повлекло бы за собою

(1) Ὅτι οὐκ ἔξ υἱοῦ ἀλλὰ διὰ λόγου τὸ καὶ υἱοῦ ὁ θεολογῶν ἀπεφάνηται.

(2) Ἐκ τοῦ υἱοῦ δὲ τὸ πνεῦμα οὐ λέγομεν.

отверженіе подлинности и другого и, слѣдовательно, лишило бы ихъ одного изъ самыхъ сильныхъ оружій противъ Векка. Между тѣмъ признаніе подлинности того и другого давало имъ въ руки обоюдоострый мечъ, который одной своей стороною поражалъ латинянъ, другой ихъ защитниковъ, основывавшихъ свою защиту на тождествѣ предлоговъ *ἐκ* и *διὰ*. Отрицающае исхожденіе Св. Духа отъ (*ἐκ*) Сына, св. отецъ тѣмъ самымъ отвергалъ и исхожденіе Его чрезъ (*διὰ*) Сына, и такимъ образомъ защитникамъ латинянъ преграждалась возможность оправдывать ихъ чрезъ отождествленіе обоихъ предлоговъ... Вслѣдствіе этого соображенія они находили нужнымъ признать подлинность всей главы, въ которой находились оба эти изреченія, и лишь озабочивались изъясненіемъ ихъ въ православноиъ смыслѣ. А такъ какъ никто не могъ разрѣшить этой задачи лучше патріарха Григорія, который былъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени, то они и стали осаждать его просьбами взять на себя этотъ трудъ, долженствовавшій, по ихъ соображеніямъ, служить для потомства столпомъ православія (*πύλον ἐπιστατήριον*) и обличеніемъ для уклонившихся отъ него. Патріархъ дѣйствительно принялся за дѣло и написалъ превосходное сочиненіе (*γενναίου τέρον*), въ которомъ разбиралъ и опровергалъ противниковъ по пунктамъ.

Тѣмъ же Григорія былъ сначала прочитанъ громко въ церкви съ амвона и потомъ подписанъ царемъ, патріархомъ, сорока двумя епископами и двадцатью восемью клириками (1).

(1) Pashut. lib. II, c. I, p. 108—111. Сохранилось ли это произведеніе Григорія до нашего времени—неизвѣстно. По заглавію, ему, по видимому, соответствуетъ 'Ο Τέροντος κυρίου συνόδι, ἡτοι ἐξήλθη Ορθοδοξία, занимающій по словамъ Ламбеція (V t. Comment), num. 3. въ руко-

Но этому произведенію патріарха, долженствовавшему, по мысли его сторонниковъ, служить непоколебимымъ памятникомъ православія, суждено было послужить новымъ камнемъ претыканія не только для враговъ Григорія, но и для многихъ и притомъ ближайшихъ его друзей и почитателей.

Началось съ того, что нѣкоторые изъ клириковъ отказались подписать *Томосъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что боятся подвергнуться за свою подпись неприяностямъ и напастямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя разъ они уже и испытали отъ «ревнителей», не смотря на то, что подпись (вѣроятно къ акту уніи, или другому съ нимъ аналогическому), за которую они подверглись этимъ напастямъ, была сдѣлана ими не добровольно, а по принужденію. Что если настанетъ такое время, когда признано будетъ нужнымъ отмѣнить то, что теперь постановляется, и осудить сочиненіе, которое теперь заставляютъ насъ одобрить, — чѣмъ мы будемъ тогда гарантированы отъ наказанія? — спрашивали они и, нужно сознаться, опасенія, внушавшія имъ этотъ вопросъ, были вполнѣ основательны, какъ показали послѣдствія. Тщетно патріархъ и другія, скрѣпившія *Томосъ* своею подписью, власти и лица, старались растолковать имъ, что между тогдашнимъ ихъ

пискомъ греческомъ сборникѣ императ. Вѣнской библиотеки за № 269, но такъ какъ по начальнымъ словамъ, приведеннымъ у Ламбеція, онъ тождественъ съ *Εὐθείας τῆς τριτῆς*, изданнымъ Бандуріемъ въ II-мъ томѣ его *Imperium Orientale*, то и нужно признать его за одно и тоже произведеніе съ этимъ послѣднимъ. Между тѣмъ Бандурій отличаетъ *Εὐθείας* отъ *Томосъ*, какъ два разные произведенія Григорія (р. 650). Отрывки изъ него цитуются у Вриеннія въ 4 *Orat. de Trinitate*, у Аалаяція въ его *Vindiciae Synodi Ephesinae* и особенно у Векка въ его трактатахъ противъ *Томосъ* — а, напечатанныхъ въ II т. *Grassiae Orthodoxae Aelция*. Эти отрывки значительно рознятся съ текстомъ *Εὐθείας* — а и так. обр. подтверждаютъ мнѣніе Бандурія.

согласіемъ на унію и нынѣшней подписью существуетъ громадное различіе,—что тогда они присоединились къ дѣлу, завѣдомо не законному, и одобрили ученіе несомнѣнно еретическое, а теперь требуютъ ихъ подписей къ акту, совершенно законному, и къ ученію, вполнѣ православному,—они остались при своемъ и, вслѣдствіе этого, были лишены своихъ должностей и званій. Нежеланіе подписать опасный документъ было истолковано въ смыслѣ желанія остаться вѣрными своей унії съ латинянами.

Осужденные энергически отвергали это толкованіе, какъ совершенно произвольное и несправедливое, и признались, что ихъ соблазняетъ въ Тѣмосѣ-ѣ патріарха объясненіе словъ св. Дамаскина, которыя Веккъ приводилъ въ свое оправданіе и въ своихъ сочиненіяхъ и во время устныхъ преній на соборѣ въ Алексѣевскомъ триклиніѣ. Вотъ это объясненіе: «если у великаго богослова Дамаскина встрѣчается выраженіе, что Отець есть Изводитель Духа чрезъ Сына, то это выраженіе имѣетъ цѣлю объяснить не исхожденіе Духа а Его вѣчное возсіаніе» (1). Они говорили, что не понимаютъ этого объясненія, и просили объяснить имъ различіе между исхожденіемъ и возсіаніемъ, тѣмъ болѣе, что святые отцы безразлично называютъ иногда *возсіаніемъ* какъ *рожденіе* Сына, такъ и *исхожденіе* Духа отъ Отца, и слѣдовательно принимаютъ ис-

(1) Εἰ δὲ καὶ παρὰ τῷ θεολογικωτάτῳ Δαμασκηνῷ τὸ διὰ λόγου εὑρηται προβόλευς, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς τοῦ πνεύματος πρόδον ἢ λέξις δηλοῦν βούλεται, ἀλλὰ τὴν εἰς αἰδίον ἔκφανσιν. Pachyni. lib II, c. 1. p. 113. Буквально его мство изъ Тѣмоса, если вѣрить Вриеннію (de Trinitate), со словъ котораго цитуетъ его Аляціи въ своихъ Cindiciae Synodi Ephesinae, cap. 60, читалось такъ: εἰ γὰρ διὰ τοῦ Υἱοῦ παρὰ τῶν λογίων ἐκπορεύεσθαι τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐρηται τὴν εἰς αἰδίον ἔκφανσιν ἢ λέξις ἐνταῦθα, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς σημαίνειν βούλεται πρόδον.

хождение и возсіаніе за одно и то же. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ согласились подписать *Тόμος*, если патриархъ и епископы дадутъ имъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что имъ не угрожаетъ за это никакая опасность, для того, чтобы они могли впоследствии оправдать свою подпись, если не въ глазахъ людей, то по крайней мѣрѣ предъ Богомъ, и когда требуемое удостовѣреніе было имъ дано, они подписались (1).

Пока происходили описанныя нами затрудненія съ подписями *Тόμος-а*, документъ этотъ попалъ какими то судьбами въ руки Векка и встрѣтилъ въ немъ самаго злаго критика. Веккъ нашелъ въ немъ придраться ко многому, но главнымъ образомъ попалъ на то же мѣсто въ сочиненіи Григорія, которое послужило камнемъ преткновенія и для упомянутыхъ выше клириковъ. Онъ находилъ, что если слово «Изводитель» и дѣйствительно имѣетъ различное значеніе—иногда означаетъ Виновника, иногда Посылателя, или просто Сообщителя (Св. Духа), то слова «исхождение» и «вѣчное возсіаніе», во всякомъ случаѣ, означаютъ одно и то же (2), и, нависавши «окружное посланіе» въ опроверженіе *Тόμος-а*, отдалъ своимъ друзьямъ для распространенія въ константинопольской публикѣ (3).

(1) Pashyus. lib. II. c. 1 p. 113—114.

(2) Ταύτην δε μάλιστα τὴν ἐξηγήσιν μὴ καλῶς ἔχουσαν τῆς ἐνοίας ἐπειρᾶτο δοκῆσαι, ὡς ἡ μὴ ὁμωνυμιζομένου δῶθεν τοῦ προβολέως καὶ ποτὲ μὲν εἰς αὐτίον ἐκλαμβάνομένου ποτὲ δὲ εἰς δότην καὶ χορηγὸν τε καὶ ἀπλῶς παροχέα, ἢ εἰ μέλλοι ἀπλοῦν τὸ προβολέως συντηρεῖσθαι, μιᾶς ἐνοίας δηλωτικὰς εἶναι ἀνάγκη καὶ ἀμφοτέρως τὰς λέξεις τὴν τε εἰς τὸ εἶναι πρόσδον καὶ τὴν εἰς αὐτίον ἔκφρασιν, καὶ οὕτως εἰς ταυτὸν συντρέχειν ἐκείνῳ τὸν ὡς δῆθεν διαφερόμενον. Ibid. lib. II c. 2 p. 114.

(3) Объ этомъ сочиненіи Векка мы узнаемъ лишь изъ письма Григорія Кипрекаго къ императору Андронику (См. Христ. Чтен. за 1870 г. сентябрь, стр. 512). Хотя ученый издатель этого письма Мат-

Враги Векка, по словамъ Пахимера, отнеслись къ его произведенію весьма презрительно. Это однакожь не помѣшало ему распространиться по всему городу и произвести всеобщее броженіе (1). Лица, не заинтересованныя въ личныхъ отношеніяхъ Векка къ Григорію, заинтересовались самымъ вопросомъ, который дебатировался между двумя противниками. Многие, говоритъ историкъ, возгорѣлись желаніемъ самостоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ, чтобы не быть поставлену въ опасность увлечься въ заблужденіе вслѣдъ за другими. Это желаніе особенно сильно обнаружилось въ тѣхъ, которые подписали *Тѣмос* не по убѣжденію, а по природной податливости, и положившись на авторитетъ другихъ (2).

Но нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ приступили къ дѣлу съ тѣмъ же предубѣжденіемъ противъ патриарха Григорія, съ какимъ и Веккъ, хотя и по другимъ основаніямъ. Въ числѣ ихъ историкъ прежде всего упоминаетъ о великомъ хартофилакѣ Эскамма

тіа и думаетъ, что Фабрицій въ своей *Bibl. Gr.* (t. XI, p. 347, ed. Parl.) упоминаетъ объ этой энцикликѣ со словъ Николая Комнина Паподополи (въ его *Grænotiones mystagogicæ ex jure canonico*, Patav. 1696), но и Фабрицій и Паподополи и самъ Веккъ въ своихъ замѣткахъ о своихъ сочиненіяхъ (у Алляція въ его *Gr. Orthodoxæ*, t. II, p. 7) говорятъ только о „третьемъ сочиненіи“ (кроиъ двухъ напечатанныхъ у Алляція) Векка противъ Григорія, не называя его по имени, такъ что есть еще мѣсто сомнѣнію, дѣйствительно ли разумеютъ оня подъ этимъ „третьимъ сочиненіемъ“ энциклику. Что же касается предположенія Маттіа, что упоминаемая здѣсь энциклика появилась осенью 1278 г., то мы не имѣемъ основанія ни отвергать, ни принимать его, такъ какъ наши источники даютъ намъ на этотъ счетъ самыя шаткія и неопредѣленныя указанія.

(1) Этотъ фактъ подтверждаетъ и самъ Григорій Кипрскій въ цитованномъ выше письмѣ своемъ къ императору Андронику Старшему (Христіан. Чтен. за 1870 г. Сентябрь, стр. 512—513).

(2) *Rachum. lib II. c. 11. p. 115.*

тисменѣ, преемникѣ Георгія Мосхампара. Къ нему присоединился и его предшественникъ Мосхампаръ съ товарищемъ своимъ Пентеклисіотомъ. Оба они не долго предъ тѣмъ разошлись съ патриархомъ изъ-за какихъ то пустяковъ и, отрекшись отъ дружбы съ нимъ, сложили съ себя и свои должности. Теперь они вздумали воспользоваться представившимся случаемъ и выместить свою досаду и злость на своемъ прежнемъ союзникѣ и покровителѣ. Не имѣя возможности напасть на его личность, они напали на его книгу (Γόρως). Критика Векка нанесла уже ей сильный ударъ въ глазахъ многихъ. Оставалось лишь добить ее. Но, какъ и слѣдовало ожидать, нападая на книгу патриарха, они тщательнo отклоняли отъ себя подозрѣніе въ томъ, что они дѣлаютъ это изъ личныхъ счетовъ съ нимъ, а старались увѣрить всѣхъ и каждого, что водятся единственно желаніемъ возстановить истину.

Понятно, что искатели истины, приступившіе къ своему исканію съ такими предрасположеніями къ патриарху, не могли не превратиться въ жаркихъ его противниковъ, — что дѣйствительно и случилось. Что и какъ писали эти новые противники патриарха противъ его книги, мы не знаемъ, потому что ихъ сочиненія не дошли до насъ ⁽¹⁾; но вотъ какъ описы-

(1) Аллаций въ своемъ изслѣдованіи de Georgiis говоритъ: Multa in latinam ecclesiam, illiusque dogmata monumentis editis oblatravit, (т. е. Мосхампаръ) quibus Joannes Vexcus patriarcha constantinopolitanus docte respondens, tanti nebulonis impetum fastumque compressit. Ego neque Moschanparis scripta, neque Ioannis responsiones vidi, id tamen habeo ab eodem patriarcha Ioanne, ex libro, cui ipse titulum fecit: ἐπιστημείωσις τῆς τῶν ἀλασῶν αὐτοῦ βιβλίου, καὶ γραφῶν ἀσμφόνιας. Et incipit: καὶ τὴν παρούσαν δεῖξαι δὲ βιβλίον. Fabricii. Bibl. Gr. t. VII p. 47. ed. Harl. Въ цитуемомъ Аллациемъ сочиненіи (Græciæ Orth. t II). Венгъ трижды упоминаетъ о сочиненіяхъ своихъ противъ Мосхампара (на стр. 3, 9 и 11); но не называетъ ни ихъ ни сочиненій Мосхампара, противъ которыхъ онъ былъ направленъ.

валъ ихъ самихъ Григорій въ письмѣ къ своему любимцу Іоанну, митрополиту ефесскому: «возстали среди насъ мужи, глаголющіе развращенная, и слову благочестія предстоитъ теперь борьба не съ дѣлами и словами Векка и не съ лицами, приобщившимися къ этимъ словамъ и дѣламъ и ратующими за нихъ; ибо извѣстный тебѣ краткій *Терос* охватилъ тѣ и другія, какъ пламень громадную кучу хвороста, и истребилъ ихъ до конца; нѣтъ, — теперь предстоитъ борьба въ другомъ родѣ: люди, повидимому возстававшіе противъ упомянутыхъ враговъ церкви, по глупости увлекли догматъ изъ одной пронасти въ другую. Недавно еще, или по крайней мѣрѣ не очень давно, никогда ничего путнаго (*ὄφελος*) не выдумавшій и не сказавшій Эскаматисменъ сильно замолоть языкомъ (*πολύς ἢ ὑλοσπυγῶν*), понесъ всякую сумасбродную и вздорную чепуху (*τὰ τὰ μανῶδη, κίττω καὶ ὀλιυκία καὶ παρῳδοὶ φεγγυβίως*) и возмутилъ покой церкви и нашъ собственный, а теперь является на сцену другой дуралей (*καλῶς*), ни въ чемъ не уступающій первому. Цевѣжественный, пустой и дураковатый (*ἀγροίκος καὶ κούφος καὶ ἐπιθῆς*) Мосхампаръ внесъ въ область богословія какія то варварскія бредни (*βλαστημίας*) и дѣтскія толкованія и замутилъ ими чистый источникъ священныхъ догматовъ, точно божественные отцы, потрудившіеся надъ разъясненіемъ этихъ догматовъ, лишь по пусту время тратили. Со своей стороны, я по прежнему не принимаю никакихъ мѣръ противъ этаго стараго ребенка (*υπερόρεσα τούτου γέροντα*); онъ отбилъ отъ рукъ и отъ словъ моихъ, да никогда и не былъ способенъ понять и принять ни одного умнаго совѣта, по своей ограниченности и тупоголовію. За то для кузнецовъ,

валяльщиковъ. портныхъ. сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ онъ — золотой человекъ и дѣлаетъ съ ними что хочетъ, по пословицѣ: рыбакъ рыбака видитъ изъ далека (1). Прискорбно мнѣ это; да и какъ же иначе? Поневоля заболитъ душа, когда слышишь такія страшныя богохульства, когда видишь, что церковь не только не избѣгла отъ ересей, а напротивъ, подвергается опасности попасть изъ огня въ подымя и притомъ во время божественнаго объ ней промысленія (ἐν κηρόν καὶ τούτοις τῆς παρὶ ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ). Но что особенно прискорбно, такъ это то, что къ этому пагубному дѣлу (φθόρος) пристали нѣкоторые изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ мы вовсе этого не ожидали. Чѣмъ они увлечены въ это дѣло я не буду допытываться, предпочитая прикрыть ихъ стыдъ и позоръ покровомъ тайны. Можетъ быть не ошибся бы тотъ, кто отнесъ бы это на счетъ ихъ невѣжества, бездѣлья и совершеннаго незнакомства съ словами Духа. Впрочемъ, къ чему мнѣ объ этомъ распространяться? Поспѣши сюда самъ для утвержденія непорочной вѣры христіанской (2)».

Въ числѣ лицъ, примкнувшихъ къ Эскамматисмену и Мосхампару оказались Даніиль Кизическій и Θεолентъ филиладельфійскій и самъ Іоаннъ ефесскій, котораго такъ довѣрчиво звалъ къ себѣ на помощь Григорій. Θεолентъ былъ другомъ великаго догматиста, а Іоаннъ и Даніиль были любимцами патри-

(1) τὸ ἴσμιον τῆ βρομῆ προτοίχοντος. Пословица, соответствующая латинской: *similis similibus gaudet*

(2) *Ἰστορία τῆς ἐκκλησίας*, т. л. 88—89. Письмовзто, извѣщенное о. Андроникомъ Дамитракопуломъ изъ рукописнаго сборника Ввнскоя библиотеки за № 67, занимаетъ въ ряду другихъ писемъ этого сборника 178 мѣсто.

арха (1). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патриарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патриархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патриарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ (2). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны, —именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ спеціально

(1) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одно, адресованное къ монахамъ Іоанну Хвалъ и Даниилу *Ἐν τῇ Οστροῦδῶ* (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монаха—одно и то же съ Іоанномъ Хилою Ефесскимъ и Данииломъ Кизическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патриаршій престолъ. По всей вѣроятности своей давнишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

(2) *Δοχεῖν γὰρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογματῶν παραβάσιαν, οἷς ὅτι καὶ αὐτοὶ ἀληθείας ἀνάγκῃ συναυλούμενοι τὰ αὐτὰ ἐκείνῳ θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεύγειν ἔδοξαν βασικανίας χάριν, τοῦτο ἔμολογῶσιν ἀληθείας ἕνεκα.* Pashyut. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выражения акта исхождения Св Духа, какъ слово Родитель (*Γεννήτωρ*) спеціально же употребляется для выражения акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ *Тόρος*; употребилъ это слово не для обозначенія акта исхождения, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ спеціально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ (1). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его *Тόρος* своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукою—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человекъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неопитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія (2), онъ часто посѣщаль

1. Τὸ δ' ὅτι τὸ προβαλεῖς ὄνομα, ὃ ἰδιωτρόπως παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὡσπερ καὶ τὸ γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτός, ὁμωνυμίας ἐπὶ τῆς ἀπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελάβετο καὶ οὐκ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἣν καὶ πρόσοδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφασκε, τοῦτ' οὐκ ἤφριον ἀκατακτάτων, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐντεῦθεν δογματῶν ἐγράφοντο. *Pachym. lib II. c. 3 p. 117.*

(2) Судя по надписи и некоторымъ выраженіямъ въ *Ὁμολογία* Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ выкрестъ изъ евреевъ. Вотъ что гласитъ надпись: *Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου*

арха (1). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патріарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патріархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патріарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ (2). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны,—именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ специально

(1) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одво, адресованное къ монахамъ Іоанну Хялзъ и Даниилу *Ἐν τῇ Ὄστρεδίῳ* (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монахи—одно и то же съ Іоанномъ Хялюю Ессескимъ и Даниломъ Кивическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патріаршій престолъ. По всей вѣроятности своей данишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

(2) *Δοχεῖν γὰρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογματῶν παραβάσιον, οἷς ὅτι καὶ αὐτοὶ ἀληθείας ἀνάγκη συναυνόμενοι τὰ αὐτὰ ἐκεῖνω θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεῦγειν ἔδοξαν βασικανίας χάριν, τοῦτο ὁμολογοῦσιν ἀληθείας ἕνεκα.* Pachtm. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выражения акта исхождения Св. Духа, какъ слово Родитель (*Γεννήτωρ*) специально же употребляется для выражения акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ *Τόμος-α* употребилъ это слово не для обозначенія акта исхождения, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ специально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ (1). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его *Τόμος* своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукою—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человекъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неопитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія (2), онъ часто посѣщаль

(1) Τὸ δ' ὅτι τὸ πνεῦμα ἕνα, ὃ ἰδιωτικῶς παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὡσπερ καὶ τὸ γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτός, ὁμωνυμίας ἐπὶ τῆς ἀπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελέβετο καὶ οὐκ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἦν καὶ πρόσδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφραξε, τοῦτ' οὐκ ἴφισον ἀκατακτάτου, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐνταῦθεν δογματῶν ἐγράφοντο. Pashyut. lib II. c. 3 p. 117.

(2) Судя по надписи и некоторымъ выраженіямъ въ *Ὁμολογία* Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ вырестъ изъ евреев. Вотъ что гласитъ надпись: *Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου*

патріарха съ цѣлью оріентироваться въ бесѣдахъ съ нимъ относительно этихъ вопросовъ. Патріархъ, поощрявшій всеми силами ученость и людей ученыхъ и кромѣ того считавшій своею особенною обязанностию просвѣщать неопита, съ удовольствіемъ принималъ его и удостоивалъ своей бесѣды. Прошло нѣсколько времени въ этихъ бесѣдахъ. Марку показалось, что онъ на столько посвященъ уже теперь въ разумніе вопросовъ, занимавшихъ публику, что можетъ сказать объ нихъ и свое слово; и вслѣдствіе этого рѣшился принять участіе въ полемикѣ, возбужденной *Τέρας*-омъ. Написавши сочиненіе, онъ представилъ оное патріарху и просилъ его прочитать и сказать ему свое мнѣніе. Прочитавши это сочиненіе, патріархъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ и возвратилъ автору. Маркъ, заручившись этими поправками, рѣшился пустить свое сочиненіе въ свѣтъ. Въ предисловіи, которое онъ счелъ нужнымъ предпослать своему сочиненію, онъ заявилъ публикѣ, что патріархъ взялъ на себя трудъ прочитать его сочиненіе, нѣкоторыя мѣста исправилъ, а остальное одобрилъ, и что это обстоятельство даетъ ему смѣлость явиться на судъ публики.

Нѣкоторые изъ тайныхъ противниковъ патріарха, прочитавши книгу Марка, нашли, что онъ употребляетъ слово *πρεσβυτέριος* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его и Григорій въ своемъ *Τέρας*-ѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что у Марка гораздо яснѣе выражена мысль, довольно темно и неопредѣленно изложенная у Григорія. Эта находка была для нихъ

γεγονέτα ἀπὸ τῆ ἐπιστάσεως γέγονε κατ' αὐτὸν παρὰ τῶν κληρικῶν καὶ τινῶν Ἀρχιερέων διὰ τὸ γράμμα τοῦ ἐξ Ἑβραίων, μᾶλλον δ' Ἰούδα Μάρκου. Bandurii Imperium Orientale, t. II p. 658 - 660.

сущимъ кладомъ. Такъ какъ въ предисловіи къ книгѣ Марка было сказано, что она издана въ свѣтъ съ одобренія патріарха, то противники послѣдняго сообразили, что патріарху трудно будетъ оправдаться въ единомысліи съ Маркомъ и, не думая долго, сфабриковали слѣдующее обвиненіе противъ Григорія: патріархъ — еретикъ; но, желая скрыть тлетворный ядъ своей ереси, онъ прикрылъ ее въ своей книгѣ туманными и двусмысленными выраженіями, и лишь теперь косвенно, чужими руками, разоблачилъ ее во всей осязательной ясности.

Въ числѣ этихъ закулисныхъ критиковъ образа мыслей патріарха оказался прежде всего Θεολεπτή Филадельфійскій. Захвативши съ собою только что прочитанную имъ книгу Марка, онъ послѣшилъ съ нею къ своему пріятелю, великому логоѳету, и, прочитавши ему заранѣе отмѣченныя мѣста, спросилъ его: что онъ объ этомъ думаетъ? Музалонъ, тщеславившійся столько же своими богословскими познаніями, сколько и своей ревностью по благочестію, немедленно же объявилъ, что онъ считаетъ выраженныя авторомъ книги мнѣнія душевредной ересью. Этого только и нужно было искусителю. Въ ту же минуту вытащилъ онъ изъ за пазухи *Томъ* Григорія и заявилъ, что и въ немъ содержится то же ученіе. Великій логоѳетъ нашелъ это заявленіе справедливымъ и осудилъ патріарха. Молва объ этомъ, пущенная Θεολεπтомъ подъ рукой, была подхвачена многочисленными тайными и явными врагами патріарха и быстро разнеслась по городу. Начались толки и пересуды, которые, возрастая съ каждымъ днемъ, достигли наконецъ и до ушей императора.

Андроникъ, ревновавшій по чистотѣ православія не менѣе великаго логовита и, кромѣ того, имѣвшій слабость считать себя государемъ вполне безпристрастнымъ и справедливымъ ко всѣмъ, не могъ оставить безъ вниманія этихъ толковъ, тѣмъ болѣе, что жалобы на книгу патріарха начали доноситься до него со всѣхъ сторонъ и притомъ отъ лицъ высокопоставленныхъ. Ему казалось дѣломъ несправедливымъ пропускать мимо ушей эти жалобы, потому особенно, что дѣло шло о лицахъ, которыя осуждали другихъ за ересь: такимъ лицамъ, рассуждалъ онъ, всего менѣе извинительно исказить самимъ ученіе церкви (1).

Не могли конечно укрыться эти толки и интриги и отъ патріарха и не возмутить его до глубины души. Считая себя неизмѣримо выше своихъ противниковъ по учености и знакомству съ твореніями и ученіемъ оо. церкви, онъ былъ крайне огорченъ этимъ, сколько дерзкимъ, столько же и неожиданнымъ, обвиненіемъ его въ ереси, и съ гордымъ негодованіемъ отказался исправить въ своей книгѣ мнимыя погрѣшности, подавшія поводъ къ соблазну,—что, подъ видомъ радвія о его чести и пользѣ, посвѣщили посовѣтовать ему его не-други. Это побудило ихъ открыто прервать общеніе съ патріархомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его отказъ исправить замѣченныя погрѣшности служить будто бы яснымъ доказательствомъ того, что еретическія мысли, найденныя въ его сочиненіи, допущены имъ не по невѣдѣнію и недосмотру, а сознательно и намѣренно (2).

(1) Рачум. Ів. II. с. 4. р. 117—119.

(2) Ibid р. 120.

Въ числѣ отказавшихся отъ общенія съ Григоріемъ по вышеизложенному побужденію оказался и александрійскій патріархъ Аѳанасій. Историкъ, впрочемъ, говоритъ, что у Аѳанасія было и другое побужденіе. Онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, отказавшихся подписать *Тѣмъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что не принадлежитъ къ персоналу патріархіи константинопольской и считаетъ это дѣло постороннимъ для себя. Григорій былъ оскорбленъ этимъ отказомъ; онъ не довѣрялъ искренности Аѳанасія (что теперь и подтвердилось самымъ дѣломъ) и настаивалъ предъ императоромъ о высылкѣ подозрительнаго патріарха въ его епархію. Но Андроникъ почему-то медлил исполненіемъ требованія Григорія. Аѳанасію представился теперь случай, съ одной стороны оправдать свой отказъ отъ подписи, съ другой—отметить за себя своему взыскательному собрату. И вотъ онъ присоединился къ тѣмъ, которые открыто прервали общеніе съ патріархомъ на основаніи его отказа исправить замѣченныя въ *Тѣмъ*-ѣ погрѣшности.

Противники патріарха не могли простить ему отказа исправить свой *Тѣмъ* особенно потому, что жертва, которой они отъ него требовали, казалась имъ столь ничтожною въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя были принесены другими и отчасти по его личному требованію или по требованію его приверженцевъ. Такъ напр. Аѳанасій, для отклоненія отъ себя всякаго подозрѣнія въ несогласіи съ *Тѣмъ*-омъ, вынужденъ былъ по требованію Григорія, подписать особое изложеніе вѣры, въ которомъ ясно и точно было изложено православное ученіе объ исхожденіи св. Духа. Имя антиохійскаго патріарха Арсенія было

изглажено изъ церковныхъ диптиховъ на основаніи однихъ слуховъ о томъ, будто онъ находился въ церковномъ общеніи съ армянскимъ царемъ. Императоръ въ угоду ревнителямъ вынужденъ былъ принести еще болѣе тяжкія жертвы: лишить христіанскаго погребенія и поминаенія своего отца, изгладить изъ церковныхъ диптиховъ имя своей первой супруги и заставить свою мать подписать извѣстную покаянную запись (*ἰβέλλος μετανοήσεως*). Отчего же одинъ Григорій хочетъ быть исключеніемъ? Почему онъ не хочетъ сознаться въ своихъ погрѣшностяхъ и исправить ихъ? Что онъ за святой такой? Что за счастливецъ?

Всѣ эти толки, направленные ссылками на жертвы, принесенныя императоромъ для примиренія партій и восстановленія церковнаго мира, были доведены до свѣдѣнія Андроника и сильно вооружили его противъ Григорія. По обычаю всѣхъ слабыхъ и безхарактерныхъ людей, онъ принялъ отказъ Григорія исправить замѣченный въ его *Τόμος-ѣ* погрѣшности за личную обиду себѣ, за выраженіе презрѣнія къ тѣмъ громаднымъ жертвамъ, которыя онъ самъ принесъ для восстановленія церковнаго мира, и до того прогнѣвался на патриарха, что подослалъ къ нему александрійскаго Леонасія съ предложеніемъ отказаться отъ престола, если не хочетъ отказаться отъ своихъ погрѣшительныхъ мнѣній ⁽¹⁾.

Но оставимъ пока высшія, официальныя сферы, въ которыхъ подготовлялся этотъ странный теологическій походъ противъ патриарха, и посмотримъ, что дѣлалось въ это время въ низменной, тѣмной сферѣ нашихъ «отщепенцевъ» арсенитовъ. Долетали-ль до

(1) Pashum. lib. II. c. 5 p. 120—121.

нихъ вѣсти объ этомъ переполохѣ во враждебной имъ сферѣ и какъ отнеслись они къ этимъ вѣстямъ?

Они отлично знали все здѣсь происходившее и давнымъ давно не только опредѣлили свою роль въ этой новой, разгоравшейся сумятицѣ, но и весьма ловко и энергично разыгрывали ее. Въ учено-литературной полемикѣ, завязавшейся между противниками, они не принимали, да и не могли принимать никакого участія, такъ какъ большинство ихъ весьма немного понимало въ тѣхъ теологическихъ тонкостяхъ, около которыхъ вращалась эта полемика. При томъ всѣ отгѣнки мнѣній были уже разобраны между противниками и необходимо было пристать къ одному изъ нихъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ спорѣ, чего они не могли себѣ позволить, не выступая изъ своего исключительнаго положенія. Но за то они отлично поняли практическій моментъ въ этомъ спорѣ и весьма ловко имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Они поняли, что въ глазахъ толпы самое консервативное мнѣніе всегда будетъ и самымъ вѣрнымъ, и потому, не долго думая, выступили съ мнѣніемъ, что, по вопросу объ исхожденіи св. Духа, церковь не можетъ и не должна учить ничему другому, кромѣ того, что Духъ святой исходитъ отъ Отца (1). Въ сущности они выходили изъ того же положенія, которое было высказано александрійскимъ патріархомъ Афанасіемъ на диспутѣ съ Веккомъ, что «всякое нововведеніе въ догматику, хотя бы то и безопасное, можетъ быть признано душевредною ересью». Выходя

(1) Арсениды впрочемъ не первые выступали съ этимъ мнѣніемъ. По свидѣтельству Влассида, это мнѣніе поддерживали нѣкоторые ревнители православія еще въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. Vid. Oratio Vlassida ad Theologum Ducas Lascaris in. Gr. Orth. t. I. p. 41.

изъ этого положенія, они потребовали формальнаго отверженія и осужденія слова: *чрезъ Сына*, въ какомъ бы смыслѣ ни принималось это слово, и провозгласили еретиками всѣхъ тѣхъ, которые употребляли это слово. А такъ какъ всѣ партіи, участвовавшія въ спорѣ, употребляли это слово въ разныхъ смыслахъ, то всѣ и оказывались еретиками. Такимъ образомъ арсенитамъ и изъ этого новаго спора удалось всплыть на верхъ въ качествѣ единственныхъ представителей и защитниковъ православной истины.

Но если въ исходной мысли арсениты сошлись съ Александрійскимъ патріархомъ, то въ своемъ требованіи—отвергнуть слово *чрезъ Сына*—они встрѣтились съ Веккомъ, который, какъ мы видѣли, въ заключеніе извѣстнаго диспута, сдѣлалъ подобное же предложеніе своимъ противникамъ. И эта встрѣча двухъ крайностей не была случайною. Она была естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ очутились спорившіе,—результатомъ, который весьма вѣрно и мѣтко былъ указанъ Веккомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ направленія въ концѣ концовъ должны были придти къ сознанію, что это слово служитъ единственнымъ камнемъ претыканія, мѣшающимъ ихъ взаимному сближенію, что оно есть тотъ гордіевъ узелъ, къ которому сводятся всѣ нити спорнаго вопроса, и который ждетъ своего Александра. И вся трудность положенія заключалась въ томъ, что ни у одной партіи не хватало духу принять на себя роль Александра. Патріархъ Григорій, Музалонъ и официальная церковь желали бы, чтобы эту роль взяли на себя Веккъ съ своими товарищами. Веккъ предлагалъ ее представителямъ официальной церкви.

Вновь образовавшіяся партіи такъ же желали отклонить отъ себя эту честь. Всѣ наперерывъ искали выхода изъ, затрудненія въ среднихъ путяхъ, въ компромиссахъ съ этимъ словомъ: всѣ истощались въ болѣе или менѣе удачныхъ и остроумныхъ изъясненіяхъ этого слова, чтобы какъ нибудь приладить оное къ содержанию церковію ученію. Для однихъ арсенитовъ не существовало этихъ опасеній и затрудненій. Полнѣйшее невѣжество въ отеческой письменности давало имъ смѣлость и силу совершить подвигъ, предъ которымъ отступили всѣ, болѣе ихъ знакомыя съ этой письменностью, партіи, и они, съ отвагою Александра, занесли свой картонный мечъ надъ теологическимъ узломъ, затягивавшимъ всѣ партіи.

Съ ученой точки зрѣнія, этотъ подвигъ, конечно, могъ быть приравненъ къ извѣстному подвигу Герострата, — арсенитамъ оставалось лишь, чтобы быть вполне послѣдовательными, довершить его всесожеженіемъ твореній отеческихъ, въ которыхъ встрѣчается это слово; но въ практическомъ смыслѣ принятая ими мѣра была единственною радикальною мѣрою, которая способна была бы разомъ и притомъ на всегда покончить всѣ споры изъ за этого слова. А такъ какъ по указанной причинѣ никто изъ участниковъ спора не могъ согласиться на эту мѣру; то споръ по необходимости долженъ былъ продолжаться. И дорого поплатились за него всѣ участники! Одни арсениты остались въ выигрышѣ.

Стоя въ сторонѣ отъ спора, отрицая его законность и цѣлесообразность въ самомъ основаніи, обзывая всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, безъ различія отгѣнковъ, еретиками, они выросли въ глазахъ толпы

до размѣровъ единственныхъ непоколебимыхъ столповъ православія, и въ то время, какъ въ высшихъ слояхъ церкви и государства подготовлялись теологическія стычки en masse, они вели самую дѣятельную и оживленную агитацію въ низшихъ слояхъ, по темнымъ угламъ и вертепамъ, прикрываясь мнимой ересью, заразившею будто бы всю церковь.

Эта агитація, благодаря слабости и бездѣйствію властей, приняла наконецъ такой злокачественный характеръ и достигла такихъ размѣровъ, что вынудила патріарха обратиться къ императору съ формальной жалобой. Не веселую картину рисуетъ онъ въ этой жалобѣ: «Что же касается безпокойствъ, причиняемыхъ нечестивыми сомнищами враговъ церкви, возстающихъ на нее съ другой стороны⁽¹⁾ городу (Константинополю), а чрезъ него и мнѣ, глубоко сокрушающемуся, какъ и слѣдуетъ, объ ихъ послѣдователяхъ (большою частью изъ простонародья), то у меня нѣтъ силъ писать и сообщать объ этомъ вашему царскому благочестію, частію отъ скорби, частію за невозможностію перечислить все совершаемая ими плутни (*похужеванья*). Эти люди, получивши свободу дѣйствій, далеко превосходящую всякую мѣру, и на площадяхъ и въ темныхъ закоулкахъ и, словомъ, повсюду, безъ зазрѣнія совѣсти, разглагольствуютъ со всеми встрѣчными и поперечными, разпѣнивая и позоря и начальниковъ и подначальныхъ и, короче, всехъ, которые не хотятъ быть за одно съ ними. Если же кому случится захворать, то они силой врываются въ домъ, осаждаютъ больнаго и заставляютъ его противъ воли принять ихъ за духовниковъ»;

(1) Выше идетъ рѣчь о нападеніи на нее со стороны Вѣха.

въ случаѣ же смерти они являются и священниками и пѣвцами, и погребателями (*ἐπιταφιστάς*), чтобы умирающіе, по ихъ словамъ, по крайней мѣрѣ, при концѣ жизни сдѣлались благочестивыми и православными и не умерли въ злочестіи (*κακοπιστία*). Смотря на все это, многіе изъ священниковъ, бывшихъ прежде за одно съ нами, ударились въ соревнованіе (такъ какъ это доставляетъ имъ большія выгоды, — они и запрашиваютъ и получаютъ весьма много) и переходятъ къ нимъ, присовокупляя, что уже довольно насладились общеніемъ съ нами (*πολλά χαίρουσιν ἐκόντες τῆ μετ' ἡμῶν κοινωνίᾳ*) (1)».

Но жалоба патріарха лишь больше раздражила и ожесточила противъ него арсенитовъ и заставила ихъ выступить съ заявленіемъ, что они будутъ жить смиренно и спокойно, если только будетъ устраненъ отъ престола ненавистный имъ патріархъ. Заявленіе арсенитовъ совпало, какъ мы видѣли, съ желаніемъ Андроника, которое онъ и выразилъ патріарху въ извѣстномъ совѣтѣ Аѳанасія Александрійскаго. На сколько желаніе императора обусловливалось заявленіемъ арсенитовъ мы не знаемъ, но думаемъ, что между ними была связь болѣе интимная и непосредственная, чѣмъ случайное совпаденіе, такъ какъ въ это время болѣе, чѣмъ когда либо императоръ былъ занятъ мыслью приобрести ихъ для церкви во что бы то ни стало, какъ увидимъ ниже.

Григорій не обратилъ большого вниманія на совѣтъ патріарха Александрійскаго, тѣмъ не менѣе въ

(1) Письмо Григорія Кипрскаго, патріарха Константинопольскаго къ императору Андронику Палеологу старшему по русс. пер. въ Христ. Чт. за 1870 г., сентябрь стр. 513—514.

ближайшее воскресенье, во время литургии, которую самъ совершалъ, онъ обратился къ народу съ проповѣдью, въ которой жаловался ему на множество своихъ враговъ и на свою безпомощность, и въ заключеніе объявилъ: «такъ какъ арсениты обѣщаютъ, что будутъ жить въ мирѣ, если я оставлю управление церковію, то я удаляюсь для того, чтобы испытать: правду ли они говорятъ: если же и послѣ этого они будутъ продолжать возмущать ее, то я возвращусь изъ своего убѣжища и брошусь на нихъ, какъ левъ». Послѣ обѣдни онъ дѣйствительно удалился въ монастырь Одигитріи (τὸν Ὀδηγῶν) (1); но продолжалъ по прежнему принимать къ себѣ архіереевъ и клириковъ, составлять соборы (σύνοδοι ἐκκλησιαστικαί), постановлять на нихъ опредѣленія и вообще управлять дѣлами патріархіи.

Такое полу-отреченіе отъ патріаршаго престола, конечно, не могло никого удовлетворить и еще менѣе способно было возстановить въ церкви желанное спокойствіе. Къ довершенію затрудненій въ это время прибылъ въ столицу изъ своей епархіи Іоаннъ Ефесскій, бывший почитатель и другъ патріарха, а теперь передавшійся на сторону его враговъ. Съ его прибытіемъ агитація противъ патріарха удвоилась. Іоаннъ представилъ императору записку, въ которой вкратцѣ было формулировано все, въ чемъ обвиняли Григорія его ученые противники (2). Прочитавши эту записку,

(1) О мѣстоположеніи этого монастыря см. *Ducangii, Constantinopolis christiana, lib. IV sect. 2. num. 24.*

(2) Текстъ этой записки сохраненъ намъ Аляксѣемъ въ его книгѣ *De Ecclesiae Occidentalis et Orientalis perpetua consensione* (lib. II. c. II § XI. col. 516). Вотъ что писалъ въ ней бывший почитатель и другъ патріарха: Іоанна Хилы, митрополита Ефесскаго, къ императору. Общее мнѣніе (κοινὴ δόξα) церкви признаетъ изхожденіе (ἐκπόρευσις) не отъ-

императоръ сталъ стѣсняться поминовениемъ имени патріарха при богослуженіи и пересталъ являться въ церковь. Враги Григорія воспользовались этимъ для

элементарнымъ свойствомъ (ἀκίνητος ἰδιότης) Всевятаго Духа, представляющимъ нечто иное, какъ единое естественное бытіе (μόνον τὴν φύσιν, ὑπαρξίν) Его отъ отца. Итакъ почитать и писать, что это исхожденіе на богословскомъ языкѣ (ἐπι τῆς θεολογίας) иногда означаетъ указанное бытіе (ὑπαρξίν), иногда вѣчное откровеніе (τὴν ἐκφρασιν τῆς αἰδίου) или возсіаніе (ἐκλάψιν) или проявленіе (φανέρωσιν), значить говорить и писать нечто чуждое апостольскимъ догматамъ и кромѣ того достойное уваженія. Далѣе, по общему разумію (ἐννοία) и исповѣданію отцевъ, слово Изводитель (Προβολεὺς) означаетъ виновника Всевятаго Духа, какъ слово Родитель (Γεννήτωρ) означаетъ виновника Сына: равнымъ образомъ все согласны въ томъ, что исхожденіе (ἐκπόρευσις, и позволеніе (προβολή) означаютъ одно и то же. Такимъ образомъ мыслящій, догматствующій (δογματίζων) и пишущій не такъ, а иначе,—именно, что слово Προβολεὺς иногда означаетъ виновника Св. Духа, и слово προβολή (извожденіе) — естественное бытіе (ὑπαρξίν, Его отъ отца; а иногда, первое слово (προβολεὺς) означаетъ проявителя (φανέρωτης), а второе (προβολή) — вѣчное откровеніе, или возсіаніе, или что то же проявленіе φανέρωσιν, Всевятаго Духа; тотъ на нашъ взглядъ (ἡμεῖς) есть явный хульникъ (βλάσφημος) и очевидный нарушитель преданія (παράδοξομαχιστής) и за это достоинъ отверженія и отверженія (ἀθεώματος). Точно также богоносные отцы наши, слово πρόδος (происхожденіе), употребляемое о Св. Духѣ, всегда принимаютъ въ смыслъ показателя бытія Всевятаго Духа (παράστατικὴς μόνης τῆς ὑπαρξέως τοῦ παναγίου Πνεύματος; т. е. въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ слова: ἐκπόρευσις и προβολή. Воздѣйствіе этого тѣ, которые дозволяютъ себѣ новшества χαλινοποιεῖται учать и пишутъ, что это выраженіе φύσις, въ твореніяхъ св. отцевъ иногда служитъ показателемъ бытія, а иногда — проявленія, откровенія и возсіанія, должны быть признаваемы за иезавителей παραχρήματα; правыхъ догматовъ, и уважающимися отъ истины и кромѣ того по всей справедливости (τῷ ὄντι) заслуживающими презрѣнія (μισοῦν) и отверженія. Такъ искони мудрствуетъ, догматствуетъ и учить св. церковь; такъ мудрствовать, догматствовать, учить и исповѣдывать мы приняли отъ нея изначала (ἀνεκχεῖν, и доселѣ (ἐν δεύρο). И если не согласующіеся (διαφερόμενοι, съ нами доселѣ будутъ такъ исповѣдывать устами и писаніями, одно приемыи, какъ правильное, а другое предавая уваженію, какъ хульное, какъ и мы; то будутъ намъ присеными (ὑψήτοις, братьями и православными, будутъ имѣть въ насъ людей, отъ сердца пріивѣтствующихъ полное примиреніе съ ними и миръ (ἐντελέ, καταλλάχτη καὶ εἰρήνη. Если же нѣтъ — чего да не будетъ, — то никогда и ниномъ образомъ (οὐδαμῆ, οὐδαμῶς).

того, чтобы отмѣнить поименованіе его имени при богослуженіи и прямо приступили къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ отказался отъ своего мѣста и уступилъ оное другому, болѣе его достойному (1).

Но Григорій, очень хорошо знавшій съ кѣмъ имѣеть дѣло, не хотѣлъ уступать своимъ врагамъ безъ боя. Онъ осыпалъ упреками и царя и епископовъ за то, что они хотятъ низложить его съ безчестіемъ, хотятъ отнять у него славу православнаго, послѣ того, какъ сами избрали его, какъ человѣка ученаго и вполне достойнаго патріаршаго сана. Въ то же время онъ написалъ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя противъ Тѣмъса его противниками, гдѣ старался объяснить свою мысль и доказать, что средины между этой мыслью и той, которую защищаетъ Веккъ, нѣтъ, такъ что отверженіе его мысли ведетъ прямо къ принятію мысли Векка (2). Впрочемъ онъ соглашался и на отреченіе отъ престола, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему выдано было письменное удостовѣреніе въ томъ, что его признаютъ православнымъ. Но его противники находили это условіе двусмысленнымъ и коварнымъ. На какомъ же основаніи, разсуждали они, мы будемъ требовать отъ него отреченія, если признаемъ его православнымъ? И вслѣдствіе этого соображенія приступили къ императору съ просьбою

(1) Pashyn, lib. II c. 6 p. 121—123.

(2) Въ защиту Тѣмъса Григорій написалъ нѣсколько сочиненій; они напечатаны у Бандурія въ его *Imperium Orientale*, t. II. (по Венеціанскому изданію византійскихъ историковъ Т. XXX, p. 652—668). Мы не останавливаемся здѣсь на дальнѣйшемъ развитіи его мысли потому, что надѣемся доставить нашимъ читателямъ возможность познакомиться съ нею поближе и обстоятельнѣе изъ самыхъ его сочиненій, которыя мы надѣемся помѣстить на страницахъ Христіанскаго Чтенія въ русскомъ переводѣ.

дозволить имъ подвергнуть дѣло патріарха тщательному разсмотрѣнію, такъ что если ученіе, заключающееся въ его книгѣ, будетъ найдено православнымъ, то онъ удержитъ свой санъ и свое мѣсто, а если, напротивъ, его уличатъ въ заблужденіи; то онъ долженъ будетъ просить прощенія и подвергнуться законной эпитиміи.—тогда сами собою устранятся всѣ затрудненія въ замѣнѣ его другимъ лицомъ, болѣе достойнымъ патріаршаго сана. Императоръ нашелъ это предложеніе основательнымъ и приказалъ сообщить объ немъ патріарху. Григорій отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ разсмотрѣнія его книги и готовъ подвергнуться суду. Велѣдствіе этого назначенъ былъ день для разсмотрѣнія его сочиненій, выбраны были какъ судьи, такъ и обвинители: въ качествѣ послѣднихъ должны были выступить епископы и клирики, отдѣлившіеся отъ общенія съ нимъ изъ-за его *Тереса*. Мѣстомъ собранія назначена была одна изъ дворцовыхъ залъ.

Въ назначенный день и часъ патріархъ прибылъ во дворецъ вмѣстѣ съ своими приверженцами верхомъ на лошадяхъ, и такъ какъ въ залѣ собранія никого не оказалось, то приказалъ доложить императору о своемъ прибытіи и просить его о немедленномъ призывѣ его судей и обвинителей для изслѣдованія его дѣла. Но въ промежутокъ времени между принятіемъ извѣстнаго предложенія и днемъ, назначеннымъ для собранія, Андроникъ успѣлъ лучше оцѣнить дѣйствительное значеніе одобренной имъ мѣры и ея вѣроятные результаты. Онъ основательно разсудилъ, что какъ бы ни кончилась конференція, но что ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать отъ ней ничего добраго.

Она должна повести къ одному изъ двухъ—или патріархъ будетъ обличенъ въ заблужденіи и долженъ будетъ подвергнуться низложенію, или его обвинители будутъ уличены въ клеветѣ и за это должны будутъ подвергнуться наказанію, и слѣд. въ томъ и другомъ случаѣ дѣло кончится скандаломъ, между тѣмъ возникнетъ новый споръ, который можетъ затянуться въ безконечность, такъ какъ всегда есть возможность однимъ разсужденіямъ противопоставить другія, безъ надежды достигнуть когда-либо соглашенія. Малото-го,—ему казалось и неприличнымъ и опаснымъ допустить низложеніе патріарха по оговору обвинителей, такъ какъ, съ одной стороны, онъ призналъ былъ всеми вполне достойнымъ своего высокаго сана, съ другой—его книга, на основаніи которой теперь собирались его низложить, была публично одобрена и подписана, какъ имъ самимъ—императоромъ, такъ и лучшими представителями духовенства. Велѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній онъ и отмѣнилъ назначенный диспутъ.

Обвинители патріарха были весьма довольны отмѣной диспута, опасности котораго для нихъ были слишкомъ серьёзны, а успѣхъ слишкомъ сомнителенъ, но не оставляли своего намѣренія добиться такъ или иначе его низложенія. Они продолжали осаждать императора просьбами объ этомъ, соглашаясь даже признать ученіе Григорія православнымъ и объявить, что вся вина его состоитъ лишь въ возбужденіи соблазна книгою Марка, въ которой, по его собственному сознанію, были кое-какія погрѣшности. Уступая этимъ просьбамъ и настояніямъ, которыя совпадали впрочемъ съ его собственными желаніями, императоръ

снова завязалъ съ патріархомъ переговоры по этому щекотливому вопросу. Въ числѣ лицъ, служившихъ посредниками въ этихъ переговорахъ, нашъ историкъ называетъ квестора Хумна и себя самага. Этими двумя почтеннымъ особамъ поручено было съ особенною силою выставить патріарху на видъ привязанность къ нему императора, привязанность, которая такъ долго заставляла его терпѣть церковныя смуты, возбужденныя его книгою, и побудила его настоять предъ его обвинителями на признаніи его православнымъ, и затѣмъ выразить надежду, что такъ какъ теперь опасность скандала устранена, то патріархъ вѣроятно не затруднится исполнить совѣтъ, внушенный императору столько же заботливостью о пользахъ церкви, сколько и искреннимъ къ нему расположеніемъ. Патріархъ не прочь былъ исполнить этотъ совѣтъ, но его возмущало то недѣльное и оскорбительное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ условіями отреченія, — именно тѣмъ, что православнымъ соглашались признать его не гласно, какъ бы украдкою, между тѣмъ какъ еретикомъ обзывали его публично, и объявилъ, что онъ готовъ отречься отъ престола, но только подъ условіемъ, чтобы признаніе его православнымъ сдѣлано было торжественно, въ присутствіи императора, сената и почетнѣйшихъ монаховъ⁽¹⁾.

Получивши такой отвѣтъ, императоръ передалъ его на обсужденіе общаго собранія епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. На собраніи голоса раздѣлились. Одни изъ присутствовавшихъ ни за что не хотѣли принять условія, поставленнаго патріархомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, по ихъ мнѣнію, такое

(1) Pachum. lib. II, c. 7, p. 123—127.

торжественное признаніе его православнымъ было бы тождественно съ утвержденіемъ его на престолѣ и открыло бы ему возможность метить всемъ тѣмъ, которые поднимали противъ него свой голосъ. Во главѣ ихъ были епископы Ефесскій и Кизическій. Но другіе не видѣли особеннаго затрудненія признать его православнымъ въ виду того обстоятельства, что соблазнъ, возмущавшій церковь, произведенъ больше книгой Марка, чѣмъ его собственной, а изъявляли лишь желаніе, чтобы патріархъ далъ предварительно письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно откажется отъ престола послѣ того, какъ провозглашенъ будетъ православнымъ. Императоръ приказалъ сообщить объ этомъ желаніи патріарху. Григорій въ свою очередь потребовалъ, чтобы его противники дали ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно признаютъ его торжественно православнымъ, обѣщаясь, по полученіи этого удостовѣренія, дать подобное же удостовѣреніе съ своей стороны. Требуемое имъ удостовѣреніе, не безъ колебаній и борьбы, было однакожь составлено его противниками и доставлено ему (1). Получивши это удо-

(1) Вотъ текстъ этого удостовѣренія: Ἐυλογητὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὅτι οὐδέποτε κηχὴν ὑπόληψιν ἔχομεν περὶ τοῦ Δεσπότου ἡμῶν τοῦ πατριάρχου Κυροῦ Γρηγορίου, ὡς ἔστι βλάσφημος, καθάπερ τοῦτο τινὲς τῶν ἀμύητων ὑπέλαβον. Ἄλλ' ὀρθοδοξώτατον τοῦτον γινώσκομεν, καὶ εὐσεβέστατον, μόνον δεόμεθα τοῦ πατριαρχικοῦ παρατηρήσασθαι ἑρῶν διὰ τὴν τῶν ἀνδράπων εἰρήνην. Καὶ ἐπειδὴ παρ' ἡμῶν ζητεῖ τὴν τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ ἀνακτρουξὴν ἐγγράφων λέγεσθαι, καὶ αὐτίκα κατανέμει τὸν ἑρῶν παρατηρήσασθαι, ζητοῦμεν καὶ ἡμεῖς τινὰ ἀσφάλειαν πρότερον γενέσθαι παρ' αὐτοῦ, καὶ εἰ τοῦτο γένοιτο, αὐτίκα καὶ ἡμεῖς πάντες ἐπιμοι ἐν ὀνόματι τοῦ Χριστοῦ καὶ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως παρησιχ τε καὶ ἑδίχ τοῦτον ὡσπερ καὶ τὸν ἅπαντα χρόνον ἦν, εὐσεβέστατον κηρύττειν καὶ ὀρθοδοξώτατον, ἐπιτιμᾶν δὲ καὶ τοῖς ἀρρόως καὶ ἀμαχῶς κατ' αὐτοῦ λέγουσιν. Документъ этотъ, находящійся въ свѣтъ съ нѣкоторыми другими, относящимися къ лицу Григорія Кизическаго и исторіи церкви его времени, въ руко-

стовѣреніе, патріархъ отказался однакожь дать такое же удостовѣреніе на бумагѣ, а ограничился лишь словеснымъ завѣреніемъ, что онъ немедленно же пришлетъ формальное отреченіе отъ престола лишь только будетъ исполнено его противниками обѣщаніе провозгласить его православнымъ. Въ подтвержденіе справедливости своего завѣренія, патріархъ призывалъ имя Божіе (1). Сторонники епископа Ефесскаго увидѣли въ этой уклончивости отъ письменнаго удостовѣренія коварную западню со стороны патріарха и потребовали перерыва съ нимъ переговоровъ. Но сторонники епископа Филадельфійскаго находили, что можно ограничиться и словесной клятвой Григорія, такъ какъ, въ случаѣ нужды, можно будетъ обвинить его въ клятвопреступничествѣ и безъ дальнихъ околичностей лишить его престола. Это соображеніе не подѣйствовало однако на епископовъ Ефесскаго и Кизическаго: они продолжали упорно отказываться отъ общенія съ Григоріемъ и требовать суда надъ нимъ, въ увѣренности, что этотъ судъ непременно кончится его осужденіемъ.

Не малаго труда стоило императору уладить это разногласіе въ лагерѣ противниковъ патріарха. Епископъ Ефесскій, какъ болѣе другихъ не стоворчивый

писможь кодексъ Вѣнской бібліотеки за № 67, напечатанъ у Удина въ его Commentar. de scriptoribus et scriptis ecclesiast. t. III, p. 561, у о. Андроника Димитракопула въ его Ιστορία τοῦ σχίσματος, σελ 90 и у Дерубенса въ его Dissertations (цитируемыхъ ниже), гдѣ онъ, согласно съ cod. Lugduno—Batavensis, изъ котораго извлекаетъ его этотъ ученый, подписывается: τοῦ Μοσχάμπερ (письмо Мосхампара). Въ кодексъ же Вѣнской бібліотеки, изъ котораго заимствовали его Удинъ и о. Андроникъ, онъ подписывается: Ἀνακτρουῆς τῆς ἐπισκοπίας αὐτοῦ παρὰ τῶν ὑποσχόμενων αὐτῷ.

(1) Ὁ δὲ πέμψαντος τοῦ βασιλέως λόγους ἐπληροφόρει Θεοῦ ἐναντίον....

и притомъ оказавшійся виновнымъ въ составленіи и отсылкѣ въ свою епархію письма, крайне оскорбительнаго для личности Григорія, былъ даже арестованъ и заключенъ въ темницу. Та же участь постигла и епископа Кизическаго. Но мало по малу то обѣщаніями, то угрозами, императору удалось наконецъ сломить упрямство партизановъ Іоанна и устроить ихъ соглашеніе съ сторонниками епископа Филадельфійскаго.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одной изъ залъ большаго дворца составлено было, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, чрезвычайное собраніе сената, духовенства, монашества и почетнѣйшихъ гражданъ. Въ собраніи присутствовалъ и патріархъ Григорій. Когда всѣ заняли свои мѣста, епископъ Филадельфійскій вышелъ на средину и громогласно прочиталъ актъ оправданія патріарха, составленный отъ лица всѣхъ, соблазнявшихся доселѣ его книгою. Противники патріарха устами своего представителя провозглашали его православнымъ и признавались, что весь соблазнъ произведенъ книгою Марка, и такъ какъ патріархъ, подобно всѣмъ другимъ, осудилъ эту книгу (1); то они не имѣютъ больше ничего противъ него. Когда епископъ Филадельфійскій кончилъ, Григорій всталъ—поблагодарилъ императора и собраніе и вышелъ. На другой день онъ прислалъ императору актъ отреченія отъ престола, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Меня возвели на патріаршій престолъ и облекли высшимъ святительскимъ саномъ не собственныя мои

(1) Въ осужденіе книги Марка Григорій написалъ два сочиненія: а) *Ὁμολογία* (цитовано выше) и б) *Πεπλάσιον* (у Бандурія, т. II, р. 667—668)

происки и неискательства моихъ друзей, а несповѣдимыя судьбы Божіи. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія моего на престолѣ я употреблялъ все усилія—и словомъ и дѣломъ—къ тому, чтобы умиротворить соблазнявшихся и отдѣлившихся отъ церкви и соединить ихъ съ нею. Но все мои усилія повели къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ моимъ желаніямъ;—нашлись люди, которые стали громко кричать, что желанный миръ не состоится до тѣхъ поръ, пока я не оставлю патріаршаго престола. Въ виду такого печальнаго положенія церкви, я не нахожу возможнымъ оставаться долѣе на своемъ мѣстѣ и предпочитаю удержанію власти примиреніе съ церковію и другъ съ другомъ соблазняющихся. Посему, желая содѣйствовать возстановленію среди этихъ людей мира по Богѣ и прекращенію душепагубныхъ соблазновъ, даю отреченіе отъ патріаршаго престола и патріаршей власти я сана, но не отъ священства, которое, по милости Божіей, надѣюсь сохранить до конца своей жизни, поелику я даю это отреченіе единственно для возстановленія мира между множествомъ соблазняющихся и для содѣйствія воссоединенію ихъ съ церковію, а не потому, чтобы сознавалъ за собою какое либо дѣяніе, лишшающее меня священства. Въ силу сего позволается избрать въ патріархи и возвести на патріаршій престолъ и въ святительскій санъ другаго, который, при содѣйствіи и помощи Божіей, возмогъ-бы, какъ канонически избранный патріархъ (*αρχιεπίσκοπος πατριάρχης*) и законный архіерей, свести во едино и согласить раздѣлившіяся другъ отъ друга части церкви. Что и да совершится щедротами Великаго Бога и Спаса нашего І. Христа, преклоняемаго

на милость предстательствомъ Пречистой Владычицы нашей Приснодѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ».

Актъ былъ написанъ собственною рукою патріарха, но не подписанъ. Историкъ говоритъ, что это было сдѣлано Григоріемъ съ цѣлю облегчить себѣ впослѣдствіи возвращеніе патріаршаго престола, что казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ отказывался теперь отъ этого престола единственно для прекращенія соблазна и усюкоенія возбужденныхъ умовъ и притомъ удерживалъ за собою священство, такъ что весьма легко могъ быть возстановленъ на престолѣ, по минованіи условій, вызвавшихъ удаленіе. Такъ объяснили себѣ отсутствіе подписи и многочисленные недоброжелатели патріарха и готовы были поднять изъ-за этого новую бурю. Но императоръ и Феопептъ филадельфійскій, главный виновникъ разразившейся надъ патріархомъ катастрофы, приняли его отреченіе, поблагодарили его и убѣдили недовольныхъ не настаивать на подписи, а довольствоваться тѣмъ, что оно было написано собственною рукою патріарха. Оставляя патріаршій престолъ, Григорій постарался примириться со всѣми, враждовавшими противъ него клириками и вознаграждать по возможности тѣхъ изъ нихъ, которые потерпѣли за свою вражду къ нему матеріальные убытки (1).

(1) Pashup. lib. II, c. 9, p. 130—133. Согласно съ вышеизложеннымъ разсказываетъ исторію своего удаленія отъ престола и самъ Григорій въ письмѣ своемъ къ одному изъ своихъ друзей (τῷ φίλῳ τινί), напечатанномъ у Дерубенса въ его *Dissertationes duae historicae et dogmaticae, cum binis epistolis Cyprii ad amicam, et Moschamperis excharophylacis ad ipsum, nunc primum editis: quae Byzantinae Georgii Pachimeris Historia illustratur*; по изданію Миня *Patrologiae cursus completus*, t. CXLII col. 126—128. Текстъ письма Мосхампера, напечатанный у Дерубенса, тождественъ съ вышеприведеннымъ *Ἀποκρίσει*.

Въ числѣ враждовавшихъ противъ него духовныхъ лицъ оказался и его бывший духовникъ, а потомъ епископъ никоидійскій, Германъ, рукоположившій его въ патріархи, и вмѣстѣ съ нимъ, извѣстный «ревнитель» Неофитъ Прузскій. Причина вражды заключалась въ слѣдующемъ. Германъ, рукоположившій Григорія въ патріархи, узналъ впоследствии отъ лицъ, по его мнѣнію, вполнѣ достовѣрныхъ, что Григорій, во время владычества уніонистовъ имѣлъ съ ними общеніе не только въ молитвахъ и исцеленіяхъ (въ чемъ онъ самъ сознавался на духу), но и въ преломленіи хлѣба (о чемъ умолчалъ), и такимъ образомъ, оказывался виновнымъ въ намѣренной утайкѣ грѣховъ на исповѣди. Не долго думая, старый ревнитель составилъ актъ отлученія патріарха отъ церкви за утайку такого важнаго грѣха на исповѣди, грѣха, который, по его мнѣнію, служилъ непреодолимымъ препятствіемъ къ полученію священства, и, скрѣпивши его своей подписью, равно какъ и подписью своего пріятеля, епископа Прузскаго, обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе. Григорій, узнавши о такой дерзкой и противоканонической выходкѣ подчиненныхъ ему епископовъ, отрѣшилъ ихъ обоихъ отъ должности, но, собираясь оставить патріаршій престолъ, пожелалъ примириться и съ ними и разрѣшилъ ихъ отъ наложеннаго на нихъ запрещенія.

Простивши такимъ образомъ всѣхъ своихъ враговъ и примирившись со всѣми, Григорій удалился на покой въ монастырь Аристіна (1), находившійся

(1) Объ этомъ монастырѣ, равно какъ и о сосѣднемъ съ нимъ Андеевскомъ, см. *Ducangii Constantinopolis christiana*, lib. IV. Sect. 5. num. 5. sect. 7, num. 8.

неподалеку отъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ жила его большая почитательница, извѣстная намъ дочь Евлогія, супруга протовестіарія Рауля (1).

Но съ удаленіемъ со сцены Григорія, дѣло съ его книгой не кончилось. Императоръ назначилъ особую комиссію изъ извѣстныхъ своею ученостью духовныхъ лицъ и поручилъ ей разсмотрѣть ее и сообщить ему свое мнѣніе о ея характерѣ.

Первое засѣданіе комиссіи, собравшейся въ большомъ дворцѣ, не удалось, благодаря жестокому землетрясенію, разогнавшему членовъ комиссіи. Второе и слѣдующія затѣмъ засѣданія происходили въ Влахернскомъ дворцѣ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія, члены комиссіи пришли къ заключенію, что собственно въ исправленіи нуждается только извѣстное изъясненіе словъ св. Іоанна Дамаскина, изъясненіе, изъ-за котораго возникло все дѣло. Но такъ какъ судьи не могли согласиться на счетъ способа исправленія этого мѣста; то и остановились на заключеніи, что лучше совсѣмъ исключить это мѣсто, чѣмъ давать ему неудовлетворительное объясненіе. Какъ отнесся къ этому заключенію комиссіи императоръ, историкъ не сообщаетъ (2).

Такъ какъ патріархъ былъ низведенъ съ престола столько же въ угоду его ученымъ противникамъ, сколько, если не болѣе, и въ угоду арсенитамъ; то импе-

(1) Распут. Ев. II, с. 10, р. 133. Историкъ говоритъ, что Григорій вскорѣ же и умеръ здѣсь отъ душевныхъ потрясеній и отъ тоски, и что императоръ, узнавши о его смерти, прислалъ къ протовестіарисѣмъ гонимовъ за гонцами съ приказаніемъ, чтобы похороны его были совершены какъ можно тише и скромнѣе; и вслѣдствіе этого Григорій былъ погребенъ, какъ простой вѣрующій, а не какъ патріархъ. Ibid. с. 17, р. 152.

(2) Распут. Ев. II, с. II, р. 133—134.

раторъ считалъ этотъ моментъ весьма удобнымъ для возобновленія переговоровъ съ ними. Прежніе его переговоры, которые онъ возобновилъ вскорѣ по закрытіи Атрамитскаго собора и которые на время были прерваны сначала дѣломъ Венка, а потомъ дѣломъ Григорія, кончились весьма печально. Въмѣсто желаннаго примиренія умѣренныхъ арсенитовъ съ крайними императоръ добился того, что оттолкнулъ отъ церкви если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ изъ первыхъ, не пріобрѣтши для нея послѣднихъ. Чѣмъ и какъ былъ полученъ такой прискорбный результатъ историкъ не объясняетъ, а говоритъ лишь, что глава умѣренныхъ Іоаннъ Тарханіотъ, не хотѣвшій и слышать о примиреніи съ главою крайнихъ, Іакинѳомъ, отдѣлился и отъ церкви и былъ за это заключенъ императоромъ въ крѣпость Хилы (Χίλα) (1). По видимому, причиной этого вторичнаго отпаденія отъ церкви была настойчивость, съ какою императоръ требовалъ отъ Іоанна примиренія съ Іакинѳомъ. Эта настойчивость, при томъ глубокомъ презрѣніи, которое питалъ Іоаннъ и его приверженцы къ Іакинѳу и его партіи послѣ Атрамитской затѣи, на которую Іоаннъ, стоявшій по своему образованію гораздо выше Іакинѳа и его слѣпыхъ приверженцевъ, думавшихъ замѣнить недостатокъ богословскаго образованія неразборчивой «ревностью», смотрѣлъ не только какъ на невѣжество, но и какъ на богохульство, легко могла раздражить характернаго Тарханіота, и заставить его не только окончательно разойтись съ Іакинѳомъ, но и съ докучливымъ императоромъ. Это тѣмъ легче могло случиться, что Іоаннъ во главѣ

(1) Когда это случилось, историкъ тоже не объясняетъ

своихъ приверженцевъ примирился съ церковію не только не безусловно, но и не безъ задней мысли, какъ это обнаружилось въ извѣстномъ перенесеніи праха Арсеніева въ столицу. Какъ бы то ни было, по этому, или по другому побужденію, но и весьма многіе изъ умѣренныхъ вслѣдъ за своимъ вождемъ были снова потеряны для церкви, какъ и крайніе, и, какъ мы видѣли, своимъ вмѣшательствомъ въ интригу ученыхъ противниковъ Григорія, немало поддержали эту интригу и содѣйствовали ея успѣху.

Удаленіе Григорія; бывшее результатомъ этой неблагоприятной интриги, само собою вызывало императора на попытку испробовать, на сколько можно было давать значенія обѣщанію арсенитовъ примириться съ церковію подъ условіемъ устраненія этого патріарха. Въ этихъ видахъ онъ приказалъ освободить Іоанна изъ крѣпости и помѣстить его въ зданіи стараго арсенала, находившагося близъ влахерискаго дворца, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій и позволивъ принимать у себя кого ему вздумается. Сначала онъ пробовалъ приглашать къ себѣ Іоанна и Іакинѳа по одиночкѣ и окольными путями (*ἀκροβολιστοῖς*) разузнавать, на сколько расположены они къ примиренію другъ съ другомъ, а потомъ прибѣгъ къ услугамъ постороннихъ людей, пользовавшихся ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Главныя усилія его и теперь, какъ прежде, были направлены на Іоанна. Къ нему онъ подослалъ патріарха александрійскаго, имѣвшаго на него большое вліяніе, разузнать его образъ мыслей, попытаться измѣнить его согласно съ желаніями императора и потомъ сообщить ему о результатахъ своихъ переговоровъ. Аѳанасію было поручено развивать

предъ Тарханіотомъ ту особенно мысль, что если устроится примиреніе между нимъ и Іакинѳомъ, то безъ сомнѣнія, вельдъ за ними примирятся и ихъ сторонники, а когда все они будутъ едино, то можно будетъ составить соборъ, и на немъ дружески устроить и соглашеніе ихъ съ церковію, «такъ какъ Богъ находится посреди единомыслищихъ и подаетъ миръ ищущимъ мира ближнимъ и дальнымъ, особенно когда они ищутъ не своей славы, а Божіей (1)». Но ни личныя рекогносцировки, ни примирительныя попытки Аѳанасія, не дали никакихъ результатовъ. Іоаннь держался на сторожѣ противъ тѣхъ и другихъ и отвѣчалъ такъ уклончиво, что нельзя было вывести никакого заключенія на счетъ его образа мыслей и его намѣреній. Не обѣщая ничего въ настоящемъ, онъ подавалъ лишь самыя неопредѣленныя надежды въ будущемъ.

Хотя эта безуспѣшность попытки примирить арсенитовъ другъ съ другомъ подавала мало надежды на примиреніе ихъ съ церковію, тѣмъ не менѣе императоръ, горѣвшій желаніемъ устроить это примиреніе такъ или иначе, не хотѣлъ бросать этого дѣла, не испытавши предварительно всѣхъ средствъ къ его благополучному, желанному въ интересѣ церковнаго мира, окончанію, и съ этою цѣлью неоднократно устраивалъ соборы изъ наличныхъ епископовъ, приглашалъ на ихъ засѣданія представителей той и другой партіи, стараясь склонить ихъ къ миру другъ съ другомъ и церковію.

Но и усилія собора оказались столь же безуспѣшными, какъ и личныя усилія императора.

(1) Pashum. Eb. I, c. 12, p. 136.

Между тѣмъ, по обычаю, давно вошедшему въ плоть и кровь византійцевъ, противники сѣшнли интриговать другъ друга. Крайнїе оговорили главу умѣренныхъ-Тарханіота въ замыслахъ на царскую власть. Основаніемъ для оговора послужили два истинныхъ, или вымышленныхъ факта: а) будто бы Тарханіотъ въ одно собраніе явился въ пурпурныхъ нарукавникахъ (*χρυσίδας*), украшенныхъ драгоценными камнями, и б) будто бы нѣкоторые другія принадлежности царскихъ одежды были найдены у одного изъ его единомышленниковъ. Вслѣдствіе этого оговора Тарханіотъ былъ снова заключенъ въ крѣпость безъ суда и слѣдствія.

Тѣмъ внимательнѣе сдѣлался послѣ того императоръ къ главѣ крайнихъ Іакинѳу и его ближайшимъ сподвижникамъ—Дазарю, Макарію и Лепендрену. Онъ подарилъ ему одну изъ лучшихъ лошадей со своей конюшни, чтобы дать ему возможность почаще навѣщать его во дворцѣ для интимной бесѣды. Хитрый монахъ сѣшилъ пользоваться этимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ къ тому, чтобы обезвечить себѣ и своимъ благосклонность императора на счетъ своихъ совмѣстниковъ. Онъ притворился горячимъ сторонникомъ церковнаго мира, старался увѣрить императора, что самъ онъ лично готовъ хоть сейчасъ вступить въ общеніе съ церковію, и если еще медлить, то единственно потому, что его единоличное присоединеніе будетъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно въ интересъ мира, такъ какъ при настоящемъ настроеніи остальныхъ членовъ фракціи нельзя рассчитывать на то, чтобы его примѣръ нашелъ себѣ много подражателей, а напротивъ, есть основаніе думать, что его присоедине-

ніе лишь окончатъ. оно оттолкнуло бы всѣхъ остальныхъ отъ церкви. Его смертельный врагъ, Іоаннъ Тарханіотъ, служившій до сихъ поръ главнымъ препятствіемъ къ примиренію арсенитовъ какъ между собою, такъ и съ церковію, не замедлитъ воспользоваться этимъ присоединеніемъ къ тому, чтобы выставить его измѣнникомъ памяти и дѣлу Арсенія и тѣмъ сдѣлать его презрѣннымъ столько же въ глазахъ своихъ, сколько и въ глазахъ чужихъ, такъ что въ концѣ концовъ его присоединеніе лишь посоритъ его со своими и не примиритъ съ чужими, послужитъ лишь къ его личному вреду, безъ всякой пользы для церкви. Вслѣдствіе этихъ соображеній тонкій лицемѣръ просилъ императора дать ему время постепенно подготовить своихъ единомышленниковъ къ шагу, который за себя онъ давно будто бы рѣшилъ, и облегчить для него эту подготовку возможной внимательностью къ нуждамъ и желаніямъ вліятельнѣйшихъ членовъ фракціи. При дѣятельномъ содѣйствіи императора, онъ тѣмъ легче надѣялся достигнуть указанной цѣли, что злокозвенный Тарханіотъ, потерявшій свои навлиныя перья, вслѣдствіе недавно разразившейся надъ нимъ, совершенно впрочемъ заслуженной имъ, катастрофы, сдѣлался теперь столько же смѣшонъ, какъ ошпанная ворона, и не можетъ уже тормозить святое дѣло примиренія (1).

Рѣши хитраго старика были по сердцу императору. Онъ съ удовольствіемъ ихъ выслушивалъ и, не подозревая въ нихъ никакого коварства, охотно согла-

(1) Ἰωάννου δὲ (Ταρχανίου) καὶ δευταρχοῦ, καὶ ὧ' ἑκκλησιαστικῶν, καὶ πρὸς τοὺς ἰδίους κληρικόνων, οὐδὲ καὶ ἀπὸ τοῦ βασιλευσίου δόξαι, καὶ οὐκ ἔστι τοῦτο καλῶς παθεῖν ἐκείνων, τοῦ δόκτοριον ἐπινοήσαντος πτασῶν. Βασίλειον, II, II, с. 12, 1. 137.

силея выжидать благоприятнаго момента для получения общаемаго результата и вызвался содѣйствовать ускоренію этого момента. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ распоряженіе Іакинѳа и его партіи мозельскій монастырь, продолжая въ тоже время по прежнему принимать у себя слѣпныхъ вождей партіи Лазаря, Макарія и другихъ, когда имъ вздумается, и обсыпалъ ихъ всевозможными знаками вниманія: встрѣчалъ и провожалъ ихъ, когда они его навѣщали, превозносилъ похвадами несокрушимое мужество, обнаруженное ими въ ихъ злостраданіяхъ, выражалъ удивленіе и благоговѣніе предъ знаменіями ихъ достославнаго исповѣдничества и убѣждалъ ихъ не омрачать ихъ отчужденіемъ отъ церкви. Слепые исповѣдники принимали все эти комплименты и другіе знаки вниманія царскаго, какъ вполне заслуженную ими дань удивленія къ ихъ добродѣтелямъ и ревности, и не только не думали поступаться ни однимъ изъ своихъ требованій, но и считали себя вправѣ, во имя признанныхъ императоромъ заслугъ своихъ, расширить эти требованія, именно: они потребовали, чтобы торжественно было объявлено, что Іосифъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ и чтобы столь же торжественно было осуждено ученіе, что *Духъ св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына* (1). Къ этимъ двумъ радикальнымъ требованіямъ они присоединили еще третье, не менѣе радикальное: чтобы провѣрены были все хиротоніи, совершенныя послѣ удаленія отъ престола Арсенія, и затѣмъ скромно

(1) Пахиеръ называетъ это ученіе догматомъ церкви: ἡδέσταιν δὲ καὶ δογματὶ τῆς ἐκκλησίας τὸ εἶναι τοῦ ἁγίου ἐκ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι. Pashyut. lib. II, с. 12. p. 138.

присовокупили, что если бы императору угодно было поручить имъ управление церковію, то они стали бы управлять ею по святому евангелію и свято-отеческимъ канонамъ (1).

Слушая эту старую пѣсню въ новой, дополненной редакціи, императоръ понялъ, что грубѣйшимъ образомъ обмануть арсенитами, махнулъ на нихъ рукой и приступилъ къ избранію новаго патріарха.

И. Троицкій

(Продолженіе будетъ).

(1) Вѣд. р. 138—139.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 8. С. 169-242.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

IV.

Въ преемники Григорію былъ избранъ монахъ Аванасій, уроженецъ окрестностей города Адрианополя, отрекомендованный императору евнухомъ Генополитомъ, который, въ свою очередь, познакомился съ нимъ во время пребыванія своего въ монастырѣ на стражѣ у смертныхъ останковъ покойнаго императора (1).

О дѣйствіяхъ арсенитовъ и объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу и къ церкви во время двукратнаго патриаршества Аванасія (1289—1293, 1304—1310), равно какъ при его преемникахъ Іоаннѣ XII Созополь-

(1) Въ томъ ли монастырѣ подвизался Аванасій, гдѣ находились подъ охраною Генополита смертные останки Михаила, или въ одномъ изъ сосѣднихъ монастырей, или, можетъ быть, даже въ одиночной отшельнической кельѣ по сосѣдству того монастыря, трудно рѣшить по неопредѣленности показаній Пахимера. Онъ говоритъ лишь, что Аванасій подвизался въ окрестностяхъ горы Ганъ (Pachym. lib. I. cap. 37. p. 107. сн. Григор., стр. 173), а въ окрестностяхъ этой горы было нѣсколько монастырей и отшельническихъ келій. Генополитъ отрекомендовалъ его императору по возвращеніи своемъ въ столицу послѣ перенесенія праха Михаила въ Сивирійскій монастырь, — что совершилось, по мнѣнію Поссана, въ 1284 г. Vid. Observations Pachymer. тѣ. III. p. 837.

скомъ (1293—1304) и Нисонтъ (1312—1315), историки сообщаютъ лишь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ видно, однакожь, что, съ одной стороны, они продолжали по прежнему интриговать другъ противъ друга и противъ церкви, съ другой императоръ продолжалъ истощаться въ безплодныхъ попыткахъ примирить ихъ другъ съ другомъ и съ церковью, пока наконецъ, при послѣднемъ изъ упомянутыхъ патріарховъ, не удалось ему, хотя и не вполне, соединить ихъ съ церковію. Хотя основанія къ отдѣленію ихъ отъ церкви оставались прежнія, но теперь дѣлается, болѣе, чѣмъ когда либо, очевиднымъ, что отстаиваніе ими этихъ основаній имѣетъ для нихъ чисто личный, а не обще-церковный интересъ. Они ловятъ всѣ случаи выступить съ обвиненіемъ противъ церкви, создать для нея затрудненіе, превратить въ открытый расколъ всякое, возникавшее въ ней недоразумѣніе, раздуть въ пожаръ всякую, случайно западавшую въ нее искру, и все это изъ чисто личныхъ расчетовъ. Тѣ же приемы примѣняютъ они теперь и къ государству и, для обезпеченія себѣ успѣха въ борьбѣ противъ той и другаго, вступаютъ въ союзъ съ самыми низшими, отстойными слоями общества, ищутъ опереться на самые дурные инстинкты толпы, не стѣсняются подать руку даже прямымъ революціоннымъ попыткамъ. Такое направленіе борьба ихъ съ церковію и государствомъ приняла еще во время патріаршества Іосифа и владычества Ліонской уніи вслѣдствіе гоненій, которыя имъ пришлось терпѣть, какъ отъ іосифитовъ, такъ и отъ уніонистовъ; по устраненіи уніи, во время вторичнаго, хотя и слишкомъ кратковременнаго, патріаршества Іосифа и потомъ

Григорія, она поддерживалась неудачами, которыя имъ пришлось испытать въ своихъ домогательствахъ, и наконецъ, по устраненіи Григорія и до формальнаго примиренія ихъ съ церковію при Шифонтѣ, достигла высшей степени напряженія, благодаря тому, что интересъ къ ихъ дѣлу началъ падать съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Раздраженные преслѣдованіями и неудачами, они окончательно ожесточаются вслѣдствіе возрастающаго съ каждымъ днемъ равнодушія къ ихъ дѣлу со стороны общества и, не умѣя заинтересовать его вниманія болѣе широкой и плодотворной постановкой этого дѣла, вымещаютъ свою досаду въ злыхъ выходкахъ противъ церкви и государства и прибѣгаютъ къ разнымъ искусственнымъ средствамъ для поддержанія въ обществѣ падающаго интереса къ ихъ дѣлу, въ родѣ торжественнаго перенесенія съ мѣста на мѣсто праха Арсенія, или кого либо изъ своихъ собратій, и наконецъ, истощившись въ бесплодной борьбѣ съ естественнымъ ходомъ событій, овладѣть которымъ были не въ силахъ, они, въ большинствѣ своемъ, примиряются съ церковію на компромиссѣ, а ничтожное меньшинство вскорѣ исчезаетъ безслѣдно въ бурномъ потокѣ общественной жизни. Такой плачевный исходъ постигъ бы арсеніанское движеніе гораздо раньше, если бы оно не нашло себѣ пицци и поддержки въ сложившихся случайно обстоятельствахъ времени. Поддерживаемое ими, оно искусственно протянуло свое существованіе гораздо дальше, чѣмъ сколько могло ему обѣщать его внутреннее содержаніе. Между этими обстоятельствами первое мѣсто занимали внутреннія неурядицы въ церкви и государствѣ, которыми арсениты искусно поль-

зовались для поддержанія своего кредита въ обществѣ на счетъ церкви и государства. А эти неурядицы тянулись длинной, почти непрерывной вереницей во все царствованіе Андроника. Не послѣднее мѣсто занимала между этими обстоятельствами и неумѣлая настойчивость Андроника примирить ихъ во что-бы ни стало съ церковію. Постоянно опасаясь ихъ и ухаживая за ними, онъ придавалъ имъ гораздо больше значенія, чѣмъ сколько они имѣли на самомъ дѣлѣ и, такимъ образомъ, искусственно поддерживалъ въ нихъ самихъ самомиѣніе и самоувѣренность, а въ постороннихъ вниманіе и интересъ къ нимъ и къ ихъ дѣлу. Это преувеличенное вниманіе къ нимъ высшей государственной власти открывало имъ возможность постоянно пополнять свои ряды разными «униженными и оскорбленными», контингентъ которыхъ возрасталъ съ каждой новой смутой въ церкви, съ каждымъ новымъ несчастіемъ въ государствѣ и съ каждой новой опалой при дворѣ, и которые, примыкая къ вліятельнымъ раскольникамъ, искали воротить себѣ хоть часть того значенія и тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми они утратили, оставаясь въ союзѣ съ церковію и государствомъ, и хоть отчасти отместить за себя. Но это неразборчивое принятіе въ себя всѣхъ враждебныхъ церкви и государству элементовъ, въ свою очередь, повело къ нравственному разложенію фракціи, окончательно уронило ее кредитъ въ глазахъ общества и ускорило ее паденіе.

Еще до формальнаго избранія новаго патріарха, но когда уже положеніе дѣлъ выяснилось на столько, что всѣ вѣроятности избранія были на его сторонѣ, по городу стали ходить самыя невѣроятныя на его

счетъ слухи. Историкъ не знаетъ источника, изъ котораго выходили эти слухи, а говоритъ лишь, что «многіе вышли изъ своихъ темныхъ угловъ и стали распространять слухи, предосудительные для будущаго патріарха, слухи, имѣвшіе цѣлю выставить его человекомъ упрямымъ и крайне взыскательнымъ» (1); но, принимая въ соображеніе манеру дѣйствовать, съ которою въ послѣднее время болѣе и болѣе свыкались арсениты въ своей борьбѣ съ церковію, благодаря между прочимъ и своему тѣсному союзу съ разнымъ отребіемъ общества, и то обстоятельство, что Аѳанасій не принадлежалъ къ ихъ лагерю и отстранялъ ихъ отъ патріаршаго престола, на который они прямо предъявили свои виды, едва ли мы ошибемся, если значительную часть этихъ слуховъ припишемъ имъ. Остальная часть, вѣроятно, принадлежала личнымъ недоброжелателямъ Аѳанасія и, можетъ быть, приверженцамъ патріарха Григорія. Эта подпольная оппозиція не помѣшала однакожъ императору возвести на патріаршій престолъ излюбленнаго имъ человека. А великій логоѳетъ Музалонъ, съ свойственной ему энергіей и стремительностью, успѣшилъ отвѣтить на нее жаркой апологіей Аѳанасія. Такимъ образомъ новый патріархъ былъ избранъ въ первыхъ числахъ октября 1289 г. и 14-го числа того же мѣсяца былъ хиротонисованъ (2).

Въ самомъ же началѣ патріаршества Аѳанасія императоръ сдѣлалъ новый шагъ къ сближенію съ арсенитами. Отправляясь для обозрѣнія своихъ восточныхъ (мало-азійскихъ) провинцій и для изыска-

(1) Pashut. lib. II. c. 14, p. 143.

(2) Pashut. lib. II. c. 15. p. 145—147.

нія средствъ оградить ихъ отъ возраставшихъ съ каждымъ днемъ набѣговъ со стороны турокъ-сельджуковъ, онъ посѣтилъ несчастнаго Іоанна Ласкариса въ казематѣ Никитской крѣпости, въ которую онъ былъ заключенъ сряду же по своемъ ослѣпленіи покойнымъ императоромъ. Панегиристъ Андроника Григора объясняетъ визитъ императора къ злополучному царевичу угрызеніями совѣсти и смутными опасеніями за свою собственную судьбу (1). Съ этимъ послѣднимъ можно согласиться, но источникъ этихъ опасеній скрывался не въ тонкости нравственнаго чувства Андроника, какъ предполагаетъ почтенный Григора, и не въ отвлеченной идеѣ Божественнаго правосудія, а въ природной трусости и въ мнимыхъ или дѣйствительныхъ опасностяхъ, угрожавшихъ его особѣ и царству. На эти опасности, и притомъ въ прямой связи съ арсе-

(1) Григор. стр. 165. «За тѣмъ царь, вспоминая о томъ, какъ его отецъ поступалъ съ юнымъ Іоанномъ Ласкаремъ, который больше его имѣлъ права на престолъ, и боясь, чтобы и самаго его со временемъ не постигло тоже несчастье, какое испыталъ и тотъ, т. е. лишеніе царства и глазъ, старался по возможности уврачевать эту рану. Какъ умный человѣкъ, онъ не забывалъ, что Богъ часто и въ этой жизни за извѣстныя дѣла воздастъ соответствующими послѣдствіями, чтобы убѣжденіе въ Его правосудіи глубже коренилось въ жизни и чтобы оно приводило въ страхъ тѣхъ, которые при своихъ планахъ, захотѣли бы оставлять въ сторонѣ свыше назирающее правосудіе. Правда, самъ онъ огнюду не соизволялъ намѣренію и самому дѣлу отца,—будучи еще дитятей, при неразвитости тѣлесныхъ органовъ, онъ не могъ бы обнаружить своего желанія, если бы оно и скрывалось въ вѣдрахъ его души. Однакожь отецъ не для другаго кого, а для него развелъ такой огонь несправедливости, — чтобы онъ не лишился царства въ томъ случаѣ, если бы остался живъ и здоровъ законный наследникъ престола. По этому сильно мучась угрызеніями совѣсти, онъ отправился къ Іоанну Ласкарю, котораго отецъ ослѣпилъ ради его и который содержался подъ стражею въ одномъ Визинскомъ городкѣ. Андроникъ хотѣлось увидать его, чѣмъ можно — углѣзить, и сверхъ того приказать, чтобы ему въ изобиліи доставляли все нужное. Сдѣлавъ надлежащія распоряженія, онъ довольный собою отправился отсюда на востокъ».

ніанскимъ движеніемъ, указывали Андронику наговоры и доносы на главъ арсеніанства Андроника Сардскаго и Іоанна Тарханіота. Справедливы ли были эти наговоры или несправедливы, это было все равно,—во всякомъ случаѣ они представляли опасность съ этой стороны возможною, если не въ мысляхъ заговорщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ донощиковъ, а этого было вполне достаточно для того, чтобы серьезно встревожить мнительнаго. вѣчно боявшагося всего и всѣхъ, Андроника, и внушить ему мысль о необходимости обезпечить свое положеніе и съ этой стороны. И вотъ, отправляясь на востокъ, онъ заѣзжаетъ въ казаматъ Никитской крѣпости съ повинною къ царственному узнику за себя и за своего отца, и испрашиваетъ у него санкцію на пользованіе похищенной у него властью (1). Историки не говорятъ, въ какомъ положеніи нашель онъ наслѣдника Дукъ и Ласкарисовъ, но свидѣтельствуютъ, что онъ остался доволенъ своимъ визитомъ; слѣдовательно, результатъ его вполне отвѣчалъ его ожиданіямъ; Ласкарисъ, вѣроятно, далъ требуемую отъ него санкцію. Да и могъ ли поступить иначе слѣпецъ, доведенный, вѣроятно, до идіотизма своимъ безотраднымъ одиночествомъ и при томъ находившійся въ полной власти своихъ суровыхъ тюремщиковъ? По примѣру своего отца, Андроникъ думалъ вознаградить несчастнаго за

(1) Βασιλεὺς τῆς πόλεως ἐξέηλακός προβάλλει τῆ τῶν Νικητιάτων τῆς Λακεδαιμονίας φρουρῶν, καὶ τῷ τυφλῷ Ἰωάννῃ συρμίζας φιλοφρονεῖται τὰ εἰκότα, καὶ τὸ εἰς ἑκεῖνον παρὰ τοῦ πατρὸς γεγονὸς αὐτοῦ ἐπιμάρτο μακάριον ταῖς ὑποπτικαίαις, ὥστε καὶ συχορηθῆναι παρ' ἑκεῖνου καὶ εἶναι κραταιωθῆναι πρὸς τὸ βασιλεύειν ἔξ ἀγαθοῦ σκοποῦ καὶ χρηστῆς διαθέσεως. Αὐτὸς δὲ τῶν εἰς τρυφὴν ἑκεῖνον καὶ ἀνασιν προνοήσας ἀπαλλάττεται τὴν ταχίστην. Pachymer. lib. 1. c. 36. p. 103—104.

потерю глазъ, свободы, царства и людскаго общества съ его удовольствіями и радостями, улучшеніемъ его содержанія.

Въ то время, какъ императоръ утѣшалъ по своему Ласкариса, его спутники—патріархъ Аѳанасій и великій логоетъ Музалонъ, почтенный за свои заслуги новымъ знакомъ царскаго благоволенія—возведеніемъ въ санъ протовестіарія, спѣшилъ, по его приказанію, съ подобнымъ же утѣшеніемъ къ другимъ несчастнымъ узникамъ—къ Векку и его злополучнымъ товарищамъ въ казематы крѣпости Св. Григорія. Андроникъ вспомнилъ, что, отправляя ихъ въ эту крѣпость, не назначилъ имъ ни одного овоза на ихъ содержаніе и поручилъ новому патріарху спасти ихъ отъ голодной смерти доставкою имъ значительной суммы на ихъ содержаніе (¹). Аѳанасій, затруднившійся чю исполнить это порученіе, во избѣжаніе разныхъ толковъ и нареканій за посѣщеніе осужденныхъ церковію еретиковъ, передалъ это порученіе великому логоету—протовестіарію. Музалонъ, вручивши узникамъ назначенную для нихъ сумму, облегчилъ, по возможности, ихъ положеніе и въ другихъ отношеніяхъ — удалилъ тѣхъ изъ ихъ тюремщиковъ, которые отличались особенной суровостью и безсердечностью, замѣнивши ихъ другими болѣе человѣчными, и кромѣ того открылъ имъ добрыя надежды на милость царскую, намекнулъ даже на возможность освобожденія ихъ изъ заключенія. Вскорѣ за тѣмъ императоръ лично пожелалъ ихъ видѣть и съ этою цѣлію далъ имъ аудіенцію въ Лопадіѣ (²), принялъ ихъ весьма бла-

(¹) Векку было ассигновано 100 золотыхъ монетъ, а архидіконамъ по 50-ти.

(²) Городъ въ Вионніи, лежавшій на берегу Аполлоніадскаго озера.

госклонно и обнадежилъ подобными же общаніями (').

Не извѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ визитъ императора къ Ласкарису на арсенитовъ; но извѣстно, что онъ нисколько не гарантировалъ Андроника отъ покушеній на утвержденное за нимъ Ласкарисомъ царство, какъ увидимъ ниже.

Затѣмъ изъ времени перваго патріаршества Аеанасія (1289—1293) дошла до насъ одна только бѣглая замѣтка объ арсенитахъ. Эту замѣтку сдѣлалъ самъ Аеанасій въ своемъ секретномъ отлученіи отъ церкви всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ вынужденнаго у него отреченія отъ престола (²). Эта

(¹) Pachum. lib. 1. c. 36. p. 104—105. Этимъ общаніямъ впрочемъ не суждено было исполниться и всѣ три узника умерли въ заключеніи: Вегри въ мартѣ 1298 г. и былъ погребенъ въ крѣпости же безъ всякой торжественности (Pachum. lib. III. c. 29. p. 270—271), Мелитаніотъ въ апрѣлѣ 1308 г. и былъ зарытъ въ землю на одномъ изъ пустынныхъ острововъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ по собственному желанію (Pachum. lib. VII; c. 31. p. 636). Годъ смерти Метохита неизвѣстенъ.

(²) Этотъ любопытный документъ помещенъ у Пахимера въ его исторіи Андроника Палеолога старшаго (lib. II. c. 23. p. 169—173). О мотивахъ и судьбѣ этого отлученія Григоръ говоритъ слѣдующее: «прежде чѣмъ удалиться отъ престола, Аеанасій дозволялъ себѣ поступокъ, крайне недостойный его сана. Взявъ листъ бумаги, онъ собственноручно написалъ на немъ эпитимію отлученія на все царское семейство, на архіереевъ, на священнослужителей, на высшее сословіе и на простой народъ за то, что не позволили ему удержать за собой престолъ до конца жизни. Потомъ, положивъ бумагу въ половинки раковины, онъ бросилъ ее въ какое то углубленіе въ стѣнѣ великаго храма. Здѣсь она и скрывалась цѣлый годъ. Потомъ неожиданно была найдена въ черепкахъ мальчиками, искавшими птичьихъ гнѣздъ въ углубленіяхъ стѣнъ. Затѣмъ показана причту святой Софіи, а наконецъ и царю». Григоръ. стр. 184. Еще подробнѣе и обстоятельнѣе разсказываетъ эту исторію съ секретнымъ отлученіемъ Пахимерь (lib. II. c. 22, 23, 24. p. 168—178); но такъ какъ его разсказъ въ существенныхъ чертахъ сходенъ съ разсказомъ Григоры, то мы и предпочли разсказъ послѣдняго, какъ имѣющій за собою преимущество краткости.

замѣтна строго порицаетъ дозволеніе, данное императоромъ главѣ крайнихъ арсенитовъ, Іакинеу собрать вокругъ себя все, что только было низкаго и дурнаго въ тогдашнемъ обществѣ (1). Къ сожалѣнію трудно сдѣлать какое либо употребленіе изъ этой замѣтки, такъ какъ не возможно, по отсутствію положительныхъ указаній, опредѣлить съ удовлетворительною точностью фактъ, который она имѣетъ въ виду т. е. разумѣетъ ли авторъ дозволеніе, данное Іакинеу предъ Атрамитскимъ соборомъ, или современное автору — предъ какимъ либо, бывшимъ при немъ соборомъ, свѣденія о которомъ забыли сообщить намъ историки. Сопоставленіе этого дозволенія съ дозволеніемъ, даннымъ Андроникомъ Векку публично защищать себя противъ своихъ обвинителей, по видимому говорить за давно минувшее время; но съ другой стороны посѣщеніе Векка Музаломъ и милостивая аудіенція, данная ему и его товарищамъ лично императоромъ въ Динадіѣ, дѣлаетъ вѣроятною новую попытку со стороны Андроника примирить ихъ съ церковію, попытку, которая могла имѣть мѣсто и въ патриаршество Аѳанасія и, можетъ быть, во время совмѣстнаго путешествія его съ императоромъ по востоку, гдѣ происходило упомянутое посѣщеніе и аудіенція. Сходство въ подробностяхъ легко можетъ быть

¹¹ Δύο τινά ἐφάνη πρὸς καταβολὴν τῆς ἐκκλησίας εἰς ὠφέλειαν ὄψιν αὐτῆς ἐπινοηθέντα, ἕξ ἐπιβουλῆς τῶν ἐπιχειρόντων τοιοῦτοις, ἐν μὲν τὸ τὸν Βέκκον ἐλθεῖν εἰς τὸ διαλεχθῆναι καὶ τάχα καταγνοσθῆναι καὶ ἡττηθῆναι, ὃ ἀμήχανον ἦν τοῦ λαοῦ μεμηγῆτος καὶ τὸ γλυκὺ πικρὸν ἔχοντων τε καὶ λεγόντων, δεύτερον, ἥνίκα τῷ Ἰακίνθῳ ἐξεχωρήθη ὅπαντα τοῦ τῆς Ρωμαίων προσκαλεῖσθαι κατὰ τῆς ἐκκλησίας οὓς εὔρισκον οὐ συνειδήσει, οὐ νόμοις Θεοῦ τετραμμένους, ἀλλ' ἀγυρτώδεις καὶ τρωβόλιμαίους τινάς, καὶ ἱκανοὺς καταστρέψαι τὴν ἐκκλησίαν Χριστοῦ, καὶ ὅσα παρέλαβεν, ἀλόγῳ θράσει καὶ διαβολῇ καὶ ὕβρει, ἐν οἷς εἶχον ἑκεῖνοι τὸ ἰσχυρὸν. Pashyn. p. 169—170

объяснено сходствомъ въ положеніяхъ. Во всякомъ случаѣ — если эта замѣтка относится къ факту, имѣвшему мѣсто во время перваго патриаршества Аванасія — что впрочемъ представляется намъ менѣе вѣроятнымъ, — то, хотя мы и не имѣемъ фактическихъ подробностей для оцѣнки этой новой попытки Андроника примирить арсенитовъ съ церковію, конечный результатъ ея не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію — полнѣйшая безуспѣшность ея доказывается неоднократнымъ повтореніемъ ея въ послѣдующее за тѣмъ время. Если же она имѣетъ въ виду извѣстный намъ, болѣе отдаленный, фактъ, — что представляется болѣе вѣроятнымъ, то имѣетъ значеніе лишь какъ сужденіе о мѣропріятіяхъ по этому предмету государственной власти человѣка, близко поставленнаго къ этимъ мѣропріятіямъ и имѣвшаго возможность оцѣнить на дѣлѣ практическую цѣлесообразность этихъ мѣропріятій.

Въ томъ же документѣ есть еще довольно прозрачное указаніе на характеръ мѣръ, которыя принималъ Аванасій противъ раскольниковъ (арсенитовъ) съ цѣлію заставить ихъ подчиниться церкви. Вотъ что говоритъ объ этомъ патриархъ: «принявши попеченіе о Христовой церкви, ими же Самъ Онъ вѣсть судьбами, мы не пренебрегали никакими средствами къ тому, чтобы наказать (*τιμωρεῖν*) тѣхъ, которые не только отдѣлились отъ церкви, но и поносили ее, равно какъ обуздать (*ἀναχαιτίσειν*) тѣхъ, которые были уличены въ нечистыхъ похотахъ и прелюбодѣйствахъ (*ἀκαθαρσίαις ποίησις τε καὶ πορνείαις*).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ состояли эти карательныя мѣры противъ раскольниковъ, такъ гар-

монировавшія съ суровымъ характеромъ Аѳанасія; но, необинуясь, можемъ сказать, что онѣ еще меньше могли достигнуть цѣли, чѣмъ примирительныя попытки императора.

Вотъ и все, что сообщаютъ намъ имѣющіеся въ нашихъ рукахъ документы и памятники о дѣйствіяхъ высшей государственной и церковной власти по дѣлу арсенитовъ въ первое патріаршество Аѳанасія. Еще менѣе сообщаютъ они свѣденій о дѣйствіяхъ самихъ арсенитовъ въ отвѣтъ на мѣропріятія противъ нихъ властей.

Скудость эта объясняется краткостью перваго патріаршества Аѳанасія (всего 4 года) продолжительнымъ отсутствіемъ императора изъ столицы (1) и смутами, возникшими между духовенствомъ вслѣдствіе крутыхъ мѣръ, принятыхъ Аѳанасіемъ для проведенія затѣянной имъ реформы духовенства, (2), волновавшихъ

(1) Императоръ провель на востокъ около двухъ лѣтъ. Расхун. ІІв. ІІ. с. 18. 19. 20. р. 153 — 155. Conf. Observat. Raschumer, ІІв. ІІІ. р. 810—811.

(2) (1) характеръ второй реформы можно судить по слѣдующему описанію ея у Григоры: «взошедши на патріаршій престолъ, Аѳанасій обратилъ свое грозное лицо, полное божественной ревности и строгости, прежде всего къ архіереямъ.. Тѣхъ архіереевъ, которые находились по какой нибудь надобности въ Константинополѣ, Аѳанасій отправилъ въ ихъ митрополіи, гдѣ и должны были оставаться до конца жизни; проживая здѣсь, говорилъ онъ, пусть не наговариваютъ другъ на друга и на меня самаго, — они, обязанные быть учителями мира. Что же касается до тѣхъ, которые приходили со стороны подъ предлогомъ исполненія правилъ святыхъ и божественныхъ соборовъ, повелѣвающихъ дважды или однажды въ годъ собираться митрополитамъ у патріарха, для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія возникающихъ въ церкви вопросовъ: такимъ лицамъ онъ воспрещалъ вѣздъ въ Константинополь, — и хорошо дѣлалъ. Каждому, говорилъ онъ, слѣдуетъ нести врученную ему паству, какъ патріархъ насеть столичную, и руководить своихъ овецъ, находясь при нихъ же, а не проживая въ столицѣ, и только получать оттуда доходы.. Негодованіе его на обидчиковъ было

церковь во все время его патриаршества и бывших причиною его удаленія отъ престола. Что арсениты

такъ велико и открыто, что не только тѣ, которые доводились въ родствѣ царю, а и сами его сыновья боялись его поразительной смѣлости и обличеній больше, чѣмъ приказаній самаго царя... Тѣмъ, которые рѣшились вести монашескую жизнь, онъ не позволялъ ни того, что требуетъ кошелекка и заботаиваго хрвенія, ни того, что соединено съ большими хлопотами. Если же оказывалось, что кто нибудь имѣлъ что нибудь такое, тотъ по неволѣ и со стыдомъ долженъ былъ разстаться съ нимъ. Онъ сильно порицалъ даже тѣхъ, которые, принявъ монашество и избравъ образъ жизни простой и скромный, потомъ не хотѣли ходить пѣшкомъ; онъ внушалъ имъ среди города пользоваться собственными ногами, впрочемъ не какъ вздумается, не безъ осторожности и не безвременно показываться на площадяхъ, отличающихся извѣнными и распущенными нравами, чтобы не возвращаться оттуда съ умомъ полнымъ видѣнныхъ зрѣлищъ, но позволять себя это только по нуждѣ и съ разрѣшенія настоятеля монастыря... Онъ не забылъ и тѣхъ, которые прежде опытнаго изученія монастырскаго образа жизни, или заключали себя въ тѣсныхъ кельяхъ, подъ предлогомъ подвиговъ, или же, хода по знатымъ домамъ, легко обольщали вѣтренницъ и овладѣвали ими, дѣйствуя на нихъ своимъ выѣшнимъ видомъ и имѣя кожу овецъ, тогда какъ внутри были хуже волковъ хищниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ носили въ себѣ даже сѣмена ересей и легко приводили простыя души къ безднѣ погибели. Собрать этихъ людей, а также и всѣхъ тѣхъ, которые бѣсновались въ какомъ-то вакхическомъ изступленіи, изъ тщеславія и ради корысти, онъ подчинилъ ихъ правиламъ монастырскаго образа жизни; и тѣхъ, въ комъ замѣчалъ исправленіе, помѣщалъ въ многолюдныхъ монастыряхъ, предписывая имъ всѣми силами соблюдать отреченіе отъ своей воли; съ тѣми же, въ которыхъ замѣчалъ неизлечимую болѣзнь онъ дѣлалъ одно изъ двухъ: или заключалъ въ затворъ, спасая ихъ и противъ воли, или же выгонялъ изъ города. Такимъ образомъ онъ очистилъ площади и улицы отъ тѣхъ, которые ходили въ монашескомъ платьѣ, какъ мужчины такъ и женщины». Григор. стр. 173—177.

Еще обстоятельнѣе описываетъ церковную реформу Аѳанасія Пахимеръ (ib. II. сс. 16. 19. 20. 21. р. 147—152. 154—168.), но смотреть на нее совсѣмъ не тѣми глазами, какими взглянулъ на нее Григоръ. Богатый матеріалъ для изученія этой реформы представляютъ письма и другія сочиненія самаго Аѳанасія, напечатанныя частью у Бандурин (Imperium Orientale, t. II. р. 668—686. ed. Venet. t. XXX), частью у Турпиана (ad. calcem libri: De residentia pastorum, 4-o Florentiae 1537). Тѣ и другія перепечатаны у Миня Patrologiae cursus completus t. CXLII col. 471—528.

не остались въ сторонѣ отъ этихъ смугъ, а напротивъ приняли въ нихъ самое дѣятельное участіе, стараясь направить ихъ сообразно съ своими дѣлями, это неоспоримо доказывается свидѣтельствомъ самаго Аванасія, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Да если бы и не сохранилось этого свидѣтельства, то припоминая образъ дѣйствій ихъ во время патріаршества Іосифа и Григорія, мы съ увѣренностію могли бы сказать, что они не измѣнили его и теперь, такъ какъ образъ дѣйствій относительно ихъ самаго патріарха всего менѣе могъ располагать ихъ къ измѣненію этихъ отношеній на болѣе миролюбивыя.

Послѣ отреченія Аванасія 16. октября 1293 г. (1) и вступленія на патріаршій престолъ Іоанна XII Созопольскаго (2), который по своему кроткому, миролю-

(1) Рашум. ІІв. II. с. 22. 23. 24. р. 168—176. Причину отреченія Григора объясняетъ такимъ образомъ: „спустя немого послѣ того какъ царь возвратился (съ востока), патріархъ Аванасій, на четвертомъ году своего патріаршества, представляетъ ему письменную просьбу. Она была вызвана возмущеніемъ всѣхъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ, которые не могли долѣе сносить его духовной суровости; они сначала браваяди его тайно, скрывъ зубы, а потомъ и открыто, почти въ глаза и въ его присутствіи; они готовы были даже растерзать его, если бы онъ сталъ долѣе удерживать престолъ. Патріархъ впрочемъ надѣялся получить отъ царя помощь, чтобы отогнать своихъ порицателей. Но когда, неизвѣстно почему, онъ встрѣтилъ въ царѣ совѣтъ не то, чего ожидалъ, то сталъ просить и получилъ отрядъ солдатъ, чтобы они защищали его отъ волнующагося народа и проводили къ Кеиролаоскѣй монастырь“. Григор. стр. 183 — 184. Грамата отреченія помѣщена у Нахимера ІІв. II. с. 24. р. 175—176 и у Вандурія, Imperium Oriental. t. II. р. 671. Въ текстѣ ея у того и другаго есть значительные варианты, неизмѣняющіе впрочемъ существа дѣла, которое вѣрно передано Григорой.

(2) Іоаннъ былъ хартописованъ 1-го января 1294 г. (Рашум. ІІв. II. с. 28. р. 185—186). О предшествовавшей жизни и характерѣ этого патріарха Нахимерь сообщаетъ слѣдующія свѣденія: онъ былъ родомъ изъ Созополя, долго служилъ блжннмъ священникомъ, не принадлежа однакожъ къ какой либо опредѣленной церкви, потомъ оставилъ свою

бывому характеру составлялъ совершенный контрастъ съ своимъ суровымъ, неуживчивымъ предшественникомъ, императоръ сдѣлалъ новую попытку примирить арсенитовъ другъ съ другомъ и съ церковію. Попытка эта была точь въ точь похожа на предшествовавшіи его попытки, какъ по характеру пріемовъ, такъ и по результатамъ. Впрочемъ, она не осталась совершенно безплодною. Императору удалось перетянуть отъ нихъ на свою сторону дядю своего Рауля (1),

живу и постригся въ монахи вмѣстѣ съ своимъ братомъ и сыномъ. Прибывши въ Константинополь, онъ исправлялъ разныя должности въ монастырѣ Св. Михаила и между прочимъ должность викарія. Это былъ почтенный старецъ съ кроткимъ, ласковымъ характеромъ. Во времена соблазна (т. е. во время владычества Діонскаго уніи), когда императоръ (Михаилъ) прибылъ въ этотъ монастырь съ цѣлію узнать образъ мыслей монаховъ, Козьма (монашеское имя Іоанна) оказался въ числѣ противившихся введенію уніи и былъ за это заключенъ въ тюрьму, гдѣ переносилъ всѣ лишенія и неудобства жизни съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Будучи освобожденъ изъ своего тѣснаго заключенія по ходатайству патріарха Александрійскаго, онъ заключился въ уединенной кельѣ на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ. При вступленіи на престолъ Андроника онъ познакомился съ великимъ коноставломъ Тарханіотомъ Главой, случайно завѣщавшимъ на этотъ островъ во время своей поѣздки на востокъ по порученію императора для устройства тамошнихъ дѣлъ, и былъ представленъ имъ императору. Андроникъ назначилъ его игуменомъ монастыря Наммакарасты и вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ духовниковъ. Козьма такъ ему понравился, что однажды императоръ откровенно признался одному изъ своихъ сановниковъ, именно мистигу Хумну (помощнику великаго логоета Музалона), что если церковь по смерти Козьмы признаетъ его святымъ, то онъ охотно дастъ на это свое согласіе, но если и не признаетъ, онъ все таки будетъ считать его за святаго. (Rashum. lib. II. c. 27. p. 182—185).

(1) Мануилъ Рауль, его братъ Исаавъ, протостраторъ Андроникъ Палеологъ и его племянникъ Іоаннъ Палеологъ, заключенные въ мрачную темницу и обложенные тяжкими цѣпями за свое сопротивленіе уніи, были показываемы папскимъ легатамъ, какъ звѣри въ клеткѣ, въ доказательство ревности императора Михаила къ дѣлу уніи. Историкъ, передающій этотъ фактъ, дополняетъ его слѣдующей подробностью, касающеюся Мануила Рауля: «виночерпій Рауль, увидѣвши ефессянина

Исаака слѣплого и его сестру протостраториссу, путемъ всевозможныхъ угождений, простиравшихся до того, что дозволено было совершать ежегодно память Андроника Палеолога, скончавшагося въ темницѣ во время владычества Лионской уніи (1). Неоднократно пытался онъ посредствомъ тѣхъ же пріемовъ привлечь къ себѣ и другихъ вліятельныхъ членовъ фракціи, — щедро курилъ очумлѣвъ ихъ доброобѣдному исповѣдничеству; но послѣ многократныхъ опытовъ убѣдившись, что «поеть предъ глухими и толкуеть о двѣтахъ со слѣпыми», снова отступился отъ нихъ. Дѣйствительно, слѣпые вожди слѣпыхъ продолжали упорно стоять на своемъ, не слушая и не понимая никакихъ резоновъ. По главы ихъ на этотъ разъ помѣнялись своими судьбами: теперь въ темницу былъ заключенъ Іакинѣъ, а Тарханіотъ былъ освобожденъ изъ нея, хотя и не примирился съ церковію. Мало того, императоръ позволилъ своей супругѣ навѣстить его и утѣшить за испытанныя имъ страданія. Остальнымъ вождамъ фракціи приказано было смиренно жить въ Мозельскомъ монастырѣ (2).

(Исаака митрополита Ессескаго, служившаго чичероне для папскихъ легатовъ, по приказанію императора) и какъ бы досадуя на него за то, что онъ живетъ на свободѣ, а она страдаютъ въ темницѣ, тогда какъ первый долженъ бы бороться сильнѣе за нихъ, чѣмъ послѣдніе — сами за себя, тихо сложилъ лежавшую на немъ цѣпь и, приманивъ его къ себѣ, съ усміянь бросилъ на него эту складку, чтобы нанести ему ударъ, но не попалъ, потому что цѣпь была задержана его шею». Пахим. стр. 223—224.

(1) Ὁσα καὶ τὸν ἐν εἰρητῇ τὸ κάλαϊ τελευτήσαντα πρὸτοστράτορα τὸν Παλαιολόγον Ἀνδρόνικον διὰ τὰ προγεγονότα τῆς ἐκκλησίας σκάνελα ἐτησίαις μύηταις ἀξιοπρεπῶς τιμᾶν. Pashum. p. 207.

(2) Pashum. lib. III. c. 7. p. 206—208. Говоря объ этой новой примирительной попыткѣ императора, историкъ упоминаетъ мимоходомъ о новой размовкѣ между самими арсенитами, не имѣвшей впрочемъ серьезнаго значенія. Размовка на этотъ разъ произошла между Іакинѣ-

Наши историки объясняютъ эти частыя попытки Андроника примирить арсенитовъ съ церковію его «благочестіемъ», которое пѣлополнило его сердце, «пламеннымъ желаніемъ церковнаго мира». Ни мало не заподозрѣвая ни глубины, ни искренности этого благочестія, мы думаемъ однакожь, что «пламенное желаніе церковнаго мира» вытекало не изъ одного этого источника, а въ значительной степени и изъ тѣхъ источниковъ, въ которыхъ почерпали свою силу и свою дерзость раскольники. Первымъ изъ этихъ источниковъ была трусость, инертность и неумѣлость Андроника справиться съ выпавшими на его долю задачами, вторымъ — политическія и социальныя затрудненія имперіи, созданныя между прочимъ той же неумѣlostью.

Мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилась имперія въ послѣдніе годы царствованія Михаила; теперь ея положеніе сдѣлалось еще печальнѣе. Если и прежде ея внѣшніе враги постоянно заносили надъ ея головою Дамокловъ мечъ; если и прежде ея внутренніе супостаты на всѣхъ пунктахъ подкапывались подъ ея благосостояніе, то теперь тѣ и другіе сдѣлались еще смѣлѣе и отважнѣе. Но въ то время на стражѣ ея стоялъ по крайней мѣрѣ великій умъ, зорко слѣдившій за всѣми движеніями ея внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, умѣвшій прослѣдить и прибрать къ своимъ рукамъ всѣ нити интригъ, которыя ткались на ея гибель, перепутать ихъ еще

оомъ и остальными вождями фракція. Изъ-за чего она возникла, историкъ не знаетъ; но замѣчаетъ, что ко времени возобновленія упомянутой попытки императора, арсениты уже примирились съ Іакинѣомъ, такъ что и онъ вмѣстѣ съ другими участвовалъ въ совѣщаніяхъ и переговорахъ, производившихся между ними и императоромъ.

болѣе тонкими и сложными сѣтями контръ-интриги и въ концѣ концовъ обратить ихъ противъ самихъ же ихъ виновниковъ, умъ, который въ себѣ самомъ находилъ неисчерпаемый источникъ средствъ къ ея защитѣ, къ уврачеванію ея язвъ, къ поддержанію ея виѣшняго достоинства и внутренняго порядка, умъ, который съумѣлъ жалкую никейскую имперію превратить снова въ имперію византійскую, съумѣлъ съ самыми ничтожными материальными средствами отстоять свободу и независимость этой имперіи, не только противъ мусульманскаго востока, но и противъ латинскаго запада, съумѣлъ перехитрить изощренную во всевозможныхъ хитростяхъ и коварствахъ римскую курію, обратить этотъ вѣковой прессъ востока въ оцлотъ его противъ вѣчно-враждебнаго запада, умъ, который съумѣлъ связать если не языки, то по крайней мѣрѣ руки дерзкимъ подпольнымъ сѣтелямъ брамолъ и удерживать ихъ въ ихъ темныхъ углахъ... А теперь имперія похожа была на трупъ безъ головы, вмѣсто правильныхъ, сознательныхъ, цѣлесообразныхъ дѣйствій обнаруживавшіи лишь конвульсивныя движенія подъ дѣйствіемъ гальваническаго тока. И если этотъ безголовый организмъ не испустилъ окончательно дыханія жизни въ рукахъ ничтожнаго Андроника, то это случилось не по винѣ послѣдняго. Съ своей стороны этотъ недостойный преемникъ Михаила сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы довести ее до послѣдняго издыханія. Между тѣмъ его задачи были гораздо легче, чѣмъ задачи его отца: у него на рукахъ не было самаго страшнаго врага имперіи-- запада, у него не было самаго серьезнаго внутренняго тормоза—униі. Ему оставалось лишь защищать

имперію отъ мусульманскаго востока и славянскаго сѣвера и охранять внутреннее спокойствіе отъ однихъ арсенитовъ. Но онъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что и эти малочисленные и не особенно сильные враги постоянно усиливались, умножались въ числѣ и едва не довели ее до гибели. И прежде всего имѣя половину владѣній на островахъ и берегахъ морей, онъ уничтожилъ флотъ, съ такою заботливостью и такими громадными матеріальными затратами сооруженный его покойнымъ отцемъ (1). Близорукіе, доморощенные политико-экономы внушили ему, что этимъ путемъ онъ можетъ сдѣлать значительныя сбереженія въ государственной экономіи и покрыть ими другія болѣе настоятельныя государственныя нужды; а глупые и злонамѣренные льстецы натолковали ему, что вполне достаточною охраною для его имперіи съ суши и моря будетъ служить его благочестіе. Андроникъ имѣлъ наивность повѣрить тѣмъ и другимъ, и настежъ отворилъ все морскіе пути для безпрепятственнаго пропуса всехъ враговъ имперіи въ ея нѣдра (2). Столь же усердно постарался онъ и объ открытіи сухопутныхъ путей. Истощивши государственную казну на содержаніе дорого стоившихъ соборовъ, въ родѣ Атрамитскаго, на сооруженіе серебряныхъ треножниковъ для кощунственныхъ опытовъ съ «судомъ Божіимъ», на подарки «ревнителямъ», на свадьбы, коронаціи, триумфальныя въѣзды и пріемы иностранныхъ пословъ и на удовлетвореніе прихотей своей властолюбивой и расточительной супруги (3),

(1) Пахим. стр. 281—285.

(2) Рашун. lib. I. c. 26. p. 69—71. Григор. стр. 166—168.

(3) Григ. стр. 234—235.

онъ вынужденъ былъ вывести гарнизоны изъ многихъ пограничныхъ укрѣпленій, за неимѣніемъ средствъ содержать эти гарнизоны и поддерживать эти укрѣпленія. Вслѣдствіе этого, эти укрѣпленія перешли немедленно же въ руки враговъ имперіи и обратились въ операціонныя базисы противъ нея. Массами хлынули чрезъ всѣ эти отверстія на несчастную имперію ближніе и дальные враги и залили ее цѣлымъ моремъ крови и слезъ (¹). Что же сдѣлалъ для отраженія ихъ Андроникъ, чѣмъ думалъ поправить допущенное зло? Лучшей организаціей войска, поднятіемъ его мужества, поддержаніемъ и укрѣпленіемъ патріотизма? Нѣтъ, онъ оставлялъ своимъ бездарнымъ полководцамъ грабить свое войско, а войску—грабить своихъ согражданъ, а искалъ себѣ и своей имперіи защиты и охраны и отъ виѣшнихъ враговъ и отъ ея внутреннихъ защитниковъ у иностранныхъ наемниковъ—католицевъ, итальянцевъ, татаръ, сельджуковъ и другихъ, съ явнымъ оскорбленіемъ національнаго чувства, и находилъ въ нихъ буйныхъ, высокомерныхъ, своевольныхъ и жестокихъ грабителей своего народа (²).

Не больше смысла и такта вносилъ Андроникъ и въ дѣла внутренняго управленія имперіей. Если и при покойномъ отцѣ его, особенно въ послѣдніе годы его жизни, благодаря печальнымъ недоразумѣніямъ его со своимъ народомъ, было не мало злоупотребле-

(¹) Pashum. lib. I. c. 29. p. 80—81. c. 32. p. 86—87. c. 37. p. 105—107. lib. III. c. 14. p. 232. lib. IV. c. 21. p. 318—319. lib. V. c. 9. p. 388—390. Григор. стр. 304—205.

(²) Pashum. lib. IV. c. 19. p. 314—316. c. 22. p. 319—322. lib. V. c. 12. 13. 14. p. 393—400. c. 21. p. 410—424. c. 26 p. 435—442. lib. VI. c. 3. p. 480—484. c. 4. 5. p. 484—489. Григор., стр. 198, 214—225 237—251.

ній въ разныхъ отрасляхъ управленія; то теперь эти злоупотребленія превратилсь въ повальный недугъ, грозившій сдѣлаться неизлѣчимымъ. Путаница и безпорядки во всѣхъ отрасляхъ управленія достигли геркулесовыхъ столбовъ и грозили остановить отравленія всего государственнаго механизма. Военачальники грабили солдатъ ⁽¹⁾; судьи открыто торговали правосудіемъ ⁽²⁾; родственники царскіе нагло издѣвались надъ законами, властями и приличіями ⁽³⁾; фавориты наживали себѣ несмѣтныя богатства ⁽⁴⁾, между тѣмъ, какъ народъ едва не умиралъ съ голоду ⁽⁵⁾; венеціанцы и генуезцы затѣвали междуособныя войны предъ самымъ дворцомъ императорскимъ, выжигали городъ, грабили другъ друга и гражданъ и потомъ нагло требовали у правительства уплаты за убытки ими же причиненныя другъ другу и городу ⁽⁶⁾; казна была пуста ⁽⁷⁾; церковь раздирали партіи.

Какія же мѣры принималъ Андроникъ противъ всѣхъ этихъ золъ? Грабительство въ войскѣ онъ думалъ остановить частою смѣною военачальниковъ ⁽⁸⁾; продажность судей — изданіемъ новаго уложенія и учрежденіемъ корпуса неподкупныхъ судей, которые однакожь должны были нести свой трудъ gratis ⁽⁹⁾;

(1) Pashum. lib. III. c. 25. p. 257—258.

(2) Pashum. lib. III. c. 16 p. 235—236.

(3) Pashum. lib. II. c. 19. p. 154—158. Григор., стр. 225—230. Письмо Григорія Кирресскаго къ императору Андронику Палеологу старшему, въ Христ. Чтенія за 1870 г. Сент., стр. 516—518.

(4) Григор., стр. 418—419.

(5) Pashum. lib. VI. c. 1. p. 460—461. lib. VII. c. 4. p. 574—576.

(6) Pashum. lib. III. c. 18, 19, 20, 21. p. 237—244. lib. IV. c. 33. p. 322—324. Григор., стр. 201—204.

(7) Pashum. lib. V. c. 9 p. 388—390. Григор., стр. 256.

(8) Pashum. lib. III. c. 25. p. 257—258.

(9) Pashum. lib. III. c. 17. p. 238—237.

родственниковъ своихъ старался ублаготворить разными угожденіями (1); къ своимъ фаворитамъ и народу оригинально примѣнялъ известное изреченіе: *имущему дано будетъ и преизбудетъ, а отъ немущаго и еже мнитъ имѣти взято будетъ отъ него* (2); между венеціанцами и генуезцами лавировалъ, какъ могъ (3); казну пополнялъ увеличеніемъ налоговъ на предметы первой потребности, удержаніемъ жалованья у чиновниковъ и принудительными займами у церкви и монастырей (4); не отступалъ и предъ прямыми реквизиціями (5); церковныя партіи старался склонить къ миру уступками и угодничествомъ всѣмъ. Въ случаѣ же неэффективности всѣхъ этихъ мѣръ (а они постоянно оказывались неэффективными) искалъ выхода изъ всѣхъ и вышнихъ и внутреннихъ затрудненій въ земныхъ поклонахъ и крестныхъ ходахъ (6).

Результаты отъ всѣхъ этихъ мѣропріятій получа-

(1) Григор., стр. 229—233—237.

(2) Рашум. lib. III. с. 9. р. 213.

(3) Рашум. lib. III. с. 18, 19, 20, 21. р. 237—244. Григор., стр. 201—204.

(4) Рашум. lib. IV. с. 9. р. 292—298. lib. V. с. 9. р. 388—390.

(5) Къ вѣнскъ реквизиціямъ оныя прибѣгъ для покрытія издержекъ по вооруженію вспомогательнаго отряда авантъ въ 1298 г. Отрядъ этотъ простирался до 10,000 человекъ. «А какъ имъ нужно было дать денегъ, лошадей и оружія, то и вылавали ихъ, въ чемъ они нуждались или изъ царской казны, или изъ полковнхъ, или наконецъ изъ общественныхъ и частныхъ суммъ. Отсюда множество сборщиковъ податей въ разныхъ направленіяхъ разсыялось по провинціямъ; число чиновниковъ въ вѣдомствѣ сбора податей увеличилось; сборъ стали производить и оружіемъ и лошадьми. Обыскивали села, города, дома вельможъ, дома воиновъ, монастыри, димы, театры, рынки, и всѣ давали деньги и лошадей съ неохотою и слезами, провожая новое войско не благожеланіями и привѣтствіями, а слезами и проклятіями». Григор. стр. 198—199.

(6) Рашум. lib. III. с. 13. р. 231. lib. VII. с. 10. р. 581—583. с. 15. р. 591—593. Григор. стр. 192.

лись слѣдующіе: частая смѣна военачальниковъ оказывалась въ большинствѣ случаевъ лишь смѣною лицъ, а не смѣною дѣлъ, которыя при всѣхъ военачальникахъ (за рѣдкими исключеніями) ухитрились оставаться въ томъ же положеніи; неподкупные судьи оказывались таковыми только въ началѣ своей дѣятельности, а въ продолженіи и концѣ ея цѣликомъ повторяли исторію своихъ подкупныхъ предшественниковъ; родственники царскіе продолжали по прежнему оставаться выше всѣхъ законовъ властей и приличій; фавориты продолжали дѣлиться съ народомъ на основаніи точнаго смысла приведеннаго выше изреченія; венеціанцы и генуэзцы періодически повторяли свои усобицы съ такою свободою и непринужденностію, какъ будто кромѣ ихъ не было въ Константинополѣ не только властей, но и жителей; пополненіе казны посредствомъ увеличенія налоговъ на низшіе классы, удержаніе пенсій у чиновниковъ, принудительные займы у церквей и монастырей, и реквизиціи возбуждали всеобщій ропотъ и неудовольствіе во всѣхъ слояхъ населенія. Уступчивость и угодничество предъ церковными партіями увеличивали лишь претензіи и дерзость наличныхъ партій и заохочивали къ образованію новыхъ, такъ что, по весьма мѣткому замѣчанію историка, «церковь представляла подобіе древней баснословной гидры, у которой на мѣсто срубленной головы немедленно же выростала новая» (1). Общественная нравственность, благодаря, между прочимъ, продолжительной и ожесточенной борьбѣ партій, упала такъ низко, что, по свидѣтельству историка очевидца, «безсовѣтность дошла до того, что за одинъ оводъ

(1) Рашум. №. III. с. 22. р. 244.

даютъ съ той и другой стороны страшнѣйшія клятвы, какія не посмѣетъ даже передать перо писателя» (1). Въ то же время, благодаря упадку образованія въ духовенствѣ «угасъ, по словамъ того же историка, животворный лучъ слова и ученія», и вслѣдствіе этого «все слилось въ безразличную массу; люди впали въ безмысленное состояніе и не стадо человѣка, который могъ бы самъ рѣшить, что полезно и какими признаками отличается благочестіе отъ нечестія» (2).

Какъ же при такихъ условіяхъ было не зазнаваться раскольникамъ, и какъ было не проникаться Андронику «пламеннымъ желаніемъ церковнаго мира», и тѣмъ болѣе, что, вступавшись во взаимную борьбу партій, онъ не имѣлъ силъ овладѣть ею и подготовить ее развязку въ общемъ интересѣ церкви и государства, а напротивъ самъ сдѣлался игралищемъ партій, которыя перебрасывали его изъ рукъ въ руки, точно мячикъ, заставляя его служить своимъ личнымъ цѣлямъ и интересамъ...

Новая попытка Андроника примирить арсенитовъ съ церковію, съ большою вѣроятностію можетъ быть отнесена къ февралю или марту 1296 г. (3), а въ ноябрѣ того же года случилось обстоятельство, хотя, по видимому, не имѣвшее непосредственной связи съ арсенитскимъ движеніемъ, но не лишенное нѣкотораго значенія для исторіи этого движенія. Оно объясняетъ, для чего, между прочимъ, Андроникъ такъ настойчиво добивался примиренія арсенитовъ съ цер-

(1) Григор., стр. 178.

(2) Тамъ же.

(3) По крайней мѣрѣ къ этому времени относятся ее Посланыя въ своихъ «Observationes Pashymerianae lib. III. p. 814.

ковію и подтверждаетъ высказанное нами предположеніе. Этимъ обстоятельствомъ было возмущеніе губернатора Малой Азии и Лидіи, Алексѣя Филантропина. Онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ императору; былъ второй сынъ протовестіарія Михаила Тарханіота, втораго сына старшей родной тетки императора Марѣы, и слѣдовательно родной племянникъ главы умѣренныхъ арсенитовъ, Іоанна Тарханіота. Фамилію же Филантропина носилъ въ честь дѣда своего по матерн, протосеваста Филантропина (1). Фамилія Тарханіотовъ была не только одна изъ самыхъ родовитыхъ въ Византіи, но и одна изъ самыхъ даровитыхъ и предприимчивыхъ. Выше была уже у насъ рѣчь о возмущеніи Андроника Тарханіота противъ своего дяди, императора Михаила Палеолога, и бѣгствѣ его къ тестю своему, севастократору Іоанну Батардѣ. Родной братъ его Михаилъ Тарханіотъ, отецъ возмущившагося Филантропина, считался однимъ изъ лучшихъ полководцевъ и администраторовъ въ царствованіе Михаила Палеолога и оказалъ, какъ этому государю, такъ и его преемнику много весьма важныхъ услугъ (2). Тарханіотъ Глава былъ однимъ изъ лучшихъ полководцевъ Андроника. Всѣ важнѣйшія военныя операціи, требовавшія особой предусмотрительности и распорядительности, возлагались на него (3). Самъ Алексѣй Филантропинъ на первыхъ же

(1) Рашум. lib. III. с. 9. р. 210—222.

(2) Рашум lib. I. с. 26. р. 69 - 72. Царствованіе Михаила Палеолога, по русск. перев. стр. 272. 432.

(3) Такъ напримѣръ на него было возложено порученіе вести вспомогательный татарскій отрядъ, столь сильно озаботившій Андроника послѣ смерти отца, прогнавъ тривалловъ. Рашум. lib. I. с. 1. р. 11—12. Григор., стр. 150—151.

порахъ по вступленіи своемъ въ должность губернатора, соединявшуюся въ то время съ командованіемъ мѣстными войсками, обнаружилъ въ себѣ блестящія качества полководца и администратора (1). Андроникъ дорожилъ добрыми отношеніями къ этой фамиліи, сколько по своему родству съ нею, столько же по ея заслугамъ и значенію. Между тѣмъ большинство членовъ этой фамиліи принадлежали къ партіи арсенитовъ, такъ что побровительство арсенитамъ было своего рода семейнымъ преданіемъ тарханіотовъ. Вѣроятно, не чуждъ былъ этому преданію и Филантропинъ, хотя, конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ рѣшился и на возмущеніе въ угоду этому преданію. Сколько можно судить по разсказу Пахимера объ этомъ возмущеніи, оно было, по видимому, не столько демонстраціей въ пользу арсенитскаго движенія, сколько протестомъ противъ неспособности Андроника, какъ государя, управлять дѣлами имперіи (2). Но если связь антидинастической попытки Филантропина съ арсеніанскимъ движеніемъ не можетъ быть доказана, то историкъ оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія важность результатовъ, добытыхъ послѣднею попыткою императора примирить арсенитовъ съ церковію. При полученіи извѣстія о возмущеніи молодого, даровитого и энергическаго Филантропина, Андроникъ, крайне встревоженный этимъ извѣстіемъ, обратился съ просьбою о посредничествѣ между собою и возмущившимся племянни-

(1) Рашумъ. Нб. III. с. 9. р. 210—222. Грагор. стр. 186—189.

(2) По крайней мѣрѣ эту мысль развивалъ Филантропинъ въ своей рѣчи къ своимъ войскамъ, подстрекая ихъ къ возмущенію; она же была и любимую темою, надъ которою, потомъ, возмущившіеся солдаты изощряли свое остроуміе. Рашумъ. Нб. III. с. 9. р. 214—220.

комъ, къ общимъ съ нимъ родственникамъ, не задолго предъ тѣмъ примирившимся съ нимъ арсенитамъ— Исааку Раулю и сестрѣ Филантропина, старшей дочери протовестіарія Михаила Тарханіота, Θεοδορῷ. Онъ просилъ ихъ отправиться къ Филантропину для переговоровъ о мирѣ,—объщать отъ его имени всеобщую амнистію его возмущившимся войскамъ, самому ему титулъ кесаря съ приличнымъ этому достоинству содержаніемъ, если онъ положитъ оружіе. Правда, судьба скоро покончила съ Филантропиномъ ⁽¹⁾ и услуга старыхъ арсенитовъ оказалась не нужною, но при другомъ оборотѣ дѣла она могла ему очень пригодиться. Какъ же было не дорожить добрыми къ нимъ отношеніями и не хлопотать о примиреніи ихъ съ церковію?

Не успѣлъ императоръ оправиться отъ испуга и переполоха, произведеннаго неожиданнымъ возмущеніемъ Филантропина, какъ темная, окружавшая его среда приготовила ему новое искушеніе. Въ январѣ или февралѣ слѣдующаго 1297 года; значить, мѣсяць или два спустя послѣ подавленія возстанія, былъ подкинутъ ему безъимянный пасквиль ⁽²⁾, направленный противъ его особы и наполненный самыми злыми

(1) Онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ товарищемъ своимъ, губернаторомъ Необастрѣ, Дивадаріемъ. Исторія Филантропина замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что представляетъ фактическое доказательство того, какъ низко уронилъ Андроникъ авторитетъ царской власти. Взявши въ плѣнъ Филантропина, Дивадарій посвѣщилъ ослабить его, «имѣя въ виду, что царь не любитъ наказывать, и боясь, чтобы узникъ не получилъ пощипованія». Григор., стр. 194. Pashut. №. III. с. 9. 10. 11. 12. р. 210—230. Это самоуправство простаго генерала съ царскимъ племянникомъ, имѣвшимъ за собою, кромѣ того, огромную, влиятельную родню, весьма хорошо обрисовываетъ «державнаго» Андроника.

(2) Φάκελος γὰρ ὑπὲρ ὑραμιχάτων καὶ τέρως, ὃ δὴ λέγεται φάμουσος. (amosus). Pashut. р. 245.

обвиненіями и насмѣшками на его счетъ. Авторъ его остался не извѣстенъ, равно какъ историкъ не сообщаетъ подробно и содержанія этого произведенія подпольной литературы, но даетъ понять, что оно вышло изъ лагеря раскольниковъ; и, вслѣдствіе этого, вѣроятно, порипало, по преимуществу, церковную политику Андроника. «По многимъ причинамъ, говоритъ историкъ, императоръ не хотѣлъ опровергать этихъ обвиненій литературнымъ путемъ (*γρῶματις*); а предпочелъ опровергнуть ихъ живымъ словомъ. Собравши епископовъ, клириковъ, монаховъ и членовъ сѣнклита, онъ опровергнулъ предъ ними все обвиненія, заключавшіяся въ пасквилѣ, и тѣмъ показалъ, что предпочитаетъ дѣйствовать разумнымъ убѣжденіемъ, чѣмъ насиліемъ (1)».

Но не одни раскольники угощали императора такими сюрпризами и доставляли ему случай блистать краснорѣчіемъ и убѣдительною своихъ доводовъ. Не отставали отъ нихъ и представители церкви. Съ своей стороны они приготовили ему цѣлый рядъ такихъ сюрпризовъ. Ближайшимъ поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. Армія, защищавшая восточные предѣлы государства, была доведена неумѣlostью и злоупотребленіями полководцевъ до самаго жалкаго состоянія. Самыя элементарныя правила дисциплины были забыты; не существовало и тѣни порядка; крайне неаккуратная выдача жалованья и крайне неаккуратное распределеніе матеріальныхъ средствъ между старыми и молодыми солдатами довершали остальное. Всмотриваясь въ своихъ сановниковъ и придворныхъ—кому бы поручить приведеніе

(1) Рачум. вѣ. III. с. 22, р. 244—245.

въ порядокъ этой арміи, Андроникъ остановился въ своемъ выборѣ на даровитомъ и энергическомъ Тарханіотѣ. Дѣло было весьма трудное; но Іоаннъ не умѣлъ или не хотѣлъ отклонить его отъ себя и въ самое непродолжительное время выполнилъ его на славу. Онъ началъ съ уравнинія матеріальныхъ средствъ между всеми солдатами и съ возстановленія флота, и въ короткое время достигъ такихъ блистательныхъ результатовъ, что и армія и флотъ сдѣлались неузнаваемыми. Императоръ былъ крайне доволенъ успѣхами, достигнутыми даровитымъ полководцемъ въ столь короткое время; но надъ Іоанномъ давно уже собиралась гроза съ другой стороны.

Строгая церковная партія была сильно скандализована возложеніемъ такого важнаго порученія на раскольника, открыто презирающаго авторитетомъ церкви, и пустила въ ходъ все свои ресурсы, чтобы погубить его въ мнѣніи его соотечественниковъ и вырвать изъ его рукъ доставшуюся ему власть. Патриархъ явился первымъ глашатаемъ ее желаній. Онъ формально протестовалъ противъ порученія арміи врагу церкви и отъ имени послѣдней потребовалъ передачи ее въ другія, болѣе чистыя и достойныя, съ его точки зрѣнія, руки. Но услуги, оказанныя Тарханіотомъ, были такъ велики и очевидны, что даже слабый Андроникъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы отклонить неумѣстный протестъ патриарха.

Неудача патриарха не обезкуражила однакожъ вожаковъ строго церковной партіи и не только ни на минуту не отклонила ихъ отъ ихъ намѣренія такъ или иначе повредить упрямому раскольнику, но и вынудила ихъ удвоить свои усилія. Въ то время, какъ

императоръ со своимъ семействомъ и дворомъ отправился въ Фессалоники (1) для заключенія брачнаго союза между своей шестилѣтней дочерью Симиондой (2) и сорокалѣтнимъ кралемъ сербскимъ Урошемъ, союза, противъ котораго патріархъ Іоаннъ столь же энергично протестовалъ, какъ и противъ передачи арміи въ руки раскольника Тарханіота, она успѣла заключить союзъ съ партіей недовольныхъ военными реформами Іоанна, и рѣшилась даже на открытое нападеніе на ненавистнаго той и другой реформатора. Историкъ говоритъ, что починъ въ этомъ странномъ, но не безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ Византіи союзѣ между партіями, не имѣвшими между собою ничего общаго кромѣ ненависти къ общему врагу, принадлежалъ военнымъ противникамъ Тарханіота. По словамъ его, тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которымъ пришлось понести убытки вслѣдствіе военной реформы Тарханіота, явились къ тогдашнему временщику, извѣстному намъ Θεολεπτу Филадельфійскому,

(1) Отъездъ императора въ Фессалоники послѣдовалъ 6 февраля 1299-г. Vid. Pashum. lib. IV. c. 1. p. 279—281. conf. Observaciones Pashum. lib. III. p. 848.

(2) Историкъ оставилъ намъ слѣдующій, не лишенный значенія для характеристики времени, разсказъ о томъ, почему дочь императорская названа была Симиондой. Первые два или три ребенка, родившіеся у Андроника отъ второй супруги его Ирины, умерли въ младенчествѣ. Это обстоятельство весьма печалило царственную чету. Печаль эта была известна всему городу, и вотъ, одна женщина вызвалась помочь горю. Когда императрица забеременѣла въ четвертый разъ, она посоветовала поставить двѣнадцати апостоламъ двѣнадцать свѣчъ равной величины, и потомъ молиться до тѣхъ поръ, пока всѣ эти свѣчи не сгорятъ, и затѣмъ, имѣющаго родиться младенца назвать именемъ того апостола, свѣча котораго будетъ горѣть дольше всѣхъ. Такъ и было сдѣлано, и такъ какъ послѣднею сгорѣла свѣча, поставленная предъ образомъ св. апостола Симона, то родившаяся вскорѣ затѣмъ дочь императорская и названа была въ честь этого апостола Симиондой. Pashum. lib. III. c. 32. p. 276—277.

съ доносомъ на своего военачальника. Доносъ состоялъ въ томъ, что будто бы цѣль всѣхъ преобразованій Іоанна состоитъ въ томъ, чтобы приобрести популярность въ войскѣ, и потомъ воспользоваться ею для сверженія императора. Θεολεπтъ, имѣвшій какіе-то личные счеты съ Тарханіотомъ и, кромѣ того, не любившій его, какъ раскольника, упорно отказывавшагося признать его въ епископскомъ санѣ, былъ радъ случаю отметить своему недругу. Прикрываясь вѣрноподданическою ревностію, онъ рѣшился собственноручно расправиться съ своимъ врагомъ по тому же способу, по какому Ливадарій расправился съ племянникомъ Іоанна Филантропиномъ, — благо примѣръ былъ показанъ, — и, сформировавши съ этою цѣлію вооруженный отрядъ изъ доносчиковъ и ихъ сообщниковъ, устроилъ засаду на дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Тарханіотъ, съ цѣлію схватить его. Къ счастью, Іоаннъ какимъ-то образомъ узналъ объ этой коварной засадѣ и успѣлъ скрыться въ близъ лежавшій монастырь во имя св. великомученика Георгія. Потерпѣвши неудачу, заговорщики однакожъ не оставили своего намѣренія: они подступили къ монастырскимъ воротамъ и потребовали у монаховъ выдачи укрывшагося (мнѣшаго) государственнаго преступника. Но крѣпкія ворота и еще болѣе крѣпкія стѣны монастыря, вооруженныя башнями и бойницами, представляли убѣжище, недоступное для банды заговорщиковъ. Іоаннъ появился на монастырской стѣнѣ съ иконою св. великомученика Георгія въ рукахъ и, узнавши, за чѣмъ пришли и въ чемъ обвиняютъ его его враги, громко протестовалъ противъ этого вздорнаго обвиненія. Затѣмъ, обратившись къ

епископу Филадельфійскому, осыпалъ его горькими упреками за легкомысліе, съ каковымъ повѣрилъ онъ наговору его недоброжелателей. «Я столь же погорелъ и предаю императору, какъ любой изъ васъ. Что же касается тебя Θεодентъ, то злость твоя противъ меня происходитъ отъ того, что я не признаю тебя епископомъ и не хочу имѣть съ тобой общенія. Императоръ очень хорошо знаетъ о твоей ненависти ко мнѣ и не дастъ себя обмануть такой вздорной клеветой. Ты требуешь моей крови; но моя невинность внушаетъ мнѣ полную увѣренность, что требованіе твое не будетъ исполнено». Затѣмъ, опустившись на колѣни вмѣстѣ съ образомъ, который держалъ въ рукахъ, онъ сталъ громко молиться о здравіи и благоденствіи императора и всего царствующаго дома (1).

Неизвѣстно, долго ли воинственный епископъ держалъ въ осаду злополучнаго полководца Андроникова. Освободившись отъ нея, Тарханіотъ поспѣшилъ подъ защиту императора въ Фессалоники, гдѣ, по собственному ли желанію, или по желанію слабаго Андроника, сложилъ съ себя званіе, навлекшее на него такую напасть и сулившее впереди еще большія бѣды.

Вслѣдъ за тѣмъ, замѣчаетъ историкъ, дѣла въ восточныхъ областяхъ имперіи, приведенныя въ порядокъ и поддерживаемыя въ этомъ порядкѣ умомъ и энергіей Іоанна, снова запутались, благодаря небреженію и жадности его преемниковъ. Деньги, отпускаемыя на содержаніе солдатъ, снова стали оставаться въ карманахъ ихъ командировъ, дисциплина и энер-

(1) Pashum. lib. III. c. 25. p. 257—262.

гій войскъ упали и страна снова сдѣлалась открытою для нападенія враговъ (1).

Но побѣда надъ Тарханіотомъ не удовлетворила церковной партіи. Она хотѣла побѣды надъ самимъ императоромъ и добилась ея. По возвращеніи изъ Фессалоникъ съ брачныхъ торжествъ, стоившихъ огромныхъ суммъ (2), Андроника ожидалъ въ столицѣ весьма непріятный сюрпризъ. Патріархъ, раздраженный невниманіемъ къ его протестамъ по дѣлу Тарханіота и Симониды, заключился въ монастырь Паммакаристы, ни куда не выходилъ и никого къ себѣ не принималъ. Эта демонстрація патріарха была тѣмъ непріятнѣе для императора, что все остальное удалось ему устроить такъ, какъ онъ желалъ, и кромѣ того онъ былъ обрадованъ торжественной встрѣчей, которую устроило ему и его семейству столичное населеніе, при вступленіи его въ городъ (3). Очень хорошо понимая источникъ неудовольствія патріарха, онъ нѣсколько разъ посылалъ къ нему довѣренныхъ лицъ съ просьбою забыть прошлое и возвратиться въ свои палаты. Но въ отвѣтъ на всѣ просьбы, патріархъ просилъ передать императору, что у него есть еще другія основанія для жалобъ и просить его величество удостоить его своимъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ епископами и клириками, для выслушанія этихъ жалобъ. Къ этому патріархъ присовокупилъ, что если по разсмотрѣніи этихъ жалобъ будетъ рѣшено, чтобы онъ вступилъ снова въ управле-

(1) Ibid. p. 262.

(2) Pashyn. lib. IV. c. 5. p. 286.

(3) Pashyn. lib. IV. c. 8. p. 291. Возвращеніе императора въ столицу послѣдовало 22 ноября 1299 г. (lib. cit. conf. Observations Pashymerianae, lib. III. p. 849).

ніе церковью, то онъ подчинится этому рѣшенію и возвратится въ патріархію, если же нѣтъ, то подпишетъ отрѣченіе отъ престола (1).

Просьба патріарха поставила въ большое затрудненіе императора. Онъ не могъ не сознавать; что эти жалобы въ сущности будутъ его обвиненіями и что на разбирательствѣ ихъ придется ему играть роль подсудимаго, вовсе для него не лестную; но, съ другой стороны, онъ не видѣлъ возможности и уклониться отъ исполненія этой просьбы. Это повело бы къ отреченію патріарха отъ престола. Отреченіе отъ престола повело бы къ новымъ недоразумѣніямъ и смутамъ въ церкви, тѣмъ болѣе неприятнымъ и нежеланнымъ для императора, что вина за нихъ теперь пала бы исключительно на него самого, такъ какъ все было извѣстно, въ чемъ состояли жалобы патріарха. Сообразивъ все это, императоръ рѣшился исполнить просьбу патріарха и, вѣроятно для того, чтобы скрыть свой визитъ отъ толпы, поздно вечеромъ явился въ его келью. Это было, говорить историкъ, перваго линеона (февраля), но, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ какого года (2). Патріарха окружали его клирики, между которыми находился и историкъ, сохранившій намъ подробности этого страннаго церковнаго суда надъ императоромъ.

Когда императоръ сѣлъ, равно какъ и присутствовавшіе при этомъ священныя лица заняли свои мѣста, патріархъ началъ излагать свои жалобы по пунктамъ, снова повторивши свое прежнее заявленіе, что онъ готовъ отказаться не только отъ предстоительства

(1) Pachym. lib. IV. c. 8. p. 292.

(2) Посланіе относитъ разсказываемое здѣсь событіе къ 1300 году. Vid. Observaciones Pachymerianae, lib. III. p. 850.

въ дѣркви, но и отъ самаго священства, если это будетъ признано нужнымъ. Первая жалоба касалась брака Симоиды. Патріархъ указалъ два основанія къ порицанію этого брака: первое, что у краля была жива его законная супруга, и второе, что Симоида была еще ребенокъ. Вторая жалоба относилась къ чрезвычайнымъ налогамъ, которыми были обременены предметы первой необходимости, какъ наприим.— соль, желѣзо и др. Третья имѣла своимъ предметомъ невнимательность императора къ самымъ резоннымъ и справедливымъ ходатайствамъ и представленіямъ, съ которыми патріархъ обращался къ нему по долгу своего званія. Патріархъ имѣлъ при этомъ въ виду главнымъ образомъ безуспѣшность своего протеста по дѣлу Тарханіота, но предложилъ свою жалобу въ общей формѣ потому, что это дѣло кончилось уже согласно съ его желаніями.

На первую изъ этихъ жалобъ императоръ отвѣчалъ, что онъ рѣшился отдать свою дочь за краля Сербскаго, не по личному расположенію и расчету, а по политическимъ соображеніямъ, надѣясь прекратить опустошеніе провинцій и плѣненіе своихъ подданныхъ (1), что бракъ этотъ вполне законенъ, такъ какъ первая супруга краля умерла прежде, чѣмъ онъ сочеталъ съ нимъ свою дочь, а вторая его супруга незаконна, поелику онъ взялъ ее при жизни первой своей супруги (2)

(1) „Онъ (сербскій краля) былъ силенъ; римскимъ владѣніямъ не давалъ покоя; города и села частію забиралъ, частію опустошалъ“. Григор., стр. 196.

(2) По увѣренію же Григоры, у краля сербскаго до Симоиды было три супруги. «познявъ нѣсколько времени съ первой супругой, дочерью правителя Влахиі, онъ потомъ отослалъ ее на родину и женился на сестрѣ жены своего брата, снявъ съ нея предварительно монашеское платье. Затѣмъ, когда тривальская (сербская) церковь возста-

и теперь отпустить; что же касается того обстоятельства, что Симоида не достигла лѣтъ, опредѣленных для вступленія въ бракъ, то брачные союзы между государями не могутъ быть подчиняемы законамъ времени и когда дѣло идетъ о достиженіи важныхъ политическихъ цѣлей, не слѣдуетъ слишкомъ стѣсняться подобными формальностями. Въ настоящемъ случаѣ, заключилъ императоръ, я имѣлъ въ виду исключительно благо моихъ подданныхъ, такъ какъ для меня лично этотъ брачный союзъ не принесъ ничего, кромѣ непріятностей и огорченій.

На вторую жалобу патриарха онъ отвѣчалъ, что вынужденъ былъ обложить налогомъ соль, желѣзо и другіе товары, государственной необходимостью, такъ какъ ничего нельзя сдѣлать въ государствѣ безъ денегъ, что на покрытіе текущихъ издержекъ онъ удержалъ пенсію, выдаваемую государственнымъ сановникамъ, но эти субсидіи оказались далеко недостаточными на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ чрезвычайными государственными нуждами, что для покрытія этихъ расходовъ онъ нашелся вынужденнымъ обложить упомянутымъ налогомъ народъ, что, наконецъ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ водился примѣромъ своихъ предшественниковъ, которые облагали народъ налогами гораздо болѣе тяжкими и сослался при этомъ на примѣръ императора Іоанна Дуки Вататци.

Переходя наконецъ къ третьей жалобѣ патриарха,

ла рѣшительно противъ беззаконія, онъ, спустя долгое время, отослалъ и ее; между тѣмъ женился на сестрѣ правителя Болгаріи, Святослава, — это третья супруга. Но ни отъ одной изъ трехъ не имѣлъ дѣтей. Наконецъ, охладѣвъ и къ этой, сталъ искать знатнаго родства. Григор. стр. 196.

императоръ прежде всего замѣтилъ, что не только никогда не позволялъ себѣ относиться пренебрежительно къ представленіямъ и ходатайствамъ патріарха, а что напротивъ вмѣнялъ себѣ въ величайшее удовольствіе предупредить его желанія, но что долженъ былъ различать между тѣми ходатайствами, чрезъ которыя патріархъ испрашивалъ правосудія и между тѣми, чрезъ которыя онъ испрашивалъ милости, что ходатайства перваго рода онъ исполнялъ безотлагательно, но, къ сожалѣнію, не могъ относиться также точно къ ходатайствамъ втораго рода: между тѣми, патріархъ не хотѣлъ различать между этими двоякаго рода ходатайствами, хотя между ними такое же разстояніе, какое между Мидіей и Лидіей.

Въ заключеніе императоръ просилъ патріарха забыть всѣ свои неудовольствія и возвратиться къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. И когда къ просьбѣ императора присоединили свои просьбы присутствовавшія при этомъ духовныя лица, то патріархъ смягчился и далъ слово возвратиться въ патріархію (1).

Такъ кончился этотъ странный, импровизованный судъ надъ императоромъ. Доброе согласіе между царемъ и патріархомъ возстановилось, но не надолго. Первый ударъ этому согласію нанесенъ былъ дѣломъ Іоанна Хилы, митрополита Ефесскаго. Мы видѣли, что этотъ митрополитъ, бывшій сначала другомъ патріарха Григорія, а потомъ непримиримымъ его врагомъ, былъ заключенъ подъ стражу за свое несогласіе съ императоромъ по этому дѣлу. Оконча-

(1) Pashum. II. IV, c. 9. p. 292—298.

тельное же рѣшеніе его дѣла было отложено до избранія новаго патріарха. Въ началѣ перваго патріаршества Аванасія оно было рѣшено тѣмъ, что упорнаго митрополита лишили епархіи и заключили въ монастырь, гдѣ онъ и находился до описываемыхъ нами событій. Мѣсяца черезъ два или три послѣ разсказаннаго выше келейскаго суда надъ императоромъ, вскорѣ же послѣ пасхи поднять былъ вопросъ о пересмотрѣ его дѣла. По видимому, вопросъ этотъ былъ поднять самимъ императоромъ, или по крайней мѣрѣ его онъ занималъ болѣе, чѣмъ кого либо другаго. Историкъ говоритъ, что царь откровенно сознался, что въ дѣлѣ митрополита Ефесскаго онъ поступилъ несправедливо, увлекшись чувствомъ неудовольствія и что, такъ какъ никакихъ другихъ провинностей не было и нѣтъ за этимъ митрополитомъ, то весьма было бы желательно «возвратить ему справедливостью то, что было отнято у него гнѣвомъ». Большинство епископовъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, блестящія качества этого епископа, дѣлавшія его очень полезнымъ церкви, съ другой—то обстоятельство, что при судѣ надъ нимъ не были соблюдены предписываемыя канонами формальности, высказалось въ пользу императорскаго желанія. Но патріархъ и Θεодентъ Филадельфійскій воспротивились ему всѣми силами. Велѣдствіе этого епископа, принявшіе сторону митрополита Ефесскаго, образовали враждебную патріарху партію, начались недоразумѣнія и пререканія между ними и патріархомъ, вынудившія послѣдняго снова удалиться въ монастырь. Этимъ удаленіемъ враждебная ему партія воспользовалась въ тому, чтобы поссорить его съ императоромъ. Такъ какъ это

удаленіе должно было произвести застой и путаницу въ церковныхъ дѣлахъ и породить недовольство и ропотъ въ тѣхъ, которымъ приходилось терпѣть отъ этого застоя, то противники патріарха думали найти въ этомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ достаточное основаніе къ тому, чтобы выступить съ формальною жалобою противъ него императору, и для того, чтобы дать ей больше вѣса, придали ей форму обвинительнаго акта, направленаго противъ всей системы управленія церковью, принятой патріархомъ,—именно: они обвиняли его въ томъ во 1-хъ, что онъ нисколько не заботится о поддержаніи церковныхъ порядковъ, во 2-хъ въ томъ, что постановленія, принимаемая епископами соборно, онъ отмѣняетъ своей собственной властью и своими грамотами издаетъ распоряженія, совершенно противныя принятымъ имъ рѣшеніямъ, въ 3-хъ въ томъ, что къ осиротѣвшимъ церквамъ назначаетъ предстоятелей по своему личному усмотрѣнію, и въ 4-хъ въ томъ, что завѣдываніе экономическими дѣлами патріархіи ввѣрилъ не эконому, какъ это принято, а своему сыну Ефрему, которому это подаютъ лишь поводъ къ мотовству. Были кое какія и другія обвиненія менѣе значительныя. Въ составленіи этой записки принималъ тайкомъ участіе и самъ Іованнъ Ефесскій (1). Чтеніе ея произвело непріятное впечатлѣніе на императора. Горечи этого впечатлѣнія, вѣроятно, не мало способствовало недавнее непріятное объясненіе его съ патріархомъ по поводу жалобъ послѣдняго. Какъ бы то ни было, но, прочитавши эту записку, Андроникъ не нашелъ теперь возможнымъ

(1) Pashum. lib. IV. c. 11. p. 300. Καὶ τοῦ Ἐφέσου σὺνερροῦτος σφίσι πλάγιως.

упрашивать патриарха возвратиться въ патриархію, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, а рѣшился устроить соглашеніе его съ недовольными епископами на справедливомъ удовлетвореніи жалобы послѣднихъ.

Миръ въ церкви и на этотъ разъ былъ восстановленъ и опасность новаго раскола устранена, благодаря настойчивости императора съ одной стороны и уступчивости патриарха съ другой ⁽¹⁾, но опять не надолго.

Миръ этотъ не могъ быть проченъ и продолжителенъ потому, что слишкомъ много было лицъ, заинтересованныхъ въ его нарушеніи. Не говоря уже объ арсенитахъ, для которыхъ этотъ миръ равнялся самоуничтоженію, на него покушались и сторонники бывшего патриарха Аѳанасія, дѣятельно хлопотавшіе о восстановленіи его на престолѣ ⁽²⁾. Не успокоивались и сторонники митрополита Ефесскаго. Одинъ изъ нихъ, и именно Иларіонъ, епископъ Силиврійскій, сообщилъ императору конфиденціально какую то сплетню на счетъ жизни патриарха въ монастырѣ Паммакаристы. Такъ какъ онъ слышалъ ее отъ человѣка, извѣстнаго всему Константинополю за всесвѣтнаго врага и сплетника, и притомъ не задолго предъ тѣмъ уже умершаго, то, можетъ быть, имени этого патентованнаго вѣстовщика суждено было служить лишь прикрытіемъ созданію собственной досужей фантазіи

⁽¹⁾ Pashut. lib. IV. c. 11. p. 300—304.

⁽²⁾ На интриги этой партіи указывали императору два обстоятельства: а) что Аѳанасій въ своей разрѣшительной грамотѣ, которою отивнялъ свое секретное отлученіе, не далъ императору титула *ἀγιος* и б) то, что онъ охотно принималъ въ себя всѣхъ недовольныхъ дѣйствіями его преемника. Эти два обстоятельства императоръ объяснялъ себѣ (и совершенно справедливо) желаніемъ Аѳанасія проложить себѣ путь къ возвращенію на престолъ. Pashut. lib. IV. c. 11. p. 301.

епископа Силиврійскаго. Передавая эту сплетню, Иларіонъ спѣшилъ однакожь оговориться, что не вѣритъ ей, но, тѣмъ не менѣе, считаетъ своимъ долгомъ сообщить объ ней императору. Въ чемъ состояла эта сплетня, историкъ не объясняетъ; но, должно быть, она была слишкомъ безобразна, если императоръ не только съ перваго же разу принялъ ее за чистѣйшій вадоръ, но и пожурилъ рассказчика за то, что онъ такъ легкомысленно передалъ ее, и приказалъ держать ее въ величайшемъ секретѣ, чтобы не возбуждать соблазна.

Это приказаніе не помѣшало однакожь епископу Силиврійскому проболтаться — намѣренно или не намѣренно, останется не рѣшеннымъ, — а стоустой молвъ разнести эту сплетню по всему городу и донести ее до ушей патріарха. Какъ и естественно было ожидать, она огорчила и возмутила ни въ чемъ не повиннаго Іоанна до глубины души и вынудила его обратиться съ формальною жалобою на епископа Силиврійскаго собору (*συνodus ἐκκλησιαστικῆ*). Императоръ не менѣе патріарха былъ огорченъ этой неумѣстной и неприличной болтливостью Иларіона, но, не желая компрометировать себя разоблаченіемъ своего секретнаго разговора съ этимъ епископомъ, ограничился сначала лишь безличнымъ порицаніемъ того, кто распустилъ эту недѣльную молву, называя ее прямо клеветою, и высказывая убѣжденіе въ совершенной невинности патріарха. Но такъ какъ это ни мало не утѣшало патріарха и не мѣшало его недругамъ распространять съ разными прикрасами эту оскорбительную и унижительную для него клевету, а между тѣмъ настояла опасность самому императору попасть въ сплетники,

если Иларіонъ проболтается о своей секретной бесѣдѣ съ нимъ; то Андроникъ, во избѣжаніе вѣщаго скандала, рѣшился наконецъ вывести на чистую воду епископа Силиврійскаго, передавши епископамъ всѣ подробности свиданія и разговора, который онъ имѣлъ съ нимъ по этому поводу. Открытіе, сдѣланное императоромъ, еще болѣе раздражило патріарха и усилило толки въ городѣ, болѣе или менѣе предосудительные для послѣдняго.

Патріархъ былъ столько же недоволенъ сплетней, распущенной епископомъ Силиврійскимъ, сколько и поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ императора, и настоятельно требовалъ суда надъ Иларіономъ, какъ клеветникомъ. Одна половина—меньшая—епископовъ была не прочь исполнить это требованіе; но другая—большая,—протезировавшая митрополиту Ефесскому, въ интересѣ котораго была распущена эта сплетня, тѣмъ рѣшительнѣе взяла сплетника подъ свою защиту. Ея сторонники сознавались, что патріархъ имѣетъ основаніе къ жалобѣ, но что, съ другой стороны, они не находятъ достаточнаго основанія для суда и для осужденія епископа Силиврійскаго въ 1-хъ потому, что онъ не самъ выдумалъ эту сплетню, а слышалъ отъ другаго, и во 2-хъ потому, что онъ говорилъ объ ней не публично, а въ интимномъ разговорѣ съ императоромъ.

Историкъ справедливо объясняетъ эту уклончивость сторонниковъ митрополита Ефесскаго отъ суда надъ епископомъ Силиврійскимъ недовольствомъ, ихъ образомъ дѣйствій патріарха въ дѣлѣ покровительства, имъ митрополита и желаніемъ вывести его изъ терпѣнія и вынудить или на отреченіе отъ пре-

стола, или на какой либо необдуманной постонокъ, который бы окончательно скомпрометировалъ его. Такъ дѣйствительно и случилось. Оскорбленный до глубины души упорной неговорчивостью своихъ недоброжелателей, патриархъ послѣ одного изъ засѣданій въ соборѣ, продолжавшагося цѣлый день, въ величайшемъ раздраженіи всталъ съ своего мѣста и, оставляя собраніе, сказалъ: «не будь я служитель Христовъ, если нога моя будетъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ епископъ Спливрійскій» (1). Это было, говоритъ историкъ, въ субботу 5-го іюля (1303 г.) (2). Ночью того же числа патриархъ удалился снова въ монастырь Паммакарнеты и на другой день прислалъ отсюда императору письменное отреченіе отъ престола (3). Цѣль его, по словамъ историка, состояла и теперь, какъ прежде, въ томъ, чтобы заставить себя просить возвратиться въ патриархію (4).

Но на этотъ разъ она не была достигнута. Императоръ, вмѣсто того, чтобы бросить его отреченіе въ огонь, не читавши, какъ дѣлалъ это прежде, принялъ оно и рѣшился дать ему дальнѣйшій ходъ, хотя и послѣ долгихъ колебаній, источникъ которыхъ заключался во внѣшнихъ затрудненіяхъ имперіи (5), которыя онъ боялся осложнить внутренними затрудненіями. Собравши наличныхъ епископовъ, патриаршихъ клириковъ и монаховъ, онъ предложилъ на ихъ об-

(1) «Νὰ ἤμαί δοῦλος τοῦ Χριστοῦ, εὖ μὴ εἶμι μετ' ὑμῶν, εἰ μὴ τὰ γένοιτο».

(2) Vid. Possini Observat. Pachymer. l. III. p. 853.

(3) Оно помѣщено у Пахимера. lib. IV. c. 29. p. 342—343.

(4) Pachym. lib. IV. c. 28. p. 339—342.

(5) Pachym. lib. IV. c. 29 p. 343. Τὸ μὲν οὖν ἅμα δεῖκνόναι καὶ ἐξετάζειν ἐφίεσθαι τὰ ἐφεστῶτα τῇ Ρωμανίδι κακὰ εὖ παρεῖχεν.

сужденіе документъ, полученный отъ патріарха. По обыкновенію, мнѣнія раздѣлились: приверженцы патріарха высказались противъ пріятія его, на томъ основаніи, что онъ былъ составленъ подъ вліяніемъ причиненной патріарху обиды и несправедливости, и что если будетъ оказано ему должное удовлетвореніе, то онъ, вѣроятно, не затруднится возвратиться на свой престоль, — что въ частности клятвенное обѣщаніе не являясь въ собраніи епископовъ ничего не значить, такъ какъ произнесено было не послѣ зрѣлаго обсужденія и спокойно принятаго рѣшенія, а въ минуту умственного помраченія, произведеннаго чрезмѣрностью скорби. Сторонники митрополита Ефесскаго напротивъ находили, что отреченіе, представленное патріархомъ, должно быть принято потому, что оно совершенно законно по формѣ и подкрѣплено кромѣ того клятвою, которая не можетъ быть взята назадъ. Завязался оживленный споръ между защитниками того и другаго мнѣнія, вращавшійся впрочемъ не столько вокругъ отреченія, сколько вокругъ клятвеннаго обѣщанія. Вопросъ былъ въ томъ, можетъ ли патріархъ, связавшій себя подобнымъ обѣщаніемъ, принимать на себя по прежнему управленіе церковію? Противники патріарха рѣшали этотъ вопросъ отрицательно, утверждая, что было бы страшнымъ преступленіемъ отдавать управленіе церковію въ руки клятвoprеступника; сторонники же его, въ подкрѣпленіе положительнаго рѣшенія этого вопроса, искали примѣровъ въ церковной исторіи, — приводили въ примѣръ, между прочимъ, Флавіана, который принялъ хиротонію послѣ того, какъ далъ клятву никогда не принимать ее, и Віанора, который былъ принятъ Василиемъ Великимъ, и

этими примѣрами доказывали, что св. отцы разрешали подобныхъ лицъ отъ клятвы, руководясь мудрой предусмотрительностью и приспособляясь къ обстоятельствамъ ⁽¹⁾.

И такъ какъ обѣ стороны упорно стояли на своемъ и вслѣдствіе этого не могли придти ни къ какому соглашенію, то рѣшено было отпавить къ патриарху особую депутацію съ просьбою объяснить собору, какъ самъ онъ смотритъ на свое отреченіе и свою клятву. Депутація была составлена изъ патриарха Александрійскаго, который принималъ участіе въ обсужденіи этого вопроса вмѣстѣ съ другими епископами, изъ Никанора, епископа Кандійскаго и Арсенія, епископа Пергамскаго. Сказавши депутаціи нѣсколько словъ, патриархъ прислалъ императору слѣдующую «объяснительную записку» къ своему отреченію: «Владыка мой, святой императоръ! Державное и святое твое царское величество и божественный и священный соборъ указали (*δέχουσατο*) мнѣ, чрезъ свѣтѣйшаго папу и патриарха Александрійскаго и другихъ двухъ архіереевъ, чтобы я разъяснилъ державному и святому царскому величеству твоему, какъ я думаю о касающемся меня разсужденіи (*λόγῳ*) и кромѣ того о представленномъ мною отреченіи. Собственно говоря, мнѣ можно было бы и вовсе не отвѣчать, такъ какъ воля моя весьма ясно выражена въ моемъ отреченіи: но такъ какъ меня спрашиваютъ, то я вкратцѣ отвѣчаю святому и державному твоему царскому величеству, что я много уже лѣтъ тому назадъ положилъ зарѣкъ ни самому не клясться, ни отъ дру-

(1) *Ἐραπειούστων τῶν ἁγίων τοῦς ἐκείνων ὄρκους τρέποισ οἰκονομίαις καὶ πνευματικῆς καταστάσεως.* Pashut. lib. IV. c. 31. p. 349.

гихъ не требовать вѣтвы, ни произносить какого либо Обиднаго слова, достойнаго порицанія, ни прогнать кого либо. И до сихъ поръ, по благодати Христа моего, я соблюлъ себя. Для подтвержденія своихъ словъ и для доказательства я употребляю слѣдующія, простыя, безобидныя и неклѣтвенныя выраженія: *κα ἔχω τὸ ἔλεος τοῦ Θεοῦ* (да—по милости Божіей), *κα ἤμι δεῦλος τοῦ Θεοῦ* (да—(увѣряю), какъ рабъ Божій—какъ честный человекъ) и *κα ἀποδέχομαι ἐν μετάνοιᾳ* (да—чтобы умереть мнѣ въ покаяніи), такъ что и то, что я сказала отъ огорченія братьѣ моимъ (епископовъ) я сказала не въ смыслъ клятвы, а просто какъ привыкъ говорить,—именно: *κα ἤμι δεῦλος τοῦ Θεοῦ, εὐ μὴ εἰ μὴ μετ' ἑμῶν ὑπάγω ὑπέσχεσθαι τὸ γε νῦν ἔχον ἀρίστα καὶ ἐξ ὑμῶν* (говорю, какъ рабъ Божій, что пока не приду къ соглашенію съ вами по этому дѣлу, до тѣхъ поръ я удаляюсь отъ васъ). Это я не считала клятвою, научившись отъ св. Василія Великаго, который въ своихъ нравственныхъ наставленіяхъ (*ἐν τοῖς ἠθικαῖς αὐτοῦ λόγοις*) говоритъ, что когда употребляемъ частицу *κα*, то не выражаемъ клятвы, а выражаемъ ее, когда употребляемъ частицу *μη*. А если кто принимаетъ мое отреченіе на томъ основаніи, что я тамъ написалъ, что удаляюсь въ силу произнесенной мной клятвы (*διὰ τὸν ἕρκου*) (1), тотъ прежде всего пусть приметъ въ соображеніе, что то было написано подъ вліяніемъ жесточайшей скорби, какъ я тамъ же и заявилъ, и

(1) Дѣйствительно въ своемъ отреченіи патріархъ указывалъ на свою клятву, какъ на одно изъ основаній къ отреченію: *εἰδὼς τοίνυν ὡς εὐ τῶν κρείόντων, εὐ τῶν δικαίων ὄν, οὕτως ὑβρισμένον ἀποφέρεσθαι πατριάρχου ἀξίωμα, ἀναγκασθεὶς ὄμοσα τὴν αὐτοῦ ἀποβολήν. Καὶ ἔστημι τοῦ φυλάξαι τοὺς λόγους μου καὶ ἀποδέδομαι ἰδοὺ τὰς εὐχὰς μου, αἱ διέστειλαν τὰ χεῖλη μου ἐν τῇ θλίψει μου. παραιτοῦμαι γὰρ τὸν πατριαρχικὸν θρόνον.* Pashy. lib. IV. c. 29. p. 342.

затѣмъ то, что я имѣлъ въ виду разстаться мирно съ церковію. Но поелику случилось наоборотъ, — архіереи соблазнились моимъ отреченіемъ, какъ противо-каноническимъ, то (я симъ заявляю, что) если всѣ сорокъ архіереевъ — сколько ихъ теперь есть — (1) примутъ мое отреченіе, то пусть будетъ такъ (εἰ ἂν ἔχου), я не буду спорить, а оставлю церковь, и Господь узритъ себѣ пастыря, равно какъ и я самъ, если только они (архіереи) пожелають, готовъ войти въ соразсужденіе вмѣстѣ съ ними относительно того, кому бы по указанію Божию ввѣрить управленіе церковію Христовою. Если же отъ нихъ отдѣлится нѣсколько архіереевъ, примѣрно до трехъ (ἄρχι καὶ τριῶν λέγων), которые не примутъ моего отреченія и отвергнутъ оное, какъ не каноническое, то и я присоединюсь къ нимъ и не отступлюсь (ἐκ ἀποστήσομαι) отъ власти, данной мнѣ отъ Св. Духа, сколько съ одной стороны падая души тѣхъ, которые несправедливо и вздорно (ἀδίκως καὶ παραλόγως) противъ меня говорили, столько же съ другой, имѣя попеченіе о церквахъ, чтобы они не погибли всеконечно вѣлѣдствіе удаленія поборающихъ по истинѣ. А что я потерпѣлъ несправедливость отъ святаго твоего царскаго величества и отъ архіереевъ, это очевидно: ибо прошло ужъ восемь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я терплю обиды и между тѣмъ ни святое твое царское величество, ни соборъ не сдѣлали мнѣ никакого удовлетворенія. За все, что произошло отсюда для церкви, конечно не я отдамъ отчетъ. Написавши это для вѣрности (διὰ ἀσφαλείας), я пбсылаю державному и царскому твоему величеству. Да даровано будетъ руководимой Богомъ десницѣ

(1) Т. е. въ Константинополѣ.

(твоей) устроить для церкви Его то, что безопасно и безмятежно (1)».

Этотъ документъ, составленный, какъ справедливо предполагалъ императоръ, по наущенію преданныхъ патриарху епископовъ, еще болѣе запуталъ дѣло и подалъ поводъ еще къ болѣе ожесточенному спору между приверженцами и противниками патриарха. Тѣ и другіе въ сущности повторяли свои прежніе резоны; но сторонники патриарха нашли для себя новое подкрѣпленіе въ словахъ его объяснительной записки, «что если найдется въ числѣ членовъ собора трое такихъ, которые признаютъ его отреченіе не дѣйствительнымъ, то онъ присоединится къ нимъ» и старались низложить своихъ противниковъ указаніемъ на то, что лицъ, признающихъ отреченіе патриарха не дѣйствительнымъ гораздо больше. Понятно, что резонъ этотъ, не смотря на свою тяжеловѣсность, нисколько не былъ убѣдителенъ для ихъ противниковъ. Они упорно оставались при своемъ мнѣніи, подкрѣпляя его безусловной обязательностью клятвы, которою связалъ себя патриархъ.

Историкъ говоритъ, что къ мнѣнію противниковъ патриарха склонялся и самъ императоръ, съ одной стороны потому, что раздѣлялъ ихъ взглядъ на значеніе клятвы, а съ другой—вслѣдствіе тайнаго желанія устроить примиреніе арсенитовъ съ церковію, чрезъ устраненіе отъ патриаршества чловѣка, заявившаго себя ихъ врагомъ. Его крайне огорчало то, что они все еще отдѣлялись отъ церкви. Нѣкоторые не безъ основанія подозрѣвали въ немъ желаніе и возстановить на престолѣ Аванасія. Между тѣмъ,

(1) Pachym. lib. IV. c. 32. p. 349—352.

такъ какъ приверженцы и противники патріарха не могли принять никакого общаго рѣшенія, вслѣдствіе непримиримаго разногласія, имя патріарха по прежнему поминалось на эктеніяхъ, хотя, оставляя патріархію, онъ уполномочилъ духовенство великой церкви и монастыря, въ которомъ онъ жилъ, не возносить его имени при богослуженіи (1).

По той своеобразной логикѣ, для которой пути и совѣты Божіи гораздо яснѣе путей и совѣтовъ человѣческихъ, императоръ разсудилъ, что Богъ не для чего иного внушилъ патріарху мысль такъ упорно отказываться отъ престола по такимъ ничтожнымъ побужденіямъ, какъ для того, чтобы облегчить ему—императору дѣло примиренія арсенитовъ съ церковію. Въ самомъ дѣлѣ, легкость, съ какою патріархъ отказывался отъ престола, составляла замѣчательный контрастъ съ непреклоннымъ упрямствомъ, съ какимъ арсениты продолжали отказываться отъ общенія съ церковію; но чтобы поставить въ причинную связь эти два психическихъ феномена, для этого нужно было имѣть много вѣры въ свою способность проникать въ совѣты Божіи. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что не этимъ однимъ соображеніемъ водился императоръ, связывая дѣло арсенитовъ съ дѣломъ патріарха. Глава арсенитовъ, Іакинъ, не задолго предъ тѣмъ скончался (2), а остальные монашескіе члены фракціи, въ силу послѣдняго распоряженія правительства, безвыходно жили въ Мозельскомъ монастырѣ, но это не мѣшало имъ имѣть многочис-

(1) Ruchm. Ib. IV. с. 32 р. 349—353.

(2) Историками не оставили намъ извѣстій, когда, гдѣ (въ темницѣ, или монастырѣ), и при какихъ обстоятельствахъ скончался этотъ глава арсенитовъ.

ленныхъ приверженцевъ за стѣнами монастыря, которые чтили умершихъ арсенитовъ, какъ исповѣдниковъ Христовыхъ, и многихъ увлекали вслѣдъ за собою. Императору пришла въ голову мысль: а что, если дѣло арсенитовъ угодно Богу?... (1). Но онъ очень хорошо зналъ, что они до тѣхъ поръ не примирятся съ церковію, пока не будетъ передано имъ управленіе ею, и хотя находилъ неудобнымъ назначать третьяго патріарха при двухъ живыхъ, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ вышеозначенной мысли, счелъ нужнымъ завязать съ арсенитами новые переговоры. Пригласивъ къ себѣ извѣстную падчерицу тетки своей Марѣы, монахиню Поставгониссу, которая, съ самаго удаленія Арсенія отъ престола, душой и тѣломъ принадлежала арсенитамъ, онъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи—переговорить съ ея единомышленниками и поручилъ ей предрасположить ихъ къ этимъ переговорамъ. Старая монахиня немедленно же поспѣшила въ Мозельскій монастырь съ этой радостной вѣстью. Ожили и засуетились суровые арсениты. Имъ улыбалась надежда если не полнаго, то по крайней мѣрѣ относительнаго торжества надъ церковію. Не теряя времени, они отрядили отъ себя депутацію для веденія переговоровъ съ императоромъ, состоящую изъ пяти человекъ. Во главѣ ея были Лазарь Горіанита и Макарій Голубь. Депутація была проведена во дворецъ глубокою ночью, подъ покровомъ величайшей тайны.

(1) Историкъ говоритъ, что эта мысль преобладала надъ всеми другими соображеніями императора—*ἐνωσά τις ἐπιταλῆθαι καὶ τοῖς λογισμοῖς αὐτοῦ προαδίχασα*, — и что въ связи съ нею возникла у него мысль о причинной связи между готовностью патріарха отказаться отъ престола и упорнымъ отказомъ арсенитовъ примириться съ церковію.

Предметомъ переговоровъ былъ вопросъ объ избраніи новаго патріарха. Императоръ желалъ приступить къ этому избранію подъ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы была признана законною и дѣйствительною хиротонія настоящаго патріарха, равно какъ, чтобы всѣ наличные архіереи удерживали свои мѣста и пользовались присвоенными имъ правами и почестями. Онъ настаивалъ на этомъ условіи потому, что боялся, какъ бы, воссоединяя съ церковію одну отпадшую отъ нея часть, не подать повода къ отпаденію отъ нея другой, а тогда пришлось бы проститься съ надеждой на прочный и продолжительный миръ.

Но арсеніанскіе депутаты смотрѣли на дѣло иначе. Они находили нужнымъ, прежде, чѣмъ приступить къ избранію патріарха, рѣшить два вопроса: а) кто имѣетъ право избирать этого патріарха, и б) кто имѣетъ право рукоположить его? Предоставить это право наличнымъ епископамъ, по ихъ мнѣнію, значило бы возводить зданіе на такомъ основаніи, которое давно уже расшатано и угрожаетъ полнымъ разрушеніемъ. Напротивъ, эти епископы должны удержаться отъ исполненія своихъ должностей до тѣхъ поръ, пока новый патріархъ не разсмотритъ и не рѣшитъ ихъ дѣла. Право же избрать патріарха имѣютъ только они — арсениты и ихъ единомышленники; а для рукоположенія его долженъ быть вызванъ съ запада епископъ Мармарицкій (*Μαρμαριτζιών*), такъ какъ онъ ветхій старецъ, получившій старинное (должно быть арсеніевское) рукоположеніе, и не принимавшій никакого участія въ томъ, что происходило въ церкви послѣ Арсенія. Въ видѣ уступки резону, вы-

ставленному императоромъ, они подавали ему надежду на то, что вновь избранный патріархъ окажетъ запрещеннымъ епископамъ снисхожденіе по примѣру св. Тарасія.

Императоръ, собравши справки о диковинномъ епископѣ, какимъ-то чудомъ соблювшемъ себя отъ всѣхъ соблазновъ, смущавшихъ покой церкви въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, узналъ, что онъ весьма безцеремонно относился ко многимъ церковнымъ канонамъ, напр. бралъ деньги за посвященіе въ разныя іерархическія степени, рукополагалъ по нѣскольکو священниковъ и діаконовъ на одной службѣ, равно какъ дозволялъ себѣ и другія уклоненія отъ церковныхъ установленій, и главное — что ничуть не больше другихъ сумѣлъ уберечь себя отъ пресловутыхъ соблазновъ, проникшихъ такъ же точно и на западъ, какъ на востокъ (1). Онъ сообщилъ о собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ арсенитамъ; но они отвѣчали, что обстоятельства времени заставляютъ смотреть сквозь пальцы на всѣ эти вещи и воспользоваться услугами этого епископа потому, что невозможно найти другаго, который сохранилъ бы себя отъ соблазна, и тѣмъ болѣе, что церковныя провинности, въ которыхъ его обвиняютъ, вѣроятно, преувеличены. Къ этому они присоветовали, что если даже и все, въ чемъ обвиняютъ его по слухамъ, окажется справедливымъ, такъ и тогда нужно воспользоваться имъ для хиротоніи поваго патріарха, потому

(1) Ὅτι τε χρημάτων ὄψιν τὴν ἱεροσύνην ποιεῖ, καὶ ὅτι συνάμα πολλοὺς χειροτονεῖ ἐν μιᾷ ἱερᾷ τελετῇ τῆς αὐτῆς ἐπὶ τῇ ἱεροσύνῃ τάξεως, καὶ ἄλλ' ἅττα τῶν ἐκκλησιαστικῶν θεσμῶν σπᾶδοντα πράττει, καὶ μᾶλλον ἐκλεισιπτόων κατὰ δόξαν καὶ τῶν ἀπο τῆς μεγάλης συνόδου ἀρχιερέων διὰ τὰ τῶν ἐκκλησιαστικῶν σκανδάλων ἐπάλληλα. Pachym. lib. IV. c. 31. p. 356

что онъ получилъ хиротонію до возникновенія всѣхъ соблазновъ, и послѣ хиротоніи не имѣлъ общенія съ тѣми, которые возмущали покой церкви. Изъ этого отвѣта императоръ могъ заключить, что арсениты вовсе не такъ строго стояли за неприкосновенность и точное исполненіе церковныхъ канонѳвъ, какъ старались въ этомъ увѣрить всѣхъ и каждаго.

Императоръ впрочемъ не думалъ ловить упрямыхъ «ревнителей» на ихъ непослѣдовательности. По крайней мѣрѣ историкъ увѣряетъ, что онъ не входилъ при этомъ въ обсужденіе ихъ образа дѣйствій. Отдавшись весь своей любимой мечтѣ—возсоединить ихъ съ церковью,—онъ преслѣдовалъ свою цѣль съ полнымъ довѣріемъ къ лицамъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ полагалъ, что такіе строгіе ревнители неприкосновенности церковныхъ канонѳвъ, какими были арсениты, такъ много пострадавшіе за эти каноны, строже и лучше, чѣмъ онъ, взвѣсили истинное значеніе представленныхъ на ихъ благоусмотрѣніе провинностей противъ этихъ канонѳвъ епископа Мар-марицкаго, и вподлѣ успокоился на этомъ. Главное затрудненіе для него теперь состояло въ томъ, какъ добиться согласія епископовъ на принятіе отреченія патріарха Іоанна, и на увольненіе его на основаніи произнесенной имъ клятвы (1).

Затрудненіе было дѣйствительно серьезное: епископы по прежнему не могли придти ни къ какому соглашенію по этому вопросу. Объяснительная записка патріарха, какъ мы сказали, еще болѣе осложнила и запутала это дѣло. Большинство, и притомъ лучшихъ, епископовъ, продолжало утверждать, что

(1) Pashum. lib. IV. c. 33. p. 353—354.

произнесенная патриархомъ клятва — есть дѣйстви-
тельно клятва, и что соборъ имѣеть право принять
его отреченіе, на основаніи одной этой клятвы, не
зависимо отъ того, будетъ ли онъ настаивать на
своемъ отреченіи или нѣтъ, такъ какъ онъ катего-
рически заявилъ, что не явится въ собраніе еписко-
повъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ епи-
скопъ Силиврійскій, а этотъ епископъ не можетъ
быть наказанъ потому, что онъ не можетъ быть при-
знанъ клеветникомъ. Но Θεодонтъ Филадельфійскій,
почти одинъ изъ всѣхъ архіереевъ противившійся
вмѣстѣ съ патриархомъ восстановленію на епар-
хію Іоанна Ефесскаго, и съ удаленіемъ патриарха ри-
сковавшій остаться совершенно безъ поддержки, всѣми
силами противился этому мнѣнію: онъ настаивалъ на
низложеніи епископа Силиврійскаго, чтобы патриархъ
могъ съ спокойной совѣстью возвратиться на свой
престолъ, доказывая, что Иларіонъ долженъ быть
признанъ настоящимъ клеветникомъ и наказанъ, какъ
такой. Императоръ держался мнѣнія большинства:
онъ находилъ, что было бы не справедливо наказы-
вать епископа Силиврійскаго для того только, чтобы
снять клятву съ патриарха. Къ этому впрочемъ онъ
присовокупялъ, что если патриархъ согласится воз-
вратиться на свой престолъ, безъ наказанія Иларіона,
то онъ будетъ очень радъ этому. «Это, я полагаю,
замѣчаетъ по этому случаю историкъ, императоръ
говорилъ потому, что не рисковалъ ничѣмъ, — онъ
очень хорошо зналъ, что патриархъ никогда не со-
гласится возвратиться на свой престолъ подъ этимъ
условіемъ» (1).

(1) Pashum. lib. IV. c. p. 33. 357—359.

Между тѣмъ, въ то время, какъ императоръ велъ секретные переговоры съ арсенитами объ избраніи будущаго патріарха и открытые переговоры съ епископами объ устраненіи настоящаго патріарха, въ дѣло вмѣшались сторонники бывшаго патріарха—Аеанасія и дали ему оборотъ, испровергнувшій виды и расчеты всѣхъ и тайныхъ и явныхъ дѣятелей на этой аренѣ. Вечеромъ 15-го января 1304 года явился во дворецъ одинъ монахъ, по имени Мина, по прозванію Сколъка (*Σκολίκης*), пользовавшійся между духовенствомъ репутаціей весьма благочестиваго и честнаго человѣка и часто навѣщавшій бывшаго патріарха Аеанасія, какъ это очень хорошо было извѣстно императору, и потребовалъ себѣ аудіенціи у императора. Императоръ, занятый какими то важными дѣлами, приказалъ сказать ему, что приметъ его послѣ того, какъ управится съ этими дѣлами, и чтобы онъ подождалъ до тѣхъ поръ. Подождавши нѣсколько времени, нетерпѣливый монахъ просилъ снова доложить о себѣ и получилъ въ отвѣтъ, что императоръ приметъ его немедленно. Но такъ какъ прошло нѣсколько минутъ и императоръ не приглашалъ его, онъ попросилъ доложить о себѣ въ третій разъ и на этотъ разъ присовокупилъ, что если императоръ не приметъ его до наступленія ночи, то будетъ уже поздно. Предполагая, что монахъ имѣеть сообщить ему нѣчто чрезвычайно важное, императоръ приказалъ ввести его и услышалъ отъ него такую рѣчь: «Государь, я бываю иногда, какъ извѣстно вашему величеству, у бывшаго патріарха Аеанасія. Посѣтивши его сегодня, я нашелъ его въ такой печали, въ какой никогда прежде не находилъ. Когда я принялъ дерзновеніе предло-

жить ему вопросъ о причинѣ его печали, то получилъ въ отвѣтъ, что Константинополю угрожаетъ гнѣвъ Божій, и что онъ желалъ бы, чтобы кто нибудь сообщилъ вашему величеству совѣтъ, который онъ имѣетъ предложить для отклоненія отъ города угрожающей ему опасности, — именно, чтобы вы, государь, распорядились начать въ эту же ночь общія молитвы по всѣмъ монастырямъ, и чтобы при этомъ особенно произносилось прошеніе *о еже сохранитися всякому граду и странѣ отъ глада, губительства, труса, потопа*, — и это дѣлать въ настоящую ночь, въ завтрашнюю и слѣдующую за нею, т. е. въ теченіе трехъ ночей сряду, непрерывно взывая къ Богу о помилованіи. Такимъ образомъ, я полагаю, сказалъ онъ мнѣ, Богъ отложить Свой гнѣвъ и смилосердиться надъ нами. Выслушавши его слова, я отправился къ митрополиту Ираклійскому и сообщилъ ему объ этомъ. Митрополитъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно же просить аудіенціи у вашего величества и передать вамъ все, что слышалъ отъ бывшаго патріарха. Вслѣдствіе этого вотъ я предъ вами, государь, и говорю, что слышалъ, предоставляя вашему богохрацимому величеству принимать мѣры, какія признаете нужными. Объ одномъ только умоляю, — если ваше величество найдете нужнымъ исполнить данный Аванасіемъ совѣтъ, то благоволите приступить къ дѣлу въ эту же ночь, какъ онъ приказалъ. Со своей стороны и я жду отъ васъ приказанія молиться и другихъ благочестивыхъ мужей, которые покажутся вамъ пригодными для того, пригласите принять участіе въ этомъ дѣлѣ (1).

(1) Pashum. lib. IV. c. 34. p. 360—361.

Императоръ благосклонно выслушалъ это неожиданное прещенье и, когда грозный вѣстникъ Божьяго гнѣва, кончивши свою зловѣщую рѣчь, исчезъ, погружился въ глубокое раздумье. Перебирая въ своемъ умѣ всѣ ужасы, перечисленные посланцемъ Аванасія, онъ сообразилъ, что голодъ и моръ не могутъ начаться сію же минуту, но что трусь и потопъ весьма легко могутъ наступить сейчасъ же, по предсказанію прозорливца. Но въ тоже время ему казалось неудобнымъ въ такую позднюю пору беспокоить монаховъ и поднимать ихъ на молитву. При дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла приходили ему въ голову и нѣкоторыя другія мысли, какъ онъ признавался въ послѣдствіи; но надъ всѣми ими одержало верхъ опасеніе, какъ бы и въ самомъ дѣдѣ не постигло столицу и имперію какое либо несчастье и онъ приказалъ логовету общественныхъ дѣлъ ⁽¹⁾ немедленно же отправить гонцовъ во всѣ столичные монастыри съ повелѣніемъ начать общія молитвы по способу, указанному прозорливцемъ. Сдѣлавши это распоряженіе, онъ и самъ сталъ на молитву. Окончивши ее и, по своему обыкновенію отправившись къ своей матери, вдовствующей императрицѣ, цроститься и принять благословеніе на сонъ грядущій, онъ почувствовалъ первый ударъ землетрясенія, до того, впрочемъ, легкій, что, по собственному его сознанію, онъ могъ быть замѣтенъ только при внимательномъ наблюденіи. Двѣ ночи молились столичные иноки; на третью, когда они продолжали свои молитвы, послышался новый ударъ, который былъ замѣченъ ужъ не однимъ императоромъ,

(1) Должность, имѣвшая близкую аналогію съ современною должностью министра внутреннихъ дѣлъ.

но который не сдѣлалъ однакожь городу никакого серьезнаго вреда. Это окончательно убѣдило императора въ справедливости предсказанія Аванасія ⁽¹⁾:

18-го числа императоръ приказалъ собраться во дворецъ епископамъ, клирикамъ и именитѣйшимъ монахамъ, объяснилъ имъ причину сдѣланнаго имъ распоряженія о всеобщей молитвѣ, и спросилъ, какъ они думаютъ о монахѣ, который предостерегъ городъ отъ угрожавшаго ему несчастія, не называя его, впрочемъ, по имени. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ было высказано присутствовавшими три мнѣнія: одни, принимая въ соображеніе, что откровеніе было сдѣлано монаху, т. е. человѣку, специально посвятившему себя на служеніе Богу, признали оное дѣйствительнымъ предсказаніемъ, идущимъ отъ Бога; другіе, напротивъ, утверждали, что это дѣло злаго духа, который думаетъ чрезъ то восхитить славу Божию, какъ сказалъ однажды преподобный Антоній и такимъ образомъ признавали оное ложнымъ предсказаніемъ; третьи находили, что тутъ нѣтъ ни Божьяго откровенія, ни дьявольскаго навожденія, и слѣдовательно ни истиннаго, ни ложнаго предсказанія ⁽²⁾, а есть лишь простое, естественное предугаданіе. Наконецъ послѣ долгихъ споровъ все согласились на томъ, что для рѣшенія вопроса о томъ, есть ли здѣсь предсказаніе или нѣтъ, необходимо напередъ знать, кому принадлежитъ это предсказаніе. Это, по общему мнѣнію,

(1) Eusebium. lib. IV. c. 34. p. 361. 362.

(2) Пашаисъ и такіе, которые всю эту исторію съ предсказаніемъ Аванасія считали выдуманной императора, имѣвшей цѣлью подготовить восстановление этого патріарха на престолѣ (Григор. стр. 206 — 209); но, кажется, она простерла свой скептицизмъ ужь слишкомъ далеко. Понятно, что это мнѣніе высказывалось только въ античныхъ разговорахъ.

тѣмъ болѣе было необходимо, что не нужно быть про-
рокомъ, чтобы предсказать какое либо бѣдствіе въ
такое время, когда эти бѣдствія разражаются надъ
имперіей чуть не каждый день. Другое дѣло, если бы
подобное предсказаніе сдѣлаво было во время благо-
денствія, какъ напр. это было съ ниневитянами во
времена пророка Іоны, тогда имперія и городъ были
бы обязаны прозорливцу благодарностью за предосте-
реженіе отъ угрожающаго имъ гнѣва Божія, такъ
какъ тогда было бы ясно, что онъ ищетъ не своей,
а ихъ пользы. Притомъ истинные прозорливцы, от-
крывая тайны Божіи людямъ, не прячутся сами отъ
взоровъ человѣческихъ, а выступаютъ прямо, какъ
вѣстники воли Божіей, чтобы отклонить отъ себя вся-
кое подозрѣніе. Наконецъ собраніе находило, что для
внушенія къ себѣ довѣрія прозорливецъ долженъ бы
былъ сказать за какіе именно грѣхи угрожаетъ намъ
гнѣвъ Божій, для того, чтобы мы могли принять мѣры
къ исправленію. Все это присутствовавшіе на собра-
ніи говорили императору для того, чтобы побудить
его открыть имя таинственнаго прозорливца. Но Ан-
дроникъ упорно секретничалъ; ибо очень хорошо зналъ,
что стоитъ лишь произнести имя бывшаго патріарха,
чтобы многочисленные недоброжелатели послѣдняго
ударилась въ самый отчаянный скептицизмъ. И по-
тому онъ изливался лишь въ удивленіяхъ и похвалахъ
человѣку Божію, сподобившемуся такого чудеснаго
откровенія. Цѣлый день прошелъ въ подобныхъ тол-
кахъ и словоизверженіяхъ, пока наступившая ночь не
вынудила императора распустить собраніе ни съ
чѣмъ (1).

(1) Pashym. II. IV. c. 35. p. 363 366.

Утромъ на слѣдующій день было приглашено во дворецъ почти все столичное духовенство и монашество. Собраніе вышло до того многочисленное, что огромная зала золотого триклинія (*χρυσότρικλίνας*) не могла вмѣстить всѣхъ собравшихся и императоръ былъ вынужденъ объясняться съ собраніемъ изъ дверей (даже для него не оказалось мѣста въ залѣ). Онъ былъ одѣтъ по дорожному (1). Повторивши то, что сообщилъ онъ собранію наканунѣ и высказавши при этомъ свое глубокое убѣжденіе въ святости челоуѣка, сподобившагося такого откровенія отъ Бога, онъ объявилъ собранію, что отправляется на поклоненіе челоуѣку Божію и что позволеть идти за собою и тѣмъ, которые пожелали бы ему сопутствовать и сподобиться вмѣстѣ съ нимъ получить благословеніе отъ святаго прозорливца. Такъ какъ время было зимнее и дорога была крайне испорчена, то къ услугамъ старцевъ и немощныхъ предложены были придворныя лошади. Этой любезностью императора и дѣйствительно воспользовались архіереи и нѣкоторые изъ монаховъ. Всѣ же остальные отправились пѣшкомъ вслѣдъ за своимъ государемъ, который предшествовалъ всѣмъ также пѣшкомъ. Картина была великолѣпная. Точно рѣчные потоки стремились за императоромъ массы народа, всякаго званія и состоянія, не зная сами, куда идти, — но по мѣрѣ движенія впередъ пополняясь новыми массами. Изъ всей этой безчисленной толпы одинъ только челоуѣкъ зналъ къ кому она идетъ на поклоненіе. Это былъ патріархъ александрійскій. Императоръ счелъ пужнымъ посвятить его въ свою тайну,

(1) Καὶ γὰρ ἤτοιμαστο καὶ στολῆ καὶ ζώνη καὶ χαλάρη καὶ ὑποδήματα.
Pachym. p. 366.

чтобы задобрить въ пользу своего прозорливца, къ которому александрійскій святитель тоже не чувствовалъ особаго расположенія, какъ и большинство тогдашняго духовенства. Молча ѣхалъ онъ теперь веркомъ вслѣдъ за пѣшешествовавшимъ императоромъ и, вѣроятно, не мало передумалъ во время продолжительнаго и утомительнаго пути. Наконецъ процессія остановилась предъ воротами Ксиролофскаго монастыря, въ которомъ жилъ на покой Аѳанасій (1).

Монастырскіе ворота, не отпиравшіеся въ продолженіи девяти лѣтъ слишкомъ (2), отворились и пропустили сквозь себя императора, архіереевъ и почетнѣйшихъ изъ монаховъ. Остальные спутники императорскіе остались за воротами, такъ какъ монастырь не могъ вмѣстить ихъ. Аѳанасій вышелъ на встрѣчу августѣйшему посѣтителю и его спутникамъ въ рясахъ, соломенной калиптрѣ и съ посохомъ въ рукѣ (3). Тутъ только поняли императорскіе спутники, кто тотъ таинственный прозорливецъ, котораго превозносилъ похва-лами императоръ и къ которому велъ ихъ на поклоненіе. У многихъ изъ присутствовавшихъ и особенно между архіереями шевельнулось въ груди недоброе предчувствіе; но большинство успѣло уже забыть всѣ испытанныя отъ Аѳанасія непріятности,—и тѣ и другіе посѣдѣли вслѣдъ за императоромъ обнажить свои головы и просить благословенія у бывшаго патріарха. Но Аѳанасій рокотливо уклонился отъ исполненія этой просьбы, ссылаясь на свою старость, немощи, грѣхи

(1) Pashum lib. IV. c. 36. p. 366 - 367.

(2) Ἡ πόλη τῆς κατ' αὐτὸν μονῆς ἐπ' ἑτη δέκα κλεισμένη, μηνῶν δεόντων ἐνέει, т. е. во все время, пока Аѳанасій жилъ здѣсь на покой.

(3) Καὶ αὐτὸς ἐκεῖνος τῆς κέλλης ὑπεξίτων χλαϊνὰν τ' ἐνεπιμένον καὶ καλύπτραν ἐκ καλίπτου ἔχων καὶ ξύλον ἑπερειδόμενος.

и проч., а предложилъ желающимъ свою руку для цѣлованія и она вмигъ покрылась подѣлуями (1)...

Эта неожиданная диверсія разомъ повернула дѣло въ пользу Аѳанасія. Переговоры съ арсенитами были прерваны. Объ избраніи новаго патріарха не было и рѣчи. Императоръ, во снѣ и на яву, бредилъ возвращеніемъ Аѳанасія на престолъ (2) Забыты были всѣ его недостатки. Прискано благовидное объясненіе и оправданіе для волненій и смуть, вызванныхъ въ церкви его реформами (3). Волей не волей должны были вторить и всѣ тѣ архіереи, которые облобызали десницу Аѳанасія 19 января, — этимъ самымъ они признали его уже законнымъ своимъ патріархомъ. Но не обошлось и безъ возраженій. Возраженія эти были сдѣланы тѣми архіереями, которые лучше другихъ помнили исторію перваго патріаршества Аѳанасія, и особенно тѣми, которые получили свою хиротонію изъ рукъ Іоанна. Послѣдніе находили, что возстановленіе Аѳанасія на престолѣ будетъ равносильно признанію его низложенія незаконнымъ; а признать незаконнымъ его низложеніе значитъ признать незаконнымъ возведеніе на его мѣсто Іоанна, а вмѣстѣ съ тѣмъ незаконными и всѣ совершенныя имъ хиротоніи. Первые, припоминая, съ какою безпощадною строгостью наказы-

(1) Pashum. lib. V. c. 1. p. 368—371.

(2) Если вѣрить Григоръ, то Андроникъ возлагалъ на возстановленіе Аѳанасія на престолѣ слѣдующія, болѣе чѣмъ наивныя, надежды: „онъ былъ убѣжденъ, что какъ скоро онъ (Аѳанасій) взоидетъ на патріаршій престолъ, враги далеко удалятся отъ предѣловъ римскаго государства, вмѣсто зимы настанетъ весна, вмѣсто волненія затишье, и границы римскаго государства легко расширятся“. Григор., стр. 206.

(3) Реформы были объяснены его „ревностію по благочестію“, а смуты — злою волею тѣхъ, которые противились этимъ реформамъ. Pashum. lib. V. c. 2. p. 371—375.

валъ онъ клириковъ за самыя ничтожныя проступки, противились восстановленію его на престолѣ изъ страха предъ этой строгостью. Тѣ и другіе находили, что онъ уволенъ канонически и восстановленъ быть не можетъ. Противъ же восстановленія Аѳанасія говорили патріархъ александрійскій ⁽¹⁾ со своей партіей и дядя императорскій, Исаакъ Рауль, поддерживаемый своими единомышленниками. Мотивы перваго неизвѣстны; а послѣдній ратовалъ въ интересъ своихъ старыхъ друзей арсенитовъ, съ которыми онъ снова сошелся, благодаря послѣднимъ церковнымъ смутамъ. Было, говоритъ историкъ, много и другихъ сильныхъ противниковъ восстановленія Аѳанасія ⁽²⁾.

Встрѣтивши такую массу противниковъ своимъ планамъ и не види возможности справиться съ нею, не смотря на поддержку умѣренной партіи, состоявшей изъ архіереевъ, получившихъ свою хиротонію отъ Аѳанасія ⁽³⁾, императоръ рѣшился отправиться къ патріарху Іоанну, чтобы узнать его мнѣніе о занимавшемъ его предметѣ. Впрочемъ историкъ прибавляетъ, что на эту рѣшимость императора имѣли вліяніе еще два обстоятельства: а) Іоаннъ самъ просилъ его навѣстить себя и б) была сырная недѣля и императору хотѣлось, по христіанскому обычаю, испросить себѣ прощеніе у патріарха до наступленія ве-

(1) Григор. стр. 207—208.

(2) Pashy. lib. V. c. 2. p. 371—372. Ἦκουε (императоръ) γὰρ καὶ πολλοὺς καὶ τοὺς μεγίστους, τοῦτο μὲν τοὺς ἀμφὶ τὸν πατριαρχεύσαντα Ἰωάννην, τοῦτο δὲ τοὺς ἀμφὶ πατριάρχην Ἀλεξανδρείας, καὶ ὅσους εἶχε μετ' αὐτοῦ ὁ Ραοὺλ Ἰσαάκιος, ὅς δὲ καὶ τὰ ἔμματα πηρωθεὶς διὰ τὰ συμβάντα πρότερον καὶ μέχρι καὶ Ἰωάννου ἐν τῷ τῆς ἐκκλησίας σχίσματι διαμείνας, εἰρηνεύσας ἐν τούτῳ, ἤδη καὶ πάλιν διὰ τὰ προβαίνοντα διεφέρετο—ἤκουε τούτους καὶ ἄλλους πλείονας καὶ μεγίστους τῇ πράξει προσισταμένους καὶ ἀντιβαίνοντας. p. 375.

(3) Pashy. lib. V. c. 2. p. 372.

ликаго поста. Эта послѣдняя замѣтка довольно точно опредѣляетъ и время этаго втораго визита императорскаго въ памятную ему келью монастыря Паммакаристы. На этотъ разъ здѣсь ожидало его еще большее униженіе. Какъ и въ первый разъ патріарха окружали преданные ему архіереи и клирики. Когда императоръ подошелъ, по обычаю, подъ благословеніе, патріархъ, не давши ему благословенія, сказалъ: «Богъ благословитъ тебя вмѣсто меня» (1) и вслѣдъ за тѣмъ спросилъ: «признаешь-ли меня патріархомъ?» Озадаченный такимъ неожиданнымъ пріемомъ и еще болѣе неожиданнымъ вопросомъ, императоръ смѣшался и не зналъ, что ему отвѣчать; но изъ желанія-ли получить благословеніе, изъ опасенія ли оскорбить патріарха, изъ стыда-ли высказать ему прямо свое мнѣніе, или выходя изъ той мысли, что не его дѣло, а дѣло архіерсевъ судить о дѣйствительности или недѣйствительности представленнаго патріархомъ отреченія отъ престола, — послѣ не большой, но тягостной паузы сказалъ, что признаетъ его законнымъ патріархомъ. Едва лишь успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ патріархъ строгимъ тономъ произнесъ: «а если я законный патріархъ, между прочимъ и потому, что мое отреченіе не принято и имя мое поминается на молитвахъ въ великой церкви и во многихъ монастыряхъ; то я отлучаю отъ святой Троицы всякаго, кто вздумаетъ возстановлять на престолѣ киръ Аѳанасія (1)».

Историкъ замѣчаетъ, что этимъ суровымъ приговоромъ Іоаннъ осуждалъ въ одно и тоже время, какъ

(1) Ἀλλὰ Θεὸς εὐλογήσῃ σε καὶ οὐκ ἐγώ.

(2) «Καὶ εἰ πατριάρχης ἐγώ», φησιν, «ὅτι καὶ οὐπω τελέως τὰ τῆς ἐμῆς πατριάρχειας οὐκ ἐδοκιμάσθησαν, ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν πολλαῖς μοναῖς μνημονεύομαι, ὑπ' ἀφορισμὸν τὸν ἀπὸ τῆς ἁγίας τριάδος ἄγω τὸν βουλησόμενον πατριάρχην τὸν κύριον Ἀθανάσιον καθιστάν. Pachym. p. 376—377.

честолюбіе своего предшественника, который хотѣлъ возвратиться на престолъ, имъ оставленный, такъ и ослѣпленіе и легкомысліе (*ἀπάγη καὶ ἐυκολίαν*) императора, который намѣревался возстановить его, забывши совершенно о смутахъ, произведенныхъ имъ въ церкви во время своего патриаршества.

Выходка Іоанна поразила, какъ громомъ, императора. Не желая оставаться долѣе въ смѣшномъ и недѣльномъ положеніи, въ которое она его поставила, онъ немедленно же вышелъ изъ кельи, не сказавъ ни слова. Онъ не безъ основанія подозрѣвалъ, что на эту выходку подбили патриарха окружавшіе его епископы: Вавила Анкирскій, Никифоръ Критскій и Лука Витзинскій (*ὁ Βιτζίνας*). На другой день, пригласивши къ себѣ архіереевъ, онъ принесъ имъ жалобу на коварную западную, устроенную для него Іоанномъ и просилъ ихъ разсудить между нимъ и оскорбившимъ его патриархомъ, изъявляя при этомъ искреннюю или притворную готовность отступить отъ Аванасія, если это будетъ признано необходимымъ. Не извѣстно, чтò отвѣчали на эту жалобу епископы; но дальнѣйшее движеніе по этому дѣлу было на время прервано двумя событіями въ царской семьѣ—а) кончиной матери императора, вдовствующей императрицы Теодоры (1) и б) отъѣздомъ супруги его императрицы Ирины въ Фессалоники (2).

(1) *Rachum. lib. V. c. 4. p. 377—378.* Вдовствующая императрица скончалась въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ великаго поста. По словамъ историка, „это была женщина, украшенная всѣми добродѣтелями; множество бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи похоронили съ ней свою послѣднюю надежду“. Андроникъ бросилъ всѣ дѣла и занялся исключительно похоронами своей матери. Она была похоронена въ монастырѣ Лицея (*Λεῖψη*) съ необыкновенною торжественностью.

(2) Супруга Андроника отправилась въ Фессалоники вскорѣ же по Хр. Чт. № 8. 1871 года.

Похоронивши свою мать и проводивши свою супругу, императоръ снова занялся церковными дѣлами. Снова начались собранія и совѣщанія епископовъ во дворцѣ. Предметомъ этихъ совѣщаній былъ вопросъ о значеніи отлученія, произнесеннаго патріархомъ Іоанномъ противъ императора. Одни изъ архіереевъ признавали это отлученіе дѣйствительнымъ, основываясь на томъ, что Іоаннъ былъ законнымъ патріархомъ, признаннымъ за такового не только церковію, которая продолжала возносить его имя на своихъ молитвахъ, но и самимъ императоромъ. Другіе находили, что признавать его патріархомъ послѣ произнесенной имъ клятвы значило бы обманывать себя, и вслѣдствіе этого признавали произнесенное имъ отлученіе недѣйствительнымъ.

Императоръ естественно склонился къ мнѣнію послѣднихъ; но такъ какъ этотъ вопросъ занималъ его столько же по его личному къ нему отношенію, сколько и по связи его съ дѣломъ Аѳанасія, то, увѣрившись въ преданности себѣ сторонниковъ этого мнѣнія, чрезъ личные переговоры съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, онъ повелъ теперь снова рѣчь о восстановленіи Аѳанасія. Но на этомъ пунктѣ епископы оказывались менѣе податливыми. Такъ какъ причина неподатливости заключалась между прочимъ и въ томъ, что не рѣшено еще было дѣло Іоанна; то императоръ снова обратился къ послѣднему съ настоятельною просьбою развязать наконецъ руки епископамъ болѣе точнымъ изъясненіемъ своей воли относительно патріаршаго престола. Долго упирался упря-

мый старинъ, но, уступая настойчивымъ просьбамъ императора, и, главное, раздосадованный на епископовъ, которые подбили его на такой рѣшительный шагъ противъ императора, а потомъ оставили его одного во вредъ себѣ и въ позоръ ему (1), онъ прислалъ наконецъ императору грамоту, составленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Владыка мой, святыи императоръ, и Вы, божественный и священный соборъ, синклитъ, предстоящіе и служащіе Господу люди, равно какъ причисляющіе себя къ клиру и упрощающіеся монашескою одеждою, и весь остальной вародъ! Рожденный отъ православныхъ родителей и воспитанный въ благочестіи, я сподобился сначала чести священства, потомъ, принявши монашеское постриженіе, я ими же вѣсть Богъ судьбами былъ возведенъ на патриаршій престолъ, прежде всего по благоволенію Божию, а потомъ по волѣ, желанію и приговору (γνώμη) всѣхъ васъ держащихъ властей. На сколько право и благочестно правилъ я слово истины, это знаетъ одинъ Богъ; мнѣ да не будетъ хвалиться, по слову божественнаго апостола. Между тѣмъ возникли соблазны, очень хорошо вамъ извѣстные, и для того, чтобы не причинить вреда какой либо душѣ христіанской и сохранить миръ и тишину въ церкви Божіей, я удалился на время отъ престола и заключился въ монастыр-

(1) Ὁ μέντοι γε Ἰωάννης τοῦτο μὲν καὶ ταῖς τοῦ βασιλέως ἐκτεταταῖς θηλυταῖς τέως, ὑβριστικῶν δὲ τὸ πλεον ἐπὶ τοῖς ἀρχιερεῦσιν, ὡς αὐτὸς μὲν συναίροισται σφίσι τῆς γνώμης καὶ τὸν ἀφορισμὸν ἰσταίη ὡς ἔρωμα, ἐκκλινοῖς δὲ ἐξ ἐδελοκάκου γνώμης προδιδούσι τὸ ἔρωμα ἀτιμοῦν καὶ αὐτὸν ἐπίοι, κατα προσαμένοις ἅμα μὲν τὴν αὐτοῦ τιμὴν ἅμα δὲ καὶ τὴν ἑαυτῶν ἀσφάλειαν, βασιλεῖ δια ταῦτα καταλείπει. Pachym. lib. V. c. 6. p. 380—381.

ской кельѣ. Но когда однажды былъ обуреваемъ здѣсь помыслами о томъ, угодно-ли Богу мое удаление и молился просвѣтить меня, предстало предо мною нѣкое божественное видѣніе и сказало мнѣ: «если любишь меня, Петръ, то паси овецъ моихъ». Вслѣдствіе этого я снова взошелъ на престоль. А когда опять возникли новые и еще большіе соблазны и церковь была поругана (*ὑβρίζετο*) чрезъ это, я снова оставилъ патриаршую кафедру для ея умиротворенія. А такъ какъ и снова случилось тоже самое, какъ Вы знаете, и мною было произнесено отлученіе противъ того, кто вздумалъ бы возвести на патриаршій престоль киръ Аѳанасія, на томъ основаніи, что возвращеніе его на престоль казалось всѣмъ чѣмъ-то тяжкимъ и невыносимымъ; но поелику Вы не приняли этого отлученія, какъ произнесеннаго, по Вашимъ словамъ, неканонически, то я отмѣняю оное и совершенно уничтожаю, хотя и не соизволяю на возвращеніе Аѳанасія. Ибо какъ приму я за архіерея челоуѣка обвиненнаго и опозореннаго (*ὑβρισθέντα*) и худшаго, чѣмъ я самъ (*χειρότερα ἢ ἐγώ*), возбуждающаго сомнѣніе даже на счетъ своего благочестія (*μικροῦ δεῖν καὶ εἰς αὐτὴν τὴν εὐσεβείαν αὐτοῦ*) и кромѣ того уволеннаго согласно съ церковными канонами (*παραιτησάμενον ἑκκλησιαστικῶς καὶ κανονικῶς*)? Объ этомъ я говорю и свидѣтельствую предъ всѣми. И если что случится послѣ этого, Вы узрите: я высказалъ все, что находилъ нужнымъ съ своей стороны. Богъ же мира, давший кровь Свою за святую Свою церковь, Самъ да устроитъ ея благо, миръ и тишину. Авва Іоаннь».

Была пятница 21-го августа 1304 г., когда импе-

раторъ получилъ эту грамоту. Немедленно же пригласилъ онъ епископовъ и клириковъ и объявилъ имъ о снятіи отлученія Іоанномъ, нѣкоторымъ показавъ и самую грамоту. Обнародовать ее во всеобщее извѣстіе онъ затруднялся, вслѣдствіе выраженного въ ней рѣшительнаго сопротивленія возстановленію Аѳанасія, чтобы не повредить этому дѣлу. Въ субботу и воскресенье 22 и 23 числа происходили, по императорскому повелѣнію, собранія епископовъ, клириковъ и монаховъ въ храмѣ св. апостоловъ для соглашенія по вопросу о возвращеніи Аѳанасія на престолъ. Соглашеніе однакожъ никакъ не устраивалось. Въ воскресенье прибылъ въ собраніе самъ императоръ; но и его личныя усилія не могли устроить желаннаго соглашенія. Цѣлая половина собранія высказалась противъ возстановленія Аѳанасія.

Это однакожъ ни мало не отклонило Андроника отъ принятаго имъ рѣшенія. Отпустивши тѣхъ, которые отказались присоединиться къ нему, онъ отправился во главѣ остальныхъ въ монастырь, гдѣ жилъ Аѳанасій, съ предложеніемъ ему возвратиться на престолъ. Предложеніе было принято и Константинополь отпраздновалъ новую церемонію. Аѳанасій, въ полномъ патриаршемъ облаченіи, сопровождаемый императоромъ и безчисленной толпой народа, отправился въ великую церковь. Былъ полдень. Солнце жгло немилосердно. Жара и духота были нестерпимы. Но терпѣливо шла столичная паства за своимъ возвращавшимся послѣ долгаго удаленія пастыремъ, предводимая своимъ неутомимымъ государемъ. Точно какая таинственная машина выдвинула Аѳанасія снова

на престоль, замѣчаетъ при этомъ нашъ историкъ (1).

И. Троицкія.

(Продолженіе будетъ).

(1) Pashut. lib. V. c. 7. p. 382—385. Ὁμοίως ἐκ μαγγάνων τινος τῆς ἐπὶ τῷ σεσιμῷ δοξασθῆς προϋνώσεως εἰς τὸ μέσον βίβης, ἀναφαίνεται ὁ μετ' αὐτοῦ τε εἶναι τὴν ἱερὰν ἀρχὴν ἀναλαβεῖν προαἰρούμενος. Относительно судьбы Иоанна Созонопольскаго историкъ замѣчаетъ, что на другой день послѣ возвращенія Аванасія на престоль, Иоаннъ, собравши свои пожитки, тайкомъ выѣхалъ изъ города, не простившись съ императоромъ, и отправился на свою родину въ Созонополь, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни, не переставая жаждать на причиненную ему обиду и несправедливость, приписывалъ своему удаленію всѣ бѣдствія, разражавшіяся надъ имперіей, винилъ духовныхъ лицъ въ томъ, что эти бѣдствія они навлекаютъ на имперію своимъ поведеніемъ, устраивалъ преступныя коды для отмщенія этихъ бѣдствій и пытался исправить кое что въ богослуженіи для большаго соответствія, какъ ему казалось, духу благочестія и древнему уставу (ὡς καὶ τινὰ διορθοῦν θεῖον κειρῶσαι πρὸς τὸ δοκοῦν αὐτῷ εὐλαβεστοτέρου, ἃ δὲ τὸ πρότερον κατ' ἀρχαίων τύπον εἶα γενέσθαι) Ibid. p. 284—285.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсенины

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 11. С. 667-714.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Послѣ извѣстныхъ интимныхъ переговоровъ своихъ съ императоромъ объ избраніи новаго патріарха, переговоровъ, начатыхъ по инициативѣ самого императора и принимавшихъ довольно благопріятный для ихъ видовъ оборотъ, арсениты должны были смотрѣть на неожиданное возстановленіе Аѳанасія на престолѣ, какъ на личное себѣ оскорбленіе. И дѣйствительно все они, не исключая и тѣхъ, которые раньше примирились съ церковію, уступая убѣжденіямъ и разнымъ угожденіямъ императора, объявили себя противъ Аѳанасія. Во главѣ ихъ былъ опять Іоаннъ Тарханіотъ, который и поплатился за это новымъ заключеніемъ въ темницу.

На этотъ разъ они были не одни. Ихъ союзниками, хотя не зваными и не признанными, очутились весьма многіе архіереи и клирики великой церкви съ александрійскимъ патріархомъ во главѣ.

Это были тѣ архіереи и клирики, которые отказались присоединиться къ императорскому предложенію 23-го августа. Теперь они отказались отъ общенія съ возстановленнымъ противъ ихъ воли патріархомъ.

Но эти двѣ категоріи противниковъ Аѳанасія вели свою оппозицію ему отдѣльно и свели ее къ разнымъ концамъ. Въ лагерь противниковъ второй категоріи вскорѣ образовался расколъ, послужившій сигналомъ къ ея разложенію и исчезновенію. Епископы, принадлежавшіе къ партіи патріарха александрійскаго, уступая настойчивымъ убѣжденіямъ императора, оставили его и вступили въ церковное общеніе съ Аѳанасіемъ (1).

Не такъ держали себя арсениты. Какъ одинъ человекъ возстали они противъ патріарха и никакія силы не могли сломить ихъ упорной оппозиціи. Императоръ зналъ это и, сознавая притомъ въ душѣ, что арсениты имѣли основаніе быть недовольными его образомъ дѣйствій въ дѣлѣ Аѳанасія, оставлялъ ихъ въ покоѣ цѣлыхъ два года.

Между тѣмъ съ одной стороны постоянно возроставшія бѣдствія имперіи (2), съ другой новыя со-

(1) Pashum. liv. V. c. 20. p. 409 - 410.

(2) „Около этого времени съ востока хлынули цѣлая моря несчастій, какъ будто тысячи вѣтровъ, вдругъ сорвавшись съ противоположныхъ концовъ, все взбурлили и взволновали. Когда восточныя области римскаго государства остались безъ войска, то турецкіе сатрапы соединенными силами прошли все пространство до самого моря и завели свои поселенія по самымъ его берегамъ. Добычею непріятелей сдѣлалось множество женщинъ и дѣтей, вмѣстѣ съ рабочимъ скотомъ и деньгами. Изъ тѣхъ, которые успѣли убѣжать, одни бѣжали въ ближайшіе города, другіе явились во Фракію, босые и голые. Всю землю, сколько ея находилось въ Азіи подъ властію римлянъ, турки по общему согласію и жребію раздѣляли между собою“. Григор. стр. 204 — 205. Описаннымъ здѣсь бѣдствіямъ разразились надъ имперіей въ по-

ціальныя и церковныя затрудненія, вызванныя поведеніемъ патріарха (1), дѣлали болѣе чѣмъ когда либо желаннымъ соглашеніе съ упрямыми раскольниками, которые ловко эксплуатировали въ свою пользу тѣ и другія и придавали имъ острый, раздражительный характеръ. Хотя неудачный исходъ прежнихъ примирительныхъ попытокъ давалъ весьма мало надежды на успѣхъ новыхъ въ томъ же родѣ, но дѣлать было нечего, другаго выхода не представлялось, и императоръ рѣшился еще разъ сдѣлать обращеніе къ здравому смыслу злостныхъ враговъ церкви и государства. Съ этою цѣлію были составлены многочисленный соборъ, 29-го сентября 1306 г., изъ всѣхъ наличныхъ епископовъ, клириковъ великой церкви, членовъ синклита, почетнѣйшихъ монаховъ и гражданъ въ одной изъ залъ дворца подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора. На соборъ приглашенъ былъ Іоаннъ Тарханіотъ, освобожденный для этого изъ темницы, равно какъ Лазарь Гаріанита и

сдѣланъ годъ патріаршества Іоаннова; во время, о которомъ рѣчь, они сложились бѣдствіями, разразившимися надъ европейскими провинціями имперіи, влѣдетвіе прискорбныхъ недоразумѣній правительства съ западными воеводками, приглашенными для защиты ея отъ ея восточныхъ враговъ и, благодаря этимъ недоразумѣніямъ, о нихъ будетъ рѣчь ниже, — сдѣланныхъ тѣмъ же для европейскимъ ея провинціямъ, чѣмъ турки были для азіатскимъ.

(1) Авансией, желая угодить народу, написалъ императору рѣзкое письмо, въ которомъ грозилъ передать анжеевъ знатныхъ лицъ, свупавшихъ хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости по дешевой цѣнѣ и продававшихъ народу по страшно возвышенной. Угрозы своей онъ не исполнилъ, не смотря на клятву, которою ее сопровождалъ, а между тѣмъ возбуждалъ преувеличенныя надежды и ожиданія въ народѣ, раздражилъ знать и поддѣлъ своимъ многочисленнымъ недоброжелателямъ и врагамъ поводъ упрекать себя въ непослѣдовательности и не сдержаніи слова, подтвержденнаго клятвою. Все это отозвалось и на общественномъ спокойствіи. *Rachum. lib VI. c. 1. p. 461.*

Макарій Голубъ и др. слѣные вожди арсенитовъ. Имъ указаны были особыя мѣста на соборѣ. Императоръ открылъ соборъ длинной рѣчью, обращенной къ вождямъ фракціи. Рѣчь эта составляетъ весьма важный въ исторіи арсеніанскаго движенія документъ: она заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ и оцѣнку взаимныхъ отношеній между правительствомъ и фракціей съ самаго вступленія Андроника на престолъ до послѣдняго времени, и потому мы приведемъ ее здѣсь въ полномъ ея составѣ.

«Я думаю, сказала императоръ, обращаясь къ вождямъ арсенитовъ, что и вы и всѣ люди знаютъ, что нѣтъ для меня ничего вожделениѣе возстановленія церковнаго мира и устраненія всякаго повода къ соблазну, и что это было моею постоянною заботою съ самаго возшествія моего на престолъ, заботою, занимавшею первое мѣсто между всѣми остальными моими дѣлами, заставлявшею меня пренебрегать утѣхами царства (*τῆς βασιλείας*) и узами природы, такъ что всему, что только было дорого для меня, я предпочелъ удовольствіе привести всѣхъ васъ къ согласію и единодушію. И, сколько отъ меня зависѣло, я, кажется, дѣлалъ все возможное для достиженія этой цѣли, и думаю, что не пренебрегъ ничѣмъ, что только могло быть пригоднымъ для прекращенія соблазна. Но на васъ мнѣ часто приходилось удивляться, — на какіе резоны (*λογισμοί*) опираясь отдѣляетесь вы отъ церкви и предпочитаете закрывать глаза предъ такимъ яркимъ свѣтомъ истины. Мнѣ кажется, что въ настоящее время я могъ бы обратиться къ Богу съ молитвеннымъ воззваніемъ Божественнаго Давида: *Господи, преклони небеса, и спши: коснися горамъ и*

воздымаются: блесни молнію (¹) и просвѣти ихъ, если позволено нѣсколько измѣнить текстъ псалмопѣвца (²). Дѣйствительно, только Богъ одинъ можетъ просвѣтить ваше сознание (συνείδησις): вы рѣшились жить для Бога и между тѣмъ рискуете стать далече отъ Него, упорно отдѣляясь отъ церкви безъ всякой благословенной причины, такъ какъ церковь пребываетъ православною и все обстоитъ въ ней благополучно (καὶ καλῶς ὡς εἶκος ἐχούσης). Но, если вы отдѣляетесь отъ церкви, остающейся неизмѣнно католическою, то, по крайней мѣрѣ, укажите намъ ту церковь, съ которою вы состоите въ общеніи. А если вы не можете указать намъ своего главы (³); то развѣ можно считать васъ обществомъ, соединившимся по Бозѣ? Если вы не знаете, куда и подъ чьимъ руководствомъ идете; то развѣ не будетъ справедливо сказать, что вы блуждаете? И если бы только это одно было, то можно было бы, по крайней мѣрѣ, пожалѣть васъ. А теперь настаетъ опасность (это не моя рѣчь и нѣтъ здѣсь суда по человѣку, а скорѣе здѣсь—рѣчь Духа, ибо то, что говорятъ святые—говорятъ движимые Духомъ Божиимъ), какъ бы вамъ, служителямъ Бога и считающимъ себя въ полнѣйшей безопасности, своимъ отдѣленіемъ отъ церкви и поруганіемъ ея пастырей, не оказаться въ тайнѣ служителями духа супротивнаго и не навлечь на себя за это справедливаго презрѣнія (отъ другихъ). Спросите: какимъ образомъ? Но развѣ не говорить объ этомъ ясно сподобившійся получить наставленіе отъ возлюбленнаго ученика Христа и украситься вѣнцемъ мученика, богоносный и

(¹) Псал. 143, 5.

². Въ текстъ псалма послѣднія слова читаются: *разженети я.*

(³) Патріарха.

богомудрый (α. Δακ. πορφ.) Игнатій? Если хотите, слова его могутъ быть прочитаны и вы можете ихъ выслушать собственными ушами. И такъ, къ чему же вы, люди, посвятившіе себя Богу, прилежащіе добродѣтели и даже носящіе какбы нѣкія знаменія страстей Христовыхъ на тѣлѣ своемъ—по крайней мѣрѣ это можно сказать о нѣкоторыхъ изъ васъ—подвергаете себя такой опасности? Необходимо одно изъ двухъ для того, чтобы вамъ уклониться отъ этой опасности,—или указать церковь, къ которой вы принадлежите, доказавши при этомъ, что вы по благословнымъ видамъ и канонически отъ насъ отдѣляетесь, или, бросивши всё распри изъ за пустяковъ (α. μισροδουχου), присоединиться къ нашей католической церкви. Если не соглашаетесь на второе, то докажите первое. И если не можете указать церковь, назовите, по крайней мѣрѣ, архіерея, съ которымъ вы состоите въ общеніи, для того чтобы вамъ не разсыпаться врозь при этомъ отсутствіи всякой связи. А вы еще усиливаетесь другихъ привлекать къ себѣ! Бывало-ли когда-либо что либо подобное? Укажите намъ (если можете), нисколько не стѣняясь. Правда, вы ссылаетесь на великаго Максима, какъ мнѣ часто приходилось отъ васъ это слышать, будто-бы онъ въ то время, когда всё церкви были заражены ересью, одинъ (α. οτ' α. οτ' α.) на свой страхъ (α. οτ' α. οτ' α.) ратовалъ за истину; но, во первыхъ, далеко не всё были тогда заражены ересью, а первый и прежде всѣхъ и притомъ сильно соратовалъ ему божественный пастырь Эліи (Іерусалима) Софроній; кромѣ того и въ Римѣ тогда процвѣтало благочестіе, такъ какъ въ то время не внесъ еще еретическаго яда въ римскую церковь Опорій: съ

предстоятелями этихъ церквей и обмѣнивался своими мыслями этотъ исповѣдникъ истины на законномъ основаніи (Закони) и такимъ образомъ состоялъ въ союзѣ съ католическою церковью, а вовсе не былъ раскольниковъ, когда защищалъ ее. Притомъ здѣсь дѣло идетъ не о различіи въ догматахъ, какъ было тамъ, и никто не можетъ указать законной причины, достаточной для отдѣленія отъ церкви, т. е. чтобы одна половина иначе мудрствовала (о догматахъ вѣры), чѣмъ другая. Ибо и то, извѣстное вамъ, скороспѣлое (τὸ χεῖρ᾽ αἰ τε καὶ προῖξ᾽ ἀπὸ πρῶτον) начинаніе (¹) было уничтожено еще прежде, чѣмъ успѣло пустить корни, нашими попеченіями: я позволю себѣ сказать это предъ Богомъ. И тотъ, кто сдѣлалъ это, хотя былъ намъ отцемъ, благодѣтелемъ и всѣмъ, что только можетъ быть дорогимъ по родству и благодѣяніямъ, былъ лишенъ, на сколько это отъ насъ зависѣло (στον τό ἐφ' ἡμῶν εἶχεν), всякаго честнаго поминаенія (ἐπίσης μνήμας), даже такого, какого сподобляется послѣдній (τελευτῶν) христіанинъ. И этому подвергся мужъ и царь, столь страшный врагамъ, такъ много подъяв- шій трудовъ и неприяностей для своихъ подданныхъ и притомъ имѣвшій право на мою особенную призна- тельность, такъ какъ часто въ разговорахъ съ посто- ронними отдавалъ мнѣ предпочтеніе предъ собою и не стыдился сознаваться, что, при сравненіи его со мною, онъ терпитъ поражение. Но совершилось то, что должно было совершиться (ἀλλ' ὅμως τοῦτ' ἔδοξε καὶ τοῦτε γυνοῦν); ибо страшна заповѣдь и угроза возлюбившему родителей паче Христа: таковой, сказано, *нѣсть Мене достоинъ*. А наша мать! Что можетъ быть сладост-

(¹) Разумѣется Лионская унія.

нѣе этого имени? Мать, обладающая такими достоинствами и питающая къ намъ такую нѣжную любовь, такую заботливость! И она не прежде удостоилась царскаго поминовенія въ церкви вмѣстѣ съ нами, какъ подтвердивши напередъ собственноручной грамотой и другими гарантіями (*ἀσφαλείαις*) отмѣненіе всего, что было сдѣлано ⁽¹⁾, равно какъ и осужденіе (*ἀθέτησιν*) своего супруга. Скажу кстати и о своей первой супругѣ. Она до того гнушалась ужасовъ, которые совершались тогда на востокѣ протосевасть Ностонгъ съ отдѣлившимися отъ церкви (*τοῖς σχιζομένοις*), что горячо проклинала его и призывала на его голову все напасти за такое его поведеніе. Но такъ какъ она скончалась въ то время, когда все это совершалось, и не очистила себя покаяніемъ отъ оскверненія общеніемъ ⁽²⁾, то на другой же годъ (*ἐξ ἕως*) послѣ полученія мною власти была лишена церковнаго поминовенія. И вотъ церковный *Тѳодосъ* ⁽³⁾, по которому обыкновенно читаютъ съ аналоя (*ἐπ' ἐκρίβαντος*) имена православно пожившихъ въ ихъ прославленіе и вѣчную память, и въ которомъ находятся имена другихъ царицъ, далеко не равняющихся съ моей незабвенной супругой по своимъ добродѣтелямъ, не знаетъ вовсе ея только имени (*οὐκ ἔχει δε μὲν ἐξ ἄλλῃ ἡρώδου*). И это случилось при моей жизни и въ мое царствованіе, о праведное небо! И если говорить всю правду, это было сдѣлано мною отъ избытка ревности (*ἐκ πικροῦτος*), такъ какъ никто не напоминалъ мнѣ объ этомъ и никто не требовалъ отмѣны ея поминовенія.

⁽¹⁾ Въ пользу уніи.

⁽²⁾ Съ уніонистами.

⁽³⁾ Диаконъ, въ который вписывались для церковнаго поминовенія имена православныхъ царей и царицъ.

Но довольно объ этомъ. А вы, видя все это, продолжаете упорно оставаться въ расколѣ, толкуете объ отлученіи, которому будто бы подвергъ патриархъ Арсеній своего преемника Юсифа, ссылаетесь на его завѣщаніе, которое во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ своей подлинности, и именно поддѣлкою подписи (*παρομοιωμένη τῆς ἀποστολῆς*), хотя вы и утверждаете, что это не поддѣлка, а искаженіе почерка, происшедшее отъ того, что у патриарха болѣлъ палець, когда онъ подписывалъ это завѣщаніе (именно, что онъ страдалъ карбункуломъ). Что же? Вы имѣете на это какія нибудь доказательства? Можете оправдать убожество мысли и недоброрачивенность побужденія? Утверждая это, вы приписываете ему нѣчто необычное. И обыкновенный христіанинъ, отходя отъ сей жизни, какъ водится, прощаетъ всѣхъ; а между тѣмъ патриархъ, умирая, вмѣсто того, чтобы разрѣшить по обычаю, предпочелъ связать и кого же—предстоятеля церкви? Я питаю къ нему сыновнее уваженіе, а за то добро, которое я отъ него видѣлъ, считаю себя обязаннымъ ему признательностью, паче же всего за то, что онъ отдавалъ мнѣ предпочтеніе предъ моимъ отцомъ для царствованія. Это было въ то время, когда одинъ изъ нихъ царствовалъ, а другой занималъ патриаршіи престолъ. Арсеній рѣшался отказаться отъ архипастырства, приглашая и отца моего отказаться отъ царства: ему казалось, что это будетъ для обоихъ достойнымъ наказаніемъ за преступленіе (*παρομοιωμένη*) противъ Юанна ⁽¹⁾. Именно онъ говорилъ, что оба они виноваты (*παρομοιωμένη*) предъ Юанномъ—одинъ въ

(1) Ласкариса.

недостаткѣ предусмотрительности и какбы въ предательствѣ (*καὶ οὖν προδοῦσι*), а другой въ посягновеніи на царство, и что, запятнавши себя такими грѣхами, неприлично уже удерживать за собою власть — одному духовную, а другому свѣтскую и царскую, и тѣмъ болѣе, что у царя есть кѣмъ замѣниться. — онъ разумѣлъ меня. Можно ли обнаружить больше любви къ человѣку? Въ самомъ дѣлѣ, призывать къ принятію законной власти человѣка, еще не успѣвшаго показать, что изъ него выйдетъ, развѣ не значить обнаружить бѣ нему чрезмѣрную любовь? Но чѣмъ больше я чувствую себя ему обязаннымъ, тѣмъ тяжеле мнѣ слышать объ немъ рѣчи, противорѣчащія моимъ представленіямъ объ немъ. Перестаньте же разглашать объ немъ то, что не могло быть сдѣлано и не сдѣлало бы чести тому, кто бы это сдѣлалъ. Далѣе, вы только свое священство (*ιερωσύνην*) считаете безупречнымъ, но то, которое предлагаете учредить, сами же дѣлаете невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ говорить о дѣйствительности священства (*παρὰ αὐτῆς περὶ τὰ ἱερά κοφάλαια*) въ нашей ли церкви, или въ той, къ которой вы принадлежите, если только есть у васъ церковь (*εἰ παρ' ὑμῖν τὰ τῆς ἐκκλησίας γέγονται πράγματα*), скажите, — такъ какъ вы отвергаете нашихъ архіереевъ. — изъ какихъ же архіереевъ состоитъ ваша церковь, или по крайней мѣрѣ будетъ состоять ожидаемая вами будущая іерархія? Уцѣлѣлъ ли до настоящаго времени хоть одинъ изъ прежнихъ архіереевъ, который былъ бы безъ пятна и упрека (*ἄσικτος*) и который могъ бы по достоинству (*ἐξ ἀξίας*) рукополагать іереевъ? По крайней мѣрѣ всѣ архіереи, какихъ только мы знаемъ, находятся

въ общеніи съ нашею церковью. Относительно послѣднихъ событій мы различаемъ три періода,—первый, когда случилось извѣстное событіе съ Іоанномъ Ласкарисомъ, или извѣстная исторія съ переменной царства; второй, когда совершилось извѣстное вторженіе къ намъ итальянцевъ и папы; третій и послѣдній обнимаетъ наше время, когда исправлено, какъ должно, сдѣланное прежде: дѣятели (*ρίκται*) перваго періода давно уже сошли со сцены, дѣятели втораго отчасти выбыли изъ числа живыхъ, отчасти и до сихъ поръ остаются подъ эпитиміей, какъ это угодно было и вамъ (*οὗτοι δοκοῦν καὶ ὑμῖν πάντως*). Что же касается архіереевъ третьяго или современнаго поставленія (*καταστάσιως*), если вы ихъ принимаете, то мы готовы вести съ вами рѣчь (*λόγος ἡμῖν ἔστι γὰρ πρὸς ὑμᾶς*), а если не принимаете, то вы слишкомъ дерзновенны (*φορτικὸν πάντως*), такъ какъ поднимаете руку на самыя основанія священства. Во всякомъ случаѣ укажите намъ, кого вы имѣете изъ архіереевъ древняго рукоположенія, который соблюлъ бы себя во всей цѣлости (*παντοῖα ἀσφαλεία*). Знаю, что вы указывали на бывшаго епископа Мармарицинскаго, теперь уже умершаго, за которымъ я, по разспросивши, узналъ много разныхъ провинностей. И сами вы объ этомъ знаете, такъ какъ слышали отъ меня, помните, въ то время, когда вы усиливались доказать, что при данныхъ условіяхъ не слѣдуетъ обращать вниманія на собранныя мною свѣдѣнія (*κατακρίσεις*), и я думаю, что если я слегка отнесся къ этому дѣлу, то имѣлъ интересъ (*ἔρωςεν ἔχων*) въ томъ, чтобы вы изслѣдовали оное. И я пожалуй (*τάχα*) присоединился бы къ вамъ, такъ какъ Іоаннъ уже отказался отъ

священноначалія. что не проминулъ и пообѣщать вамъ. какъ вамъ извѣстно, если бы одно соображеніе (*λογισμός*). которымъ я не могъ пренебречь, не увлекло меня и не отклонило отъ предположенной цѣли. Я разумѣю случай съ настоящимъ патриархомъ. бывшимъ тогда на покой, — случай. достойный удивленія: этотъ случай заставилъ меня крѣпко задуматься — не благоугодно ли Богу, чтобы онъ снова принялъ священноначаліе, что могло совершиться безъ замѣшательства въ церковныхъ дѣлахъ, которыя по необходимости запутались бы, если бы случилось иначе; я боялся, какъ бы мнѣ пренебреженіемъ къ этому обстоятельству не поставить себя и васъ въ невозможность свести дѣло въ тому концу, къ которому мы съ вами стремились ⁽¹⁾. и не взять бы себѣ грѣха на душу. Но я возвращаюсь къ своей прерванной рѣчи. Вотъ тотъ, кого я, исполняя божественное опредѣленіе, возвелъ снова въ священное достоинство (*ἐπί τῆς ἐκράς ἀξίας*), это — мужъ простой, безыскусственный (*ἄσκητος*) и напрямкъ (*ἐπίκριτος*) другъ добродѣтели. Что же касается его кажущейся жестокости, непреклонности и неснисходительности, то было время — отъ чего же не сказать правды — когда и мнѣ вмѣстѣ со всѣми вами казалось все это неприличнымъ пастырю душъ и непригоднымъ для цѣлей мира. и притомъ до такой степени (я раздѣлялъ тогда общій взглядъ на него), что когда монахъ Мина говорилъ мнѣ отъ его имени извѣстныя вамъ вещи. я затруднялся вѣрять. чтобы человѣкъ, казавшійся такимъ жесткимъ и суровымъ, могъ удостоиться быть истолкователемъ такихъ совѣтовъ Божіихъ, и мед-

(1) Т. е. къ умиротворенію церкви.

для вѣрить его словамъ, что намъ угрожаетъ гнѣвъ Божій. Но теперь я совершенно перемѣнилъ свой взглядъ на него, — событія указали мнѣ нѣчто иное, чѣмъ что я узнавалъ отъ другихъ, — я считаю возможнымъ допустить, что онъ уразумѣлъ судьбы Божіи (*κρίματα θεῶν*), — такъ что теперь я скорѣе вмѣняю ему въ достоинство (*προτέρημα*) то, что другіе вмѣняли ему въ недостатокъ (*ἐλάττωμα*). Чтожъ удивительнаго (въ строгости Аенасія), спрашиваю я, если Самъ Богъ, который такъ любитъ людей, весьма часто и наказываетъ ихъ праведно? Развѣ не можетъ служить и самое наказаніе средствомъ къ очищенію? Или лучше — не составляетъ ли и оно одного изъ непоследнихъ видовъ человеколюбія (*ὁ θεὸς καὶ φιλοφροσύνῃς μάλλον εἶπαι καὶ περὶ αὐτὸ τυχόν*)? Человѣкъ, какъ извѣстно, самовластенъ (*ἀνεξάρτητος*), обладаетъ свободнымъ произволеніемъ и можетъ дѣлать, что вздумаетъ (*τὰ κατὰ ὑπόμνην*), это однакожъ не мѣшаетъ существовать закону естественному и письменному, не мѣшаетъ засѣдать судьямъ, для того чтобы, въ случаѣ если кто не найдетъ въ себѣ самомъ или въ своей совѣсти указаній относительно того или другаго, или необходимаго обузданія (на случай злокозненныхъ поползновеній), тотъ могъ быть вразумленъ высшею властью; и преслѣдующій преступленіе на самомъ дѣлѣ долженъ считаться благодѣтелемъ, хотя бы онъ и наказывалъ. И во святомъ евангеліи повѣствуется, что лежавшіе на улицахъ, перекресткахъ и площадяхъ принуждены были (*ἀναγκάζονται*) войти на бракъ царя, такъ что принужденіе (*ἀνάγκη*) является необходимымъ для того, кто желаетъ спастись. Итакъ — снова повторяю — скажите намъ, гдѣ у васъ достаточныя основанія для отдѣле-

нія отъ церкви? Что дѣлается у насъ нехорошаго, за что можно было бы обвинягь насъ и что уполномочивало бы васъ подавать другимъ соблазнъ, пытаться растерзать единый и нешвенный хитонъ церкви и все это дѣлать съ такимъ легкомысліемъ, какъ будто отъ этого не происходитъ никакого зла. Если же вы имѣете что сказать, то вотъ патріархъ и іерархи, вотъ клиръ и синклитъ, вотъ народъ и сонмы (λογάδες) иноковъ,—скажите, что вы имѣете въ свою защиту, и прежде всего скажите намъ, кто тѣ іерархи, съ которыми вы сноситеcь по церковнымъ дѣламъ, такъ что если эти ⁽¹⁾ отстаи отъ стада, то справедливость требуетъ признать тѣхъ. Не затягивайте своего отдѣленія въ безконечность, это не справедливо, да и не искать же намъ другой вселенной, откуда бы могли мы позаимствовать іерарховъ, когда и наши собственные іерархи поставлены какъ должно въ нашей церкви, искони остающейся одной и той же. Не благословно о живыхъ вопрошать умершихъ (περὶ τῶν ὄντων ἐρωτᾶν τοὺς μὴ ὄντας), но сами мы между собою разберемъ наши распри. Мы судимъ и въ свою очередь готовы подвергнуться суду, и если будемъ искать (правды) съ Богомъ и отцами, то, съ Богомъ будь сказано, не погрѣшимъ, если съобща обсудимъ. Вотъ что я нахожу нужнымъ сказать вамъ со своей стороны. А вы хотя и всё приглашены, но не всё вдругъ торѣнитесь говорить. Тотъ изъ васъ, кто будетъ признанъ достойнѣе другихъ, пусть и говорить за всѣхъ, и такимъ образомъ устранено будетъ замѣшательство (ἁσάλλει) и разсужденіе пойдетъ правильно ⁽²⁾».

(1) Т. е. присутствовавшіе на соборѣ.

(2) Pashum. lib. VI. c. 2. p. 461-475.

Когда императоръ кончилъ, коноводы партіи, и преимущественно извѣстные уже намъ слѣпцы, отвѣчали ему отъ лица своихъ собратій: «Государь, мы одного только добиваемся, — устроить церковь какъ слѣдуетъ (*τὴν κατὰ τὸν τρόπον τῆς ἐκκλησίας κατὰστασιν*). Что она находится въ плохомъ состояніи, вы и сами въ томъ сознаетесь, да и всѣмъ это извѣстно. Равнымъ образомъ извѣстно и то, что съ патріархомъ Арсеніемъ было поступлено незаконно, что онъ, о праведное небо (*ὦ δίκη*)! былъ низложенъ несправедливо; учинено также преступленіе и противъ самыхъ порядковъ церкви (*τὰ ἐς τάξιν αὐτῆς*) и даже противъ точности догматовъ (*δογματικῶν ἀκριβείας*) и именно тѣмъ, что вступили въ общеніе съ тѣми, съ которыми не слѣдовало имѣть общенія. Все это вы и сами признаете, хотя бы мы и не говорили. Итакъ, что противъ церкви учинено преступленіе, это очевидно; не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія и на счетъ того, что необходимо исправить допущенное зло и, слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, какъ это сдѣлать? Понятно, что для этого ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ, а напротивъ настоятъ неотложная необходимость тщательно изслѣдовать, какъ и при комъ это зло сдѣлано? Объ этомъ мы теперь, если повелишь, поразсудимъ: ибо когда разобрано будетъ основаніе, тогда получится отчетливое представленіе и о самомъ зданіи».

Затѣмъ они начали говорить о ближайшемъ прошедшемъ, начавши съ патріаршества Григорія; но императоръ остановилъ ихъ и перевелъ рѣчь на времена болѣе отдаленныя. Онъ находилъ, что въ пререканіи между ними и церковію самый важный во-

прось есть вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли патріархъ Арсеній отлучилъ отъ церкви своего преемника Іосифа и покойнаго императора Михаила? Несправедливость ихъ увѣренія на счетъ отлученія Іосифа Арсеніемъ онъ считалъ доказанною; несправедливость же увѣренія ихъ на счетъ отлученія Михаила старался доказать тѣмъ фактомъ, что Арсеній поминалъ его имя, когда совершалъ священнодѣйствіе. «Что же это за отлученіе, спрашивалъ онъ арсенитовъ, когда патріархъ, совершая литургію, поминаетъ того, кого онъ подвергъ отлученію? Развѣ можно считать неразрѣшеннымъ и нуждающимся въ разрѣшителѣ того, кого самъ связавшій разрѣшилъ въ должномъ порядкѣ (εὐτάκτως)?» Императоръ заключилъ свою реплику заявленіемъ, что если бы его отецъ не вступилъ въ церковное общеніе съ папою, то ничто не мѣшало бы и теперь возносить его имя въ церковныхъ молитвахъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ сослался на нѣкоторыхъ изъ самихъ же арсенитовъ, тутъ присутствовавшихъ, которые сначала находились въ общеніи съ Іосифомъ и прервали это общеніе уже послѣ того, какъ введена была унія.

Слово за словомъ словопреніе затянулось до глубокой ночи. Неизмѣнно вѣрные себѣ, арсениты упорно отказывались признать патріарха Леонасія и всѣхъ наличныхъ епископовъ въ ихъ санѣ на томъ основаніи, что они избраны церковію, запятнавшею себя двумя тяжкими преступленіями — измѣною патріарху Арсенію и общеніемъ съ еретиками. При этомъ они вошли въ подробный разборъ и оцѣнку образа дѣйствій патріарха и наличныхъ епископовъ по управленію церковію, находя, что въ большинствѣ случаевъ

въ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживается невѣжество и неразумная суровость, а не евангельская любовь и мудрость. Что же касается императора, то противъ него они не спорятъ (*οὐδ' ἔριστα στίσι πρὸς βασιλέα τὸ σὺμπαν*), а напротивъ хранятъ къ нему вѣрноподданныческія чувства, какъ къ государю, и до того остерегаются вступать въ какое бы то ни было пререканіе съ его верховной властью, что, будь защищаемое ими дѣло правѣе праваго, они предпочитаютъ уступать ему, чѣмъ настаивать на правотѣ этого дѣла. Весь споръ у нихъ съ представителями іерархіи. И для разбора его они нуждаются въ безпристрастномъ судѣ. Но правдѣ сказать, они не знаютъ судьи болѣе достойнаго, чѣмъ императоръ, и готовы предложить свой споръ съ іерархіей на его благоусмотрѣніе, если ему угодно будетъ выслушать ту и другую сторону благосклонно и рѣшить ихъ взаимную распрю на основаніи существующихъ законовъ, какъ бы предъ лицомъ Самого Бога, и не имѣя въ виду никакой другой цѣли кромѣ горжества Божьихъ законовъ (1).

Цѣль этихъ коварныхъ рѣчей состояла, по словамъ историка, въ испроверженіи всѣхъ церковныхъ порядковъ (2). Понятно, что она не могла укрыться отъ представителей іерархіи и не вызвать съ ихъ стороны противодѣйствія. Завязался жаркій споръ. Въ пылу этого спора арсениты забыли всѣ приличія и, не стѣняясь присутствіемъ императора и властей, стали осыпать патріарха самой грубой бранью, обзывали его евхитомъ и другими еще болѣе зазорными име-

(1) Αὐτοὺς γὰρ θεοὶ ἐφοροῦντες καὶ τῶν αὐτῶν βραβεύοντων νόμων. p. 477.

(2) Ταῦτα τοῖς μοναχοῖς λέγουσιν ὀπισθῶν σκόπος ἦν, ἦν τις ἀκοῦσθαι αὐτῶν, τὰ πρὸς ἐπιβληθέντος ἀρχὴν καταστάσεως θεομαθῆα. Ibid.

нами (1). Наконецъ, въ заднихъ рядахъ ихъ поднялся такой неистовый шумъ и гвалтъ, что Андроникъ, при всемъ своемъ долготерпѣнн, вышелъ изъ себя и приказалъ вытолкать вонъ забывшихся горлановъ. Когда за удаленіемъ ихъ тишина и порядокъ были возстановлены, онъ всталъ съ своего престола и, подошедши къ слѣпымъ вождямъ фракціи, сталъ горько упрекать ихъ за произведенные ихъ послѣдователями безпорядки, за ихъ упрямую несговорчивость и неомѣрную притязательность, разрушающую всё его благія начинанія и усилія въ пользу возстановленія церковнаго мира, и особенно за ихъ несправедливость къ патріарху Аѳанасію, который между тѣмъ умѣетъ хранить миръ съ ненавидящими мира. При этомъ онъ поставилъ имъ на видъ, что ихъ собственное поведеніе далеко не такъ безукоризненно, какъ они воображаютъ. и что онъ могъ бы за многое упрекнуть ихъ, если бы хотѣлъ. Возвратившись затѣмъ на свой престолъ и позволивши имъ занять свои мѣста, императоръ сказалъ длинный панегирикъ сидѣвшему по правую его сторону Аѳанасію, рассказавши снова въ поученіе отщепенцамъ извѣстную уже намъ исторію съ предсказаніемъ. Но, замѣтивши, что «поетъ предъ глухими и говоритъ о цвѣтахъ со слѣпыми», закрылъ собраніе, пригласивши упрямыхъ раскольниковъ удалиться въ отведенный имъ монастырь и жить тамъ спокойно, не смущая немошной совѣсти народа и не порицая того, что не заслуживаетъ порицанія, въ противномъ же случаѣ угрожалъ самыми тяжкими наказаніями (2). Такимъ образомъ и эта попытка импера-

(1) Εβουλήν ἀποκλήθοντες καὶ τούτων ἑστὶ βιβλίον. р. 478.

(2) Εἰ δὲ οὖν, ἀλλ' ἤγασκε τούτους εἰ διαφροσύνη. р. 480.

гора примирить арсенитовъ съ церковною кончила съ ничѣмъ.

Историкъ, сохранившій намъ рассказъ объ этой попыткѣ, прибавляетъ, что арсениты, удалившись въ Мозельскій монастырь, на первыхъ порахъ, дѣйствительно, жили тамъ спокойно, но чрезъ нѣсколько времени, — и именно когда управлялъ столицей деспотъ Іоаннъ (1), они надѣлали не мало шума въ городѣ, устроивши торжественное перенесеніе мощей одного изъ своихъ, давно умершихъ, собратій—нѣкоего Кувуклесія, тѣло котораго оказалось нетлѣннымъ, въ Перивлелетскій монастырь. За эту новую демонстрацію противъ церковнаго и свѣтскаго правительства и для пресѣченія на будущее время средствъ возмущать общественное спокойствіе, императоръ приказалъ поставить вокругъ Мозельскаго монастыря военный конвой, которому приказано было никого туда не впускать и никого не выпускать (2).

Осадное положеніе не помѣшало однакожъ арсенитамъ принять участіе въ демонстраціи, гораздо болѣе опасной для общественнаго спокойствія вообще и для правительства въ особенности, чѣмъ та, которую они устроили сами съ перенесеніемъ праха своего собрата. Этой демонстраціей была революціонная попытка нѣкоего Дрямиса. Пахимерь оставилъ намъ лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ объ этой попыткѣ и ея виновникѣ (3). Немного больше сообщаетъ намъ о той и другомъ и длинное, широковыщательное посланіе Ананасія къ своей паствѣ по поводу этой попытки, посланіе, занимающееся болѣе подборомъ

(1) Старшій сынъ Антониана отъ второй его супруги.

(2) Pachym. lib. VI. c. 2. p. 451—480.

(3) Pachym. lib. VII. c. 15. p. 593.

бренныхъ эпитетовъ ея виновнику и разглагольствованіями о преступности затѣяннаго имъ злаго начинанія, чѣмъ разоблаченіемъ исторіи какъ его самого, такъ и его начинанія (1). Всѣ, сохраненныя этими писателями, свѣдѣнія о лицѣ Дримиса и о его революціонной попыткѣ противъ Андроника, сводятся къ слѣдующему:

Іоаннь, по прозванію Дримсъ, за нѣсколько времени до возмущенія, прибылъ неизвѣстно откуда въ столицу (2), и, благодаря своей рясѣ, — онъ выдавалъ себя за служителя алтаря (*τὸν βίματος ἐκ προσηγορίας αἱσίου*) — легко нашелъ себѣ доступъ ко двору. Благоклонно принятый Андроникомъ, который, какъ извѣстно, питалъ особенную слабость къ лицамъ священнаго чина (3), онъ поселился на жительство въ Константинополь. Принесъ ли онъ съ собою свой преступный умыселъ изъ своего безвѣстнаго угла, или возымѣлъ его уже по водвореніи въ столицѣ, остается неизвѣстнымъ. Равнымъ образомъ остается неразъясненнымъ и вопросъ о времени знакомства его съ арсенитами. Упомянутые выше писатели говорятъ лишь о той порѣ въ его жизни, когда онъ

(1) Это посланіе напечатано у Бандурія во II-мъ томѣ *Imperium Orientale*, р. 673—675, и носитъ слѣдующее заглавіе. *Γράμμα τοῦ πατριάρχου σταυροσταθίου περὶ τοῦ αἰσίου τινος, δριμῆς τὸ ἐπίθετον προσηγορίας αἱσίου (αἰ) αὐτοκράτορος ἀνδρονίκου, κατὰ πόρινος Χριστοῦ κατὰ τῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ βασιτεφῶς αυτοκράτορος.*

(2) Аевансій прямо признается, что не знаетъ, изъ какихъ грущобъ и расунія появился Дримсъ въ столицѣ: *οὐκ οἶδα, ἐκ ποῦος βάρβαρος, τε καὶ τριβῶν.* *Γράμμα σταυροσταθίου*, р. 673. Пахмеръ говоритъ лишь, что онъ появился „съ запада“ (*ἐκ δύσεως*). *Иб. сит.* р. 593. Значитъ, имѣлъ землякъ Іонанна, который былъ также „западный монахъ“.

(3) *Καὶ βραδύτι τὸ εὖρον ἐμφανισθεὶς καὶ εἰσδεδυθεὶς δεξιῶς, ὡς δεξιῶς, σπαστὸν τὸν ἐκλαβὼν, καὶ φιλοτιμηθεὶς ὅπερ τὸν αἰσίου.* *Γράμμα.* р. 673. *Иб. сит.*

дѣйствовали уже какъ бунтовщики, въ союзъ какъ съ мозельскими отшельниками, такъ и съ ихъ городскими сторонниками и почитателями. Въ комplotъ съ тѣми и другими онъ затѣялъ произвести государственнѣйшій переворотъ въ интересъ устраненной отъ престола династїи Ласкарисовъ, назвавшись однимъ изъ ихъ потомковъ (1). Имѣющіеся въ нашихъ рукахъ документы не разъясняютъ, къ сожалѣнію, и того, самъ ли онъ хотѣлъ занять престолъ Андроника, или возвести на него ослѣпленнаго его отцемъ Іоанна Ласкариса. Рыса, которую онъ носилъ, конечно, служила серьезнымъ препятствіемъ къ занятію императорскаго престола, но она могла быть самозваннымъ украшеніемъ, въ которое могъ облечься Дримисъ съ единственною цѣлію, — чтобы легче войти въ довѣріе Андроника и удобнѣе осуществить свои планы, и, по минованіи въ ней надобности, могла быть сброшена (2). Но, съ другой стороны, и слѣпота Іоанна не была непреодолимымъ препятствіемъ къ возведенію его на престолъ, какъ показали это примѣры

(1) Ονομα θεῖς ἑαυτῷ ὡς δούλον ἐκ τοῦ γένους τοῦ Λάσκαρι καταγόμενος. Pashyn Ib. cit. Аванасій въ своей грамотѣ выражается объ этомъ не опредѣленно: ὁ ἄδελφος ἀπόγονος εἶναι τῶν πόπότη βασιλευσσοῦτων πατέρων ἐν οὐδὲ γεννηθῆναι, οὐδὲ παρὰ τινος θεωθῆναι ἢ ἀνωθεῖναι: τὰς ἀγῆστας καὶ μέγας σῆμαρον ἀνθρώπου ἡρώσιον, πρῶτος. р. 673.

(2) Аванасій прямо высказываетъ подозрѣніе, что Дримисъ самовольно присвоилъ себѣ имя и одежду служителя алтара, чтобы легче вкрасться въ довѣріе императора и осуществить свои преступные замыслы: Δὲ ἐπεφύρεζεν ἑαυτῷ πρῶτονος οἴμα: ἀγῆστας, ἐκκεῖν σκαπτόμενος: διὰ τοῦτο πολλὰ πρὸς αὐτὸν τὴν ἀναδοχὴν, εἰρηστος τιμὰν τὰ θεῖα, καὶ τοὺς τοῦ Θεοῦ, μεγάλαις ἀναδοχαῖς καὶ βασιλικαῖς τοῦ ἀγῆν τοῦ αυτοκράτορος, ἀπὸ γε φιλικῶν καὶ εὐσεβείας καὶ εὐλαβείας καὶ ἡμέρας φογγῆς. Ibid. р. 673. Подозрѣніе патриарха отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что Дримисъ, рѣшившись на возмущеніе, сбросилъ съ себя рысу и облечся въ бранные доспѣхи: ὁ γῦς τοῦ βῆματος ἔνα φημίζων ἑαυτὸν τε σῆμαρον ἐμφηρόος διήρη: φανῆναι καὶ φατασθεῖς ἀματῦλατῆν. Ibid. р. 674.

Исаака Ангела. Какъ бы, впрочемъ, ни было, — себя ли прочилъ на императорскій престолъ Дримисъ или своего мнимаго или истиннаго родственника, Даскариса, — но несомнѣнно то а), что его попытка имѣла чисто политическій характеръ и б), что арсениты приняли въ ней самое живое и дѣятельное участіе.

И это было вполне послѣдовательно съ ихъ стороны. Мы видѣли, что съ самаго же начала политическій вопросъ въ арсеніанскомъ движеніи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ церковнымъ, такъ какъ оно было протестомъ столько же противъ несправедливаго низложенія Арсенія, сколько и противъ несправедливаго устраненія низложенной династіи. права и интересы которой отстаивалъ Арсеній. Хотя тотъ и другой вопросы имѣли своихъ специальныхъ представителей и сторонниковъ въ расколѣ, но. по вопросу объ отношеніи къ государственному перевороту, произведенному Михаиломъ Палеологомъ, центръ арсеніанскаго раскола, составлявшій его церковное ядро, былъ вполне солидаренъ съ его правой стороной, состоявшей изъ политическихъ приверженцевъ устраненной династіи, т. е. и онъ, вслѣдъ за своимъ главой, Арсеніемъ, считалъ, или по крайней мѣрѣ долженъ былъ считать этотъ переворотъ такой же узурпаціей въ политической сферѣ, какой было возведеніе Іосифа на престолъ несправедливо низложеннаго Арсенія въ сферѣ церковной. Правда, въ своей оппозиціи церковному и свѣтскому правительству, арсениты всѣхъ категорій, безъ различія оттѣнковъ, выдвигали постоянно впередъ церковный вопросъ, оставляя въ тѣни вопросъ политическій; но это значитъ только то, что а) численность и нравственная сила были на

сторонѣ представителей церковнаго элемента въ расколѣ, и б) оппозиція правительству въ церковной сферѣ представляла больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ въ сферѣ политической: интересы вѣры и церкви были въ это время ближе къ пониманію и сердцу народной массы на востокѣ, чѣмъ интересы политики и династии.

Правда также, что на послѣднемъ собесѣдованіи съ императоромъ вожди арсеніанскаго раскола торжественно заявили, что у нихъ «пря не съ императоромъ, а съ іерархіею», но это не значитъ, что они однажды навсегда исключили изъ своей программы политическій вопросъ, съ обязательствомъ не возвращаться къ нему никогда. Напротивъ, все ихъ поведеніе относительно правительства, какъ въ царствованіе Михаила, такъ и въ царствованіе его преемника, показываетъ, что они держали этотъ вопросъ на всякій случай, какъ пугало для застращиванія правительства и для побужденія его къ большей уступчивости. Излагая исторію арсеніанскаго движенія, мы имѣли случай неоднократно замѣчать, что этотъ вопросъ затрогивали не только прямые приверженцы низложенной династии, въ родѣ ритора Оловола, дѣйствовавшіе по мотивамъ чисто политическимъ, не только знаменитые «сумконосцы», эти истые представители социальнаго элемента въ расколѣ, на ряду съ вѣстями о томъ, какъ царь Михаилъ «низвелъ съ престола патріарха», пропагандировавшіе въ народѣ вѣсти о томъ, какъ онъ «обидѣлъ законнаго наследника престола», но и чисто церковные его представители, въ родѣ Андроника Сардскаго, который на влахерійскомъ соборѣ 1283 г. судилъ и визлагалъ еписко-

повь не только за измѣну Арсенію, но и за измѣну Іоанну Ласкарису. Нѣтъ сомнѣнія, что для монаховъ и духовныхъ лицъ, составлявшихъ центръ раскола, политическій вопросъ могъ имѣть лишь второстепенное значеніе: они легко примирились бы съ перемѣной династіи, если бы новая династія передала имъ въ руки управленіе церковію, составлявшее конечную цѣль ихъ стремленій. Это они доказали своимъ поведеніемъ относительно правительства въ царствованіе Андроника: пока надѣялись достигнуть этой цѣли путемъ переговоровъ съ правительствомъ, до тѣхъ поръ весьма сдержанно и осторожно касались политическаго момента въ своей оппозиціи. Но когда длиннымъ рядомъ разочарованій убѣдились окончательно въ несбыточности своихъ надеждъ, то и ухватились за политическій вопросъ, какъ за послѣднее средство вырвать у правительства силой то, чего не могли добиться отъ него другимъ болѣе мирнымъ путемъ.

Революціонная попытка Дримиса кончилась неудачно, и вообще, сама по себѣ, не представляетъ ничего особеннаго; но она замѣчательна тѣмъ, что проливаетъ неожиданный свѣтъ на отношенія Андроника и арсенитовъ къ «латинянамъ». Мы видѣли, сколько «ревности» обнаружили и онъ и они къ устраненію «уніи», какую фанатическою нетерпимостію отличились «ревнители» изъ арсенитовъ на влахерискомъ соборѣ 1283 года къ несчастнымъ «уніонистамъ», какую слѣпую, непримиримую ненависть обнаруживали они постоянно ко всему «латинскому», и какъ усердно вторили этой ненависти правительство Андроника. Революціонная попытка Дримиса ставитъ насъ лицомъ къ

лицу съ фактомъ. идущимъ совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ, что мы знали доселѣ объ отношеніяхъ правительства и раскольниковъ къ латгянамъ. И Андроникъ и арсениты заискиваютъ у нихъ и ищутъ ихъ помощи и союза другъ противъ друга!...

По свидѣтельству Григоры, «послѣ смуты, произведенной Филантропиномъ, императоръ сталъ подозрѣвать всѣхъ римлянъ (грековъ) и пересталъ вѣрить въ чью бы то ни было преданность себѣ. Поэтому и днемъ и ночью бредилъ объ иноземной помощи» (1). Въ предложеніи этой помощи недостатка не оказалось. Прежде другихъ предложили ее ему массагеты, или аламань (2). «Они издревле приняли христіанство и хотя впоследствии подчинились скиѣмъ тѣлесно, невольно уступивъ ихъ силѣ, но постоянно питали въ душѣ завѣтную мечту о самостоятельности и отвращеніе къ своимъ безбожнымъ поработителямъ. Итакъ они присылаютъ просить необходимаго имъ участка земли, выражая желаніе явиться міромъ въ числѣ, превышающемъ 10.000 человекъ (3), и обѣщая, если будетъ угодно царю, помогать ему всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами противъ турковъ,

(1) Григор. стр. 198.

(2) На счетъ происхожденія этого народа древніе историки и ученые высказывали различныя догадки: одни, какъ напр. Проконіи, относятъ его къ сарматъ, другіе, какъ напр. Юсепъ Флавій и Птоломей, къ скиѣмъ. Аммианъ Марцелинъ, которому слѣдуетъ за всѣмъ Григоромъ, отождествляетъ ихъ съ массагетами. Всѣ эти догадки сгруппированы у *Le Veau* въ его *Histoire du Vis—Empire* т. II. liv. 19 p. 406; т. XI. liv. 113 p. 25. Not. a. Этотъ ученый считаетъ вѣроятнѣе догадку Проконія. Во время, о которомъ рѣчь, они жили за Дунаемъ. Григор. стр. 197. Свои услуги Андронику они предложили въ 1301 г. При Михаилѣ Палеологѣ они состояли на службѣ у зятя его Ногая. *Rashid. lib. IV. c. 16 p. 307.*

(3) Пахимеръ насчитываетъ ихъ до 16,000. *lib. IV. c. 16, p. 307.*

которые, вошедши въ силу, безстрашно дѣлали набѣги и опустошали всю римскую Азію. Посольство доставило такое удовольствіе царю, какъ будто оно было ниспослано съ неба и обѣщало трофен по всей Азіи» (1).

Вскорѣ за тѣмъ подобныя же услуги предложили Андровику каталонцы, подѣ предводительствомъ своего вождя Рожера Дефлора. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ въ то время искателей приключеній, которые во главѣ удалой дружины рыскали по всему свѣту, ища добычи и славы. Онъ родился въ Таррагонѣ 1262 г. Отецъ его, нѣмецъ по происхожденію, служилъ подѣ знаменами императора Фридриха II и сына его Конрадина, и палъ въ битвѣ при Тальякоццо 23-го августа 1268 г. Мстительный Карлъ Анжуйскій преслѣдовалъ приверженцевъ несчастнаго принца и въ лицѣ ихъ потомства. Шестилѣтній Рожеръ Дефлоръ, для спасенія своей жизни, вынужденъ былъ, вмѣстѣ съ своею матерью, бѣжать отъ свирѣпаго Карла въ Бриндизи, гдѣ и жилъ до 15-лѣтняго возраста въ бѣдности и неизвѣстности, пока не обратилъ на себя вниманія одного рыцаря, провансальца по происхожденію и тампліера по ордену. Принятый въ его дружину, онъ началъ свое боевое поприще битвами противъ мавровъ. Вступивши потомъ въ орденъ тампліеровъ, онъ нѣкоторое время командовалъ, по порученію гросмейстера ордена, галерой, предназначен-

(1) Григор., стр. 197—198. Они предложили свои услуги грекамъ на слѣдующихъ условіяхъ: а) чтобы ихъ не употребляли для службы въ крѣпостяхъ и вообще укрѣпленныхъ городахъ, б) чтобы ихъ не смѣшивали съ войсками имперіи и в) чтобы они предводительствовали всегда ихъ собственныя вождя. Всѣ эти условія были приняты Андровикомъ и скрѣплены особымъ трактатомъ съ Аланами *Rachyn. lib. IV. c. 16. p. 307—310.*

ной дѣйствовать противъ сарацинъ въ водахъ Леванта. Во время послѣдняго крестоваго похода, онъ отправился въ Палестину вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рыцарями и утвердился въ Сэнъ-Жанъ-д-Акръ. Во время осады этой крѣпости египетскимъ султаномъ Малекъ Тазератомъ, Рожеръ оказалъ чудеса мужества и храбрости. Въ одну изъ вылазокъ, предпринятую подъ его командой, онъ опрокинулъ непріятелей, отнялъ знамя Магомета и собственноручно убилъ командовавшаго непріятельскимъ отрядомъ генерала. Но не смотря на геройскую защиту, крѣпость должна была уступить превосходнымъ силамъ непріятеля и пала въ 1291 г. Предвидя эту печальную катастрофу, Рожеръ предложилъ гражданамъ перевезти всѣ свои драгоценности на его галеру, чтобы онѣ не достались въ руки невѣрныхъ. На нее же собраны были и всѣ драгоценности, принадлежавшія ордену. Благодаря этому, ни тѣ, ни другія не достались невѣрнымъ, но не воротились и къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Рожеръ присвоилъ тѣ и другія себѣ. За этотъ поступокъ гроссмейстеръ мальтійскаго ордена объявилъ его апостатомъ и разбойникомъ и отдалъ приказъ объ его арестованіи. Рожеръ былъ въ Марсели, когда ему сообщили о распоряженіи противъ него гроссмейстера. Немедленно же снялся онъ съ якоря и отплылъ въ Геную, гдѣ было у него много друзей. Одинъ изъ нихъ, именно Тичино Дорія помогъ ему сформировать хорошо вооруженный экипажъ для своей галеры, съ которымъ онъ и предложилъ свои услуги Роберту, герцогу Калабрійскому, который былъ занятъ въ это время приготовленіями къ войнѣ съ Фридрихомъ Арагонскимъ. Когда герцогъ съ презрѣ-

ніемъ отвергъ его предложеніе. онъ поступилъ со своей дружиной къ Фридриху, который оспаривалъ сицилійскую корону у Неаполитанскихъ королей Анжуйскаго дома, разбивалъ неаполитанцевъ во всѣхъ стычкахъ и истребилъ ихъ флотъ. Фридрихъ обязалъ его сохраненіемъ своихъ владѣній и завоеваніемъ Сициліи. и вознаградилъ его за его заслуги званіемъ вице-адмирала. По заключеніи мира между воевавшими сторонами, Рожеръ остался безъ дѣла и безъ средствъ къ содержанію своей дружины. Это обстоятельство, въ соединеніи съ преслѣдованіемъ со стороны грессмейстера и папы Бонифація VIII, котораго грессмейстеръ успѣлъ вооружить противъ него, было причиною того, что онъ рѣшился предложить свои услуги византійской имперіи, которая, какъ ему очень хорошо было извѣстно, жестоко страдала въ это время отъ турокъ-сельджуковъ. Предложеніе было принято, и Рожеръ, во главѣ 2.000 удалцовъ, состоявшихъ на половину изъ каталонцевъ, на половину изъ амогаваровъ прибылъ въ Константинополь⁽¹⁾. Это было весною 1303 г.

Андроникъ принялъ отважнаго авантюриста съ большими почестями и, чтобы привязать его крѣпче къ своей службѣ, «выдалъ за него свою племянницу по сестрѣ, дочь Асана, Марію, и возвелъ его въ достоинство великаго дукса⁽²⁾». Немного спустя, Рожеръ пригласилъ на службу къ Андронику своего земляка, такого же бездомнаго авантюриста, какимъ былъ самъ, нѣкоего Беренгарія Тенцу⁽³⁾. Андроникъ, пе-

(1) Биографія Дефлора заимствована нами у *Le Beau. Histoire de Bas-Empire* t. XI. lib. 103. p. 33—36.

(2) Григор., стр. 211.

(3) *Pachum. lib. VI. c. 4. p. 494—486.*

редавши этому новому своему союзнику титулъ великаго дукса, возвелъ Рожера въ санъ кесаря (1).

Но Андронику точно на роду было написано вѣчно ошибаться въ своихъ расчетахъ. вмѣсто ожидаемаго добра прибытіе западныхъ гостей принесло за собою огромную массу неожиданнаго зла. И прежде всего оно подѣйствовало деморализующимъ образомъ на національное чувство грековъ. Они были глубоко оскорблены незаслуженнымъ недоувѣріемъ къ себѣ правительства и обиднымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ пришельцамъ и притомъ пришельцамъ, имѣвшимъ за собою такое двусмысленное прошедшее. Въ виду этого обиднаго предпочтенія, у домашнихъ защитниковъ національнаго дѣла и руки опустились (2). Къ тому же на бѣду пришельцы принесли съ собою слишкомъ преувеличенное понятіе о своихъ достоинствахъ и заслугахъ и столь же преувеличенное понятіе о ничтожествѣ и безсиліи грековъ и, въ силу этого, повели себя на мѣстѣ своей новой службы такъ, какъ будто были не наемниками, а полновластными господами и

(1) Григор. стр. 211. Pashut. lib. VI. c. 4. p. 484—486.

(2) Андроникъ точно нарочно позаботился испортить отношеніе своего народа къ своимъ наемникамъ и убить въ немъ всякую энергію къ защитѣ родины. Еще при послуженіи на службу имперіи аланъ, онъ сталъ дѣлать самое рѣзкое различіе между ними и своими собственными войсками, въ обиду и униженіе послѣднихъ: поторопился надать пришельцамъ привилегій, которыхъ они не просили, подарковъ, о которыхъ не заботились, пенсій, которыхъ ничѣмъ еще не заслужили. Солдатамъ вспомогательнаго аланскаго отряда было назначено значительно возвышенное, сравнительно съ солдатами національныхъ войскъ, жалованье. При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, Андроникъ, въ пику своей арміи, превозносилъ похвалами мужество наемниковъ, ихъ прошедшіе и будущіе подвиги, словомъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависяло, къ тому, чтобы испортить и наемниковъ и собственныхъ солдатъ, первыхъ—чрезмѣрнымъ ухаживаньемъ, послѣднихъ—преувеличеннымъ пренебреженіемъ. Pashut. lib. VI. c. 16. p. 307. Григор. стр. 198—199.

распорядителями. «Когда пришлось имъ, переправившись въ Азію, сражаться съ врагами, они по дорогѣ дѣлали страшныя оскорбленія римлянамъ, которые бѣжали отъ нихъ къ приморскимъ городамъ Азіи. Мужчинами и женщинами они распоряжались ни чуть не лучше, чѣмъ невольниками; чужимъ добромъ нагло пользовались, какъ своимъ, и, само собою разумѣется, удалялись, провожаемые всевозможными проклятіями и горячими слезами несчастныхъ, которыхъ они обидѣли. Вотъ что было сдѣлано въ первый годъ (1)».

На другой годъ (1306) они повели себя еще хуже. Правительство Андроника имѣло неблагоразуміе встрѣтить дорогихъ гостей столь же радушно, какъ и аланъ. Не видя еще отъ нихъ ничего, оно поспѣшило осмыслить ихъ дарами и деньгами, въ счетъ ихъ будущихъ заслугъ. На эти предварительные подарки истощена была скудная государственная казна (2). между тѣмъ доходы, получаемые съ разоренныхъ провинцій, были слишкомъ ничтожны для того, чтобы поддерживать щедрость правительства на томъ уровнѣ, на который оно не благоразумно поставило ее въ началѣ (3), такъ что, на дѣлѣ, этою нерасчетливою щедростью оно достигло разомъ двухъ весьма печальныхъ результатовъ, конечно, вовсе не входившихъ въ его расчеты,—раздражило жадность корыстолюбивыхъ наемниковъ и поставило себя въ невозможность удовлетворять ее, и притомъ въ то именно время, когда приходилось вознаграждать ихъ за дѣйствительныя заслуги.

(1) Григор., стр. 212. Это былъ 1305 годъ.

(2) «Денежныя издержки на одежду, подарки и подобное содержаніе для нихъ были до того огромны, что царская казна въ короткое время опустѣла». Григор., стр. 211—212.

(3) Григор., стр. 256.

Велѣдствіе этого не замедлили возникнуть недоразумѣнія и пререканія между наемниками и правительствомъ изъ за размѣровъ вознагражденія (1), кончившіяся весьма печально для несчастныхъ грековъ. Послѣ экспедиціи, предпринятой Рожеромъ на выручку блокируемой турками Филадельфіи и увѣичавшей полною удачею оружіе каталонцевъ, наемники Рожера, раздраженные скуднымъ съ ихъ точки зрѣнія вознагражденіемъ за оказанныя ими заслуги, рѣшились добрать недостающее собственноручно съ мирнаго населенія, и повели это дѣло съ безцеремонностію чисто-разбойническою: «латиняне, шедшіе съ кесаремъ Рожеромъ, проходя чрезъ оставшіеся у несчастныхъ римлянъ города, поступали какъ нельзя хуже; они накинулись, какъ на непріятелей, на тѣхъ, которыми были призваны, говоря въ свое оправданіе, что не получаютъ отъ казны опредѣленнаго годоваго жалованья и что потому, прежде чѣмъ умереть съ голоду имъ самимъ, имъ необходимо уморить тѣхъ, которые ихъ призвали, а своихъ обѣщаній не выполнили. Такимъ образомъ можно было видѣть не только то, какъ разхищался имущества жалкихъ римлянъ, какъ были насилуемы дѣвицы и замужнія женщины, какъ были связываемы и истязуемы другими способами старики и священники (непріязненная и безжалостная рука латинянъ была находчива на истязанія), но часто и то, какъ надъ головою римлянина сверкалъ обнаженный мечъ, грозя ему немедленной смертію, если не объявить гдѣ хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни съ чѣмъ, или же, не имѣя чѣмъ откупиться, валялись по дорогамъ, съ

(1) Pashux. lib. VI c. 15, 17, 18, 19 p. 505—516.

отсѣченными оконечностями тѣла, представляя изъ себя жалкое зрѣлище, выпрашивая у прохожихъ лоскутъ хлѣба или какой либо оволь и не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ поддержанію жизни, кромѣ языка и ручьевъ слезъ (1)».

Что же Андроникъ? «Узнавъ объ этомъ и царь. Онъ видѣлъ, что призванные имъ чужеземцы опустошаютъ римскія владѣнія больше, чѣмъ непріятели, что они для римлянъ сущее Божеское наказаніе. Но видѣлъ и то, что не можетъ отомстить имъ за всѣ ихъ обиды, потому что его полки возбуждали только смѣхъ своею малочисленностію (2)».

«Въ то время, какъ онъ находился въ такомъ стѣснительномъ положеніи и не зналъ, какъ выдти изъ него, кесарь Рожеръ со всѣмъ латинскимъ войскомъ перешелъ въ Фракію, потому что у римлянъ въ Азіи не оставалось уже ничего—ни денегъ, ни другаго чего, что могло бы питать желудки этихъ палачей. Между тѣмъ онъ вздумалъ, оставивъ прочихъ воиновъ въ крѣпости Калліуполь (3), съ 200 другихъ—отборныхъ, отправиться къ императору Михаилу (4), бывшему тогда съ войскомъ во Фракіи, и потребовать отъ него положеннаго ему съ войскомъ годоваго жалованья, а если будетъ нужно, то и пригрозить ему. Когда онъ сдѣлалъ это, царь вспылалъ отъ гнѣва, который, впрочемъ, давно уже тайлъ на Рожера въ душѣ, а воины, въ значительномъ числѣ окружавшіе Михаила, обнаживъ мечи, тутъ же изрубили Рожера, а вмѣстѣ съ

(1) Григор. стр. 214—215.

(2) Тамъ же стр. 214.

(3) Во Фракіи.

(4) Старшій сынъ Андроника отъ первой его супруги, коронованный кѣзъ и объявленный совратителемъ въ 1295 году.

нимъ и нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ. Но большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ и успѣшила увѣдомить о происшедшемъ латинянь, бывшихъ въ Калліуполѣ (¹)».

Это случилось въ 1307 г. и вотъ что изъ этого вышло: «Римскіе воины, совершивъ такое дѣло, вообразили, что этимъ они смирили гордость и заносчивость латинянь, что тѣ теперь отдадутъ себя римлянамъ въ услуженіе и тѣломъ и душой, и что имъ осталось выбрать одно изъ двухъ: или согласиться служить римлянамъ, или же противъ воли возвратиться той же дорогой, которой и пришли. Но тѣшить себя такими мыслями прилично только недалекому уму»... «Находившіеся въ Калліуполѣ латиняне, узнавъ объ убіеніи кесаря, первымъ дѣломъ перерѣзали безъ разбору всѣхъ, жившихъ въ Калліуполѣ, римлянъ и, отлично укрѣпивъ стѣны этого города, обратили его въ крѣпость и надежнѣйшее убѣжище для себя. Потомъ, раздѣливъ свои войска на двѣ части, одну посадили на свои суда, которыхъ было у нихъ восемь, и поставили надъ ними навархомъ Беренгарія Тенцу, съ тѣмъ чтобы они, развѣзжая у гелеспонтскаго пролива, ловили плывущія то взадъ, то впередъ римскія грузовыя суда. Другая же часть войска во всеоружіи пошла на грабежъ и на раззореніе остальной Фракіи и, нападаая днемъ и ночью, принялась ее опустошать (²)».

Такъ какъ положеніе ихъ на чужой сторонѣ и среди враждебнаго населенія было все таки крайне

(¹) Григор., стр. 215—216. По словамъ Пахимера, кесарь Рожеръ былъ убитъ аланами изъ личной мести, безъ вѣдома и соизволенія императора Михаила. *Raschum. lib. VI. c. 24 p. 525—528.*

(²) Григор. стр. 216—219.

опасно, то они успѣшили заручиться союзомъ и помощью своихъ прежнихъ враговъ — турокъ: «они отправили къ жившимъ на противоположномъ берегу туркамъ пословъ — просить союза и получили тогда же 500 ратниковъ въ добавокъ къ своимъ 3.000, а чрезъ нѣсколько времени не мало и другихъ, явившихся перебѣжчиками. Выходя вмѣстѣ съ ними, они часто опустошали окрестности и забирали цѣлыя стада лошадей, коровъ и овецъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами. Долѣе переносить это было невозможно ни для римлянъ, ни для римскихъ царей, и потому съ той и другой стороны начали готовиться къ битвѣ (1).»

Но въ происшедшей въ томъ же 1307 г. битвѣ греки, предводимые лично императоромъ Михаиломъ, были разбиты на голову, благодаря измѣнѣ аланъ и туркоуловъ (2), которые въ рѣшительную минуту перешли на сторону каталонцевъ. Поддержанные аланами и туркоулами, каталонцы сдѣлались еще смѣлѣе и отважнѣе и «начали смѣло опустошать и выжигать еракійскія села (3)». Такимъ образомъ всѣ наемные союзники неожиданно превратились въ враговъ и «римскіе цари» поставлены были въ необходимость вести съ ними тяжкую и безславную борьбу на своей собственной территоріи.

Борьба эта была въ полномъ разгарѣ, внутренніи затрудненія, вызванныя, съ одной стороны, непріязненными дѣйствіями каталонцевъ и другихъ наемни-

(1) Григ., стр. 220.

(2) Туркоулазы назывались турки сельджуки, прибывшіе въ Константинополь съ султаномъ Азагиномъ, на второй или третій годъ царствованія Михаила Палеолога, и оставшіеся на службѣ у этого императора. Въ описываемое время они составляли когорту въ 1000 человекъ. Григор. стр. 221.

(3) Григор. стр. 224.

ковъ (1), съ другой неблагоразумными мѣрами правительства (2), достигли высшей степени напряженія. когда Дримисъ съ арсенитами поднялъ знамя Ласкарисовъ. Моментъ для возмущенія былъ выбранъ весьма удачно и заговорщики повели дѣло съ безцеремонностью всѣхъ политическихъ бунтовщиковъ. Не смотря на свою патентованную «ревность» о чистотѣ православія, свою пресловутую ненависть къ «латиннамъ и латикомудрствующимъ» и на свое горячее радѣніе о національной чести и интересахъ, они не затруднились подать руку латинской и турецкой сволочи и предложить ей союзъ противъ своего правительства и народа (3). Но, къ счастью, правительству удалось перехватить вѣвремя возмутительную перениску Дримиса съ вождями враждебныхъ когортъ и овладѣть его особою. Гнусная интрига была такимъ образомъ разоблачена и ея виновники понесли должное наказаніе. Дримисъ былъ осужденъ на вѣчное тюремное заключеніе. Мозельскіе отшельники отчасти были развезены по разнымъ казематамъ, отчасти подверглись ссылкамъ и изгнанію въ болѣе или ме-

(1) Народная масса въ столицѣ, раздраженная неистовствами павемниковъ и безсиліемъ своего правительства, неоднократно пыталась возмутиться и едва была сдерживаема то мольбами, то угрозами Андроника, *Paenut. lib. VI. c. 31. p. 546—549.*

(2) Вынужденный крайностью, императоръ рѣшился перечекинуть старую золотую монету на новую значительно пониженной пробы. Эта мѣра поведя къ полному застою въ торговлѣ и къ большому завѣшательству во всѣхъ дѣлахъ. *Paenut. lib. VI. c. 8. p. 494.*

(3) "Ἀπερ καὶ τοῖς ῥηθείαι· τὰν αὐτῶν ἀπαθείς σπιδίως ἐξείργηται, ἐπιθῶν ἀπερραχέντων ἡαίκων, καὶ τὰς αἰθείς καὶ ἀναρτῶσαντων τῶν δασαζῶν, ἀπερπολέσει φρικώδη ἴσον τὸ κατ' αὐτοὺς τῆς μεγάλης κληρονομίας Χριστοῦ καὶ ἀειτήρει ὀρθοδοξίας, καὶ προδοσίᾳ τοῦ ἀποφῶν αἰσχυρᾷ ἐν αἰθείς προβαθευμένως Ανακληρίταις καὶ Ἰταίοις τοῖς τε περὶ τὸν Ἰστρον οἰκοῦσιν, οὐκ οἶδα εἰ τίχα πρὸς τῇ κλήσει ἀπαζῶμένως καὶ τῇ τῶν Χριστοῦ. *Γρίουρα p. 674.*

нѣе отдаленныя мѣста имперіи. Пощажены были только тѣ изъ нихъ, которые отъ старости и болѣзней едва передвигали ноги. Ихъ оставили подъ крѣпкою стражею на мѣстѣ, по вниманію сколько къ ихъ болѣзненному состоянію, столько же и къ суровому зимнему времени. Та же участь постигла и ихъ городскихъ друзей и сообщниковъ (1).

Заговоръ арсенитовъ былъ открытъ и подавленъ, и мозельское гнѣздо ихъ раззорено въ 1308 году. Въ 1310 г., патріархъ Аѳанасій вынужденъ былъ снова отказаться отъ престола и удалиться въ монастырское уединеніе и на этотъ разъ уже безвозвратно (2).

(1) Pashut. lib. VII. c. 15. p. 593.

(2) „Причина этому была та, что нѣкоторые изъ людей, наиболее недовольныхъ, не вынося того, что онъ уже столько времени занималъ патріаршее мѣсто (былъ на исходѣ 8-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ во второй разъ возведенъ былъ на патріаршескій престолъ), составили противъ него коварнѣйшій и безбожнѣйшій заговоръ. Такъ какъ онъ и во время патріаршества по большей части проживалъ въ своихъ кельяхъ, въ Ксиролоѣ; то его недоброжелатели похищаютъ отъ его патріаршескаго сѣдалища подножіе, вырѣзываютъ на немъ божественный ликъ Христа Спасителя, а по обѣ стороны его—царя Андроника съ уздою во рту и патріарха Аѳанасія, который осаживаетъ царя, какъ кучерь лошадь. Потомъ подножіе съ этими изображеніями опять положили тамъ, гдѣ оно лежало и прежде, то есть при патріаршескомъ сѣдалищѣ. За тѣмъ нѣкоторые притворяются, какъ будто замѣтили это нечаянно, и стараются оклеветать патріарха въ неуваженіи къ царю. Но царь, призвавъ клеветниковъ и ни мало не сомнѣваясь, что всю эту безсовѣстную и безбожную комедію разыграли они, заключилъ ихъ въ самую суровую тюрьму. Но патріархъ остался недоволенъ, что царь не назначилъ болѣе тяжкаго наказанія, и тотчасъ же отказался отъ патріаршескаго престола“. Григор., стр 252—253. Никифоръ Хумнъ въ своемъ не изданномъ еще сочиненіи, подъ названіемъ 'Ε'λεγχος κατά τῶν κακῶν τῶ πάντα πατριαρχειάζοντος Νιφωνος, ἀνευχθῆναι παρά τῶν Νικοιῦβειας τε τοῦ Μιτολήνους πρός τὴν ἱεράν Σύνοδον (отрывокъ изъ этого сочиненія напечатанъ Боининомъ in Notis ad Gregoriam и перепечатанъ Бандуриемъ in Imper. Orient. p. 683; говорятъ, что причиною втораго отреченія Аѳанасія отъ престола было всеобщее недовольство и ропотъ духовенства на корыстолюбіе и другія злоупот-

Въ одномъ изъ писемъ, въ которомъ патріархъ объяснялъ причины какъ перваго, такъ и втораго отреченія своего отъ патріаршества (1), онъ горько упрекаетъ епископовъ, содѣйствовавшихъ первому и второму его отреченію, за ихъ угодничество арсенитамъ и уступчивость ихъ требованіямъ (2).

Послѣ вторичнаго удаленія Аванасія, патріаршій престолъ почему-то оставался празднымъ цѣлыхъ два года. Наконецъ въ 1312 г. былъ возведенъ на этотъ престолъ митрополитъ кизическій Нифонтъ (3). «Это

решенія по должности одного изъ любимцевъ патріарха, нѣкоего Теофана. Но Бандурій совершенно справедливо признаетъ это объясненіе не удовлетворительнымъ, доказавши собственнымъ письмомъ Аванасія, что онъ не только былъ не причастенъ этимъ злоупотребленіямъ своего любимца, но и входилъ на него съ формальною жалобою въ императору (см. напечат. у Бандурія письмо Аванасія подъ заглавіемъ. *Γράμμα πρὸς τὸν αὐτοκράτορα κατὰ αἰσχροκερδῶν καὶ τῶν προνομίων τῆς ἐκκλησίας*. р. 684). Самъ Аванасій, въ цитуемомъ ниже письмѣ своемъ, объясняетъ и первое и второе свое отреченіе систематическимъ сопротивленіемъ реформамъ, задуманнымъ имъ для блага церкви, со стороны духовенства, знати и простонародья, и слабостью императора, отказавшаго ему въ поддержкѣ.

(1) Письмо это напечатано у Бандурія, во 2-мъ томѣ *Imperium Orientale* р. 680—681, подъ заглавіемъ: *Γράμμα περὶ τοῦ πῶς καὶ διατὶ τὰ τῶν παρατῆσεων, τῆς πρώτης φημί καὶ δευτέρας, ἐγένοντο*.

(2) *Ἄυτοὶ καὶ τοὺς πρὸς τῶν θείων θεσμῶν ἐπαράτοις καὶ ἀλλοτριῶς τῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ, τὰς κεφαλὰς ὑποκλίναντες καὶ κανόνα δεξάμενοι, καὶ τὸν ἐν μακαρίᾳ τῇ μνήμῃ πατριάρχῃ τῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ καὶ ὁμολογητῆν κύρον Ἰωσήφ παραλάωμα, ὅσον τὰ κατ' αὐτοὺς τῆς μανίας τῶν σχιζομένων γενέσθαι καταδεξάμενοι, καὶ ταῦτα καὶ μετὰ θάνατον ὅπερ οὐκ εἶδεν ὁ ἥλιος, ἀναμείναντες ἐπὶ χρόνοις τοσοῦτοις ζητῆσαι τινὰ τῶν προ ὀφθαλμῶν ἐχόντων Θεόν.* р. 681.

3) Въ патріаршество Аванасія объ немъ производилось какое-то дѣло въ Константинополѣ, возбужденное самимъ императоромъ вѣдствіе принесенной ему кѣмъ-то жалобы на Нифонта, какъ это видно изъ письма Аванасія къ Андронику, напечатаннаго у Бандурія (*Γράμμα πρὸς τὸν Αὐτοκράτορα, περὶ τοῦ κυροῦ Νύφωνος ὄντος Κυζίκου διὰ τὰς κατηγορίας τὰς ἀκνωθείσας περὶ αὐτοῦ*. *Imper. Orient. t. II. р. 685*). Но, въ сожалеваю, изъ письма этого не видно, въ чемъ состояли эти жалобы, кѣмъ онѣ были принесены и чѣмъ дѣло кончилось,—патріархъ просить

былъ, по словамъ Григоры, человѣкъ вовсе незнакомый съ свѣтской ученостью, да немного больше былъ знакомъ и съ духовной. такъ что не умѣлъ своею рукою написать даже буквъ азбуки. Но крайній недостатокъ образованія вознаграждался въ немъ природными дарованіями и, если бы онъ, при своемъ богатомъ умѣ и природной сообразительности, любилъ науки, то. конечно. занялъ бы почетное мѣсто между учеными. Но имъ успѣла овладѣть прежде всего низкая любовь къ приобрѣтенію, къ мірскому блеску и славѣ; она направила къ этимъ предметамъ весь его природный смыслъ и всю его сообразительность и влекла его мысль въ эту сторону и днемъ и ночью; точно морской отливъ. Это былъ необыкновенно хозяйственный человѣкъ: онъ искусно умѣлъ разводить деревья, ухаживать за виноградниками. производить постройки и вообще вести этого рода дѣла такъ, чтобы съ каждымъ годомъ увеличивались закромы для хлѣба, погреба для вина и кошелекки для денегъ. Не стану говорить о пышности его платья, о рѣзныхъ и статныхъ лошадяхъ, о роскоши стола и обо всемъ, что нѣжитъ тѣло, но и не развиваетъ въ немъ толстоты и не портитъ цвѣта лица. На досугѣ, не прочь былъ и отъ женскаго общества (1).

лишь императора усворить разбирательствомъ этого дѣла, чрезъ назначеніе одной стани обвиняемому съ обвинителемъ, въ собственномъ ли высочайшемъ присутствіи, или въ присутствіи патриарха съ нѣсколькими довѣренными лицами: τὸν γὰρ λίτε βαρέων τὰ ἀκροβήντα ἀπερ κα πωύη; ἀνέφερον ζήτῳ καὶ τανὸν τυχθῆναι τὸν διο ἐν ἡ τυχθῆναι παρὰ τῆς ἐκ Θεοῦ βασιλείας αὐτῶ τῶν ἀμφοτέρων συνοψισθέντων τοῦ κατηγοροῦ καὶ κατ' αὐτὴν κατηγοροῦ, ἢ ἐμπιστεύσασθαι τοῦτο ἡμῖν ολίγον τινῶν παρυσία κατακούσαι τῶν ἀμφοτέρων. ἀναχωρήσαι γὰρ ἄλλως ἐν τῇ λαχούσῃ κακείνῳ ἀσπιφορον καὶ ἡμῖν.

(1) Καὶ τῇ γυναικωνίτιδι. Это слово въ русскомъ переводѣ Римской исторіи Григоры (СПБ. 1862) переведено: „удѣляя и женскимъ заня-

нѣмъ себя или безъ удовольствія, но съ страстію, которой, по видимому, не въ состояніи былъ противиться. Такое настроеніе расположило его впоследствіи принять на себя заботы объ управленіи женскими дѣлами и имуществами (я говорю о двухъ женскихъ монастыряхъ, изъ которыхъ одинъ называется Перце, а другой Кратей), частію для того, чтобы извлечь себѣ выгоды изъ построекъ, а частію и для того, чтобы имѣть возможность постоянно бывать тамъ для кутежа и пирушекъ. Если онъ видѣлъ, что кто нибудь надѣленъ отъ природы дарованіями или отличается какимъ-либо искусствомъ, такъ что дѣлается любимцемъ или всѣхъ вообще или же только особъ царскаго дома, то прикидывался ему другомъ, а въ душѣ такого человѣка ненавидѣлъ, смотрѣлъ на него завистливымъ окомъ, не затруднялся тайно нашептывать на него въ уши царя, слетая то тѣ, то другія клеветы и дѣлая тоже, что ливійская змѣя»...

«Однажды только удалось ему подать царю добрый совѣтъ и то не потому, чтобы самъ онъ искренно желалъ того. Догадавшись о живѣйшемъ желаніи царя, онъ и самъ вздумалъ содѣйствовать исполненію его желанія. Именно: онъ содѣйствовалъ осуществленію мысли царя—принять въ общеніе съ вселенскою Божіею церковью арсенитовъ, отторгшихся отъ нея изъ тщеславія, чтобы ни сами они не находились долѣе въ опасности смерти душевной, ни другихъ не соблазняли и не доводили до той же гибели (1)».

Не смотря на разгромъ, которому подверглась

... тинь»; но, намъ кажется, вѣрнѣе перевести его такъ, какъ мы переводимъ.

(1) Григор., стр. 253—255.

арсеніанская фракція за свою политическую интригу пять лѣтъ тому назадъ, она все еще насчитывала у себя весьма много членовъ и приверженцевъ. По призыву правительства, «съ разныхъ мѣстъ собралось многое множество арсенитовъ; они явились точно изъ скалъ и лѣсовъ за день выросшіе гиганты; они прикрыты были лохмотьями, но въ изгибахъ сердца скрывали непомѣрное тщеславіе. Они начали предъявлять тяжкія и невыносимо терзающія слухъ требованія, чтобы показать народу, что они отдѣлились не безъ причины. Они требовали: во первыхъ, чтобы останки патріарха Арсенія взяты были съ честію изъ монастыря св. Андрея и положены въ великой церкви святой Софіи; во вторыхъ, чтобы всѣ священнослужители подверглись очистительной вѣнитиміи, напримѣръ: воздержанію отъ священнослуженія въ продолженіи дней сорока; въ третьихъ, чтобы и всѣ міряне очистились въ продолженіи того же времени постомъ и колѣнопреклоненіями; сверхъ того, высказывали и другія нелѣпыя требованія. Царь охотно согласился на все ради мира и единодушія» (1). И примиреніе состоялось

Но предварительно подданные Андроника были извѣщены о семъ радостномъ церковномъ событіи слѣдующимъ хрисовуломъ (2):

(1) Тамъ же стр. 255—256.

(2) Хрисовуль этотъ, сохранившійся между сочиненіями Никитора Хумна и, вѣроятно, принадлежащій перу этого савоиника, былъ изданъ въ первый разъ Буассонадомъ въ его *Anecdota graeca*, т. II р. 70 sq. Paris 1833—35. по рукописному кодексу париж. бібліотеки за № 2105. а отсюда перепечатанъ Захаріею въ его *Ina graeco-Romana*, т. III р. 651—655. *Lipine MDCCCLVII*. Онъ озаглавляется: *λόγος χρισόβυλλος ἐπὶ τῆ ἐνώσει τῶν διαστάντων μονάχων, εἰς τὸν ἀντικειμένον αἰετὸν τῆς ἐκκλησίας πλερώματι, λόγον εὐληφῶσαν τῶν προσεταμένων αὐτοῖς.*

«Миръ, единодушiе и единомыслие, чуждые всякой вражды и соперничества, всегда и повсюду считались лучшимъ и совершеннѣйшимъ благомъ въ глазахъ людей мыслящихъ и разсудительныхъ. Равнымъ образомъ, когда дѣло идетъ о клирѣ Христовомъ и о церкви Его, если только она твердо стоитъ въ правыхъ и непреткновенныхъ (ἀκταίστοις) своихъ догматахъ, и все остальное обстоитъ въ ней хорошо и благополучно (εἰ καὶ ἀσφαλῶς), о чемъ другомъ остается, съ Божiей помощью и содѣйствиемъ, усердно стараться всякому боголюбцу и христовлюбцу, какъ не о томъ, чтобы люди, одинаково мысляще о Богѣ и вполне согласные на счетъ истиннаго исповѣданiя, были единомысленны другъ съ другомъ и во всемъ остальномъ, ни въ чемъ не разнствовали, не перечили (ἀντιχεῖσθαι) другъ другу и никоимъ образомъ не раздвоились бы съ самими собою, а напротивъ всеми зависящими отъ нихъ средствами соединялись бы во едино, составляли бы другъ съ другомъ гармоническое цѣлое (πρὸς ἀλλήλους καὶ συναρμολογεῖσθαι) и какъ бы едиными устами и единымъ языкомъ проповѣдывали въ той же церкви, вознося къ Богу одни и тѣ же гласы, и какъ твердо стоятъ въ одной и той же вѣрѣ, такъ вѣдали бы и единую церковь Христову, цѣлу, единомысленну и согласну съ собою и цѣль и невредимъ посящую хитонъ свой, сверху сотканный ⁽¹⁾, и не допускающiй никакой схизмы, ни сѣченiя (τεμεῖον), ни разрыва, ни дѣленiя на части. А какое прещенiе, какiя муки и кары угрожаютъ всякому, раздѣляющему и разсѣкающему отъ сотканнаго оный и своею собственною кровiю оросивша-

(1) Намекъ на XIX. 23 Иоанна.

го и обаягившаго, это легко вообразить себѣ всякій мыслящій человекъ, способный измѣрить мыслию всю глубину сего дерзновеннаго поступка. Это значило бы дерзнуть на нѣчто большее, горшее, безстыднѣйшее и дерзновеннѣйшее, чѣмъ то, на что дерзнули распинатели: ибо, по сказанію священныхъ евангелій, они не разорвали (хитона), а бросили жребій. А для того, чтобы церковь Христова и на будущее время носила его чистымъ, всецѣло не раздѣльнымъ и не разрывнымъ, Самъ Христосъ не только бывшимъ при Немъ ученикамъ, но и ихъ преемникамъ, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, съ которыми обѣщаетъ пребыть до скончанія вѣка, воиетъ и повелѣваетъ имѣть любовь другъ къ другу, мало того, — миръ Свой даетъ и оставляетъ имъ (1); а это не возможно иначе, не возможно соединиться Его послѣдователямъ и составить единую церковь, которой Онъ — глава, если не будетъ соединять ихъ и сплотнять (*συντρυφούσθης*) во едино миръ, если не будетъ охватывать (*συνέχουσας*) по обычаю со всѣхъ сторонъ не разрывный нѣкій союзъ. Это такъ, и мы должны подчиняться Божественнымъ распоряженіямъ и съ готовностью служить и содѣйствовать Ему. А что мы и выразили уже эту готовность какъ должно и по содѣйствовали уже и не опускали ничего, чѣмъ только могли выразить свою заботливость о церкви, нужно ли рассказывать отъ начала и до конца вамъ, которые все это знаете и для которыхъ нѣтъ ничего неизвѣстнаго? Все вы очень хорошо знаете, какая жестокая буря и смута разразилась надъ нею, знаете, какъ она приразилась къ самимъ изначала

(1) Іоанн. XIII, 34. XIV, 27.

правослѣвающимъ и утвержденнымъ относительно исповѣданія догматамъ. и какъ она могла потрясти, взволновать, замутить и забударажить (*εταναρξίν*) все: знаете и то опять, какъ мы, съ какою горячею, съ какою огненальною ревностью противостояли этимъ досаднымъ (*επιρροστικίς*) или, лучше сказать, недѣльнымъ (*ατέμπε*) догматистамъ, и отстояли истину и, спасши церковь, снова представили ее Богу чистою относительно того, что въ ней право и хорошо познано (*γυμνασθέν*), прежде всего и больше всего о семъ прилагая всякое попеченіе, и всякое другое дѣло сравнительно съ этимъ считая ничтожнымъ или даже вмѣняя ни во что. И такимъ образомъ изъявши изъ нея всякое незаконное и привнесенное къ ней со стороны ученіе (*δούλα*), устранили оное совершенно. Вслѣдствіе этого всѣмъ правосмыслящимъ и держащимся здраваго ума и истины, послѣ того какъ церковь такъ свѣтло открыла свои врата, ничего не оставалось больше, какъ немедленно же поспѣшить внутрь ея, особенно когда она съ такимъ высокимъ проповѣданіемъ созывала къ себѣ, предлагая вкушать свой чистый и неподмѣсный (*ἀκίβδηλος*) хлѣбъ, не содержащій въ себѣ никакого лукаваго и чуждаго кваса (*ζύμη*), и предлагая пить чистую чашу, съ устраненіемъ всякаго мутнаго осадка. И однакожь случилось не такъ: внѣ ея стали и остались люди, которымъ это какимъ то образомъ доставило тогда славу. И вслѣдствіе этого, мы вновь приложили попеченіе о томъ, чтобы всѣхъ всякими способами заставить войти въ ограду церкви, и единомудрествующихъ въ богословіи (*ισοταλ. θεολογίας προσεβούτα*) содѣлать единомысленными и во всемъ остальномъ, такъ какъ всякое различіе

уничтожается, благодаря такому другъ съ другомъ единомыслию (*ἑνωσίας*). Это и дѣйствительно совершилось и наши заботы и попеченія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какимъ же образомъ это совершилось? Вотъ какъ: они приходятъ къ намъ и излагаютъ предъ нами (*πρὸς ἡμᾶς ἐκ τῆς πόλεως*) все, что ихъ смущало, беспокоило и ввергало въ раздуміе (*ἐκ δισταξέων*), и ищутъ, при нашей помощи, успокоить смущавшіе ихъ помыслы. И это мы сдѣлали, отдавши предпочтеніе предъ всѣмъ остальнымъ этому величайшему, какъ мы сказали, заповѣданному намъ Самимъ Богомъ и превосходнѣйшему благу—миру.

Что же мы сдѣлали? Прежде всего спѣшить отрѣчься отъ престола тотъ великій борецъ за истину и догматы, тотъ великій въ сопротивленіи и терпѣніи мужъ, который ни въ чемъ не измѣнилъ (правому) исповѣданію, ни чѣмъ не поступился и ни въ чемъ не уступилъ тѣмъ, которые въ теченіе долгаго времени дѣлали ему разныя насилія и стѣсненія, такъ что они отступили, а онъ до конца остался побѣдителемъ. И затѣмъ лишь увидѣлъ свѣтлое торжество, дарованное намъ надъ противниками владыкою судьбы, Богомъ, какъ тотчасъ же и почиъ съ миромъ (*ἡδέως*) Иосифъ, этотъ могучій и великій атлетъ, этотъ мужъ, славный сколько своими добродѣтелями и дѣланіями (*πεπολιτευμένον*), столь же, или даже болѣе, своими подвигами и страданіями (*διεστρωμένον αἰσθή*), предварительно отрекшись, какъ мы сказали, отъ престола, а вмѣстѣ съ нимъ вмѣнивши ни во что и все остальное, что считается у людей за важное и великое. Такъ поступилъ онъ. Церковь же Божія со своей стороны, какъ бы вознаграждая его за подъятыя имъ за нее

труды и усилія (*κράτος*), стала возносить его имя (въ своихъ молитвахъ), подобно тому, какъ она возноситъ имена другихъ, не отрекшихся отъ патріаршества, но кончившихъ жизнь среди подобныхъ же подвиговъ и въ такія же времена благочестно на престолѣ. Это и послужило для разиствующихъ съ нами (*διεφε-
ρεμένοις*) причиною соблазна, это возношеніе (имени Іосифа на церковныхъ молитвахъ) сдѣлалось для нихъ предлогомъ (къ отпаденію отъ церкви): они доби-
ваются (*ζητοῦσι*) того, чтобы наложено было молчаніе и прекращено было возношеніе имени Іосифа. И мы дѣйствительно рѣшились прекратить, замолчавши, въ предположеніи, что дѣлаемъ ему угодное (*φίλα*), поступаемъ не противъ его мысли, отрекаясь за него отъ того, отъ чего самъ онъ за себя отрекся, но не позволяя себѣ ни дѣлать, ни помышлять ничего дальше этого, и именно относительно того, чему онъ училъ.

2) Во вторыхъ, они говорятъ о произнесенныхъ когда-то клятвахъ и запрещеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о пренебреженіи и отмѣнѣ оныхъ и обвиняютъ тѣхъ, кого онѣ касались. А чтобы что либо изъ этихъ клятвъ и запрещеній не коснулось и потом-
ковъ, они хотятъ, чтобы произнесено было торже-
ственно отпущеніе и разрѣшеніе, настаиваютъ на необходимости испросить разрѣшеніе у Бога и для этого патріархъ долженъ подвигнуться на молитву и преклонить Его на милость своимъ предстательствомъ (*ἰκετικῆς*). Итакъ, пусть онъ (патріархъ) станетъ (*στέ-
тетαι*), обратится къ Богу съ молитвеннымъ ходатай-
ствомъ и предастъ отпущеніе тѣмъ, которые бу-
дутъ въ немъ нуждаться.

3) Извѣстно, что рукоположенные руками Векка, родившагося (ἐκφύετος) на бѣду церкви и изблевавшаго на нее и на ея правые догматы весь ядъ злаго извращенія и смуть, были немедленно же устранены отъ алтаря, къ которому они пробрались, считая себя правильно рукоположенными. Итакъ, если кто изъ таковыхъ и доселѣ продолжаетъ скрываться, то мы первые скажемъ, равно какъ и тѣ, которые теперь стали едино съ нами, скажутъ, чтобы такіе были изгнаны и извержены и совершенно устранены отъ божественнаго и священнаго служенія, и кто будетъ изблеченъ въ этомъ (δῆλος γευστικός), тотъ будетъ изгнанъ и изверженъ. Мало того, если кто изъ діаконовъ, іереевъ и епископовъ будетъ изблеченъ въ какой либо измѣнѣ истины, таковой долженъ быть низложенъ и лишенъ степени и сана, въ которомъ состоялъ, будетъ ли то за зазорную (βεβήλω) жизнь, неприличную лицу, приступающему къ божественной и священной трапезѣ и подлежащимъ на ней страшнымъ тайнамъ, или за хиротонію, запрещенную апостольскими и отеческими преданіями. Никогда и ни въ какомъ случаѣ таковой не избѣгнетъ кары низложенія, произнесенной противъ него самими апостолами и отцами.

4) Лица, занимавшія некогда патріаршій престолъ, и потомъ отъ него отрекшіяся, не должны снова восходить на оный, хотя бы они и не скрѣпили своего отреченія неразрѣшимыми клятвами; а напротивъ должны твердо и до конца держаться однажды заявленнаго ими желанія.

А непорочные догматы нашей католической и апостольской церкви, какъ мы приняли ихъ въ еван-

геліи, и какъ ихъ предали намъ апостолы и проповѣдали отцы, какъ прежде мы провозвѣщали великимъ и свѣтымъ гласомъ и крѣпко содержали, мужественно отвергая и отбрасывая всякій незаконный (νόμος), привнесенный съ нимъ, пагубный и враждебный догмагъ, такъ и теперь и на будущее время будемъ также точно содержать и провозглашать. И какъ прежде было, такъ и впередъ все будетъ такъ, какъ сказано: какъ съ самаго начала мы охотно (αἰσῆς) и прежде, чѣмъ вы (арсениты) требовали, правильно и хорошо поступали и дѣйствовали, такъ и теперь ради васъ и ради общаго мира прочтенное будетъ утверждено и приведено въ исполненіе».

Торжество примиренія арсенитовъ съ церковью было отпраздновано великолѣпно. Мощи Арсенія были перенесены изъ Андреевскаго монастыря въ храмъ Великой премудрости Вожіей, съ такою же торжественностью и при такомъ же громадномъ стеченіи народа, какъ и въ первый разъ по перенесеніи ихъ съ Приконниса. По окончаніи литургіи, патріархъ, «по настоянію соединившихся съ нимъ арсенитовъ, возшелъ на амвонъ въ полномъ святительскомъ облаченіи и, ставъ предъ останками Арсенія, провозгласилъ, какъ бы отъ лица Арсенія, прощеніе всему народу (1)».

Къ сожалѣнію, историкъ забылъ записать какого числа, мѣсяца и года совершилось это торжественное событіе (2).

(1) Григор., стр. 254.

(2) Такъ какъ Нисонгъ занималъ патріаршій престолъ всего 3 года съ 1312 по 1315, то дата этого событія можетъ колебаться только между этими тремя годами. А судя потому, что предшествовавшая попытка Андроника примирить Арсенитовъ съ церковію сдѣдала не

Андроникъ имѣлъ причины радоваться. Его многолѣтнія усилія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Къ несчастію, радость его и на этотъ разъ оказалась преждевременною. По свидѣтельству историка, «тѣ изъ присоединившихся раскольниковъ, которые не получили принадлежавшихъ имъ нѣкогда правъ, какъ то: управленія надъ митрополіями, настоятельства надъ монастырями, засѣданія въ царскихъ палатахъ, ежегоднаго еодержанія, всѣ они скоро отпали отъ единомыслія и снова начали жить особняками въ расколѣ (1)».

Но это былъ уже послѣдній, предсмертный порывъ пережившаго себя движенія, ни въ комъ не нашедшій отклика и вскорѣ исчезнувшій безъ слѣда вмѣстѣ съ этими послѣдними его представителями въ новыхъ гражданскихъ и церковныхъ смутахъ.

И. Троицкій.

(Окончаніе будетъ).

посредственно за смѣнами патріарховъ, мы склоняемся къ мысли, что и на этотъ разъ Андроникъ не изменилъ себѣ и возобновилъ свои примирительныя попытки вскорѣ же по вступленіи Нифонта на престолъ, т. е. въ томъ же 1312 г. или въ слѣдующемъ 1313. На приведенномъ выше хрисовулѣ нѣтъ даты.

(1) Григор., стр. 255—256.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 496-524.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

Продолженіе. (*)

V.

Имѣли ли право Арсениты отдѣляться отъ церкви изъ за несправедливаго изложенія патриарха Арсенія? Вотъ тотъ вопросъ, который дебатировался въ ученой полемикѣ, вызванной арсеніанскимъ движеніемъ. Намъ остается разсмотрѣть эту полемику.

Судя по многочисленнымъ прямымъ и косвеннымъ заявленіямъ современныхъ историковъ (1), должно думать, что полемическая литература, вызванная «распрей» Арсенитовъ съ церковію, была довольно обширна; но, къ сожалѣнію, все, что написано было самими Арсенитами въ свою защиту, или безвозвратно погибло для нашего времени, или скрывается въ пыли западныхъ библіотекъ (2), такъ что объ

(*) Предшествующія статьи см. въ Хр. Чт. 1869 г. ноябрь и декабрь и 1871 г. апрѣль и августъ.

(1) Pashum. de Michaële Palaeologo lib. V, с. 28, р. 413—416; lib. VI, с. 23, р. 476—483; с. 24, р. 483—492; de Andronico Palaeologo lib. I, с. 22, р. 60—63; lib. III, с. 22, р. 244—245. Григор. Римская исторія по русск. перев. стр. 5—11, 158—159.

(2) Доказательствомъ того, что въ пыли западныхъ библіотекъ

ихъ доводахъ приходится судить отчасти по тѣмъ отрывочнымъ заявленіямъ, которыя они при разныхъ случаяхъ и по разнымъ поводамъ дѣлали церковному и свѣтскому правительству и которыя внесены въ свои записи современными историками, отчасти по сочиненіямъ ихъ противниковъ, опровергавшихъ ихъ доводы, отчасти наконецъ по аналогіи арсеніанскаго движенія съ предшествовавшими ему движеніями въ томъ же родѣ.

Изъ сочиненій, написанныхъ защитниками церкви противъ Арсенитовъ, уцѣлѣло, или, по крайней мѣрѣ, извѣстно въ настоящее время два—одно изъ нихъ принадлежитъ монаху Меѳодію, другое извѣстному уже намъ Іоанну Хилѣ, митрополиту ефесскому. Первое озаглавляется *Μεθοδίου μοναχοῦ συλλογή ἐκ διαφόρων συνοπτικῶν βιβλίων, ὅτι εἰ δὲ σχιζοῦνται τοὺς λαοὺς ἀπὸ τῶν ἀρχιερέων ὁρθοδόξων ὄντων, εἰ κατὰ τινὰ ἐκκλησιαστικὴν περίστασιν ἢ χειροτονία αὐτῶν προσβῆ* (1); второе—*Τοῦ μετροπολίτου Ἐφέσου Ἰωάννου λόγος συντεθειὸς κατὰ σχισματικῶν ἐκ διαφόρων κανόνων καὶ γραφικῶν ἀποδείξεων, ἀποδεικνύς ὅτι ὁρθοδοξοῦσης τῆς ἐκκλησίας ἀλόγως ταῦτα διίστανται* (2).

скрывается не мало письменныхъ памятниковъ, относящихся къ арсеніанскому движенію, служить то, что нѣсколько такихъ памятниковъ недавно отыскано о. Авдроникомъ Димитракопуломъ между рукописями Вѣнской бібліотеки и издаво въ *ἱστορία τοῦ σχίσματος*, неоднократно нами цитованной.

(1) Издано Ангело Май въ III томѣ *Scriptorum veterum nova collectio*, Romae. 1828 г. р. 246—265, хотя, въ сожалѣнію, не въ полномъ составѣ.

(2) Сочиненіе это находится въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Ватиканской бібліотеки *Ottob. M.№ 213, 225*, и одномъ Вѣнской за № 288. Приведенное нами выше оглавленіе его заимствовано изъ перваго кодекса, цитуемаго Ангело Май въ предисловіи къ VI т. *Spicilegium Romanum*. Romae, 1841 г. р. XVI—XXII, гдѣ дается и довольно подробный анализъ этого сочиненія. Въ цитуемомъ у о. Авдроника Димитракопула кодексѣ Вѣнской оно носитъ слѣдующее заглавіе:

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ авторѣ перваго изъ поименованныхъ произведеній не имѣется (1). Самое его произведеніе появилось въ свѣтъ, по всей вѣроятности, во время перваго патриаршества Іосифа и, можетъ быть, даже въ первые годы этого патриаршества. На это время указываетъ а) прямое свидѣтельство автора, который говоритъ объ Іосифѣ, какъ о своемъ «священномъ патриархѣ, добромъ представителѣ нашего благочестія» (2), б) то обстоятельство, что авторъ опровергаетъ лишь *каноническое* основаніе Арсенитовъ къ отдѣленію ихъ отъ церкви, не касаясь *догматическаго*, которое присоединено было ими къ первому уже послѣ провозглашенія ліонской уніи на востокъ въ 1275 г.

Основная мысль, защищаемая авторомъ противъ Арсенитовъ, ясно выражена въ самомъ оглавленіи его труда,—именно: «вѣрующіе не должны отдѣляться отъ своихъ пастырей, если послѣдніе православны, хотя бы ихъ рукоположеніе и совершилось среди обстоятельствъ, дающихъ поводъ къ жалобамъ». Доводы, которыми онъ доказываетъ справедливость

Λόγος ἀποδείκνυς, ὅτι ορθοδοξούσης τῆς ἐκκλησίας ἀλόγως ταύτης διίσταται οἱ ὄντες ταύτης ἀποσχισμένοι (Ἱστορία τοῦ σχίσματος, σελ. 90).

(1) Аллэйи въ своемъ спеціально изслѣдованіи de Methodiis, et eorum scriptis diatriba (ad calcem Methodii convivii virginian. Rom. 1656) могъ собрать объ этомъ писателѣ не больше свѣдѣній, чѣмъ сколько дается въ приведенномъ нами оглавленіи его сочиненія, именно,—что онъ былъ монахъ, жилъ при патриархѣ Іосифѣ и написалъ противъ Арсенитовъ извѣстное съ его именемъ сочиненіе. Эти же свѣдѣнія повторяетъ и Ангело Манн въ своемъ предисловіи къ изданному имъ сочиненію Меодія, откровенно признаваясь, что nihil praeterea de hoc homine compertum est, p. IX.

(2) Καὶ μὴ ἀποκέρπεισθαι οὕτως ἀκρίτως τὸν τῆς ἡμετέρας καλῶς προϊστάμενον εὐσεβείας, ἀγιώτατον Ἰωσήφ, τὸν ἱερόν ἡμῶν πατριάρχην. Apud Μαίσιον p. 263.

этой мысли, распадаются на двѣ категоріи: съ одной стороны онъ перебираетъ всѣ случаи насильственнаго устраненія патріарховъ съ константинопольской кафедръ и рукоположенія ихъ преемниковъ, начиная съ отреченія св. Григорія Богослова (481 г.) и кончая низложеніемъ патріарховъ при Исаакѣ (1185—1295) и Алексѣй Ангелахъ (1195—1204), и противоканоническаго перемѣщенія съ одной кафедръ на другую; съ другой, —разсматриваетъ случаи не совсѣмъ безукоризненныхъ хиротоній въ разныя іерархическія степени нѣкоторыхъ особенно-чтимыхъ церковію великихъ учителей и святителей. Первымъ рядомъ фактовъ онъ доказываетъ, что насильственное устраненіе съ престола патріарховъ не препятствовало рукоположенію ихъ преемниковъ быть правильнымъ и законнымъ, равно какъ перемѣщеннымъ съ одной кафедръ на другую быть дѣйствительными епископами, вторымъ, —что и несовсѣмъ безукоризненная съ канонической точки зрѣнія хиротонія нѣкоторыхъ нарочитыхъ святыхъ не препятствовала имъ быть дѣйствительно рукоположенными и церкви признавать ихъ въ ихъ санѣ (¹).

Общій тонъ сочиненія апологетическій, авторъ не столько обличаетъ Арсенитовъ, сколько защищаетъ церковь противъ ихъ нападогъ; но по мѣстамъ его спокойная, ровная рѣчь прерывается горькимъ упрекомъ противникамъ.

Было бы слишкомъ долго, да и излишне, слѣдить за всѣми, приводимыми у автора фактами первой

(¹) Πρὸς οὐδένα καὶ γὰρ διεφέροντο, οὗτε Κύριλλος, οὗτε οἱ λοιποὶ πατριάρχαι ἔνεχον τῆς μετατέσεως, καὶ τῶν παρὰ τὴν κανόνων ἀκριβείαν χειροτονιῶν. ἀλλ' οὐδὲ αἱ τούτων χειροτονίαι ἀδεχταὶ τινὲ ἐγεγόνευσαν πῶς γὰρ αὐτῶν ἐπαίνουμένων; p. 248.

категорія, и потому мы ограничимся лишь тѣми, которые имѣютъ ближайшую аналогію съ дѣломъ Арсенія. Такими фактами должны быть признаны: а) дѣло св. Златоуста, б) дѣло патріарховъ Никифора и Тарасія съ студитами изъ-за эконома Іосифа, в) дѣло Игнатія и Фотія и г) дѣло Николая Мистика и Евѣмїя.

а) Первое изъ этихъ дѣлъ излагается и комментируется у автора такимъ образомъ: «кто не знаетъ о виновникахъ беззаконнѣйшаго и нечестивѣйшаго изложенія (*τῆν ἀδικητάτην καὶ παρνομιητάτην καὶ ἀίρεσιν*), великаго Златоуста? Первымъ изъ нихъ былъ Теофилъ александрійскій; за нимъ слѣдовалъ Северіанъ гавальскій и Акакій верейскій; но папа Иннокентій, къ которому эти послѣдніе явились послѣ кончины Златоуста, не подвергъ ихъ ни изложенію, ни запрещенію (*οὐτ' ἐπιτιμώσασκεν*), предоставивъ отмщеніе имъ за Златоуста Богу. И самого Теофила кто отвергалъ? Объ этомъ виновникъ всѣхъ несчастій Златоуста, содѣйствовавшемъ этимъ несчастіямъ словомъ и дѣломъ, мы потомъ читаемъ въ патерикахъ (*εἰς τὰ πατερικά*): сказалъ святой Теофилъ, епископъ александрійскій (*εἶπεν ὁ ἅγιος Θεοφίλος ἐπίσκοπος Ἀλεξανδρείας*). Затѣмъ въ доказательство того, что преемники св. Златоуста на константинопольской кафедрѣ Арсакій, Аттикъ и Сисиній не только признаны были законными патріархами, но и вмѣстѣ съ Нектаріемъ, преемникомъ св. Григорія Богослова, причтены были церковію къ лику святыхъ, онъ ссылается на общій тропарь, составленный и воспѣваемый въ церкви въ честь этихъ святителей 11 октября (1).

(1) *Ἀναγιγνωσκόμεν καὶ εἰς τὰ συναξάρια ἐκκλησιῶν οὕτως τῇ ἐνδοκίῃ*

Рассказавши затѣмъ печальную исторію изложенія и убіенія св. Флавіана на разбойническомъ ефесскомъ соборѣ 450 г. и съ одной стороны поставивши Арсенитамъ на видъ фактъ единодушнаго признанія въ савѣ, преемника Флавіанова Анатолія, съ другой напомнивши имъ мудрое сужденіе папы Льва I о законности хиротоніи послѣдняго (1), авторъ сравниваетъ образъ дѣйствій Арсенитовъ съ дѣйствіями мудрыхъ предстоятелей церкви того времени. Это сравненіе внушаетъ ему слѣдующія горячія строки: «теперь переведемъ рѣчи на нашихъ современниковъ, которые такъ легко обо всемъ говорятъ, прикрываясь именемъ киръ Арсенія, которые, очертя голову (*ὑπὲρ τὰ ἐπιχειρήματα πηδῶντες*), мутятъ всю церковь Божію и, если бы только отъ нихъ зависѣло, готовы были бы повернуть въ верхъ дномъ всю вселенную, въ каждый Божій день переполняя всѣ улицы и дома спорами да раздорами; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ не могутъ дать себѣ отчета въ томъ. изъ-за чего они такъ бьются (*μάχονται*). Въ самомъ дѣлѣ что это такое? однимъ оказана несправедливость, а другіе присвояютъ себѣ право суда и наказанія за эту несправедливость, тогда какъ этихъ другихъ упомянутая несправедливость очень мало, или

τοῦ Ὁκτωβρίου μνήμη τῶν ἁγίων πατέρων ἡμῶν ἀρχιεπισκόπων Κωνσταντινουπόλεως Νεκταρίου, Αρσакίου, Αττικου, καὶ Σισινίου. — Τροπαιὶν ἦχος δ. — Ὁ θεοφόρος κυβερνήτης λαῶν, τῶν ὅλων κυβερνήτῃ θεῷ ἐκτενῶς πρεσβεύσατε, ἱεραρχικῶς ὁδηγούντες καὶ νῦν τὴν ποιμνὴν ὑμῶν ἀνωθεν εἰρήνην αἰτήσασθε ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν (p. 249).

(1) Μαρτυρεῖ τοῦτο καὶ ἡ πρὸς τὸν βασιλέα Μαρκιανὸν ἐπιστολὴ τοῦ πάπα Λέοντος, γραφεῖσα διὰ τὴν τότε γεγονοῦσαν παρακίνησιν τῶν ἐνοριῶν. φησὶ γάρ ἐν αὐτῇ ὁ πάππας Λεων οὕτως διὰ δε τὸ προστεθῆναι αὐτόν, ἔγρον τὸν Ἀνατόλιον, τῇ ὀρθοδόξῳ πιστεῖ, εἰσάσαμεν τὰ περὶ τῆς χειροτονίας αὐτοῦ ἀνεξέταστα ἀρχειοθῆτε γούν ἐν τούτῳ, καὶ παραίτερον μὴ προβαίνετε (p 250).

даже вовсе не касается: на самомъ же дѣлѣ они-то больше всѣхъ и волнуются,—лишь улучшить удобную минуту, сейчасъ же и начинаютъ судить и рядить объ этомъ дѣлѣ, снискивая себѣ такимъ образомъ почетный приѣмъ въ разныхъ домахъ и похвалу отъ другихъ. А развѣ можно сказать что-либо подобное о поименованныхъ выше (великихъ свѣтильникахъ церкви)? Не говоримъ уже о свѣтилѣ вселенной Іоаннѣ Златоустѣ. Онъ ли не подвергался зависти? Онъ ли не потерпѣлъ несправедливости? Но, будучи правиломъ (*στυλὴν*) истины, онъ предоставилъ судъ надъ несправедливостью, которую потерпѣлъ, Богу, имѣющему судить всю землю: а самъ, заботясь о церкви и о томъ, чтобы не разтерзать тѣла Христова, на вопросъ сорока, сущихъ при немъ, епископовъ, о томъ, что имъ дѣлать въ виду столь незаконныхъ, противныхъ всѣмъ каноническимъ правиламъ, поступковъ противъ него, отвѣчалъ съ внушительною настойчивостью: «вступите въ общеніе съ ними (врагами Златоуста), чтобы не сдѣлаться вамъ виновниками раскола»; и такимъ образомъ вину (за предполагаемый расколъ) приписалъ не тѣмъ, которые осудили его незаконно (*ἀδίκως*) и вопреки канонамъ, но сущимъ съ нимъ и (ратовавшимъ) за него святымъ епископамъ, если бы они не сошлись и не вступили въ общеніе (съ его судьями): явно отсюда, что онъ и ихъ считалъ православными» (1).

б) Дѣло патріарховъ Тарасія и Никифора съ студитами изъ-за эконома Іосифа въ изложеніи нашего автора является въ такомъ видѣ: «обрати вниманіе на соблазны, возникшіе (въ церкви) во дни бла-

(1) Раг. 250—251.

женныя памяти святѣйшихъ патріарховъ Тарасія и Никифора и исповѣдника Θεодора Студита изъ-за незаконнѣйшаго и необузданнаго Юсифа, тогдашняго эконома церкви. Соблазны эти возникли изъ-за того, что этотъ послѣдній противозаконно (παρανομῶς) далъ благословеніе сыну великой Ирины, Константину, прогнавшему свою законную супругу и прелюбодѣйнымъ образомъ взявшему на свое ложе другую, на сожитіе съ этою послѣднею, послѣ того, какъ въ такомъ благословеніи отказалъ императору священный Тарасій. Правда, блаженный патріархъ подвергъ незаконнаго Юсифа отлученію, но не только не выдержалъ до конца (ἐν τῆσδεσὶν ἰσχυτέον), но и снова принялъ его въ общеніе, конечно, не по доброй волѣ, а противъ воли: онъ принялъ его принужденный угрозами императора Константина снова поднять только-что благополучно подавленное иконоборство, если только патріархъ окончательно откажется принять въ общеніе Юсифа, о которомъ сей часъ была рѣчь. Впослѣдствіи принялъ его (Юсифа) въ общеніе и патріархъ Никифоръ исповѣдникъ, принужденный къ тому Никифоромъ, который, будучи начальникомъ τῆσδεσὶν ἰσχυτέον, силою похитилъ царство и изгналъ блаженную Ирину. И потомъ уже, когда Никифоръ безславно погибъ въ битвѣ съ болгарами и царство перешло къ сыну его Ставракію и за послѣдовавшей чрезъ два мѣсяца кончиной этого послѣдняго, сдѣлался обладателемъ скинтра Михаилъ Куропалата. Юсифъ болѣе, чѣмъ по достоинству (ὀπερᾶσθιος), какъ могъ бы выразиться кто-нибудь отъ избытка радости, былъ подвергнутъ отлученію священнымъ патріархомъ Никифоромъ.

«Когда это совершилось, вступилъ въ общеніе съ церковію и божественный (Θεός) Θεодоръ (Студитъ) и присоединился къ патріарху, отдавая должную справедливость его познаніямъ (γνώσει) и добродѣтели, какъ объ этомъ пишется въ житіи его и значится въ одномъ изъ его писемъ. Написавшій его житіе говоритъ объ этомъ такъ: «по возвращеніи божественнаго Θεодора и патріарха Никифора изъ ссылки, Θεодоръ, бросивши всѣ споры и пререканія (τῶν φιλονεικῶν καὶ φιλονεικῶν τρεπὼν ἀποφραζόμενος), сталъ совершенно единомысленъ (ἐμόφρον) съ патріархомъ, раздѣляя съ нимъ и кровь и трапезу (ἐμόστους, ἐμοδίτους) и перевозилъ его многими похвалами». Сказанное подтверждается и тѣмъ, что мы знаемъ о великомъ между исповѣдниками патріархѣ Меѳодіѣ; ибо этотъ послѣдній въ одномъ изъ своихъ писемъ къ саккудіанамъ и воскитіанамъ (1), не присоединившимся еще къ церкви, а продолжавшимъ отдѣляться отъ нея, говорить: «если бы блаженный отецъ нашъ Θεодоръ напередъ не отрекся отъ всего того, что онъ говорилъ и писалъ противъ святыхъ патріарховъ Тарасія и Никифора, то мы не приняли бы его въ общеніе». Это письмо желающій можетъ найти въ книгѣ святаго отца нашего Никона» (2).

(1) Разумѣются монахи монастыря, основаннаго родителями преподобнаго Θεодора Студита, въ своемъ родовомъ мѣстѣ Воскитіонѣ близъ Саккудіана.

(2) Разумѣется преподобный Никонъ кающійся † 998 г. Не находя въ изданныхъ доселѣ произведеніяхъ преподобнаго Никона указываемаго Меѳодіемъ мѣста, ученые думали, что оно находится въ какомъ либо неизданномъ еще его сочиненіи. Но изъ арабскихъ кодексовъ, отысканныхъ въ Ватиканской библіотекѣ и изданныхъ Ангело Мажъ въ IV томѣ его *Scriptorum veterum nova collectio*, Romae 1829, оказывается, что мѣсто это находится въ тапикѣ препод. Никона, сохранившемся между этими кодексами (№ 176). (Vid. Spicileg. Romanum t. VI. Praefat.

в) Дѣло патріарховъ Игнатія и Фотія Мееодій излагаетъ такъ: «пресмникомъ св. Мееодія былъ св. патріархъ Игнатій. Дядя императора Михаила, кесарь Варда, вопреки всѣмъ приличіямъ (*ἀσελγῶς*) вступилъ въ преступную связь со своей снохой, прогнавши безъ всякой причины свою законную жену. И когда св. Игнатій настаивалъ на томъ, чтобы онъ прервалъ эту нечистую связь, то Варда, желая избѣжать обличеній и соединеннаго съ ними стыда, — такъ какъ патріархъ удалилъ его изъ церкви, — низвелъ его съ престола и отправилъ въ ссылку, воспользовавшись для исполненія своего желанія легкомысліемъ Михаила. По низложеніи его (Игнатія), благодаря стараніямъ и рскомендаціи (*σπουδῇ καὶ σπουδαίσει*) Варды, съ соизволенія Михаила, былъ возведенъ на престолъ Фотій. А когда Василій Македонянинъ, умертвившій Михаила, овладѣлъ царствомъ, то низвелъ Фотія съ престола и снова возвелъ на оный Игнатія. Причиною, говорятъ, было то, что Фотій объявилъ ему отлученіе отъ животворящаго причащенія, такъ какъ его руки были запятнаны кровію Михаила. Но когда Игнатій кончилъ жизнь, Фотій снова былъ возведенъ на престолъ тѣмъ же царемъ. Сынъ его, мудрѣйшій (*ὁ πρῶτος τῆν φιλοσοφίαν*) Левъ, снова низложивши Фотія изъ опасенія, какъ говорятъ, что онъ не дозволитъ ему отмстить Сантаварину за его извѣтъ противъ него предъ (покойнымъ) императоромъ и отцемъ: ибо объ этомъ помышлялъ Левъ, сдѣлавшись самодержцемъ, —

р. XXIII). Оно приводится также вполнѣ и у Іоанна Ефесскаго и, по тексту его, извлеченному изъ сочиненія митрополита ефесскаго и напечатанному у Маи въ указанномъ томѣ Spicileg. Roman. р. XXIY—XXVI, будетъ приведено нами ниже.

поставилъ въ патриархи собственнаго брата Стефана самовластно (ἐξουσιαστικῶς): и между тѣмъ никто изъ этихъ патриарховъ не былъ отвергнутъ, а напротивъ всѣ были и признаются достойными принятія и чести (δέκται καὶ σεβᾶσται) въ церкви вѣрныхъ. Это ясно изъ синодика; ибо въ немъ написано слѣдующее: Игнатію, Фотію, Стефану и Антонію, святѣйшимъ патриархамъ, вѣчная память. И еще: всему, что было сказано и написано противъ Игнатія и Фотія, святѣйшихъ патриарховъ, анаѐма» (1).

«Упомянувши сейчасъ о синодикѣ, я припомнилъ то, что забылъ было сначала, именно: въ немъ значится также и слѣдующее: «святѣйшимъ патриархамъ Тарасію и Никифору вѣчная память; и еще: всему, что было сказано и написано противъ святѣйшихъ патриарховъ, Тарасія и Никифора, анаѐма. Смотрите же вы, противорѣчащіе нынѣ общему сонму (κληρώματι) православныхъ, какой правый и благопріятный Богу судъ произнесла святая католическая церковь, и священно-проповѣдники святые апостолы, и святые отцы; содрогнитесь, убѣждаю васъ, помысливши о томъ, какое зло вы причиняете, и исправьтесь. И выше реченные святые, такъ какъ всѣ были люди, то и испытали нѣчто человѣческое (ἀνθρώπινον τὸ κριθόντες),—всѣ вы знаете, сколько они другъ противъ друга говорили и писали,—поелику они дѣйствительно имѣли къ тому благовидные поводы (εὐλόγους δῆθεν ἐνέπεσον ἀφορμαίς) и думали найти себѣ защиту въ точномъ смыслѣ каноновъ (τῆς ἀκριβείας ἀντιποιεῖσθαι ἐνέμεταν),—что, повидимому, и съ нѣкоторыми изъ васъ незадолго предъ симъ случилось.

(1) Ibid. p. 256—257.

Впрочемъ, о многомъ, что дѣлають и чему учать прикрывающіеся вашимъ радѣніемъ о точности (канонѣ), лучше прейти молчаніемъ, чѣмъ предавать письмени: *бываемая бо отай отъ нѣкоторыхъ*, говоритъ божественный апостоль, *срамно есть и глаголати*: о дѣяніяхъ этихъ людей рассказываютъ обратившіеся къ намъ изъ вашего заблужденія, сопровождая свою исповѣдь (ἐξουλολογησιν) великимъ сокрушеніемъ и слезами. И такъ снова повторяю, вышереченные святые написали то, что писали, находясь въ свойственномъ людямъ раздражительномъ состояніи; а внушенный свыше (ἐνθεος) судъ церкви подвергъ соборнѣ анаемѣ то, что было сказано и написано во время любопренія (φιλοπρηνείας) и въ разгарѣ страстей, самихъ же сказавшихъ и написавшихъ всѣхъ принялъ любезнѣ (ἀσπασίως) и вотъ возглашаетъ всѣмъ имъ вѣчную память» (1).

«Чему же все это насъ поучаетъ? Поучаетъ тому, что единеніе и миръ между православными христіанами, безмятежно и единодушно охраняемые со страхомъ Божіимъ и любовію, лучше, чѣмъ погоня за точностью законовъ (ἢ τῶ ἀκριβείαν δοκεῖν διαίκειν) и терзаніе прекраснаго тѣла церкви Христовой; *о семъ бо*, говоритъ и Господь, *познають вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, а не о томъ, что будете соваться всюду съ точностью канонѣ. Кто изъ-за точности какого либо канона производить смуты, поднимаетъ мятежи (στάσεις) и раздраетъ тѣло церкви, когда она хранитъ благочестіе при православіи, тотъ морочитъ самъ себя (λέληθεν ἑαυτὸν), хотя бы мнилъ, что онъ дѣйствуетъ по религіозному

(1) Ibid. p. 257—258.

чувству» (ἀπὸ ἐπιλαβείας κινεῖσθαι) (1). Подтвердивши свою мысль авторитетомъ св. Златоуста (2) и св. Игнатія Богоносца, онъ переходитъ къ дѣлу патріарховъ Николая Мистика и Евѳимія.

г) «Левъ мудрый, о которомъ я недавно упоминалъ, изгнавши незаконно (ἀδίκως) съ престола Николая Мистика за то, что тотъ не позволялъ ему четвертаго брака, назначилъ патріархомъ синкелла Евѳимія. Но когда Левъ отшелъ отъ сей жизни, а Александръ, братъ его, присвоилъ себѣ царскую власть, то низложилъ съ престола Евѳимія и снова возстановилъ на собственномъ престолѣ Николая. Но оба эти патріарха пріемлются всеконечно церковію, какъ православные и подвизавшіеся за божественные законы; ибо и Евѳимій, говорятъ, много подвизался о томъ, чтобы воспрепятствовать Льву написать и принять законъ о четвертомъ бракѣ; въ чемъ и дѣйствительно успѣлъ» (3).

Вопросъ о законности или незаконности патріарховъ, перемѣщенныхъ на константинопольскую кафедру

(1) Ibid. p. 258—259.

(2) Homil. XI in Epist. ad Ephes., тамъ же приводится и относящаяся сюда мѣсто изъ твореній св. Игнатія Богоносца. По русскому переводу оба эти мѣста читаются такъ: «ничто не можетъ столько производить раздѣленій въ церкви, какъ любоначаліе: ничто такъ не оскорбляетъ Бога, какъ то, когда кто производитъ въ ней раздѣленія. Хотя бы мы совершили тысячу добрыхъ дѣлъ, подвергнемся осужденію не меньше тѣхъ, которые терзали тѣло Его (І. Христа), если будемъ расторгать цѣлость церкви... Сказанное мною относится не въ начальствующимъ только, но и къ подчиненнымъ. Одинъ святой мужъ сказалъ нечто такое, что могло бы показаться дерзновеннымъ, если бы не было имъ сказано. Что именно такое? Сказать, что такого грѣха не можетъ загладить даже кровь мученическая». По русск. пер. Бесѣдъ св. Златоуста на посланіе къ Евѳессамъ, помѣщенныхъ въ Христіанскомъ Читеніи за 1858 г., стр. 202—203.

(3) Ibid. p. 259.

съ другихъ каедръ, былъ возбужденъ Арсенитами по случаю перемѣщенія преемника Арсеніева Германа съ адрианопольской каедры на константинопольскую. Арсениты, какъ мы видѣли, провозгласили это перемѣщеніе духовнымъ прелюбодѣвіемъ и на томъ основаніи, что подобныя перемѣщенія строго запрещены церковными канонами, отказались признать Германа законнымъ патріархомъ. Изъ полемическаго произведенія Меѳодія видно, что среди полемики съ защитниками упомянутаго перемѣщенія, ссылавшимися на бывшіе прежде примѣры подобныхъ перемѣщеній, Арсениты соглашались сдѣлать нѣкоторую уступку своимъ противникамъ въ пользу нѣкоторыхъ, особенно уважаемыхъ, святыхъ архинастырей константинопольской церкви, перемѣщенныхъ на ея каедру съ другихъ каедръ. «Нѣкоторые, — говоритъ Меѳодій, — изъ раздѣляющихъ вашу образъ мыслей, когда-то разсуждая со мной, пресерьезно, хотя и пребезсмысленно, утверждали, что Мелетія Антиохійскаго, Германа Исповѣдника и Прокла, изъ Кизика перемѣщеннаго въ сей царствующій градъ, и на ряду съ ними Григорія Богослова мы приемлемъ съ разсужденіемъ по благодати (*μετὰ διακρίσεως κατὰ χάριν δεχόμεθα*), а не какъ настоящихъ архіереевъ (*ἀλλ' οὐχ ὡς γυναικῶς ἀρχιερεῶν τεσσάρων*). Неужели всѣ вы такъ же думаете? Или болѣе благочестивые изъ васъ такъ же точно отплевываются (*καταπτύσσει*) отъ этихъ нечестивыхъ рѣчей, какъ и мы, и благоговѣнно чтутъ вышереченныхъ святыхъ, какъ дѣйствительныхъ представителей истины (*γυναικῶν τῆς ἀληθείας προστάταις*) и законно іераршествовавшихъ въ церкви, а не по присущей имъ благодати (*κατ' οὐκείαν χάριν*) и разсужденію. Впрочемъ, что вы объ

этомъ думаете, вамъ лучше знать. Что же касается церкви Божіей, то она гордится ими, какъ дѣйствительными представителями, учителями и защитниками православной нашей вѣры (τοῦ ἁγίου τῆς κατ' ἡμᾶς πίστεως λόγου) и, пронося ее повсюду, побѣждаетъ всякую ересь и всякое злоумышленіе (κακόνοια) усиливающихся подъ прикрытіемъ благоговѣнія растерзать тѣло вѣрующихъ, отражая и далече отгоняя ихъ ученіемъ и дѣяніями этихъ святыхъ мужей» (1).

На фактахъ второй категоріи (2) мы не останавливаемся, такъ какъ они прямого отношенія къ распрѣ Арсенитовъ съ церковію не имѣютъ и введены авторомъ въ свой апологетическій трудъ лишь для усиленія основной, развиваемой имъ мысли.

Приведенныя нами выдержки изъ апологетическаго произведенія Меодія показываютъ, что онъ сводитъ всю распрю Арсенитовъ съ церковію къ вопросу о законности перемѣщенія Германа и дѣйствительности хиротоніи Іосифа, доказывая ту и другую историческими примѣрами прежняго времени, т. е., другими словами, — опровергаетъ каноническое основаніе къ отдѣленію ихъ отъ церкви. Но извѣстно,

(1) Ibid. p. 262.

(2) Здѣсь Меодій ссылается на примѣры а) св. Кирилла іерусалимскаго, который, принадлежа къ числу ὁμολογῶν—никовъ и будучи возведенъ на каедру іерусалимскую на мѣсто низложеннаго за ὁμολογία Максима, не только не былъ никогда отвергаемъ за то, что занялъ престолъ при жизни своего предшественника, но и почитается церковію въ числѣ святыхъ; б) св. Мелетія, который за единомысліе и услуги свои аріанамъ, послѣдовательно былъ возведенъ на каедры севастійскую, беррійскую и антиохійскую и при всемъ томъ никѣмъ не былъ отвергаемъ; в) св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста, которые получали свою хиротонію—первый, пресвитерскую, а второй, діаконскую,—отъ этого Мелетія, и между тѣмъ эта хиротонія безспорно признаваема была всѣми дѣйствительною. Pag. 231—263.

что со времени провозглашенія ліонской уніи на востокѣ въ 1275 г., Арсениты присоединили къ этому основанію другое—*догматическое*, состоявшее сначала въ томъ, что «церковь вступила въ общеніе съ латинянами», и потомъ въ томъ, что во главѣ ея стоялъ патріархъ (¹), обличенный въ ереси, и такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, запятнала себя общеніемъ съ еретиками и потеряла чистоту православія. Вслѣдствіе этого, задача церковной апологетики осложнилась, — кромѣ каноническаго основанія ей пришлось опровергать еще догматическое и притомъ явившееся въ двухъ различныхъ формахъ. Такимъ образомъ дѣйствительно и понимаетъ свою задачу второй апологетъ церкви, Іоаннъ Хица, митрополитъ ефесскій. Въ своемъ выше приведенномъ сочиненіи онъ опровергаетъ на ряду съ каноническимъ и догматическое основаніе своихъ противниковъ.

Къ сожалѣнію, мы знаемъ о содержаніи этого сочиненія лишь по анализу его, сообщенному Ангело Маи въ предисловіи къ VI тому его *Spicilegium Romanum*, и по нѣсколькимъ отрывкамъ, изъ которыхъ четыре помѣщены упомянутымъ ученымъ въ текстѣ означеннаго предисловія, одинъ о Андроникомъ Димитракопуломъ въ его *Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἐλληνικῆς*, и два Алляціемъ въ его изслѣдованіяхъ: *de Methodiis* (р. 383—384) и *de octava Synodo Photiana* (ed. Romae 1662, р. 137—138). Всѣ эти отрывки относятся къ каноническому вопросу, дебатировавшемуся между Арсенитами и церковію, и лишь помѣщенный у о. Андроника—въ догматическому. Но эти скудные отрывки изъ объема-

(¹) Григорій кирсскій.

стаго произведенія митрополита ефесскаго, даютъ намъ ясное представленіе лишь о томъ, какъ авторъ выгораживалъ свою церковь изъ обвиненія въ еретичествѣ за общеніе съ патриархомъ Григоріемъ, и не даютъ почти никакого понятія о томъ, какъ онъ оправдывалъ ее за унію съ латинянами. Повидимому, на этомъ пунктѣ онъ поддерживалъ мысль, выраженную императоромъ Андроникомъ въ своей рѣчи къ Арсенитамъ, на собраніи 23 сентября 1306 г., именно, что допущенное предшествовавшимъ правительствомъ зло исправлено тщаніемъ и трудами настоящаго главы государства (1).

Но способъ защиты церкви отъ обвиненія въ еретичествѣ за общеніе съ патриархомъ Григоріемъ поражаетъ своею неожиданностію. Мы видѣли, что авторъ сильнѣе, чѣмъ кто-либо, поддерживалъ и сло-

(1) Такъ заставляетъ думать а) широковѣщательный панегирикъ, сказанный авторомъ благочестію, ревности по чистотѣ православія и особеннымъ заслугамъ на его пользу императора Андроника (*Ibi enim laudat Andronicum, quod adeptus sceptrum, ilico patrium (id est patriæ) dogma professus sit, quovis alio ob peregrinitatem excluso, et quod omnem novitatem corruptelamque doctrinæ abjecerit, etc.; quibus verbis reditum Andronici ad schisma (т. е. къ православію) post Michaëlis parentis obitum, qui anno contigit MССLXXXII, significare ac dilandage videtur. Præfatio Maii p. XX*) и б) слѣдующая цитуемая у Май фраза изъ сочиненія митрополита ефесскаго: *εὐχρίστου ταῦτα, ἰσως γὰρ ὀφελιθῆρονται οἱ καθὼς λέγοντες ἀποσχισθῆναι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ Ῥωμῆς, πρὸ τοῦ καταδικασθῆναι αὐτὸν καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ὡς καθόροντας* (*Ibid.*). Превознося императора Андроника за устраненіе уніи, авторъ, очевидно, не отрицалъ факта вступленія въ общеніе съ латинянами и, значить, основывалъ свою защиту не на отсутствіи этого факта, а на послѣдующемъ отмѣненіи его. Въ свою очередь приведенная нами фраза изъ апологетическаго произведенія Іоанна показываетъ, что онъ не хотѣлъ основать своей защиты (да и не могъ, такъ какъ это поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою) на томъ фактѣ, что латиняне не были формально осуждены, какъ еретики. Изъ-за чего бы въ такомъ случаѣ прерывать общеніе съ ними, установленное на лѳонскомъ соборѣ?

весно и письменно обвиненіе этого патріарха въ ереси, такъ что за эту настойчивость поплатился даже потерей своей епархіи. Но теперь, по вопросу о православіи Григорія, онъ держитъ къ Арсенитамъ такую рѣчь: «снова повторяемъ, что хотя противъ патріарха Григорія и было выставлено извѣстное обвиненіе (въ ереси), но выставлено было противниками церкви Христовой (*παρὰ τοῦ τῶν ἀντικειμένων τῆ ἐκκλησίας τοῦ Χριστοῦ*), а тѣ, которые находились въ общеніи съ нею и занимали первыя мѣста (*τὰ πρῶτα φερόντων*) въ великомъ клирѣ сего царствующаго и величайшаго изъ городовъ, и которые подписали и власть (патріаршую) на него, движимые самою истиною, тѣ считали его *τοῦτος* ничѣмъ инымъ, какъ огражденіемъ (*ἀσφάλειαν*) всякаго благочестія и православія. Притомъ, когда было заявлено противъ него извѣстное обвиненіе, онъ первѣе всего выставилъ за себя письменныя апологіи (¹), въ которыхъ, между прочимъ, предалъ анаѳемѣ и извѣстное еретическое и вздорное (*φλασρὸν*) произведеніе Марка вмѣстѣ съ его хулами (*βλασφημίαις*); мало того, онъ заклялъ себя страшнѣйшими клятвами, что ничего не зналъ о странномъ и совершенно неумѣстномъ измышленіи (*φρόνημα*), проведенномъ въ означенномъ сочиненіи, ни тогда, когда онъ (Маркъ) его замышлялъ, ни тогда, когда писалъ, ни когда издавалъ для другихъ съ такимъ вредомъ. Послѣ этого онъ самъ вмѣстѣ съ окружавшими его епископами, а не кто-либо изъ супротивныхъ и постороннихъ, исправилъ и самый, заподозрѣнный въ неправославіи *τοῦτος*, и за это (*παρὰ τοῦτο*) сей мудрѣйшій мужъ не только не заслуживаетъ никакого осу-

(¹) Эти апологіи цитованы нами выше.

ждения, а напротивъ достоинъ всевозможныхъ похвалъ; ибо и та кажущаяся погрѣшность (*τὸ δοκοῦν ἐκείνο ἄπιστην*) не была дѣломъ ни лукавства, ни злоумышленности, ни неправомыслія, и въ самомъ началѣ, когда онъ составлялъ *τῶν* противъ мѣвнія Векка и его противнаго пустословія (*κευφορίας*), не имѣлъ чего-либо другаго въ умѣ, а предположилъ себѣ цѣлю собрать во едино всѣ его лживыя измышленія и опровергнуть, насколько хватить силъ (*ἐπέσθη τῆς δυνάμεις*), поставить и укрѣпить подтверже (*καταστήσει*) всепобѣждающую истину. Если же этотъ благородный борецъ за правые догматы, полемизируя письменно съ противникомъ, въ своемъ бурномъ порывѣ, въ увлеченіи истиной и благочестіемъ и въ неудержимомъ стремленіи своемъ обличить ложь, споткнулся нѣсколько и впалъ въ погрѣшность, во все этого не желая, сколько мы знаемъ; то всѣмъ здравомыслящимъ и правильно понимающимъ цѣль сочиненій не безъизвѣстна эта слабость (*τὸ πάθος ἐκείνο*), и было бы несправедливо слишкомъ строго порицать его за нее,—ее можно встрѣтить и въ твореніяхъ такихъ великихъ мужей, какъ священно-мученикъ Діонисій Александрійскій и великій въ чудесахъ Григорій. Что написали эти святые и сколько и какія пораженія нанесли они въ свое время еретическующимъ, подвизаясь противъ этихъ враговъ истины и благочестія, желающіе могутъ узнать, прочитавши письмо великаго отца нашего Василія къ философу Максиму и къ неокесарійцамъ». Прочитавши относящіяся сюда мѣста изъ упомянутыхъ писемъ, ораторъ продолжалъ: «кто, слыша и видя это и мысленно сближая съ этимъ дѣло патріарха Гри-

горія, рѣшится произнести судъ и осужденіе противъ этого дивнаго (ἀμείνον) и православнаго мужа, противъ этого истиннаго жилища (δικον) всякой мудрости и наставленія (καταδείξεως); какъ и противъ тѣхъ святыхъ архіереевъ! (1).

Отклонивши такимъ образомъ отъ своей церкви обвиненіе въ ереси, авторъ смѣло ставитъ и защищаетъ положеніе, что «законно и праведно можно отдѣляться отъ церкви лишь изъ-за очевидной и доказанной ереси».

По примѣру своего предшественника, онъ доказываетъ справедливость этого положенія путемъ историческимъ; но, сообразно съ болѣе широкой постановкой своего положенія, ведетъ иначе и рядъ своихъ доказательствъ. Съ одной стороны онъ рисуется великолѣпную картину благъ любви и мира между членами церкви для ея преслѣянія и процвѣтанія (2), съ другой—мрачную картину всевозможныхъ золъ, производимыхъ въ церковной жизни расколами, и,

(1) Ἰσχυρὰ τοῦ εὐχρισματοῦ, сѣл. 90—92. Это мѣсто довольно точно опредѣляетъ и время написанія апологетическаго произведенія нитрополита ефесскаго. Очевидно, оно написано уже послѣ удаленія Григорія кипрскаго на покой и, можетъ быть, даже и послѣ его кончины.

(2) «Нѣтъ ничего въ жизни выше и сладостнѣе любви, нѣтъ ничего въ мирѣ полезнѣе и вожделѣннѣе мира и единенія; ибо и самъ Богъ есть и называется любовью, и миръ по Бозу превосходитъ всякъ умъ, какъ мы научены: они (миръ и любовь) склонили Звѣздителя и Владыку всяческихъ преклонять небеса и сойти на землю; и Онъ дѣйствительно сошелъ и по намъ ради насъ содѣлаеся по истинѣ человѣкомъ, кромѣ грѣха; и все совершивъ и исполнивъ свойственное людямъ (ἀνθρώπινα), благовѣстивъ блага мира ближнимъ и дальнимъ. Паче другихъ возлюбилъ ихъ (миръ и любовь) и благовѣрный рода нашего царь и вслѣдствіе этого, какъ видите, созвавъ всѣхъ сюда для того, чтобы выстѣ съ Богомъ благовѣстить намъ блага мира, прекратить долговременную войну и свести раздѣленное къ прѣжнему союзу (συνάφεια)». Lib. cit. p. XVIII.

взвѣсивши затѣмъ тѣ основанія, на которыя опирались раскольники, отдѣляясь отъ церкви, съ тою безмѣрною массою зла, которое отсюда возникало для членовъ церкви, приходитъ къ заключенію, что эти основанія далеко не уравниваются съ этою массою. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ основаній, авторъ находитъ, что они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ *εὐκλήματα*, которыя, конечно, весьма желательно устранять и исправлять, но которыя, по существу своему, суть не что иное, какъ *μικροψυχία*, которыя такъ порицаетъ въ членахъ церкви св. Василій Великій, и изъ-за которыхъ онъ такъ настойчиво совѣтуетъ не причинять такой страшной напасти народу Божию, каковъ расколъ».

Здѣсь между прочимъ ученый митрополитъ возвращается къ дѣлу студитовъ съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ, извѣстному уже намъ по изложенію его предшественника на полемическомъ поприщѣ, Меѳодія. Въ изложеніи митрополита ефесскаго дѣло это дополняется нѣкоторыми подробностями, дающими ему болѣе характерную постановку. Рассказавши въ общихъ чертахъ ходъ и исходъ этого дѣла при жизни патріарховъ Тарасія и Никифора, онъ старается опредѣлить взглядъ на это дѣло и отношеніе къ нему четвертаго преемника Никифорова св. Меѳодія (842—846), пользуясь одною изъ его бесѣдъ, давно уже утраченною для нашего времени (1), и его письмомъ, на которое между прочимъ ссылался и монахъ Меѳодій. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій св. Меѳодій, по словамъ нашего автора, предостерегалъ свою паству отъ общенія съ студи-

(1) *Maî. Præfat. ad t. VI. Spicileg. p. XXII.*

тами въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не вкушайте вмѣстѣ съ ними пищи и не здоровайтесь съ ними, поелику, если пріобщитесь къ ихъ дѣламъ, то по необходимости будете общниками и въ ихъ анаѳемѣ. И о томъ вамъ напомнимъ, что если они когда-нибудь обратятся и предадутъ анаѳемѣ свои злостныя писанія, направленные не столько противъ патріарховъ (1), сколько противъ церкви, такъ какъ эти, утвердившіе церковь, св. мужи представляютъ собою саму церковь (ἐκείνοι γὰρ ἦσαν ἡ ἐκκλησία οἱ καὶ ταύτην στηρίζαντες), то имъ дано будетъ время, для покаянія, но не для священства (ιερωσύνης)» (2). Въ письмѣ своемъ, адресованномъ къ самимъ студитамъ, св. Меѳодій выражается о томъ же предметѣ такъ: «если вы не предадите анаѳемѣ того, что вами написано противъ преподобнаго Никифора и троблаженнаго (τρισεβίου) Тарасія, сегодня въ присутствіи нашихъ братьевъ и сослужителей, или въ назначенный для того день, по прибытіи ихъ въ вашъ монастырь для выслушанія оной, и не исполните опредѣленія о сожженіи и анаѳематствованіи упомянутыхъ сочиненій, какъ мы написали въ постановленіяхъ о церкви (καθὼς ἀπολογούμενοι ἐν ταῖς περὶ τῆς ἐκκλησίας διοικήσεσι γεγραφήκαμεν), то знайте, братья, что мы не просто предадимъ васъ анаѳемѣ (ἀναθεματίσομεν) вмѣстѣ со всѣми вашими приверженцами, а анаѳематствуемъ (καταθεματίσομεν) васъ съ позоромъ (3); ибо блаженный игумень

(1) Тарасія и Никифора.

(2) *Mai*, loco cit. p. XXII—XXIII.

(3) Противъ этого мѣста на полѣ манускрипта сдѣлана, по свидѣтельству Мав, слѣдующая, не лишняя значенія для характеристики возвращенія, представляемаго противниками Арсенитовъ, приписка: «нужно знать, что ученики Студита (Теодора) послѣ его святой кончины, не желая подчиняться каволической церкви Христовой какъ должно,

вашъ и учитель въ концѣ своей добропобѣдной жизни, литургисая съ нами, на дѣлѣ отрекся отъ своихъ словъ (ἐσῴφ τοὺς ἰδίους λόγους ἠΐστατον), иначе онъ никогда не былъ бы съ нами, если бы написанное имъ противъ насъ носилъ въ душѣ противъ себя самого. Не въ видѣ упрека мы написали это; да, не будетъ этого; не того мы хотимъ и не о томъ молимся; но мы высказали все это потому, что у насъ наболѣло на душѣ и намъ хотѣлось облегчить ее откровеннымъ объясненіемъ, и высказали для того, чтобы вы знали, какъ мало мы желали бы останавливаться на этомъ предметѣ; а если бы мы хотѣли, то могли бы выставить вамъ противъ ва-

а лучше водиться собственнымъ произволомъ (θελήματι), взявши предлогомъ для себя старинное обвиненіе его (противъ церкви), сфабриковавши (συνπλασθέντες) и присовокупивши къ нему некоторыя другія причины, снова отшатнулись и отделились отъ общей церкви Христовой. Велѣдвіе этого приснопаятнѣй между патріархами св. Меодій, подвижнись соборнѣ (συνεδίχως κινήσεις), произнесъ противъ нихъ анаѹему. Но въ тоже время этотъ великій патріархъ, часто увѣщевая ихъ, говорилъ имъ такъ: «церковное ученіе никогда не было и не будетъ двоякимъ и не можетъ дѣлиться (μεριστή); не можетъ быть также ни анархическимъ, ни безголовымъ (οὐδὲ ἀναρχός τις καὶ ἀκέφαλος), не имѣющимъ надъ собою никого начальствующаго (κατάρχουτος), и не носящимъ надъ собою головы, — этого никогда не видано, да никогда и не будетъ видано. Ибо глава всей земли есть человекъ, по апостолу; а такъ какъ человекъ раздѣляется на мужа и жену, то главою жены бываетъ мужъ; глава мужа—Христосъ; а глава нераздѣлимаго (ἀμεριστου) Христа, о чудо!—Богъ. И такимъ образомъ все тѣло церкви, счищаемое (συναρχολογούμενον) отъ Христа и во Христа, возрастаетъ въ мѣру возраста Христова. Вы же совершенно чужды этой церкви; и такъ какъ вы не имѣете главы и начала (ἀκέφαλοι ὄντες καὶ ἀναρχοί), то не имѣете права называться и участниками и общниками церкви Христовой. Ибо не имѣющій главы не можетъ никакимъ образомъ быть главою другаго; желая подчинить себѣ другихъ, вы, при собственномъ неподчиненіи никому (ἀυτοκαταξίᾳ), не можете имѣть и вѣсть другихъ въ своемъ подчиненіи; ибо, желая подчинять ихъ себѣ словомъ, вы дѣломъ учите ихъ оставаться неподчиненными».

Lib. cit. p. XXIV Not. 1.

шего упорства и каноническія правила и примѣръ самыхъ прямыхъ на этотъ счетъ судебныхъ постановленій (*δικαιωματῶν ρήματα καὶ ἐπιτάγματα κρίματα*), — у насъ очень много и тѣхъ и другихъ, — но, чтобы не раздражить васъ еще болѣе, мы умолчимъ объ этихъ правилахъ и примѣрахъ, равно какъ и о многомъ другомъ, что можно было бы присоединить къ нимъ и что не бесполезно было бы вамъ выслушать. Въ-место того, мы молимъ преблагаго Господа І. Христа и не престанемъ и впредь усердно молить, дабы Онъ даровалъ намъ и вамъ миръ Свой, единеніе, согласіе и другъ ко другу благорасположеніе, съ прекращеніемъ всѣхъ волнующихъ насъ теперь толковъ и словоизверженій».

Дѣло патріарховъ Игнатія и Фотія въ изложеніи митрополита ефесскаго также имѣетъ свою болѣе характерную постановку: «кто не знаетъ, сколько въ то время произошло совершенно неожиданнаго между патріархами Игнатіемъ и Фотіемъ и какъ тогдашніе архіереи въ полномъ своемъ составѣ (*τὸ πλῆθος τῶν τότε ἀρχιερέων*) не разъ, не два и не три брали назадъ свои заручныя записи (*τὰς ἐγγυράσις ἀσφαλείας ἑαυτῶν*). Сегодня они даютъ подписку (*ἐγγυράσαντες*) стоять за Игнатія досмерти. Завтра дѣлаютъ тоже самое относительно Фотія, отложивши въ сторону свои прежнія записи (т. е. данныя Игнатію). Затѣмъ, послѣ всѣхъ этихъ гарантій (*ἀσφαλείας*), того же самага Фотія и его приверженцевъ низлагаютъ, отлучаютъ отъ церкви, предають анаемѣ, мало того призываютъ на себя всѣ вѣнчаныя, если они когда либо измѣнятъ то, что ими постановлено и примутъ Фотія снова въ архіереи послѣ того, какъ отвергли его такимъ образомъ.

Но потомъ, спустя нѣсколько времени, разрушаютъ и эти закрѣпы (*ισχυρά*), и, какбы снова, по пословицѣ, марка перевернулась надъ церковію; на общихъ собраніяхъ (*καθολικαῖς συνελεύσεσι*), провозглашаютъ, встрѣчаютъ шумными оваціями (*ἀνευφημοῦντες*), рукоплещутъ, превозносятъ, осыпаютъ и увѣчиваютъ Фотія широкими (*μακροῖς*) похвалами и панегириками, называя его истиннымъ человѣкомъ Божиимъ, законнымъ архіереемъ, каноническимъ (*ἔγκανον*) свѣтильникомъ церкви, свѣтиломъ вселенной, благочестія поборникомъ (*προστάτην*), истинны учителемъ» (1).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, касался ли такимъ же образомъ Іоаннъ и другихъ, изложенныхъ нами выше со словъ Меодія, дѣлъ, имѣвшихъ аналогію съ дѣломъ Арсенія. Въ анализѣ Маи дальнѣйшее направленіе мыслей въ трудѣ митрополита ефесскаго идетъ въ такомъ порядкѣ.

Воспѣвши панегирикъ Андронику за его неослабныя усилія къ возвращенію церкви благъ любви и мира и освобожденію ея отъ бѣдствій раскола чрезъ устраненіе всѣхъ поводовъ къ соблазну, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ пресловутой *ἀκριβεία τῶν κανόνων*, которою Арсениты мотивировали свое отдѣленіе отъ церкви. Находя «точное соблюденіе каноновъ» дѣломъ весьма похвальнымъ само по себѣ, онъ однакожъ думаетъ, что мудрая церковная политика (*δικονομία ἐκκλησιαστικῆ*) требуетъ не всегда и не безусловно настаивать на этой *ἀκριβεία*, чтобы, держась слишкомъ упорно за часть, не потерять цѣлаго.

Подтвердивши эту мысль авторитетомъ св. Кирилла Александрійскаго (2), доказываетъ далѣе са-

(1) De octava Synodo Photiana p. 137—138.

(2) Изъ твореній св. Кирилла Александрійскаго, по словамъ Маи,

мою исторією канонѣвъ, что хотя эти каноны прекрасны и въ большинствѣ своемъ чрезвычайно полезны, не настолькоъ однакожъ непреложны и неподвижны, чтобы церковная власть, по требованію обстоятельствъ, не могла благоразумно измѣнять ихъ: «нужно ли говорить вамъ о томъ, сколько канонѣвъ, постановленныхъ древнѣйшими отцами, бывшіе послѣ нихъ архіереи и великіе отцы наши совершенно отмѣнили (*αρχαία τελευτά συνέταξαν*)? Знакомые съ исторіей священныхъ канонѣвъ хорошо знаютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, на примѣръ, теперь тотъ канонъ, который установилъ, чтобы епископы жили съ своими женами? Гдѣ тотъ, который повелѣваетъ перекрещивать схизматиковъ и еретиковъ? Гдѣ тотъ, который опредѣляетъ, чтобы въ каждомъ городѣ было не больше семи діаконовъ? Гдѣ тотъ, которымъ было узаконено, чтобы мы въ великій четвергъ причащались страшныхъ Христовыхъ таинъ послѣ вкушенія пици, по подражанію, вѣроятно (*τάχα*), извѣстной Господней вечера? Гдѣ и тотъ канонъ, которымъ избраніе и утверженіе (*ἐκλογήν καὶ ψήφον*) епископовъ предоставлялось народнымъ массамъ (*τοῖς πλῃθεσι*)? Но довольно. Было бы слишкомъ долго перечислять и предлагать общему вниманію (*εἰς μέσση παραχρησῆαι*) всѣ, вышедшіе изъ употребленія каноны (1).»

овъ цитуетъ письмо этого св. отца въ архимандриту Геннадію (по париж. изд. твореній св. Кирилла 1638 г. т. V part. 2, р. 191). Св. Кириллъ въ этомъ письмѣ убѣждаетъ Геннадія не смущаться тѣмъ, что св. Прокль константинопольскій принялъ въ церковное общеніе іерусалимскаго епископа и не прерывать изъ-за этого общенія съ константинопольскимъ святителемъ, такъ какъ *μία γὰρ ὑπόστασις ἐστὶν ἐμοῦ τε καὶ τῆ ὁσιότητι αὐτοῦ* (Прокла) καὶ ὁ τῆ: οἰκονομία τρέπεται. Ἔσ' ὁδὲν τῶν συνετῶν ἀπέρροσεν.

(1) Spicil. Rom. t. VI Praefatio, р. XXI—XXII.

Мысль объ измѣняемости церковныхъ канонѣвъ ученый митрополитъ подтверждаетъ между прочимъ авторитетомъ папы Іоанна VIII, цитируя одно мѣсто изъ письма этого папы къ императору Василию Македонянину, по дѣлу о возстановленіи Фотія на престолѣ (1).

Такимъ образомъ въ апологетическомъ произведеніи митрополита ефесскаго частный вопросъ о нарушеніи нѣкоторыхъ церковныхъ правилъ превращается въ общій вопросъ о значеніи всѣхъ церковныхъ правилъ вообще. Какимъ образомъ произошло это превращеніе, мы сейчасъ увидимъ.

Итакъ, оба апологета церкви, не смотря на разность въ пониманіи своей задачи, не отъ нихъ, впрочемъ, зависѣвшую, совершенно согласны въ своихъ взглядахъ на своихъ противниковъ. Въ глазахъ того и другаго Арсениты—раскольники, такъ какъ отдѣляются отъ церкви изъ за нарушенія ею канонѣвъ,—что не можетъ быть признано достаточнымъ основаніемъ къ отдѣленію отъ нея, какъ это несомнѣнно доказывается а) фактами изъ церковной исторіи и каноники прежняго времени, и б) ясными изреченіями на этотъ счетъ знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. Другими словами, они оправдываютъ научнымъ образомъ взглядъ на Арсенитовъ, усвоенный церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ въ сферѣ практическихъ къ нимъ отношеній.

Арсениты, какъ мы видѣли, энергически оспори-вали этотъ взглядъ, стараясь доказать, что они не только не раскольники, но и что одни только они

(1) Письмо это обыкновенно помѣщается въ актахъ константинопольскаго собора 879 г., *Mat loco cit.* p. XXI.

и представляют собою истинную церковь. Свое уклонение от общения съ церковію, представляемою іерархією, согласившеюся на низложеніе Арсенія, они оправдывали тѣмъ, что она измѣнила ему, не только не поддержавши его въ его дѣлѣ, но и низложивши его, не смотря на его правоту, и такимъ образомъ допустила вопіющую несправедливость. Свое уклонение от общения съ преемникомъ Арсенія Германомъ они оправдывали тѣмъ, что въ его перемѣщеніи нарушены церковныя каноны, запрещающіе подобныя перемѣщенія (1), и такъ какъ Германъ кромѣ того дозволилъ себѣ этотъ переходъ «съ престола дочери на престолъ матери» при жизни законнаго патріарха, то совершилъ духовное прелюбодѣяніе, дѣлающее его недостойнымъ не только патріаршаго, но и вообще священнаго сана. Свой отказъ вступить въ общеніе съ Іосифомъ они основывали на томъ, что Іосифъ, разрѣшивши императора Михаила отъ духовныхъ узъ, наложенныхъ на него Арсеніемъ, не только не разрѣшилъ его отъ этихъ узъ, такъ какъ законно и канонически могъ разрѣшить его лишь самъ связавшій, но и тѣми же узамъ связалъ и себя самого. Свой разрывъ съ Григоріемъ, съ которымъ они вступили было въ общеніе послѣ извѣстной атрамитской трагикомедіи, они оправдывали во 1-хъ тѣмъ, что несправедливость защищаемаго ими дѣла имъ не доказана, въ 2-хъ тѣмъ, что Григорій былъ будтобы посвященъ въ

(1) Неизвѣстно, какіе именно каноны разумѣли Арсениты, но могли ссылаться на 14 правило апостольское, 21 антиохійскаго собора, 1 и 2 прав. сврдик., 59 прав. варагенскаго и 15 прав. нийейскаго, перваго вселенскаго собора.

чтецы латинявами, и въ 3-хъ тѣмъ, что впалъ будто-бы въ ересь. Свое уклоненіе отъ общенія съ Іоанномъ XII и Аванасіемъ они мотивировали отчасти общимъ отношеніемъ къ нимъ церкви, трактовавшей ихъ какъ раскольниковъ, отчасти тѣмъ, что эти патріархи управляли церковію «не по евангелію и не по божественнымъ правиламъ», а по собственному произволу. Кратко: Арсениты оправдывали свое уклоненіе отъ общенія съ церковію цѣлымъ рядомъ нарушеній ею своихъ собственныхъ канонѳвъ и соглашались вступить въ общеніе съ нею лишь подъ условіемъ «точного соблюденія ею этихъ канонѳвъ». Такимъ образомъ мало по малу частный вопросъ о нарушеніи нѣсколькихъ церковныхъ канонѳвъ превратился въ общій вопросъ о значеніи всѣхъ этихъ канонѳвъ, и въ этой его постановкѣ, какъ мы видѣли, разсматривается и рѣшается вторымъ апологетомъ церкви, Іоанномъ ефесскимъ.

И. Троицкій.

(Окончаніе слѣдующаго).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 600-663.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

Окончаніе.

Ссылались ли Арсениты, въ оправданіе своего отдѣленія отъ церкви, кромѣ церковныхъ канонъ, еще и на факты изъ церковной исторіи прежняго времени, и на изреченія отцовъ и учителей церкви, какъ это дѣлали ихъ противники? У историковъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о рѣчахъ и дѣлахъ Арсенитовъ, мы находимъ лишь одно прямое указаніе относительно этого предмета. Это указаніе находится въ рѣчи императора Андроника Палеолога, произнесенной на извѣстномъ собесѣдованіи съ Арсенитами, на соборѣ 1306 г., и записанной у Пахимера. Изъ этой рѣчи видно, что Арсениты, въ оправданіе своего отдѣленія отъ церкви, ссылались, между прочимъ, на примѣръ св. Максима Исповѣдника, который во время моноелитскихъ споровъ не задумался отдѣлится отъ константинопольской церкви, когда она заразилась моноелитствомъ, и одинъ на свой страхъ—ратовать за истину.

Но есть основанія предполагать, что они не огра-

ничивались ссылкою на примѣръ св. Максима Исповѣдника, а ссылались и на другіе примѣры, приводила также и мѣста изъ твореній отцовъ и учителей прежняго времени. Такъ предполагать заставляютъ: а) методъ, которому слѣдуютъ въ своихъ доводахъ противъ Арсенитовъ ихъ противники. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что они перебирали длинный рядъ дѣлъ, подобныхъ дѣлу Арсенія не потому только, что находили аналогію между этими дѣлами, выгодную для занимаемаго ими положенія съ ихъ точки зрѣнія, но и потому, что въ этихъ же дѣлахъ усматривали и Арсениты извѣстную аналогію, которою пользовались для своего оправданія предъ своими противниками. Указаніе на это мы видимъ въ сужденіи Арсенитовъ о святительствѣ св. Мелетія антиохійскаго, св. Германа Исповѣдника, св. Прокла и св. Григорія Богослова, записанномъ въ трактатъ Меѳодія. б) То мѣсто въ трактатѣ Меѳодія, гдѣ онъ, упоминая о томъ, что говорили и писали другъ противъ друга перечисленные имъ отцы и учителя церкви, *ἀνδράσι τοῖς τι κησόντες*, замѣчаетъ, что «все это вы хорошо знаете» и «многіе изъ васъ, повидимому, испытали тоже самое». Это мѣсто показываетъ, что Арсениты не только знали, что говорили и писали перечисляемые ихъ противниками отцы церкви, находясь, въ свойственномъ людямъ раздражительномъ состояніи, но и сами, — если не всѣ, то нѣкоторые, — усердно имъ вторили. в) Тотъ фактъ, что между дѣломъ Арсенія, защищаемымъ Арсенитами, и перечисленными у Меѳодія дѣлами его предшественниковъ на константинопольской кафедрѣ дѣйствительно существовала близкая аналогія и не въ томъ только смыслѣ, въ какомъ допускали эту

аналогію ихъ противники, но и въ томъ, въ какомъ находили или, по крайней мѣрѣ, могли находить ее Арсениты. Все это вынуждаетъ насъ прослѣдить аналогію дѣла Арсенія съ дѣлами его предшественниковъ въ томъ направленіи, въ какомъ эту аналогію могли находить Арсениты. И на этотъ разъ мы ограничимся четырьмя, изложенными уже нами со словъ Меодія, дѣлами. Для нашей цѣли этого будетъ вполне достаточно.

И такъ, что говорили и писали *ἀνδραποδοῦ τῆ καθεύτης*; знаменитые предшественники Арсенія и ихъ сторонники въ положеніи, подобномъ тому, въ какое былъ поставленъ Арсеній и Арсениты?

а) Начнемъ со св. Златоуста. Вотъ что писалъ святитель о своемъ дѣлѣ въ письмѣ къ папѣ Иннокентію: «еще прежде полученія нашего посланія, ваше благоговѣніе, думаю, слышали о совершившемся здѣсь беззаконіи... и вездѣ этотъ слухъ... возбуждалъ прискорбіе и огорченіе. Но такъ какъ не скорбѣть только надобно, а стараться поправить дѣло..., то мы сочли необходимымъ упросить почтеннѣйшихъ господъ моихъ, благоговѣннѣйшихъ епископовъ: Дмитрія, Пансофія, Паина и Евгенія, оставивъ свои паствы... прибѣгнуть къ любви вашей и, разъяснивъ вамъ подробно все, по возможности ускорить такимъ образомъ исправленіе совершившагося». Разказавши затѣмъ подробно исторію вызова Теофила Александрійскаго къ отвѣту въ Константинополь и неожиданнаго превращенія его изъ подсудимаго въ судью, и замѣтивши, что «вызовъ на судъ, присланный ему Теофиломъ, прежде, чѣмъ самъ онъ оправдался отъ существовавшихъ противъ него обвиненій, былъ совершенно противенъ и церковнымъ

канонамъ и всѣмъ законамъ», святитель продолжаетъ: «Зная, что насъ зовутъ не въ судилище, а къ непріятелю и врагу..., мы послали къ нему епископовъ..., сказавъ, что суда не избѣгаемъ, но избѣгаемъ авнаго непріятеля и открытаго врага... Но, ни на что не обращая вниманія, онъ рѣшился неперемѣнно исполнить то, что задумалъ..., отъ начала до конца дѣйствуя противозаконно и съ церковными правилами не соблюдая... Итакъ, заключаетъ святитель, почтеннѣйшіе и благоговѣннѣйшіе господа мои, зная теперь все это, покажите подобающее вамъ мужество и усердіе, чтобы остановить такое, распространившееся въ церквахъ, поруганіе законовъ. Если этотъ обычай войдетъ въ силу, если позволительно будетъ всякому желающему, не смотря ни на какую дальность разстоянія, вторгаться въ чужіе округа, извергать всѣхъ, кого угодно, дѣлать по собственному произволу все, что захочется; то знайте, что тогда все пойдетъ вверхъ дномъ. своего рода безошадная война обойметъ всю вселенную, всѣ будутъ всѣхъ извергать и въ свою очередь извергаться другими. Поэтому, чтобы такое смятеніе не объяло всю подсолнечную, потрудитесь объявить посланіемъ, что все, какъ противозаконно сдѣланное, — въ отсутствіе наше, одною партією, когда мы притомъ не уклонялись отъ суда. — не имѣетъ никакой силы, какъ оно и дѣйствительно не имѣетъ по существу дѣла, и облеченныхъ въ таковомъ преступленіи предать наказанію по церковнымъ законамъ; а намъ, какъ мы ни въ какой винѣ не уличены, не изобличены, и никакой вины за нами не доказано, дозвольте непрерывно пользоваться вашими посланіями, вашею любовію и всѣмъ

прочимъ по прежнему... постарайтесь подать намъ возможную со своей стороны помощь. Этимъ вы не намъ только угодите, но всей совокупности церкви, и заслужите награду у Бога, который ради мира церкви все дѣлаеть» (1).

Тотъ же взглядъ на свое дѣло и на средства поправить оное высказываетъ св. Златоустъ и во второмъ письмѣ къ тому же папѣ, равно какъ и въ письмахъ къ разнымъ другимъ епископамъ, писанныхъ въ разныя времена уже съ мѣста ссылки: «предлежащая вамъ борьба, пишетъ изгнанный святитель во второмъ письмѣ къ тому же папѣ, идетъ за всю почти вселенную,— за поправление церквей, за разсѣяніе паствъ, за нападеніе на клиры, за ссылки епископовъ, за нарушение отеческихъ постановленій. Поэтому снова и снова, несчетное число разъ, умоляемъ вашу рачительность, чѣмъ сильнѣе буря, тѣмъ болѣе показать усердія. Мы надѣемся, что дѣло поправится лучше. А если бы этого и не сбылось; во всякомъ случаѣ вамъ уготованъ за вашъ подвигъ вънецъ у челоуѣколюбиваго Бога, а неправедно гонимымъ такое проявленіе вашей любви послужить въ немалое утѣшеніе»... (2).

«Блаженны вы», восклицаетъ святитель въ своемъ письмѣ къ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, заключеннымъ за благочестіе въ темницы (3), «въ вашемъ темничномъ заключеніи, въ вашихъ цѣпяхъ и узахъ; блаженны троекратно, тысячекратно

(1) Къ Иннокентію, епископу римскому, письмо первое, по русск. переводу, сдѣланному при с.-петербургской Д. Академіи и изданному въ С.-Петербургѣ 1868 г. стр. 3—14.

(2) Тамъ же, стр. 17—18.

(3) Тамъ же, стр. 18—21.

блаженны вы, возбудившіе во всей вселенной пѣжное участіе къ себѣ и содѣлавшіе своими примерами даже людей, далеко отъ васъ отдаленныхъ. Повсюду, на морѣ и на сушѣ, прославляются ваши подвиги, ваше мужество, ваша непреклонная воля, вашъ, чуждый раболѣпства, образъ мыслей. Ничто не сломило васъ—изъ всего, что считается страшнымъ... За то всѣ открыто возлагаютъ на васъ вѣнцы и провозлащаютъ вашу славу,—не друзья только, но и сами враги и виновники вашихъ истязаній... И все это—еще здѣсь: а что тамъ, на небѣ, какое слово въ состояніи это выразить? Ваши имена уже вписаны въ книгу жизни и вы сопричислены къ сонму святыхъ мучениковъ. Если сей плодъ неплодія, сей гражданинъ пустыни, возставшій противъ беззаконнаго брака и могшій не отвратить беззаконіе, а только обличать его, бывъ вверженъ за то въ темницу и обезглавленъ, содѣлался мученикомъ и первымъ изъ мучениковъ: то, подумайте, какую получите награду вы, возставшіе за преступленіе отеческихъ законовъ и постановленій, за поправленіе и нарушеніе правъ священства, и столько пострадавшіе за правду и за праведное обличеніе безстыдныхъ клеветъ!... И—такъ радуйтесь, веселитесь, мужайтесь, укрѣпляйтесь, помышляйте, сколько другихъ людей вы подвигли на подвигъ вашими страданіями, у сколькихъ подняли духъ, сколько утвердили колеблющихся, не сопричисляющихъ себѣ, но и отсутствующихъ, принеся величайшую пользу не только тѣмъ, кто могъ видѣть все, что вы перенесли, но и тѣмъ, кто въ своей дали могъ только о томъ слышать».

«Хотя насъ отдѣляетъ, читаемъ мы въ письмѣ

св. Златоуста къ епископу Люцію (1), отъ твоего благоговѣнія большое разстояніе пространства; тѣмъ не менѣ намъ извѣстно твое отчужденіе отъ зла и прискорбіе, какое возбудили въ душѣ твоей люди, совершившіе столько беззаконій и наполнившіе вселенную столькими соблазнами. Свидѣтельствуемъ тебѣ поэтому нашу благодарность и никогда не престанемъ прославлять и ублажать тебя за то, что... ты продолжаешь идти прямою дорогою, осуждая прошедшее и отвращаясь отъ совершившихъ его, какъ и слѣдуетъ тебѣ. Но въ тоже время просимъ остаться твердымъ въ этой доброй рѣшимости и показать еще большую ревность... Не подлежитъ сомнѣнію, что если вы рѣшитесь стать твердо, то, хотя вы составляете меньшинство по числу, вы одолѣете большинство, превозносящееся злобою. Нѣтъ ничего сильнѣе добродѣтели и стремленія содѣйствовать огражденію церкви. Избравъ такимъ образомъ рѣшеніе, могущее привлечь на васъ высокое благоволеніе Божіе, постарайтесь до конца исполнить вашъ долгъ, содѣлавшись по своей непоколебимости крѣпчайшею оградой веѣхъ церквей вселенной».

«Ублажаемъ и прославляемъ тебя (1) за то, что, когда большинство увлеклось въ бездну погибели и склонилось на сторону тѣхъ, которые такъ беззаконно поступили противъ церкви, ты пошелъ по противоположному пути, отвернулся отъ дерзвующихъ произвести эти беззаконія и сохранилъ подобающую тебѣ независимость. Имѣя въ виду важность этого великаго дѣла и долгъ каждаго уклонять и отъ пути лу-

(1) Тамъ же. стр. 91-92.

(2) Письмо къ епископу Марію. тамъ же, стр. 92-93

кавиующихъ, а также и то, что неизмѣнное и непреклонное рѣшеніе ваше послужить средствомъ и началомъ къ исправленію зла,—пожалуйста, стой твердо, съ подобающимъ тебѣ мужествомъ, и поощрай къ тому же другихъ, кого только можешь. Тогда достаточно будетъ для пособія вамъ одной правоты дѣла, и Богъ благословитъ ваше рѣшеніе. избравшее правый путь среди такой сумятицы, и подастъ вамъ побѣду» (1).

Убѣжденія святителя не остались тщетными, и надежда на торжество его праваго дѣла не обманула. Его многочисленные приверженцы и въ столицѣ и въ провинціяхъ остались ему вѣрными, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры, которыми правительство старалось принудить ихъ къ признанію его преемника Арсакія и къ вступленію съ нимъ въ церковное общеніе. Они продолжали по прежнему призывать низложеннаго святителя своимъ законнымъ пастыремъ, собиравшись для богослуженія и слушанія слова Божія въ отдѣльныхъ церквахъ и для взаимнаго назиданія и обсужденія своего положенія въ отдѣльныхъ домахъ, уклоняясь отъ общенія съ арсакіанами. Такъ держались они относительно церковнаго и свѣтскаго правительствъ до самаго перенесенія мощей св. Златоуста изъ Команъ въ Константинополь въ 438 г., при императорѣ Θεодосіѣ Младшемъ, который торжественно не-

(1) Тѣже мысли и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ развиваются въ письмахъ св. Златоуста—къ Евлогію, епископу Кесаріи Палестинской (тамъ же, стр. 93—94), къ Іоанну, епископу Іерусалимскому (стр. 95), къ Θεодосію, епископу свинопольскому (стр. 96—97), къ епископу Моисею (стр. 97—98), къ епископу Θεодору (стр. 127—128), къ епископу Палладію (стр. 129 — 130), къ епископу Елпидію (стр. 130 — 152) и др.

просилъ у почившаго святителя прощенія своимъ родителямъ за причиненную ему ими обиду и несправедливость и возстановилъ его на его перестолѣ (1). Въ свою очередь и св. Златоустъ не переставалъ смотрѣть на себя и по изложеніи какъ на закопнаго пастыря, продолжалъ интересоваться судьбою и дѣлами, оставшихся ему вѣрными, пасомыхъ, заботиться объ ихъ духовныхъ нуждахъ и съ этою цѣлю поддерживать съ ними самую оживленную переписку, какъ объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ многочисленныя письма, написанныя святителемъ съ мѣста изгнанія къ его приверженцамъ.

б) Теперь послушаемъ, что говорилъ и писалъ о своемъ дѣлѣ съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ по дѣлу эконома Іосифа преподобный Феодоръ Студитъ. «Настоящее сношеніе насъ смиренныхъ съ твоею святостію, пишетъ преподобный патріарху Никифору, касательно изверженія эконома, есть дѣло поступающихъ не точно по правиламъ, но весьма приспособляющихся къ обстоятельствамъ и уступающихъ; и съ предшественникомъ твоей святости, святѣйшимъ патріархомъ (2), мы сносились такимъ же образомъ по настоящему дѣлу, когда мы возвратились изъ ссылки и прелюбодѣйный бракъ былъ расторгнутъ, а экономъ отлученъ отъ священнослуженія. Да не будетъ вамъ части съ тобою (говорили мы) ни въ семъ вѣгѣ, ни въ будущемъ, потому что ты допустилъ прелюбодѣя безразлично имѣть общеніе съ твоею свя-

(1) *Palladii Dialogus de vita s. Iohan. Chrysostomi*, Lutetiae Parisiorum 1680 p. 28—228. *Sozomeni Hist. ecclesiast. lib. VIII* p. 558—562 ed. Basileae 1587 in f. *Theodoretii Hist. ecclesiast. lib. V. c. 36.*

(2) Тарасіемъ.

тостью; и когда онъ сказалъ: «я дѣйствовалъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, уступая ему до времени», и потомъ выразился такъ: «да будутъ отсѣчены руки мои, если бы онѣ совершили прелюбодѣйное вѣнчаніе; развѣ я вѣнчалъ?», тогда мы стали имѣть общеніе съ нимъ до кончины его» (1)... «И тогда, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Симеону монаху, мы не тотчасъ соединились съ патриархомъ (2), но послѣ того, какъ онъ призналъ, что мы поступили хорошо» (3)... «И съ твоею святостью (продолжаемъ выписку изъ письма преподобнаго къ патриарху Никифору) мы ни въ чемъ не разногласимъ, какъ только касательно эконома, низложеннаго священными правилами по многимъ причинамъ, особенно же потому, что послѣ девятилѣтняго отлученія онъ опять сталъ священнодѣйствовать и притомъ... въ самомъ источникѣ нашей святыни, т. е. въ явномъ общеніи съ тобою находится и вмѣстѣ служить постоянно. Посему справедливо и праведно и нужно, для избѣжанія соблазна, народамъ Божиимъ и особенно нашему званію, чтобы недостойно вторгшійся былъ отлученъ отъ священнослуженія... Если же это не состоится по грѣхамъ нашимъ, то свидѣтельствуемъ твоей святости предъ лицемъ Христа въ слухъ святыхъ ангеловъ, что великій расколъ произойдетъ въ нашей церкви» (4).

Но просьбы и представленія преподобнаго не были уважены, и расколъ, которымъ онъ угрожалъ, со-

(1) Письма препод. Феодора Студита, по русск. переводу, сдѣланному при с.-петербур. Д. Академіи. СПБ. 1867 г. т. I, стр. 207.

(2) Тарасіемъ.

(3) Тамъ же, стр. 170.

(4) Письмо къ Никифору патриарху стр. 208—209.

стоялся. На кого же возлагать онъ отвѣтственность за этотъ расколъ? И которую изъ двухъ расколовшихся половинокъ церкви считалъ истинною представительницею церкви — большинство ли, послѣдовавшее за патріархомъ, или меньшинство, устремившееся за студитами? «Я соглашаюсь, пишетъ преподобный въ письмѣ къ брату своему Іосифу, архіепископу солунскому, и принимаю три твои почтенныя изреченія: не раздѣлять церковь по поводу паденія одного человѣка, не принимать участія въ разрѣшеніи его и имѣть общеніе со всякимъ не осужденнымъ священникомъ... Прости миѣ, братъ, если я не для ученія, но для общей пользы разъясню эти слова. Касательно перваго: ради одного человѣка мы не отдѣляемся отъ церкви, которая *отъ сѣвера, и запада и моря* (Исаи 49, 12), и даже отъ здѣшней, а только отъ одобвившихъ прелюбодѣвіе; а они — не церковь Господня; если же они церковь, то мы отдѣляемся отъ этой церкви ради одного человѣка, принятаго въ общеніе съ нею, именно потому, что не принимаемъ сочетавшаго прелюбодѣвъ. А такъ какъ они не церковь Божія, то по истинѣ они отдѣляются отъ церкви Божіей ради одного человѣка, принятаго въ общеніе съ ними, уподобляясь тѣмъ, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ; а мы не отдѣляемся отъ ней ради такого человѣка. Касательно втораго: мы не принимаемъ участія въ разрѣшеніи его; ибо не имѣемъ общенія съ явно разрѣшившими его. Если бы мы имѣли общеніе съ ними, то вмѣстѣ съ тѣмъ принимали бы участіе и въ разрѣшеніи его. Но такъ какъ мы благочестно не вступаемъ въ общеніе съ разрѣшившими, то несомнѣнно не принимаемъ участія въ

разрѣшеніи его. Касательно третьяго: со всякимъ неосужденнымъ священникомъ мы имѣемъ общеніе. Поэтому не имѣемъ общенія и съ Іосифомъ, какъ открыто осужденнымъ; осужденными же, конечно, должны быть и тѣ, которые служатъ вмѣстѣ съ нимъ, низложеннымъ. Если бы мы имѣли общеніе съ ними, какъ съ невинными, то невиненъ былъ бы и Іосифъ, служащій вмѣстѣ съ ними. Но такъ какъ онъ по истинѣ осужденъ, то мы и не имѣемъ общенія съ нимъ, ни со служащими вмѣстѣ съ нимъ, какъ осужденными же. Итакъ слова твоей святости тверды, и такимъ образомъ мы соглашаемся съ ними» (1)... «У насъ не отдѣленіе отъ церкви, но защищеніе истины и оправданіе божественныхъ законовъ» (2).

Остается узнать взглядъ преподобнаго на церковные каноны, нарушеніемъ которыхъ онъ мотивировалъ свое уклоненіе отъ общенія съ нарушителями. «Непозволительно, господинъ, непозволительно, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Θεоктисту магистру, ни нашей церкви, ни другой, дѣлать что-либо вопреки постановленнымъ законамъ и правиламъ; потому что если это будетъ дозволено, то тщетно евангеліе, напрасны правила» (3). «Такъ, господинъ, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Никитѣ патрицію, есть божественные законы и правила, которыми руководствуется всякій благочестивый, въ которыхъ нельзя ни прибавить, ни убавить что нибудь... Мы грѣшные ничего не дѣлаемъ безъ правилъ... это было извѣстно и предшествовавшему патриарху (Тарасію); ибо

(1) Тамъ же, стр. 270—271.

(2) Письмо къ Василию монаху, стр. 203.

(3) Письмо къ Θεоктисту магистру, стр. 182—186.

и онъ надлежащимъ образомъ бесѣдовалъ съ нами, не осуждая, а одобряя, и могъ ли бы иначе, когда есть правило» (1)? «Просимъ тебя, пишетъ преподобный къ монаху Василию, поревнуй о божественномъ... держись въ точности не только вѣры, но и правилъ» (2). «Тѣ, которые дерзнули открыто нарушить евангеліе и не хотѣвшихъ нарушать его предали анаѳемѣ, станутъ ли заботиться о правилахъ, хотя и запечатлѣнныхъ Духомъ Святымъ и хотя опредѣленіемъ ихъ рѣшается все, относящееся къ нашему спасенію... Впрочемъ, для чего я говорю о правилахъ и дѣлаю различіе? Говорить объ нихъ и объ евангеліи Христовомъ—одно и тоже... Посему Василиій и равные ему святые принимали эти правила, какъ апостольскія, и слѣдовали имъ нисколько не измѣняя ихъ, но дополняя по нуждѣ... Не воплишь, а на половину православный тотъ, кто, повидимому, содержитъ правую вѣру, но не руководствуется божественными правилами» (3).

«А мы, отцы и братія,—взываетъ преподобный, къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ,—«утверждаясь на вѣрѣ въ Бога и на основаніи истины, а также на совершившемся и открывшемся дѣйствии правды, которое видѣлъ міръ на прелюбодѣѣ (4) и сообщникахъ его, неуклонно соблюдаемъ заповѣдь и

(1) Тамъ же, стр. 195—196.

(2) Тамъ же, стр. 201.

(3) Письмо къ Никифору патриарху, стр. 187. Тотъ же взглядъ на божественныя правила развиваетъ преподобный въ письмахъ къ Никифору игумену (стр. 116—119), къ Стефану секретарю (стр. 119—122), къ Симеону игумену (стр. 131—134), къ Николаю ученику (стр. 136—140), къ Симеону монаху (стр. 168—181), и многихъ другихъ.

(4) Преподобный разумеетъ ослѣпленіе императора Константина VI и лишеніе его престола въ 797 г.

отеческія правпа, и не уступимъ, не пзмѣнимъ благочестію и не разрушимъ того, что прежде хорошо устроили твердостію въ ссылкѣ, дабы намъ не оказаться преступниками закона; и укрѣпляемые божественнымъ закономъ, мы побѣдимъ, какъ и прежде побѣдили, рѣшившись скорѣе испытать все, если благоволятъ Богъ, нежели вступить въ общеніе съ нимъ и служащими вмѣстѣ съ нимъ, пока низложенный не престанетъ священнодѣйствовать» (1).

Увѣренность въ побѣдѣ не обманула преподобнаго. По смерти императора Никифора и сына его Ставракія, Михаилъ Раугава, занявшій императорскій престолъ «тотчасъ вызвалъ изъ ссылки великаго Феодора и бывшихъ съ нимъ... и былъ христоподражательнымъ посредникомъ между разногласными вмѣстѣ съ папою древняго Рима: оба они содѣйствовали, одинъ увѣщательными письмами, а другой личнымъ собесѣдованіемъ и убѣжденіемъ, къ благопристойному, единодушному соединенію святѣйшаго патріарха (Никифора) и достоуважаемаго отца нашего, а дерзкаго совершителя прелюбодѣйнаго союза отлучили отъ священнослуженія, согласно съ произнесеннымъ надъ нимъ прежде приговоромъ приснопамятнаго и великаго Тарасія. Такимъ образомъ, по устраненіи соблазновъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Христа, благаго Бога нашего, опять настала прочный миръ въ Его святѣйшей и католической церкви. Итакъ отецъ нашъ Феодоръ, по возвращеніи въ свою студійскую обитель, съ святѣйшимъ патріархомъ соблюдалъ самое дружественное согласіе и единодушіе... И говорилъ ли или дѣлалъ ли достоува-

(1) Письмо къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ (стр. 211—212).

жаемый Никифоръ что-нибудь такое, что не направлялось бы сужденіемъ Θεодора и не получало бы твердости отъ него, было ли то полезно по тогдашнему времени или по другой причинѣ? Такимъ уваженіемъ пользовался у него божественный отецъ нашъ, что занималъ послѣ него второе мѣсто въ соборѣ епископовъ, отличаемый всѣми за мудрость и благочестіе предъ Богомъ» (1).

в) Святый Игнатій, рассказавши свое дѣло въ известной запискѣ, представленной отъ его имени папѣ Николаю I его повѣреннымъ, архимандритомъ Θεогностомъ, согласно съ изложеніемъ Меѳодія, мотивируетъ свое сопротивленіе назначенію Фотія на свое мѣсто тѣмъ а), что это назначеніе при жизни законнаго патріарха будетъ духовнымъ прелюбодѣяніемъ, б) тѣмъ, что Фотій принадлежалъ къ числу отлученныхъ отъ церкви за общеніе съ Григоріемъ сиракузскимъ, в) тѣмъ, что онъ былъ міряниномъ и государственнымъ чиновникомъ, и наконецъ, г) тѣмъ, что получилъ хиротонію изъ рукъ отлученнаго и анаѳематствованнаго (Григорія сиракузскаго).

«Если бы прелюбодѣй (2) былъ изъ числа членовъ церкви, — читаемъ мы въ этой запискѣ. — то я охотно уступилъ бы ему, а такъ какъ онъ чуждъ ей, то какъ я поставлю его въ пастыря овецъ Христовыхъ? Къ этому очень много препятствій: и первое то, что онъ принадлежитъ къ числу отлученныхъ и анаѳематствованныхъ... второе: былъ чиновникомъ

(1) Жизнь и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣдника Θεодора, игумена обители слудійской, описанные Михаиломъ монахомъ, по русск. пер., приложенному къ таковому же переводу писемъ прелод. Θεодора (СПб. 1867) стр. 42, 43, 54.

(2) Т. е. Фотій.

(*αἰετώτως*), и изъ мірскаго званія, и, прежде чѣмъ сдѣлаться овцею, очутился пастыремъ; и въ добавокъ получилъ хиротонію изъ рукъ анаѳематствованнаго и низложеннаго» (1).

Того же взгляда на Фотія держались и игнатіане, а болѣе строгіе между ними не только не признавали его самого патріархомъ и послѣ вторичнаго вступленія его на престолъ по смерти Игнатія, но и отказывались признать въ іерархическихъ степеняхъ всѣхъ, рукоположенныхъ имъ, лицъ, мотивируя свой отказъ неизмѣнимостію произнесеннаго надъ нимъ приговора о низложеніи. «Какимъ образомъ дерзнуть и сами римляне (2) отказаться отъ своихъ собственноручныхъ подписей (*τὰ ἱδίουρα*), читаемъ мы въ трактатѣ de Stauroratis, вышедшемъ изъ подъ пера неизвѣстнаго игнатіанина. Ибо и они всѣ дали свои подписи на бывшихъ тамъ при Николаѣ и Адрианѣ соборахъ. Между ними есть и подпись архидіакона Іоанна, бывшаго потомъ папою. Всѣ они положили свои подписи на гробѣ св. Петра (съ обязательствомъ) не принимать никогда церковнаго прелюбодѣя Фотія, ни хиротоніи его, ни тѣхъ, которые отмѣнили бы вышереченные два собора ихъ. Равнымъ образомъ и константинопольцы положили свои подписи надъ честнымъ древомъ (3) съ обязательствомъ не вступать никогда въ общеніе съ Фотіемъ, ни съ хиротоніей его, ни отмѣнять осьмага собора (4), по-

(1) *Αἰετῶς περιέωον πάντα τὰ κατὰ τὸν κόσμον Ἰγνατίου, παρῶντες πρὸς Νικόλαον καὶ Ἀδριανὸν Ρώμης...* apud Raderum in Actis ss. et oecumenici concilii Octavi S-rohitani IV. Ingolstadii. 1604. p. 202—210.

(2) Т. е. папа и его соборъ.

(3) Крестнымъ.

(4) Константинопольскаго 869.

слѣдовавшаго во всемъ реченнымъ двумъ соборамъ римлянъ».

«Много терній произрасло на нивѣ церковной, и прежде всего—первая хиротонія торжественно изложенаго (ἐκκηρύχθη) потомъ Фотія, и затѣмъ вторая, послѣдовавшая за нерушимымъ анаѳематствованіемъ его. Между той и другой есть различіе. Первую его хиротонію отвергли первостоятели римскіе и осмый вселенскій соборъ. Вслѣдствіе этого вторая уже не нуждается въ отмѣненіи (ἐξέτισται). Но есть различіе между первыми и вторыми ругателями креста (σκληροπύχτοι). Первые сдѣлали это по безумію Варды; но тѣ изъ нихъ, которые послѣ снисхожденія, оказаннаго имъ на соборѣ, снова приняли Фотія, когда онъ вторично овладѣлъ церковью Божіею, не имѣютъ уже никакого оправданія. Нѣкоторые были рукоположены отъ осмага святаго собора, не давали подписей и потомъ сошлись съ анаѳематствованнымъ Фотіемъ послѣ вторичнаго его разбойническаго вторженія (въ церковь), одни по принужденію, другіе по доброй волѣ. Нѣкоторые изъ нихъ приняли отъ него пятнадцатидневную епитимію за то, что анаѳематствовали его. А большую часть изъ нихъ онъ снова хиротонисалъ, назвавши эту хиротонію таинственною. А нѣкоторые, долго стоявшіе за истину, и за это подвергшіеся преслѣдованіямъ и много потерпѣвшіе отъ жестокаго (δυσός) Фотія, не выдержавши невѣроятныхъ истязаній, дезертировали (ἀποστατήσαντες) и пристали къ незаконію Фотія. — таковымъ папѣ всеконечно слѣдуетъ оказать снисхожденіе (δείξει τὴν οἰκονομίαν) по вниманію къ тому, что они вынуждены были на это противъ воли. А всякую другую хиро-

тонію Фотія, и первую и вторую, равно какъ и его самого, дважды вторгавшагося (въ церковь), слѣдуетъ прежде всѣхъ (πρὸ πάντων) отвергать, и анаѳематствовать, какъ самозванца (παραβάτην), а вмѣстѣ съ нимъ, всеконечно, отвергать и всѣхъ тѣхъ, которые столь часто мѣняли свои мнѣнія, равно какъ и незаконно (ἀθέτως) перехиротонисованныхъ, преимущественно же Феофана, прозваннаго Френедемономъ, который такъ часто попиралъ крестъ и вмѣстѣ съ Фотіемъ составилъ извѣстную книгу противъ святѣйшаго папы Николая. Ибо преемникъ Николая, папа Адрианъ, говоритъ, что подписавшіеся противъ него (Николая) не заслуживаютъ никакого снисхожденія, — каковое опредѣленіе и слѣдуетъ прежде всего соблюдать, равно какъ и всѣ постановленія вселенскаго осьмага собора. Ибо если этотъ соборъ будетъ разрушенъ, то не останется ни одного іерея ни здѣсь, ни въ Римѣ» (1).

«Такъ какъ Фотій, — читаемъ въ другомъ, тоже анонимномъ, но несомнѣнно вышедшемъ изъ подъ пера какого-либо строгаго икватіанина, трактатѣ, — получилъ хиротонію отъ низложеннаго, то за это, какъ и за многое другое, былъ анаѳематствованъ девятью римскими первосвященниками: Львомъ, Венидиктомъ, Николаемъ, Адрианомъ, Іоанномъ, Мариномъ, Адрианомъ вторымъ, Стефаномъ и Формозомъ. И никто изъ преемниковъ Николая не разрѣшилъ ихъ (2), ни хиротоніи ихъ, да не имѣли и власти разрѣшать... Кроме этихъ девяти, и другіе шесть патріарховъ четырехъ католическихъ престоловъ:

(1) De Staurōpatis, apud. Raderum lib. cit. p. 412—414.

(2) Т. е. Фотія и Григорія саравузскаго.

Игнатій константинопольскій, Софроній и Михаилъ александрійскіе, Николай антиохійскій, Сергій и Θεодосій іерусалимскіе, анаѳематствовали ихъ. Равно какъ и собравшіеся на осьмомъ соборѣ апокрисіаріи патріаршихъ престоловъ и повсюду связали и анаѳематствовали согласно Григорія и Фотія и хиротоніи ихъ. А связанныхъ отъ столькихъ патріарховъ одна патріархія разрѣшить не можетъ... И какимъ образомъ одному разрѣшить Фотія, когда онъ самъ себя разрѣшилъ,—за это необходимо даже отягчить его узы, какъ пренебрежнаго возложенными на него узами. Нѣкоторые говорятъ, что Фотій принесъ раскаяніе предъ патріархомъ Игнатіемъ, и патріархъ сказалъ ему: «въ томъ, что ты сдѣлалъ противъ меня, Богъ проститъ тебя. Да проститъ тебѣ Богъ и то, что ты сдѣлалъ противъ церкви, если только отнынѣ ты не будешь возмущать ея спокойствія и не будешь совершать ничего священническаго. Съ своей стороны я готовъ написать просьбу (*παράκλησις*) къ остальнымъ патріаршимъ престоломъ, и если они разрѣшатъ тебя отъ узъ, то и я готовъ оказать снисхожденіе» (*ἐκχωρήσει καὶ τὸ πάτριον εὐσ*). Но Фотія удержалъ отъ писанія къ патріаршимъ престоломъ императоръ, будучи увѣренъ, что ему невозможно разрѣшеніе священнодѣйствія... Въ виду всѣхъ этихъ дѣйствій Фотія развѣ не агуть тѣ, которые говорятъ, будто онъ разрѣшенъ папою Іоанномъ? Связаннаго однимъ другой разрѣшить не можетъ. Велѣдствіе этого и папа Іоаннъ не могъ разрѣшить Фотія отъ узъ, наложенныхъ на него его предшественникомъ. Но, можетъ быть, кто-либо найдетъ возможнымъ сдѣлать это по приспособленію къ обстоятельствамъ (*ἐκχω-*

υσιμῶς)? И этого нельзя, ибо Златоустъ говоритъ: «можно приспособляться къ обстоятельствамъ, но это не должно вести къ нарушенію закона» (1), какъ и самъ сдѣлалъ, оказавши снисхожденіе ефесскимъ епископамъ... Велѣдствіе всего этого и римской церкви невозможно по приспособленію къ обстоятельствамъ (οὐκ ὀφείλουσιν) допустить до священнослуженія анаематствованныхъ дотошно (ἀκριβῶς) отцами ихъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ даже до настоящаго времени». «Хорошо быть въ мирѣ со всѣми,—говоритъ великій Максимъ,—но подѣ условіемъ единомыслія относительно благочестія: тогда миръ лучше брани, когда изъ него выходитъ согласіе на добро. Но то, что называютъ нѣкоторые вселенскимъ миромъ, есть скорѣе раздѣленіе (κλιμακισμὸς), чѣмъ миръ. По моему мнѣнію, тогда это слово будѣтъ соотвѣтствовать дѣлу, когда мы не будемъ идти въ разладъ съ мнѣніями отцовъ, не будемъ поступать вопреки ихъ постановленіямъ (ἐξουσίαις)». «Что ты говоришь? Анаематствованные тогда православны и, по уваженію къ этому, слѣдуетъ допустить ихъ до священнослуженія послѣ ихъ раскаянія? Замолчи (ἀπίστε)! Много православныхъ было анаематствовано за беззаконія, и имъ не было возвращено священство. Божественный Златоустъ всѣхъ насъ увѣщеваетъ и убѣждаетъ такъ: «и мірянамъ и священникамъ нужно ратовать за истину, и подвизаться противъ нарушителей (παραβάτων), по писанію, которое гласитъ: подвизайся за истину до смерти, и Господь Богъ поборетъ за тебѣ» (1).

(1) Οὐκ ὀφείλουσιν, εὐθὺς οὐ παρανομήσουσιν.

(2) Τόμος παρακλῶν ἐν συντάσει τῆς ἐκδόσεως συνοδῶν ἀπὸ Raderum lib. c. p. 222—226.

г) Свое пререканіе съ императоромъ Львомъ Мудрымъ, по вопросу о четвертомъ бракѣ, Николай Мпестикъ, въ письмѣ къ римскому папѣ, излагаетъ въ сущности согласно съ изложеніемъ Меѳодія; о мотивахъ же, побудившихъ его на сопротивленіе императору по этому вопросу, говоритъ слѣдующее: «что мнѣ было дѣлать (при такихъ обстоятельствахъ)? Молчать и спать? Или мыслить (ἰσχυρῶς) и дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ другу, заботящемуся въ одно и тоже время и о его (императора) чести и о церковныхъ постановленіяхъ? И вотъ мы начали борьбу съ Божіей помощью: правителей мы убѣждали не увлекаться тѣмъ, что свойственно не умѣющимъ управлять собою, но великодушно переносить случившееся съ благою надеждою на Христа Бога нашего; а у него (императора) мы касались не только колѣнь, но и ногъ, просили, убѣждали, почтительнѣйше представляли (ἐδυσκόπου), какъ царю, не все позволять своей власти, а помнить, что есть Сѣдящій превыше его могущества, источившій за церковь Свою пречистую кровь; присовокуплялъ и слѣдующее: «чадо мое и царь! подобало тебѣ, какъ боголюбцу и прославленному отъ Бога паче другихъ мудростью и другою добродѣтелью, довольствоваться тремя браками: можетъ быть, и третій бракъ былъ не достоинъ твоего царскаго величества... но священные каноны не отвергаютъ совершенно третьяго брака, а снисходятъ, хотя и брезгуя имъ, какъ чѣмъ-то нечистымъ для церкви; для четвертаго же брака... что можетъ служить оправданіемъ?... Царь, говорятъ, есть неписанный законъ, но не для того, чтобы беззаконновать и дѣ-

дать все, что вздумается, а для того, чтобы по своимъ неписаннымъ дѣяніямъ быть тѣмъ, чѣмъ является писанный законъ; ибо, если царь будетъ врагомъ и супостатомъ законовъ, то кто же будетъ ихъ и бояться?»... Говорилъ я и многое другое, что излишне было бы припоминать и передавать здѣсь; впрочемъ, мало сказать: говорилъ, — я убѣждалъ, умолялъ и, видя, что мои слова безсильны противъ его воли, я попробовалъ зайти съ другой стороны и сказалъ: такъ какъ, чадо и царь, державъ твоей кажется все позволительнымъ, и даже сожителство съ четвертой женой. — и это дѣло не представляется тебѣ неумѣстнымъ; то прими отъ твоего друга и отца, безгранично тебя любящаго, слѣдующій совѣтъ: пусть пока эта женщина будетъ жить отдѣльно, а не вмѣстѣ съ твоей державой, а между тѣмъ пусть будутъ приглашены представители (ἀρχιερεῖς) ветхаго Рима и другихъ архіераршескихъ престоловъ, почтенные архіерействомъ и всѣмъ остальнымъ, чѣмъ украшается архіерейство, и, можетъ быть, дѣло уладится какъ нибудь, если они придутъ къ взаимному соглашенію и единомыслію, лишь бы къ этому злу не присоединилось еще вѣдшее — церковныя смуты... Но онъ сказалъ мнѣ, что не только до созванія собора, но и на одинъ день онъ не разстанется съ этой женщиной, что она останется при немъ, какъ его законная супруга и царица, и что если онъ созоветъ и соборъ, то для того только, чтобы онъ утвердилъ удобное ему» (1).

Тѣмъ не менѣе императоръ счелъ нужнымъ сдѣ-

(1) Nicolai patriarchae epistola XXXII ad papam veteris Romae. Spicil. Romanum t. X, p. 288—291.

дать нѣкоторую уступку оскорбленному религіозному чувству своихъ подданныхъ и приказалъ придворному священнику Фомѣ перевѣнчать себя съ Зоею по церковному чиноположенію (1). Патріархъ лишилъ священника сана, а императору запретилъ входъ въ церковь, позволивши ему стоять во время богослуженія въ митаторіѣ (*μητρορίῳ*) (2). Императоръ въ свою очередь отвѣтилъ ему приглашеніемъ въ Константинополь римскихъ легатовъ, которые утвердили и бракъ императора и низложеніе патріарха. На мѣсто Николая былъ возведенъ духовникъ императорскій синкеллъ Евѣимій, который и разрѣшилъ Льва отъ епитиміи, наложенной на него Николаемъ (3). Но все это повело къ расколу. Многіе митрополиты, епископы, священники и монахи отказались вступить въ церковное общеніе съ Евѣиміемъ, мотивируя свой отказъ незаконностью его возведенія на престолъ при жизни законнаго патріарха. За этотъ отказъ все они были лишены своихъ мѣстъ, подверглись гоненіямъ

(1) Въ первый разъ этотъ обрядъ онъ совершилъ самъ: *ἐκείν' αὐτὸς βασιλεὺς χρυσάζωντος ἀκτῆ, ἐπὶ ἕβδωδο, καὶ ὑπερῶν καὶ ἀρχιερέως, καὶ τῶν ἐπὶ τῷ στέφει παρόντων ἱεροποιῶν καὶ στέφανους καὶ πάλαι ἱερέως, καὶ πάντα τὴ πόλιν, ὅσ' ἔμενον τῷ ἀρχιερατικῶν καὶ ἱερατικῶν πλῆθος, ὡςπερ ἄλλης ἀντιπροσώπων τῆς πόλεως, συντετάρακτο.* Ер. еіт. р. 289.

(2) *Μητρορίον*-омъ, по объясненію Гоара, называлась комната при храмѣ, куда можно было удалиться для снятія верхней одежды и для отдыха (Vid. Eueholog. gr. р. 626 not. 4). Такихъ комнатъ при софійскомъ соборѣ было три: одна находилась на западной стороне, при входѣ изъ притвора въ храмъ; другая на восточной, тесная въ небольшомъ разстояніи отъ второй, на той же восточной сторонѣ. Въ эти комнаты императоры обыкновенно удалялись для отдыха во время богослуженія. Vid. Const. Porphyrog. de cerem. ante C-politanae lib. 1, с. 10, 30, not. 45, lib. II, с. 15, р. 502, 583. ed. Bonn. 1829.

(3) Theophan. contin. 371. Georg. Mon. с. 34 р. 865. Sym. Mag. р. 709, ed. Bonn. 1838.

и замѣнены лицами, рукоположенными Евѳиміемъ (1). Въ 912 г. Левъ Мудрый скончался, и братъ его Александръ, вступившій въуправленіе имперіей, немедленно же распорядился о возвращеніи Николая и объ устраненіи Евѳимія. Послѣдній еще до прибытія своего совмѣстника изъ Галакрены, служившей для него мѣстомъ изгнанія, былъ съ позоромъ низложенъ на собраніи въ большомъ дворцѣ, какъ «самозванецъ и прелюбодѣй (ἐπιβάντης καὶ μοιχός)» (2), и сосланъ въ заточеніе въ монастырь св. Агаѳии близъ Стеноса, гдѣ вскорѣ и скончался. Но его низложеніе и смерть не улучшили, а ухудшили положеніе церковныхъ дѣлъ; духовныя лица, рукоположенныя Евѳиміемъ и вынужденныя теперь уступить свои мѣста приверженцамъ Николая, составили партію евѳиміанъ и въ свою очередь образовали расколъ. Вопросъ о четвертомъ бракѣ былъ разрѣшенъ въ 922 году такъ называемымъ *τὸν ἐν ὀσσεῶς* (3) въ смыслѣ Николая. Но церковныя смуты, вызванныя этимъ вопросомъ, продолжались до 995 г., когда враждовавшія партіи примирились на провозглашеніи вѣчной памяти своимъ корифеямъ и анаѳемы тому, что было говорено и писано про-

(1) Οὗ μόνον δὲ ἦμας ἀλλὰ καὶ ἕσθη ἀρχιερατικὸν σύστημα τὰ βολτικῶν περὶ τῆς ἐκκλησίας ἐφρόνων, καὶ οὗτοι: ἐν εἰρηταῖα, ἐν ὑπεροραῖα, ἐν λιμῶ καὶ διψῶ, πάσῃ. ἔργου παρὰ τοῦθι συγγενῶν, φίλων, συνείργοντο ταλαιπωροῦμενοι, καὶ δὲ προκίβηαι τῆς φροῦρῆς παραχωροῦμενοι, ἐν ἧ ταλαιπωρεῖσθαι ὡς ὑπερβόουι κατακέρντο. Nic. Patriarchæ ep. XXXII, ad papam Romæ p. 293.

(2) *Georg. Mon.* lib. I. p. 871 — 872. *Symeon Mag.* p. 715 — 716. *Theoph. Contin.* p. 378

(3) Apud *Leunclavium.* Jus Græco-Rom. t. 1. lib. II. p. 104—108; in *Spicilegio Romano A. Mai* t. VII, in *Coll. canon. ed. Rhalli. et Polli* V p. 3 sequ. et apud *Zacharie,* Jus Græco-Romanum t. III. p. 227—233.

тивъ ихъ въ разгарѣ борьбы, какъ справедливо процитовалъ все это монахъ Меѳодій въ своемъ полемическомъ трактатѣ противъ Арсенитовъ.

Здѣсь мы можемъ и остановиться. Доказывать, что между дѣломъ Арсенія и изложенными сейчасъ, со словъ главныхъ заинтересованныхъ лицъ, дѣлами, существуетъ аналогія не въ томъ только смыслѣ, въ какомъ находили эту аналогію противники Арсенитовъ, а и въ томъ, въ какомъ могли находить эту аналогію сами Арсениты, было бы излишне. Аналогія эта слишкомъ очевидна для того, чтобы ее доказывать. Другое дѣло вопросъ: на сколько Арсеній и Арсениты сознавали эту аналогію и пользовались ею въ интересъ своего дѣла? И на этотъ вопросъ, не смотря на скудость дошедшихъ до нашего времени заявленій со стороны ихъ, отвѣтъ не труденъ. Во всемъ существенномъ они были вполне солидарны и въ словахъ и въ дѣлахъ со своими предшественниками. Арсеній мотивировалъ необходимость подвергнуть Михаила Палеолога епитиміи за «нарушеніе вѣтвы, данной имъ церкви», почти тѣми же словами, какими препод. Феодоръ Студитъ мотивировалъ необходимость сопротивленія браку императора Константина, т. е., что въ противномъ случаѣ «церковные каноны обратятся въ шутку и правила въ ничто»; затѣмъ, когда его потребовали на соборъ, созванный для суда надъ нимъ, онъ свой отказъ явиться на этотъ соборъ мотивировалъ тѣми же, чѣмъ и св. Златоустъ и Игнатій, т. е., что онъ уклоняется не отъ суда, а отъ судей, и наконецъ, не смотря на свое изложеніе, продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на законнаго патріарха, какъ и св. Златоустъ, Игна-

тій и Николай. Арсениты смотрѣли на это низложе-
 ніе, какъ на вопіющее беззаконіе, точно такъ же,
 какъ смотрѣли въ свое время на подобное же устра-
 неніе св. Златоуста іоанниты, св. Игнатія—игнатіане,
 Николая Мистика—николаиты. Свое уклоненіе отъ
 церковнаго общенія съ преемниками Арсенія они мо-
 тивировали тѣмъ же, чѣмъ и приверженцы св. Зла-
 тоуста, Игнатія и Николая. Подобно имъ же пригла-
 шали церковь къ протесту противъ нарушенія ея
 каноновъ и къ настаиванію на точномъ ихъ соблю-
 деніи. Подобно имъ же упорно отклоняли отъ себя
 обвиненіе въ расколѣ и утверждали, что они стоятъ
 лишь за точное соблюденіе каноновъ и подъ усло-
 віемъ такого же соблюденія ихъ со стороны церкви
 готовы немедленно же вступить съ нею въ общеніе.
 Это согласіе во всемъ существенномъ даетъ основа-
 ніе думать, что Арсениты знали исторію своихъ пред-
 шественниковъ, знали, что тѣ говорили и писали въ
 положеніи, подобномъ тому, въ которомъ находились
 сами, и въ свою очередь повторяли тоже самое. Во
 всякомъ случаѣ—повторяли ли Арсениты то, что го-
 ворили и писали ихъ предшественники, во всѣхъ
 подробностяхъ, или не повторяли—остается не оспо-
 римымъ то, что они съ такимъ же удобствомъ могли
 въ оправданіе себя ссылаться на предшествовавшіе
 примѣры и цитовать изреченія церковныхъ знамени-
 тостей прежняго времени, съ какимъ это дѣлали ихъ
 противники. Какой богатый матеріалъ могли доста-
 вить имъ для этой цѣли одни письма преподобнаго
 Феодора Студита!

Итакъ, на почвѣ фактовъ и авторитетовъ, спор-
 ный между Арсенитами и церковію вопросъ не могъ

быть рѣшенъ безапелляціонно. Но въ этомъ ли вопросѣ заключалась сущность пререканія между обѣими сторонами? Нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взгляды той и другой стороны на фактъ, подавшій поводъ къ пререканію, и припомнить фактическую развязку этого пререканія. Во взглядѣ на фактъ, подавшій поводъ къ пререканію, обѣ стороны совершенно согласны: утверждаясь на одной и той же церковно-канонической точкѣ зрѣнія, обѣ онѣ смотрѣли на фактъ изложенія Арсенія, какъ на злоупотребленіе силою со стороны высшей государственной власти, какъ на вопіющую несправедливость относительно патріарха. На этомъ пунктѣ ученые противники Арсенитовъ были совершенно согласны съ ними. Не противорѣчило имъ также ни церковное, ни гражданское правительство. Исходъ распри извѣстенъ: нарушенное право несправедливо изложенцаго святителя было торжественно возстановлено перенесеніемъ его смертныхъ останковъ на его кафедрѣ и вѣрности его приверженцевъ отдано должное принятіемъ условій, на которыхъ они примирялись съ церковію. Таковъ былъ исходъ и всѣхъ другихъ дѣлъ, подобныхъ дѣлу Арсенія. Различіе состояло лишь въ томъ, что нарушенное право однихъ возстановлялось при жизни (св. Игнатія, Николая Мистика и др.); другихъ—по смерти (св. Златоуста, Арсенія и др.). Стороною же, диктовавшею условія примиренія, всегда была сторона потерпѣвшая. При чемъ же тутъ былъ вопросъ о расколѣ?

При внимательномъ разсмотрѣніи дѣла не трудно убѣдиться въ томъ, что этотъ вопросъ всякій разъ создавался искусственно; съ одной стороны, чтобы от-

влечь вниманіе спорившихъ отъ дѣйствительнаго пункта раздора, съ другой, запугать слишкомъ рьяныхъ приверженцевъ возстановленія нарушеннаго права перспективой одинокаго, изолированнаго положенія, или—говоря языкомъ церковнымъ—отлученія отъ церкви, чтобы принудить ихъ къ уступчивости.

Дѣйствительное яблоко раздора между сторонами чрезвычайно вѣрно, хотя и столь же рѣзко, указано препод. Θεодоромъ Студитомъ и, въ болѣе умѣренной формѣ, Николаемъ Мистикомъ. Этимъ яблокомъ служили два вопроса: а) на сколько ученіе и постановленія церкви обязательны для высшей государственной власти? и б) какъ должна относиться церковь къ нарушеніямъ ея права (въ ученіи, управленіи, обрядахъ и проч.) этою властью?

Что здѣсь было истинное яблоко раздора между сторонами, это доказывается: а) тѣмъ, что съ факта нарушенія церковнаго права высшею государственною властью обыкновенно начинались въ восточной церкви всѣ движенія, подобныя арсеніанскому, и б) тѣмъ, что дѣйствительное разногласіе между сторонами существовало лишь по этимъ двумъ вопросамъ.

Въ дѣлѣ св. Златоуста вопросъ о нарушеніи права церкви высшею государственною властью не былъ прямо поставленъ. Она маскировалась своими ближайшими орудіями въ этомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ св. Златоустъ въ своихъ письмахъ повсюду говоритъ о нарушеніи этого права этими только орудіями—Θеофиломъ Александрійскимъ и его сторонниками. Но ни для кого не было тайной, что за Θεофиломъ и его сателлитами скрывался дѣятель болѣе могущественный, безъ помощи котораго Θεофилу не уда-

лось бы такъ легко и для всѣхъ неожиданно превратиться изъ подсудимаго въ судью невиннаго святителя. Этотъ дѣятель была императрица Евдоксія, управлявшая своимъ слабымъ супругомъ Аркадіемъ. И такимъ образомъ хотя св. Златоустъ ставитъ прямо вопросъ о нарушеніи права церкви ея собственными внутренними посягателями на это право, но косвенно этотъ вопросъ возбуждается и относительно тѣхъ *primi motores*, которые за ними скрывались.

Но въ дѣлѣ преподобнаго Θεодора Студита съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ оба формулированные нами выше вопроса были поставлены уже прямо и на оба изъ нихъ даны были тогдашними богословами и представителями іерархіи различные отвѣты. На первый изъ этихъ вопросовъ, по словамъ преподоб. Θεодора, епископы, присутствовавшіе на константинопольскомъ соборѣ 786 г. съ патріархомъ Тарасіемъ во главѣ, отвѣчали, что «божественные законы не простираются на царей» (1); подобный же отвѣтъ на этотъ вопросъ дала восточная іерархія и въ 805 г., при патріархѣ Никифорѣ и совмѣстно съ нимъ (2).

Преподобный нѣсколько рѣзко формулируетъ отвѣтъ іерархіи. Въ болѣе мягкой формѣ онъ могъ быть переданъ такъ: «догматическое ученіе церкви и для царей столь же обязательно, какъ и для подданныхъ, но въ сферѣ правилъ и порядковъ церковныхъ могутъ быть допускаемы для нихъ исключенія

(1) Письмо къ Льву папѣ римскому, т. 1 стр. 220.

(2) Письмо къ Евпреніану и находящаяся съ нимъ, ст. 234: «въ оправданіе свое они (епископы) говорятъ, что въ отношеніи къ царямъ не слѣдуетъ обращать вниманія на законы евангельскіе».

не въ примѣръ прочимъ». Отвѣтъ на второй вопросъ заключается уже въ отвѣтъ на первый. Онъ можетъ быть выраженъ такъ: «въ случаѣ нарушенія высшею государственною властью права церкви въ ея ученія— протестовать противъ этого нарушенія; если же нарушеніе касается церковныхъ правилъ и порядковъ, то—мириться съ совершившимся фактомъ по приспособленію къ обстоятельствамъ». Такъ по крайней мѣрѣ разрѣшили оба эти вопроса патріархи Тарасій и Никифоръ: пока дѣло шло о нарушеніи церковныхъ правилъ въ бракосочетаніи императора Константина, оба они терпѣли это нарушеніе «по приспособленію къ обстоятельствамъ» и не наказывали священника, благословившаго незаконный бракъ; а когда нарушено было право церкви въ сферѣ ея ученія—и именно по вопросу объ иконопочитаніи,—последній протестовалъ противъ этого нарушенія и заплатился за это изгнаніемъ. Тѣже отвѣты дали на оба вопроса представители высшей іерархіи и по случаю нарушенія церковныхъ правилъ и порядковъ, при устраненіи отъ престола св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія. А защитники церкви противъ Арсенитовъ кладутъ, какъ мы видѣли, различіе между догматами и правилами даже въ основаніе своихъ апологетическихъ трудовъ.

Свой отвѣтъ на первый вопросъ преподобный Феодоръ формулируетъ такимъ образомъ: «что же значить: *законъ единъ да будетъ* (Исх. XII, 19)? что значить: *судъ жесточайшій преимуществъ* (Прем. VI, 5)? что значить: *лима Богъ чловѣча не пріемлетъ* (Гал. 2, 6) (1)?... «Гдѣ же евангеліе царей (2)?... *Законъ*

(1) Письмо къ Еврепсіану и находящимся съ нимъ, стр. 234.

(2) Письмо къ Льву папѣ римскому, стр. 226.

единъ да будетъ, говоритъ писаніе, и одно евангеліе мы приняли; и кто бы ни сталъ измѣнять въ этомъ евангеліи что нибудь, хотя бы онъ былъ ангелъ съ неба, ты можешь стоять непреклонно. А императоръ развѣ больше ангела? Міродержатель въ этомъ мірѣ не больше ли всѣхъ бѣсовъ и людей, управляющихъ со властію мірскою, а не божественной? И однако что говоритъ апостолъ: *анагема да будетъ* (Гал. I, 8). Ангелы не дерзаютъ измѣнять, а если измѣнять, то не останутся не анагематствованными, какъ дьяволъ и его отступническое общество; какъ же какой нибудь человѣкъ, находящійся во плоти, измѣняя и дѣлая нововведенія, и особенно такіа нововведенія, не будетъ чуждъ Богу (1)?»

Отвѣтъ на второй вопросъ дается уже въ отвѣтъ преподобнаго на первый; вкраткѣ онъ можетъ быть формулированъ такъ: «не дѣлать различія между ученіемъ и правилами церкви, а настаивать на точномъ соблюденіи того и другихъ государственною властію; въ случаѣ же уклоненія ея отъ перваго и нарушенія послѣднихъ, примѣнять къ ней существующія на подобныя случаи дисциплинарныя церковныя взысканія или епитиміи, такъ же точно, какъ онѣ примѣняются церковію ко всѣмъ остальнымъ ея членамъ». Такимъ же точно образомъ разрѣшили оба эти вопроса св. Пгнатій, отлучившій отъ церкви правителя имперіи Варду, Пиколай Мистикъ—Льва Мудраго и Арсеній—Михаила Палеолога.

«Терпѣть меньшее зло во избѣжаніе большаго», (2) или «жертвовать частью для спасенія цѣла-

(1) Письмо къ Евпрепіану и находящимся съ нимъ, стр. 237.

(2) „Приспомятавый Тарасій... видя гнѣвъ и ярость царя и зная

го» (1) — вотъ чѣмъ мотивировали исключеніе изъ общаго правила для государственной власти первое.

Мотивы вторыхъ были разнообразнѣе. Они мотивировали свой отвѣтъ а) тѣмъ, что безнаказанное нарушеніе права церкви въ ученіи, управленіи и пр., высшею государственною властью парализуетъ нравственное вліяніе церкви (2); б) производить хаосъ и неурядицу не только въ церковныхъ, но и въ

какъ онъ отъ природы расположенъ къ несправедливости и страдаетъ удобопреклонностью ко грѣху, ослабилъ бразды строгости, чтобы тотъ не сдѣлалъ чего-нибудь худшаго противъ церкви Божіей, и, стерпѣвъ меньшее и частное зло, мудро сохранилъ всеобщее благо, исполняя слова: *искурящее время, яко дніе лукави суть* (Ев. V, 16). Такъ же точно... поступилъ и блаженный Никифоръ примѣнительно къ обстоятельствамъ, не желая, но бывъ принужденъ царемъ». Житіе и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣдника Феодора Студита, стр. 38. Соображеній этого рода не чужды были и представители противоположнаго направленія: мы видѣли, что Арсеній, отлучивши Михаила Палеолога отъ церкви, «позволилъ, однакожь, клиру пѣть для него изъ опасенія выдвигать самовластнаго царя на что-нибудь безумное».

(1) Такъ мотивировалъ, какъ мы видѣли, уступчивость церкви по вопросамъ каноническимъ Іоаннъ Хила.

(2) Биографъ преподобнаго Феодора, монахъ Михайлъ, рассказываетъ что дурной примѣръ, поданный императоромъ Константиномъ, тотчасъ же нашелъ себѣ подражателей «не только въ столицѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ: такъ царь лангобардскій, царь готскій и наместники воеподекій, основываясь на этомъ нарушеніи устава, предались прелюбодѣйнымъ связямъ и невоздержнымъ пожеланіямъ, находя благовидное оправданіе въ поступкѣ римскаго императора, какъ будто бы, когда онъ такъ поступилъ, то послѣдовало одобреніе и отъ патріарха и находящихя при немъ архіереяхъ. Узнавъ о такихъ беззаконіяхъ... преподобный сетовалъ, скорбѣлъ въ самомъ себѣ и оплакивалъ всеобщую погибель настоящихъ и будущихъ людей; ибо онъ справедливо опасаяся, чтобы безуміе влаетителя, бывъ принято неразумными въ законъ, не сдѣлалось неисцѣльнымъ образомъ дѣйствій для будущихъ поколѣній. Посему онъ не оставилъ этого зла безъ обличенія, но тотчасъ выѣхавъ съ отцемъ своимъ (Платономъ) прервалъ общеніе съ ними». Житіе и подвиги преподоб. отца нашего и исповѣдника Феодора стр. 22—23. Подтвердивши вполне этотъ фактъ (см. письмо къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ, стр. 214—215), преподобный между прочими мотивами, вынудившими его на принятое имъ

гражданскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ (1); в) лишаетъ церковныя правила всякаго смысла и значенія (препод. Феодоръ и Арсеній) и г) лишаетъ церковь единства и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, производя разнь между ея предстоятелями (св. Златоустъ и преп. Феодоръ) (2).

Итакъ внутренней вопросъ, или вопросъ о расколѣ, во всёхъ движеніяхъ, подобныхъ арсеніанскому, возникалъ всякій разъ изъ внѣшняго вопроса, или вопроса церковной политики (*οἰκονομικὰ ἐκκλησιαστικὰ*) относительно государственной власти, вопроса, который и былъ первичнымъ и главнымъ яблокомъ раздора между сторонами.

Въ рѣшеніи этого вопроса всякій разъ обозначались два направленія въ церковной политикѣ — строгое и умѣренное.

Представители строгого направленія, выходя изъ положеній, что евангеліе одно и для царей и для подданныхъ, и что церковныя каноны столь же важны, какъ и изреченія евангелія, такъ какъ продиктованы однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, выво-

относительно императора рѣшеніе, указывають и на то, что послабленіе строгости евангельскихъ предписаній и церковныхъ правилъ для царей парализуетъ силу ихъ и для подданныхъ (Письмо къ Евпреніану и сущимъ съ нимъ, стр. 235). Подобный эффектъ произвело и вступленіе Льва Мудраго въ четвертый бракъ, что и было однимъ изъ побужденій, заставившихъ Николая Мистика отнестись къ этому факту такъ строго (*Vid. epist. cit. p. 291*).

(1) Письмо препод. Феодора къ Евпреніану и сущимъ съ нимъ, стр. 235. *Cont. epist. XXXII Nicolai Patriarchae p. 297—299*.

(2) «Эта заповѣдь касательно правилъ да будетъ принята отъ насъ ками, епископы. Соблюдая ее, вы спасетесь и будете имѣть миръ, а не повинуваясь потерпите наказаніе и будете имѣть постоянную войну между собою, подвергаясь надлежащему наказанію за непослушаніе». Письмо къ Аванасію сыну, стр. 280.

дять отсюда заключеніе, что и для царей, какъ и для подданныхъ, равно обязательны какъ ученіе, такъ и каноны церкви, и что послѣдняя не только мѣжетъ, но и должна настаивать на точномъ соблюденіи того и другихъ безразлично всѣми своими членами. Въ точномъ соблюденіи церковнаго ученія и каноновъ представители этого направленія видѣли лучшее средство къ огражденію церкви отъ покушеній на ея право со стороны власть имущихъ. Требования представителей этого направленія сводились къ четыремъ пунктамъ: а) чтобы церковь не дѣлала различія между своимъ ученіемъ и своими канонами, б) чтобы не дѣлала различія между своими членами—будутъ ли то цари, или подданные, в) чтобы и ученіе и правила предъявляла всѣмъ своимъ членамъ, какъ безусловно обязательныя, и г) чтобы, въ случаѣ искаженія перваго и нарушенія послѣднихъ, была бы неумолимо послѣдовательна въ примѣненіи своихъ дисциплинарныхъ взысканій, къ кому бы ни пришлось ихъ примѣнить,—словомъ, въ своей политикѣ относительно государственной власти стояла твердо не только за *ἀκρίβεια τῶν δογματικῶν*, но и за *ἀκρίβεια τῶν κανόνων*.

Представители втораго направленія рекомендовали ей болѣе умѣренную и менѣе послѣдовательную политику. Хотя и они находили, что весьма было бы желательно, если бы представители высшей государственной власти не только содержали ученіе церкви въ томъ видѣ, въ какомъ она содержитъ и проповѣдуетъ это ученіе, но и въ точности соблюдали ея постановленія; но, въ случаѣ нарушенія ими этихъ постановленій, не находили удобнымъ и полезнымъ

для церкви примѣненіе къ нимъ во всей строгости наказаній, опредѣленныхъ церковными канонами для обыкновенныхъ, рядовыхъ, такъ сказать, нарушителей ея постановленій. Такъ какъ строгое примѣненіе къ нимъ этихъ наказаній можетъ вызвать ихъ на какое нибудь насиліе надъ церковію, то они рекомендовали ей терпѣть меньшее зло во избѣжаніе большаго, или, какъ типически выразился Іоаннъ Хиза, «не стоять слишкомъ упорно за часть, чтобы не потерять цѣлаго». Протестовать противъ нарушенія своего права высшею государственною властію церковь, по ихъ мнѣнію, обязана лишь тогда, когда нарушеніе будетъ сдѣлано въ сферѣ содержаемаго ею догматическаго ученія; тогда уступчивость съ ея стороны была бы непозволительной слабостью. Словомъ, представители этого направленія рекомендовали церкви дѣлать различіе съ одной стороны между царями и ихъ подданными, съ другой между догматами и правилами, и, требуя отъ послѣднихъ и *ακρίβεια τῶν δογματικῶν* и *ακρίβεια τῶν κληρικῶν*, отъ царей желать того и другаго, но требовать только перваго.

Основная тенденція перваго направленія состояла въ томъ, чтобы обезпечить церкви независимое положеніе и полную свободу дѣйствій и во внутреннихъ дѣлахъ и въ отношеніяхъ къ государству. Въ силу этого стремленія представители направленія старались: а) какъ можно болѣе обособить ее отъ государства и б) сѣзуть сферу вліянія послѣдняго на ея дѣла (1). Отсюда ихъ протесты противъ замѣщенія

(1) То и другое съ свойственною себѣ реальностью и силой слова выразилъ препод. Феодоръ въ деклараціи, произнесенной имъ въ лицѣ императору Льву V (813—820): «императоръ, произнесъ преподобный,

высшихъ мѣстъ въ іерархіи лицами свѣтскаго происхожденія и образованія, которыхъ они, по типическому выраженію преподобнаго Θεодора Студита, считали «состоящими изъ мірскаго вещества», и, въ слѣдствіе этого, «неспособными ратовать за духъ (1)»; отсюда требованія, чтобы на мѣсто вышшаго предстоятеля церкви — патріарха выбирались лучшіе люди церкви (2); отсюда настойчивость

внесли тому, что чрезъ насъ божественный Павелъ говорить тебѣ о церковномъ благочиніи, и, узнавъ, что не слѣдуетъ царю ставить себя самого судіею и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, посажду и самъ, если ты согласенъ быть правоярнымъ, апостольскимъ правиламъ; онъ говоритъ такъ: *положи Богъ въ церкви первые апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Корин. XII, 28); вотъ тѣ, которое устрояють и исцѣляютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не царь; ибо св. апостоль не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами церкви... Впрочемъ, если ты хочешь быть ея сыномъ, то ничто не препятствуетъ; только слѣдуй во всемъ духовному отцу твоему», — указавъ при этомъ рукою на святѣйшаго Никифора. Житіе и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣданіе Θεодора Студита, стр. 52—53. Ср. письмо преподобн. къ Льву сакелларію, т. 2, стр. 319—324.

(1) См. письмо къ Стефану чтецу и находящимся съ нимъ, т. 1, стр. 311. Въ возведеніи св. Тарасія «изъ мірскаго вещества» на патріаршій престолъ преподобный указываетъ одну изъ причинъ своего «разногласія» съ этимъ патріархомъ. (περί Ταρασίου καὶ Νικηφόρου τῶν ἐν ἁγίοις πατριάρχων, apud Maium, Spicil. Romanum, t. VII. Praefatio p. XXX—XXXII).

(2) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Никифору, въ отвѣтъ на приглашеніе императора порекомендовать достойнаго чловека для занятія патріаршаго престола, сдѣлавшагося вакантнымъ по смерти св. Тарасія, препод. Θεодоръ между прочимъ пишетъ: «благоразуміе и желаніе вашего царства требуютъ такого, который могъ бы совершеннымъ сердцемъ постигать уставы Божіи, былъ бы по сану и чину постепенно возведенъ отъ низшаго къ высшему... Онъ долженъ блистать предъ прочими, какъ солнце между звѣздами... Съ покорностью и почтеніемъ предлагаемъ... чтобы вы, дѣлая выборъ изъ епископовъ, изъ игуменовъ, изъ столпниковъ, изъ заключенныхъ (т. е. изъ затворниковъ), потомъ изъ клира и изъ самыхъ сановниковъ, обратили вниманіе на преимуществующихъ предъ прочими умомъ, благоразуміемъ и жизнію. Пусть же сойдутъ и столпники, пусть выйдутъ и заключенные, потому что ищется полезное для всѣхъ; разсуди и

на точномъ соблюденіи церковныхъ каноновъ и порядковъ, какъ при избраніи, такъ и при устраниеніи патріарховъ; отсюда усилія создать изъ константинольскаго патріарха дѣйствительнаго представителя церкви и на все, къ нему относящееся, смотрѣть, какъ на общее дѣло церкви; отсюда неудовольствіе и протесты на уступчивость патріарховъ и іерархіи императорамъ ⁽¹⁾; отсюда отождествленіе церковныхъ правилъ съ догматами, настойчивость на точномъ соблюденіи тѣхъ и другихъ и протесты противъ ихъ нарушенія; отсюда нерасположеніе къ «теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ» и усилія ограничить ея примѣненіе возможно-рѣдкими и индеферентными для церковныхъ интересовъ случаями ⁽²⁾ и проч. Словомъ, представители этого направленія заботились прежде всего и по преимуществу объ интересахъ церкви и,

сообрази и вмѣстѣ съ ними избери **дѣстойвѣйшаго**» (стр. 157 — 158). Какъ этотъ идеалъ патріарха и способъ избранія его были далеки отъ того идеала, который составили себѣ византійскіе императоры и отъ излюбленнаго ими способа замѣщенія патріаршей кathedры!

(1) «Что сказать объ архіереѣ (патріархѣ Никѣорѣ), который не отвѣчалъ намъ ни слова и не хотѣлъ ничего слушать, предоставляя все Кесарю?» Съ видимымъ неудовольствіемъ скрививаетъ себя самого препод. Феодоръ въ письмѣ къ Симеону игумену. Т. 1, стр. 192.

(2) «Предвѣдъ приспособленія къ обстоятельствамъ состоитъ въ томъ, чтобы ни совершенно нарушать какое-нибудь постановленіе, ни въ случаѣ, когда можно сдѣлать малое послабленіе по времени и обстоятельствамъ, дабы такимъ образомъ легче достигнуть желаемаго, не вдаваться въ крайность и не причинять вреда важнѣйшему. Этому мы поучались между апостолами отъ Павла, который очистился и обрѣзалъ Тимotheя (Дѣян. II, 26, XVI, 3); а между отцами отъ Василія В., который привялъ приношеніе Валента и до времени не употреблялъ примаго названія Божь о Духъ. Но ни Павелъ не продолжалъ очищаться, ни Василій принимать еще дары отъ Валента и не называть Духа Богомъ; напротивъ видно, что они оба готовы были принять смерть за то и другое». Письмо преподоби. Феодора къ Феовитсту магистру, стр. 183.

въ случаѣ столкновенія этихъ интересовъ съ государственными, настаивали на пожертвованіи послѣдними первымъ. Нѣкоторые изъ нихъ простирали свою заботливость объ интересахъ церкви до полного пренебреженія интересовъ государства (1).

Основной тенденціей втораго направленія было—возможное соглашеніе дѣйствій и интересовъ церкви съ дѣйствіями и интересами государства. Въ практическомъ примѣненіи эта тенденція должна была повести: а) къ возможному объединенію церкви съ государствомъ и б) къ расширенію вліянія послѣдняго на первую. Въ силу этой тенденціи представители этого направленія не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что государственная власть смотрѣла на церковь и на ея порядки и отношенія сквозь призму государственныхъ интересовъ и вносила въ церковную сферу тѣже самыя приемы, къ которымъ она привыкла въ сферѣ государственной,—если на примѣръ она соображалась въ выборѣ и назначеніи патріарха не съ церковными, а съ государственными видами—избирала лучшаго не для церкви, а лучшаго для государства; если, какъ при избраніи, такъ и при устраненіи патріарховъ обходила предписанныя церковными канонами формальности, — назначала и устраняла патріарховъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, простымъ административнымъ распоряже-

(1) Въ 1273 г., на одномъ изъ собраній епископовъ у императора, для обсужденія вопроса объ униі, на представленіи Михаила Палеолога относительно пользы ея для государства, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ епископовъ замѣтили: «если обществу угрожаетъ опасность, то это не забота церкви; на ней лежитъ лишь обязанность молиться; а не допускать ничего, угрожающаго бѣдствіемъ, или опасность сдѣлать безопасною—обязанъ державный». Пахим. стр. 358.

ніемъ и проч. Этой тенденціей объясняется наклонность представителей этого направленія смотрѣть на несправедливость, сдѣланную государственною властью тому или другому предстоятелю церкви, какъ на личное дѣло послѣдняго, вовсе не касающееся церкви и не затрагивающее ея интересовъ, а на уступчивость патріарховъ и іерархіи императорамъ, какъ на мудрую и полезную церкви предусмотрительность. Этой тенденціей поддерживалась мысль о различіи между догматами и канонами; ей же обязана своимъ широкимъ развитіемъ и теорія приспособленія къ обстоятельствамъ. Ею внушались панегирики миру и единенію и филищики противъ расколовъ и разногласій. Словомъ: представители этого направленія мечтали о гармоніи отношеній между церковію и государствомъ, и на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ эта гармонія грозила нарушиться, спѣшили предупредить это событіе пожертвованіемъ церковными интересами государственнымъ.

«Худой миръ лучше доброй брани», вотъ основное положеніе церковной политики умѣреннаго направленія. «Добрая брань лучше худаго мира», рассуждали представители строгаго направленія, и, если не видѣли другаго средства къ огражденію права церкви, то считали себя не только въ правѣ, но и обязанными вступать въ борьбу.

Въ развитіи строгаго направленія замѣтно обозначились два фазиса. Сначала представители его думали организовать оппозицію противъ нарушенія права церкви высшею государственною властью въ рядахъ высшихъ представителей церковной іерархіи— епископовъ съ римскимъ епископомъ во главѣ. Всѣ

письма св. Златоуста, относящіяся къ этому предмету, адресованы къ епископамъ и папѣ. На послѣдняго, какъ на старѣйшаго изъ епископовъ и болѣе другихъ независимаго и вліятельнаго, потерцѣвшій святитель возлагаетъ преимущественныя надежды въ проектируемой имъ епископской коалиціи. На римскаго же епископа ищутъ опереться и св. Игнатій (1) и Николай Мистикъ (2). Къ нему же обращаетъ свои взоры и мольбы и преподоб. Феодоръ Студитъ (3).

Но прискорбный разрывъ, совершившійся между церквами въ половинѣ XI вѣка, заставилъ представителей этого направленія искать себѣ въ другомъ мѣстѣ точки опоры. Самую ближайшею и естествен-

(1) «Сіе вкратцѣ и объяснилъ тебѣ; ты же, святѣйшій владыка мой, яви на мнѣ свое благоутробіе, и живѣть со св. Павломъ скажи и самъ: кто изнемогаетъ и не изнемогаю. Вспомни предшествовавшихъ тебѣ патриарховъ, разумно Флавіана, Юлія, Иннокентія, Льва и другихъ, подвизавшихся за истину противъ неправды, и поревнуй имъ, и возстань истителемъ за насъ, столь несправедливо пострадавшихъ». *Αἰτίολογ. πατριάρχων... Lib. cit. p. 210.*

(2) *Vid. Nicolai Patriarchae ep. XXII ad papam Romae lib. cit.*

(3) «Поступи по примеру учителя твоего Христа и прости руку къ нашей церкви, какъ Онъ къ Петру, Онъ—къ начинавшему утопать въ морѣ, а ты—къ погрузившейся уже въ бездну ереси. Поревнуй, просишь тебя, солонному тебѣ папѣ, и какъ онъ, при возникшей тогда свихіанской ереси, возсталъ духомъ по-львиному, какъ всѣмъ извѣстно, посредствомъ своихъ догматическихкихъ посланій, такъ и ты, осмѣливаясь сказать, согласно съ своимъ именемъ возгласи божественно, или лучше, возграси понадежающему противъ настоящаго лжученія». Письмо къ Льву (795—816), папѣ римскому, стр. 221. Ср. второе письмо къ тому же папѣ по тому же предмету стр. 223—224, равно какъ письма преподобнаго къ папѣ Пасхадію (817—824) по вопросу объ иконопочитаніи, въ русск. перев. т. II, стр. 41—46. Во второмъ письмѣ къ этому папѣ по послѣднему вопросу преподобный говоритъ между прочимъ: «истинно убѣдились мы, что не оставилъ Господь нашей церкви, для которой въ приключающихся бѣдствіяхъ имѣется издревле и отъ начала одна и единственная помощь отъ васъ, по промысловію Божию». Стр. 45.

ною послѣ римской кафедры точкою опоры для него представлялась кафедра константинопольская, какъ важнѣйшая послѣ римской, а послѣ отпаденія послѣдней отъ вселенскаго единства, наслѣдовавшая ей мѣсто въ іерархіи со всѣми ея преимуществами. И въ попыткахъ создать такую точку опоры въ патріархѣ константинопольскомъ со стороны представителей этого направленія недостатка не было. Попытки эти начались гораздо раньше окончательнаго раздѣленія церквей; онѣ шли одновременно и параллельно съ попытками, обращаемыми къ римскому престолу, но большею частію оказывались неудачными, потому что невозможно было устроить соглашеніе между патріархомъ и іерархіею. Мы видѣли, какъ мало имѣла успѣха попытка Арсенія согласить іерархію на мѣру, принятую имъ противъ императора Михаила «для огражденія на будущее время отъ посяганія божественныхъ законовъ». Столь же мало въ сущности удалось и св. Игнатію и Николаю Мистіку слотить вокругъ себя всю іерархію, хотя на ихъ сторонѣ оказалось и гораздо больше епископовъ, чѣмъ на сторонѣ Арсенія.

Эти неудачи заставили представителей строгаго направленія искать другаго центра для своей оппозиціи и организовать ее изъ другихъ элементовъ. Уже св. Златоусту пришлось горько разочароваться въ своихъ надеждахъ на епископовъ (1). А въ письмѣ препод. Феодора Студита заявляется уже положительное недовѣріе къ нимъ. Говоря о положеніи,

(1) Послѣ пріема, сдѣланнаго святителю на пути въ изгнаніе епископомъ Кесаріи Каппадокійской, Фаратріемъ, св. Златоустъ писалъ къ Олимпіадѣ: «никого я теперь не боюсь, кромѣ епископовъ, за исключеніемъ немногихъ». Письмо 14 къ Олимпіадѣ.

принятою ими въ дѣлѣ эконома Іосифа, и находя это положеніе несогласнымъ съ канонами, преподобный не разъ съ горечью восклицаетъ: «увы, іерархія!» Петерявши надежду увлечь за собою іерархію, онъ сдѣлалъ попытку перенести точку опоры для искомой оппозиціи въ среду монашества и организовать ее изъ представителей этой среды. Большая часть его писемъ, посвященныхъ этому предмету, адресована уже не къ епископамъ, а къ монахамъ. Его мысли на этотъ счетъ выражены въ такой категорической формѣ, что не допускаютъ никакихъ перетолкованій: «если монашескій чинъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, не *вмѣнитъ вся въ уметы* (Филип. III, 8), т. е. монастыри и все, находящееся въ нихъ, то какъ мірянинъ оставить жену, дѣтей и все прочее?.. Подлинно, если Сынъ Божій, Господь и Владыка всѣхъ, принесъ Себя самого въ жертву за всѣхъ Богу и Отцу, то какъ должны мы и чего не обязаны мы терпѣть и страдать для Него, особенно монашествующіе и распявшіеся отреченіемъ отъ міра, если отреклись истинно, а не тщетно?... Итакъ, принадлежащіе къ монахамъ въ настоящія времена пусть докажутъ это дѣлами. А дѣло монаха— не допускать ни малѣйшаго нововведенія въ евангеліи, чтобы, подавъ мірянамъ примѣръ ереси и общенія съ еретиками, не отдать отчета за ихъ погибель (1). «Итакъ мы, находящіеся внѣ міра, обязаны дѣлать не иное что, какъ этого домогаться и такъ поступать, въ чемъ намъ можно, и превозноситься и соревновать» (2). «Подрствуйте въ этомъ, святые

(1) Письмо 39 къ Теофілу игумену, ч. 1, стр. 253—254.

(2) Къ Теоктисту магистру, стр. 166.

отцы, — пишетъ преподобный къ Симеону игумену, извѣщая его о своемъ сопротивленіи волѣ императора по извѣстному дѣлу эконома Іосифа, — считая своимъ дѣломъ, что и дѣйствительно такъ, защищать общепольное (1)». «Будемъ же, братія, въ этомъ коварномъ и развращенномъ поколѣніи каковы звѣздами, сіяющими во мракѣ ереси; ибо насъ избралъ Христосъ въ Свою славу, къ славѣ православія. Какъ древніе для насъ, такъ мы для потомковъ стараемся сдѣлаться опорой и примѣромъ и явиться ликующими въ день Христовъ (2)». Эти внушенія пали на плодovitую почву и принесли плодъ сторицею. Со времени преподобнаго Феодора монашество восточное замѣтно начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что оно призвано блюсти за «точнымъ исполненіемъ церковныхъ канонѡвъ», и судьба разсматриваемаго нами направленія въ церковной политикѣ начинаетъ переходить въ его руки. И хотя оно по прежнему старалось дѣлать одно дѣло съ іерархіей, взывало и къ Риму и къ Византіи; но такъ какъ дѣятельную поддержку находило только въ Римѣ, и лишь изрѣдка въ Византіи, то мало по малу привыкало полагаться только на себя и вести это дѣло на свой рискъ и страхъ, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ раздѣленіе церквей закрыло ему дорогу въ Римъ. Монашеству принадлежала главная роль въ движеніяхъ, вызванныхъ изложеніемъ св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія. Во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ монахи и возбуждали движеніе,

(1) Письмо къ Симеону игумену, стр. 193.

(2) Письмо въ братіямъ, заключеннымъ въ темницы, т. II стр. 72—73.

или по крайней мѣрѣ первые присоединялись къ нему, и послѣдніе отставали отъ него. Ихъ стойкости и упорству всѣ эти движенія обязаны главнымъ образомъ и своей продолжительностію. И въ каждый разъ лозунгомъ ихъ была—*δικαιοσύνη τῷ κρισμῷ*.

Умѣренное направленіе большею частію поддерживалось высшею церковною іерархіею и бѣлымъ духовенствомъ. Это объясняется составомъ той и другаго и общественнымъ ихъ положеніемъ. До самаго арсеніанскаго движенія ряды высшей іерархіи на востокъ пополнялись или патріаршими чиновниками, или вообще духовными лицами великой церкви, или членами придворнаго духовенства, а на патріаршій престолъ не рѣдко возводились и государственные сановники, каковыми были, наприм., до возведенія своего на престолъ: Нектарій, Тарасій, Никпфоръ, Фотій, Іоаннъ Гликисъ и другіе, и сыновья, братья и другіе близкіе родственники царствовавшихъ династій, какъ наприм. патріархи: Стефанъ 1, сынъ императора Василія Македонянина и братъ Льва Мудраго, Θεοφιλάκτῃ, сынъ императора Романа Декапина, и друг. Понятно, что всѣ эти лица, по своему происхожденію, а всѣ по своему положенію и роду службы въ столицѣ, то при дворѣ императорскомъ, то при дворѣ патріаршемъ, были соединены болѣе или менѣе тѣсными связями и служебными и домашними съ чиновною и родовою аристократіею, состоявшею на придворной и государственной службѣ, и въ своей церковной дѣятельности естественно должны были сообразоваться не съ одними интересами церкви, но принимать въ соображеніе и интересы государства, тѣмъ болѣе, что, поставленные

близко къ государственной машинѣ. они лучше другихъ могли видѣть и понимать эти интересы. Не оставалась также безъ вліянія на ихъ образъ мыслей и поведенія и столичная жизнь съ ея нравами и обычаями, равно какъ матеріальная и нравственная обстановка ихъ должности и сана. Въ случаѣ коллизіи съ правительствомъ имъ приходилось приносить болѣе тяжкія жертвы, чѣмъ кому либо изъ членовъ клира. Низшее духовенство, во всемъ подчиненное высшему и связанное съ государствомъ и семейными и имущественными отношеніями, естественно тянуло къ іерархіи и государственной власти.

Въ развитіи этого направленія также можно подмѣтить два фазиса. Въ первомъ фазисѣ развитія представители его строго выдерживали различіе между догматами и канонами и устно и письменно утверждали, что отступленіе отъ точнаго смысла послѣднихъ допускаютъ лишь, какъ временное исключеніе не въ примѣръ прочимъ, и притомъ исключеніе, вынуждаемое единственно крайностію, а за *ἀρρίβεια τῶν δογμάτων* готовы пожертвовать своею жизнью. Но со времени взятія Константинополя латинянами, подъ вліяніемъ переговоровъ сначала никейскихъ императоровъ, и потомъ Палеологовъ, съ папами о воссоединеніи церкви, это направленіе переходитъ въ новый фазисъ развитія: оно перерождается въ уніональное, и представители его начинаютъ проводить мысль о томъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и подъ извѣстными условіями, можно жертвовать для блага государства не только *ἀρρίβεια τῶν κανόνων*, но и *ἀρρίβεια τῶν δογμάτων*. Но весьма понятнымъ причинамъ, это направленіе находило себѣ самое дѣятельное поощре-

ніе и поддержку въ правительствѣ. Строго церковное направленіе имѣло на своей сторонѣ симпатіи темнаго люда, массы простыхъ вѣрующихъ, не посвященныхъ въ тайны высшей политики и не привыкшихъ считаться со своею совѣстью.

Понятно само собою, что направленія столь противоположныя не всегда мирно жили одно съ другимъ. До крупныхъ столкновеній, впрочемъ, дѣло доходило рѣдко, — лишь по какимъ либо особеннымъ случаямъ; но глухая борьба велась непрерывно, въ теченіе всего византійскаго періода. На ходъ и исходъ ея имѣлъ весьма важное вліяніе переходъ представительства строго — церковнаго направленія въ среду монашества. Мало по малу общіе интересы церкви, во имя которыхъ возвышали свой голосъ представители этого направленія, въ рукахъ монашествующихъ вождей его отождествились съ спеціальными интересами монашества. Это отождествленіе и даже съ оттѣнкомъ преобладанія интересовъ спеціально монашескихъ надъ обще-церковными выразилось уже въ дѣлѣ патріарховъ Игнатія и Фотія, и еще осязательнѣе въ дѣлѣ Николая Мистика и Евенмія: Огромная масса приверженцевъ св. Игнатія состояла изъ монашествующихъ съ студитскимъ монастыремъ во главѣ. Эта масса объявила себя за св. Игнатія, сколько потому, что считала его дѣло правымъ, столько же, если еще не больше, потому, что св. Игнатій былъ плотью отъ плоти ея и костью отъ костей ея. Онъ былъ монахомъ въ смыслѣ великаго аввы студитовъ Θεодора, и монашеская среда, предводимая учениками преподобнаго Θεодора, отстаивала его, какъ своего представителя, въ лицѣ

котораго она стояла во главѣ управленія церковною и имѣла возможность проводить въ церковную жизнь свои идеи и принципы. Такимъ образомъ здѣсь борьба была въ сущности столько же противъ свѣтской власти, за общее дѣло церкви, сколько и противъ свѣтской іерархіи, во главѣ которой стоялъ Фотій съ своими учениками, за частное дѣло монашества. Еще яснѣе сказалась спеціально монашеская тенденція въ движеніи, вызванномъ споромъ о четвертомъ брагѣ. Большинство монашествующихъ оказалось здѣсь на сторонѣ соперника Николаева Евѣимія, хотя онъ объявилъ себя на этотъ разъ за умѣренное направленіе. Эта непоследовательность представителей среды, начертавшей на своемъ знамени *ἀκρίβεια τῶν κλη-*
υκῶν и привыкшей уже смотрѣть на борьбу за право церкви подъ этимъ знаменемъ, какъ на свое историческое призваніе, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Евѣимій былъ синайскимъ отшельникомъ до избранія своего въ духовники императорскіе и потомъ въ патріархи, а Николай Мистикъ былъ до избранія своего въ патріархи государственнымъ сановникомъ и, слѣдовательно, «происходилъ изъ мірскаго вещества» и въ добавокъ былъ ученикомъ ненавистнаго большинству тогдашнихъ иноковъ Фотія. Преобладаніе спеціально-монашескихъ интересовъ надъ обще-церковными въ Арсеніанскомъ движеніи не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Мы видѣли, какъ дружно иночествующіе вожди Арсенитовъ и Іосифитовъ торжествовали свою побѣду надъ ненавистными тѣмъ и другимъ уніонистами, почти поголовно «состоявшими изъ мірскаго вещества», и разсорились лишь изъ-за вопроса о томъ.

кто изъ нихъ оказалъ больше ревности въ борьбѣ и, слѣдовательно, кто имѣеть больше правъ на управление церковію по общему тѣмъ и другимъ идеалу «точного соблюденія божественныхъ законовъ».

Отождествленіе общецерковныхъ интересовъ съ спеціально - монашескими въ рукахъ монашествующихъ вождей строгаго направленія было прямымъ послѣдствіемъ бесплодности попытокъ ихъ увлечь за собою іерархію въ общее дѣло противъ свѣтской власти. Обманываясь постоянно въ своихъ расчетахъ на іерархію, они рано или поздно должны были потерять къ ней всякое довѣріе и занять относительно ея тоже самое положеніе, которое занимали и ее приглашали вмѣстѣ съ собою занять относительно свѣтскаго правительства. Это положеніе, какъ мы видѣли, и занялъ относительно ея препод. Феодоръ Студитъ по дѣлу эконома Іосифа. Онъ не только многократно и энергично выражалъ свое неудовольствіе на поведеніе іерархіи въ этомъ дѣлѣ, но и доказывалъ, что «епископамъ и священникамъ не дано власти измѣнять каноны». Затѣмъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться изъ среды монашествующей братіи обвиненія противъ іерархіи въ томъ, что «она управляетъ церковію не по евангелію и не по божественнымъ правиламъ, а по своему произволу». Арсениты не первые высказывали это обвиненіе. А отъ этого обвиненія не далеко и до требованія, чтобы управленіе церковію было вырвано изъ не достойныхъ и неспособныхъ рукъ и передано въ руки достойныя и способныя. Арсениты опять не первые заявили это требованіе. Ихъ собратья по направленію высказывали это заявленіе гораздо рань-

ше и притомъ въ интересѣ всего иноческаго сословія, а не одной только его частной фракціи.

Тщетно пыталась іерархія отклонить это требованіе, какъ несогласное съ обѣтами иночества. Тщетно внушалаъ св. Меодій студитамъ, что «имъ, какъ монахамъ, не къ лицу распоряжаться дѣлами іереевъ, что имъ скорѣе приличествуетъ подчиняться, а не подчинять себѣ, или распоряжаться священными лицами» (1). Тщетно константинопольскій соборъ 879 г. особымъ правиломъ постановилъ, чтобы лица архіерейскаго сана, принявшія послѣ хиротоніи монашеское постриженіе, eo ipso слагали бы съ себя и архіерейскій санъ, какъ несовмѣстный съ произнесенными ими иноческими обѣтами (2). Тщетными оказались и увѣщанія, тщетными и соборныя опредѣленія. Монашество все настойчивѣе и настойчивѣе

(1) Ὁ ἁγίος ἐπὶ τῶν ἐκείνων χρόνων ἐπέμεινε τὰς ἐπιστολάς αὐτῶν τοῖς ἀδελφοῖς, καὶ ἐπέμεινε τὰς ἐπιστολάς αὐτῶν τοῖς ἀδελφοῖς, καὶ ἐπέμεινε τὰς ἐπιστολάς αὐτῶν τοῖς ἀδελφοῖς. Mai Spicil. Rom. t. VII. Praefat. p. XXXII.

(2) «Хотя до нынѣ нѣкоторые архіереи, низшедшіе въ монашескій образъ, усиливались пребывать въ высокомъ служеніи архіерейства, и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія; но сей святой и вселенскій соборъ, ограничивая такое недосмотрѣніе и возвращая сіе въ порядокъ допущенное дѣйствіе къ церковнымъ уставамъ, опредѣлялъ: аще когорый епископъ, или кто иной архіерейскаго сана, восхощетъ снати въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія; таковой впредь уже да не взыскуеть употребленія архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства, или начальствованія: они общаются не другихъ пастырей, а пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзнетъ сотворити сіе, послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность проианосимаго цннѣ опредѣленія: таковой, самъ себе устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ». Правило 2-е. Книга правилъ, стр. 438—439.

стремилось замѣнить собою неспособную и недостойную съ его точки зрѣнія мірскую іерархію. Уже во времена преподобнаго Θεодора Студита нѣкоторые изъ смиренныхъ иноковъ позволяли себѣ обнародывать отъ своего имени окружныя посланія въ родѣ тѣхъ, которыя издавали патріархи, и тѣмъ вызвали великаго авву на справедливый упрекъ и предостереженіе (1). А приведенное нами правило константинопольскаго собора нарушено было торжественно даже на главѣ Арсенитовъ Андроникѣ сардскомъ. На сторонѣ иночества былъ могущественный союзникъ. Этотъ союзникъ былъ духъ времени. Опираясь на этого союзника, смиренные иноки, хотя медленно, но вѣрнопшли къ своей цѣли. И всѣ мѣры, какія принимала іерархія къ удержанію ихъ въ ихъ кельяхъ и въ строгихъ границахъ, начертанныхъ для нихъ ихъ обѣтами, могли лишь отсрочить развязку борьбы, но безсилны были совершенно предотвратить ее.

Развязка эта совпадаетъ почти съ концемъ Арсеніанскаго движенія. Знаменія близкаго торжества смиренныхъ иноковъ надъ своими мірскими соперниками обнаружилась уже весьма осязательно при пятomъ преемникѣ Арсенія, Іоаннѣ XII Созопольскомъ (1293—1304). Пахимерьъ рассказываетъ, что пока Косьма (монашеское имя Іоанна) былъ бѣлымъ священникомъ, онъ вмѣстѣ съ остальнымъ бѣлымъ духовенствомъ ропталъ на предпочтеніе, которое съ нѣкоторыхъ поръ стали оказывать въ Константинополѣ монашествующимъ предъ членами бѣлаго духовенства при замѣщеніи высшихъ мѣстъ въ церковной іерархін,

(1) См. письмо къ Θεодору монаху. Т. 2, стр. 410—421.

находя это предпочтеніе неправильнымъ и противоканоническимъ, а когда постригся въ монахи и сдѣлался патріархомъ, то и самъ сталъ держаться того же обычая (¹). Протестъ, заявленный духовенствомъ великой церкви на это обидное предпочтеніе, оказываемое патріархомъ инокамъ, повелъ лишь къ тому, что патріархъ Аѳанасій I, сначала предшественникъ, а потомъ преемникъ Іоанна, сдѣлавъ попытку превратить всѣхъ духовныхъ лицъ великой церкви въ монахи, попытку, надѣлавшую много горя и хлопотъ и бѣлому духовенству и самому правительству Андроника Палеолога Старшаго (²). Окончательное же торжество монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ, по вопросу о занятіи вышнихъ мѣстъ въ іерархіи и, слѣдовательно, по управленію церковію, совершилось во время, такъ называемыхъ, пенихастскихъ споровъ (1340—1359). Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ триумфомъ аѳонскихъ иноковъ, предводительствуемыхъ Григоріемъ Паламой, надъ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ XIV Калѣкасомъ (1337—1347) и надъ придворнымъ ученымъ Григорой. На побѣду ихъ надъ

(¹) Ο ἅγιος Κοσμάς οὗτος καὶ Ἰωάννης, εἶτι μὲν αὐτὸς ὄν τῶν πραγμάτων καὶ ἰδιωτῶν ἐφ' ἧκει τὸ ἐπὶ τοῖς τῆς ἐκκλησίας τελοῦμενον ἄδικον ἔκρινε καὶ παντάπασιν ἀνανόμιστον, καὶ ἄλλος ἦν, ὡς εἶφαί, εἰ αὐτὸς ἐπιστάτῃ τοῖς πράγμασι, ἴσων τῆρ καταδίκευ ὡς πρὸς ἀνδισταρμένη κανόσι καὶ κληρικαῖς ἐκφ' ὀφθαλμοῦ ἀνομιλίαις, αἷς δὲ καὶ τὸ κληροτοχὸς παραστῆσαι πέφυκε, πρὸς αὐτὸς τοῦ κληροῦ μὴ μόνον ἐκείνο μόνον κληρον, ἀλλὰ καὶ ἐπιφύεσθαι. Ἐπ' αὐτῶν δὲ γεγονόσι τῶν τῆς ἐκκλησίας πραγμάτων ἄρασι τα κατ' ἐκείνης ἴφαί μετρεῖσθαι, συνωπυόμενος τοῖς λαοῖσι. Pachym. lib. II. cap. 28 p. 187.

(²) Vid. Pachym. lib. II. cc. 16, 19, 20, 21. p. 147—152, 154—168. Св. Григор. стр. 173—177.

этимъ патриархомъ можно смотрѣть какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патриархъ на константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства, какъ его предшественникъ Іоаннъ XIII Глякисъ (1315—1320) былъ послѣднимъ патриархомъ изъ государственныхъ сановниковъ. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ іерархіи исключительно замѣщаются уже монашествующими, а константинопольскій патриаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ св. горы Аѳонской.

Въ виду такого исхода борьбы между двумя охарактеризованными нами направленіями въ церковной политикѣ, естественно спросить: что выиграла отъ этого церковь? Энергичнѣе ли стали защищать ея право монашествующіе представители ея іерархіи? Лучше ли оно было ограждено отъ покушеній со стороны свѣтской власти въ ихъ рукахъ? Увы! Нѣтъ. Среда, въ которую вступали смиренные инокъ, бравшіе въ свои руки кормило управленія церковію, оказывалась сильнѣе той, изъ которой они выходили. Съ ними совершалась здѣсь странная метаморфоза. Вступая въ нее, они цѣликомъ повторили исторію своихъ «мірскихъ» предшественниковъ. Объ *αὐθιγα τῶν κληρῶν*, какъ лучшемъ средствѣ къ огражденію церкви отъ покушенія на ея право со стороны власть имущихъ, рѣдкіе изъ нихъ вспоминали на новомъ мѣстѣ своего служенія. За то, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали они дѣлать опыты примѣненія этого принципа къ низшей, подчиненной себѣ средѣ бѣлаго духовенства, которое старались поставить относительно себя въ тоже положеніе, въ какомъ находились монашествующіе, произнесшіе объѣтъ безу-

словнаго послушанія, къ своему игумену. О характерѣ и размѣрахъ этихъ опытовъ могутъ дать понятіе церковныя реформы патріарха Афанасія 1, задуманныя по чисто монашескому идеалу, и, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, попытки Θεολεπτα Филадельфійскаго ввести монастырскій уставъ и порядки въ свою кафедральную церковь (1).

Такимъ образомъ единственный положительный результатъ, достигнутый длиннымъ рядомъ движеній, подобныхъ арсеніанскому, состоялъ лишь въ замѣнѣ «мірскаго» персонала высшей іерархіи «монашескимъ» съ указанными послѣдствіями для церковныхъ порядковъ и благаго духовенства. Общее же положеніе церкви относительно высшей государственной власти осталось прежнее.

Изъ сказаннаго ясно, чѣмъ были въ восточной церкви всѣ движенія, подобныя арсеніанскому, почему они періодически повторялись и почему такъ кончились.

а) Первоначально они были протестами противъ нарушенія права церкви высшею государственною властью, потомъ въ рукахъ монашествующихъ вождей они осложнились протестомъ противъ поведенія іерархіи въ вопросѣ о нарушеніи этого права указанною властью и, наконецъ, вслѣдствіе бесплодности протестовъ, обращенныхъ къ іерархіи, мало по малу обратились въ борьбу между монашествомъ и іерархіею за управленіе церковію.

б) Періодически они повторялись потому, что внѣш-

(1) Vid. Νικηφόρου τοῦ Χορμνοῦ ἐπιτάφιος εἰς τὸν μεγάλου καὶ ἀγιώτατου μητροπολίτην Φιλαδελφείας Θεολέπτον. *Boissonnade. Anecdota graeca. Parisiis 1829—1833. tom. V. p. 183—240.*

ній относительно церкви вопросъ, вызывавшій ихъ къ существованію, искусственно превращался всякій разъ въ вопросъ внутренній, и такимъ образомъ уклонялся отъ правильной постановки и рѣшенія, и вслѣдствіе этого оставался постоянно нерѣшеннымъ, и въ этомъ качествѣ приобреталъ способность снова возникать при благопріятныхъ обстоятельствахъ и требовать рѣшенія.

в) Оканчивались всѣ эти движенія безуспѣшно въ томъ направленіи, въ какомъ они первоначально возбуждались, потому, что вслѣдствіе искусственного превращенія внѣшняго вопроса, вызывавшаго ихъ къ существованію, во внутренній, или въ вопросъ о расколѣ, наличныя силы церкви раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря и истощались во внутреннемъ спорѣ вмѣсто того, чтобы соединиться для дружнаго отпора внѣшнимъ посягателямъ на право церкви. Примѣняя къ дѣлу извѣстное политическое правило: *divide et impera*, правительство всякій разъ извлекало изъ него самые богатые для себя результаты, расплачиваясь въ случаѣ неустойки тѣми несчастными представителями одной изъ спорившихъ сторонъ, которые имѣли слабость быть послушными орудіями въ его рукахъ. Для успешнаго веденія борьбы въ этомъ направленіи, недоставало въ восточной церкви необходимыхъ для того элементовъ. Двѣ главныя силы церкви — іерархія и монашество — по своему составу, воззрѣніямъ и интересамъ, принадлежали къ двумъ различнымъ лагерямъ, такъ что соглашеніе ихъ дѣйствій оказывалось невозможнымъ. Между ними существовалъ внутренній антагонизмъ, весьма благопріятный для видовъ государственной власти. Анта-

гонимъ этотъ, какъ мы видѣли, разрѣшился наконецъ борьбой между іерархіей и монашествомъ, а борьба побѣдой послѣдняго надъ первой, — побѣдой, плодами которой воспользовалась, впрочемъ, не церковь, а та же государственная власть, такъ что въ концѣ концовъ рознь между іерархіей и монашествомъ на востокъ повела къ преобладанію государства надъ той и другимъ, въ то время, какъ союзъ іерархіи съ монашествомъ на западѣ далъ въ результатъ преобладаніе церкви надъ государствомъ.

Но рознь между іерархіею и монашествомъ была не единственною и даже не главною причиною возникновенія разсмотрѣнныхъ нами движеній въ восточной церкви и ихъ бесплодности. Эти движенія, какъ мы видѣли, возникали и оканчивались такимъ же точно образомъ и раньше, чѣмъ образовалась эта рознь. Глубочайшая и коренная причина періодической повторяемости въ средневѣковой византійской церкви движеній, подобныхъ арсеніанскому, заключалась въ противоположности принциповъ, на которыхъ покоились церковь и государство, и въ неопредѣленности отношеній между ними, а главная причина бесплодности заключалась въ самомъ характерѣ этихъ движеній.

Церковь имѣла своей задачей устроеніе вѣчнаго спасенія своихъ чадъ посредствомъ нравственнаго ихъ усовершенствованія и, слѣдовательно, опиралась на моральномъ принципѣ. Задача государства состояла въ устроеніи ихъ временнаго, матеріальнаго благосостоянія, матеріальными же средствами, и, слѣдовательно, оно опиралось на принципъ утилитарномъ. Но извѣстно, что духовное и матеріальное благо,

польза и нравственность не всегда идутъ рука объ руку, и чаще находятся въ прямомъ противорѣчїи другъ съ другомъ. И это противорѣчіе тѣмъ полнѣе и рѣзче выступаетъ, чѣмъ выше степени, въ которыхъ являются матеріальное и духовное блага. Духовное благо можетъ иногда потребовать, *чтобы матеріальныя блага были розданы нищимъ*, а матеріальное благо можетъ заявить иногда требованіе, *чтобы у нищихъ было отнято и то, ежѣ мнятся имѣти*. Тоже и съ принципами. Чѣмъ послѣдовательнѣе они будутъ развиваться и примѣняться къ жизни, тѣмъ неизбѣжнѣе столкновенія между ними. Этимъ и объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что столкновенія между церковію и государствомъ въ Византіи совершались именно тогда, когда на патріаршемъ престолѣ сидѣли лица высоконравственные, лица въ родѣ св. Златоуста, св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія, и что эти столкновенія были тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ полнѣе эти лица воплощали въ себѣ нравственный принципъ церкви и чѣмъ послѣдовательнѣе проводили его въ своей дѣятельности относительно государства. Они, сами того не желая и, можетъ быть, даже не подозрѣвая, стѣсняли принципъ государственный. Эта противоположность принциповъ сказалась съ осязательною ясностію во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами движеніяхъ. Движущимъ мотивомъ во всѣхъ этихъ движеніяхъ со стороны церковныхъ главъ движенія былъ мотивъ моральный. Въ ихъ жалобахъ на то, что нарушеніемъ правилъ церкви высшею государственною властью парализуется нравственное вліяніе церкви, заключалась глубокая исти-

на. Но съ другой стороны было бы большою ошибкою думать, что государственная власть всегда нарушала эти правила по одному капризу. Весьма часто заставляла ее нарушать ихъ государственная необходимость. Этою необходимостію особенно часто вынуждалась государственная власть нарушать церковныя правила при устраненіи патріарховъ, въ случаѣ коллизіи съ ними. Что, напримѣръ, оставалось дѣлать Михаилу III, при столкновеніи своего дяди со св. Игнатіемъ? Или устранить дядю и тѣмъ отнять у государства умнаго и полезнаго правителя, или устранить патріарха и тѣмъ нарушить право церкви. Подобная же дилемма возникла и предъ Михаиломъ Палеологомъ: или самому отказаться отъ престола, или свести съ него Арсенія. И если дѣйствительно Арсеній предлагалъ Михаилу Палеологу, какъ увѣрять его сына, императоръ Андроникъ, отказаться вмѣстѣ отъ престоловъ — одному отъ императорскаго, и другому отъ патріаршаго, — для искупленія общаго грѣха; то онъ былъ совершенно правъ съ точки зрѣнія моральнаго принципа, на которомъ стоялъ; но Михаилъ Палеологъ былъ бы безусловно виноватъ предъ утилитарнымъ принципомъ государства, если бы принялъ это предложеніе. При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось бы это отреченіе, оно могло оставить государство на жертву весьма опаснымъ случайностямъ. Такимъ образомъ здѣсь была борьба принциповъ. А такъ какъ матеріальная сила была на сторонѣ государственнаго принципа, то коллизія его съ церковнымъ всегда и оканчивалась его торжествомъ. Безпрепятственное развитіе для того и другаго принципа возможно было лишь при строгомъ

и точномъ разграниченіи сферъ церковной и государственной. Но, къ сожалѣнію, о такомъ разграниченіи всего менѣе думали въ Византіи. Напротивъ, и церковь и государство стремились здѣсь непрерывно къ взаимному слитію: государство постоянно брало на себя разрѣшать спеціальныя задачи церкви матеріальными средствами, а церковь съ своей стороны спѣшила, для устраненія матеріальныхъ золъ, рекомендовать чисто духовныя средства. Этою противоположностью принциповъ и неразграниченностью сферъ церковной и государственной и объясняется, главнымъ образомъ, почему церковь и государство въ своей дѣятельности періодически сталкивались.

Главная же причина безплодности движеній, подобныхъ арсеніанскому, заключается, какъ мы сказали, въ характерѣ этихъ движеній. Кромѣ общецерковнаго и спеціально-монашескаго интереса, во всѣхъ этихъ движеніяхъ затрогивался обыкновенно и интересъ общественный. Этимъ и объясняется, почему всѣ эти движенія не ограничивались одною церковною сферою, а находили себѣ откликъ и въ другихъ. Отъ вопроса о «точномъ соблюденіи церковныхъ канонѣвъ» не далеко до вопроса о такомъ же соблюденіи и законовъ вообще. Тѣсная связь между этими двумя вопросами была ясно сознаана и даже прямо заявлена уже преподобнымъ Феодоромъ Студитомъ и потомъ Николаемъ Мистикомъ. Между мотивами, которые оба они приводили въ подкрѣпленіе своихъ представленій о необходимости точнаго соблюденія канонѣвъ высшею государственною властью, они указывали и на то, что эти каноны находятся въ тѣсной связи съ законами и что нарушеніемъ тѣхъ и

другихъ государственная власть подаетъ дурной примѣръ подданнымъ и такимъ образомъ подкапываетъ легальную почву, на которую сама она опирается. Относящееся сюда мѣсто изъ писемъ Николая Мистика приведено нами выше. Преподобный Феодоръ ставитъ по этому случаю такую дилемму: «если по начальнику бываетъ и подчиненный, то евангельскіе законы будутъ и не для подчиненныхъ. Ибо если (эти законы относятся) къ нему, то и къ нимъ, чтобы, подчиняясь одному закону и законодателю, они были покорны и не возмутительны. Если же къ нему не относятся, когда онъ хочетъ,—онъ же, можетъ быть, не захочетъ соблюдать ни одного,—а къ нимъ относятся, то одно изъ двухъ: или царь есть Богъ, ибо только божество не подлежитъ закону; или будетъ безначаліе и возмущеніе».

Эту дилемму преподобный подкрѣпляетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: «подлинно, гдѣ нѣтъ одного закона для всѣхъ, то какъ можетъ быть миръ, когда царь хочетъ одного,—напримѣръ, прелюбодѣйствовать или еретичествовать, а подданнымъ заповѣдано не имѣть части съ прелюбодѣемъ, не участвовать въ ереси и не преступать ничего, преданнаго Христомъ и апостолами»⁽¹⁾.

Дилемма, построенная преподобнымъ Феодоромъ, такъ часто и съ такою поразительною точностію и полнотою осуществлялась въ исторіи средневѣковой Византіи, что могла бы быть поставлена въ качествѣ эпиграфа на заглавномъ листѣ этой исторіи. Первую половину ея такъ часто олицетворяли собою византійскіе императоры, что одинъ изъ нихъ позво-

⁽¹⁾ Письмо къ Евпретіану и находящіяся съ нимъ, стр. 235.

лили себѣ на почтительнѣйшія представленія нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ о неприличіи его безмернаго хозяйничанья въ церкви отвѣтить: «на землѣ нѣтъ никакого различія по власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно безраздѣльно употреблять Божіе на ряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія» (1).

Вторая половина этой дилеммы осуществлялась такъ часто, что однимъ голымъ перечнемъ народныхъ мятежей и революцій, со времени основанія восточной имперіи въ Константинополь, до ея паденія въ 1453 г., можно было бы наполнить цѣлую книгу.

И дѣйствительно, если отъ чего страдала и погибла средневѣковая Византія, то это именно отъ «беззаконія». Это былъ ея застарѣлый, неисцѣльный недугъ, отъ котораго одинаково страдали всѣ, и цари и подданные, и цари не меньше, чѣмъ подданные: легальная почва подъ первыми была не прочище, чѣмъ подъ послѣдними; насильственные устраненія съ императорскаго престола были почти столь же часты, какъ и съ патріаршаго, и во всякомъ случаѣ были не въ примѣръ болѣе трагичны. Недугъ этотъ подтачивалъ въ корнѣ все — и вѣру, и нрав-

(1) Никиты Хоніата исторія царствованія Исаака Ангела, по русск. перев., сдѣланному при с.-петерб. Д. Академіи, т. 2, стр. 123, Саб. 1862. Сп. т. 1, стр. 271—272. Одинъ изъ придворныхъ риторовъ Андроника Палеолога Старшаго въ своемъ *Προσφώνημα πρὸς βασιλέα* развивалъ и доказывалъ мысль, что царь есть душа міра и что міръ созданъ для царя... «Ὁμοίητις εἶναι τῷ κόσμῳ τῶν βασιλέα, ὅτι χάριν καὶ δεξιμοσύνην εἶ χάρ' ἀρχῆς τὸ φάσκον ἕτερον εἶναι, τὸ ἕνεκα τούτου σὺ ἕνεκα, ἕνεκα δὲ βασιλέως κόσμος. δῆλον ὡς τὸ βασιλεὺς, τῷ κόσμῳ φύγει. *Vois-sionade, Anecdotes, greces t. 1, p. 251.*

ственность, и семейныя и общественныя узы, парализовали и моральное вліяніе церкви и воспитательное дѣйствіе законовъ. «Въ нашемъ поколѣніи римскаго (греческаго) народа, съ горестью отмѣчаетъ историкъ-очевидецъ, не только *оскудѣла прелюбопытная* и умалилась истина, но отъ *умноженія беззаконія* охладѣла и любовь во многихъ; такъ что цѣлые эллинскіе города колоніями переселялись къ варварамъ и по доброй волѣ оставляли отечество: потому что, въ самомъ дѣлѣ, частые мятежи развратили политическую нравственность народа и постоянное грабительство правительственныхъ лицъ подавило въ большинствѣ надлежащую привязанность къ роднѣ и готовность дѣятельно служить благу соотечественниковъ» (). Тѣже жалобы и вопли раздаются изъ устъ лучшихъ людей Византіи и раньше и позже Хоніата. Рѣдкій изъ византійскихъ императоровъ, подобно Василію Македонянину (867—886), не предпринималъ ревизіи существовавшихъ законовъ и не одинъ Михаилъ Палеологъ дѣлалъ опыты съ «неподкупными судіями»; но все эти мѣры оказывались палліативными, онѣ не вылечивали, а лишь замаскировывали страшный народный недугъ.

«Точное исполненіе законовъ и каноновъ» было единственнымъ радикальнымъ средствомъ, способнымъ вылечить этотъ недугъ. Но потому-то оно и не прививалось къ средневѣковой Византіи, что было слишкомъ ужъ радикально. Не смотря на свою кажущуюся невинность и благонамѣренность, оно дѣлало вызовъ всей системѣ, подъ вліяніемъ которой цер-

(¹) Цивита Хоніатъ, царствованіе Алексѣя Комнина (Ангела). Т. 2, стр. 206.

ковно и политически воспитывались цѣлыя поколѣнія византійцевъ. Оно дѣлало вызовъ произволу, лежавшему въ основаніи этой системы и бывшему главнымъ источникомъ «беззаконія», отъ котораго всѣ такъ жестоко страдали. Оно хотѣло ввести этотъ произволь въ должныя границы. Но извѣстно, что границы и произволь—два понятія, исключаютъ себя взаимно. Произволь признаетъ только тѣ границы, которыя самъ на себя положить, и до тѣхъ только поръ, пока это ему будетъ угодно. Ограничить его было невозможно безъ радикальной передѣлки системы и всѣхъ, связанныхъ съ нею, политическихъ, церковныхъ, соціальныхъ и даже семейныхъ отношеній. Вся бѣда состояла въ томъ, какъ справедливо замѣтилъ преподобный Феодоръ Студитъ, что подчиненные всегда копируютъ своихъ начальниковъ и такимъ образомъ уврачеваніе однихъ, безъ уврачеванія другихъ, было невысказано. Тутъ круговая порука. Произволь изъ центра системы проходилъ безчисленными радіусами до самыхъ крайнихъ ея периферій, вездѣ сопровождаясь одинаковыми явленіями. Кошій неограниченнаго деспота, сидѣвшаго на византійскомъ престолѣ, было столько же во всѣхъ сферахъ Византіи, сколько было лицъ, имѣвшихъ хоть тѣнь власти надъ другими. Всѣ эти лица опредѣляли свои отношенія къ низшимъ или подчиненнымъ себѣ по одному и тому же основному типу. Такимъ образомъ невинное съ перваго взгляда требованіе «точного соблюденія церковныхъ каноновъ» было въ сущности требованіемъ радикальной реформы всѣхъ и церковныхъ, и политическихъ, и соціальныхъ порядковъ и отношеній, не хуже знаменитаго

требованія о преобразованіи церкви во главѣ и членахъ, которое заявляли въ средніе вѣка реформаторскіе соборы на западѣ. Реформъ въ церковной сферѣ нельзя было провести безъ полнаго преобразованія другихъ сферъ, такъ какъ всё онѣ были тѣсно связаны одна съ другою. Церковь можетъ быть свободною только въ свободномъ государствѣ.

Но предъ радикальностью этого требованія отступали въ Византіи всё—и тѣ, которые протестовали противъ произвола, лежавшаго въ основѣ системы, и тѣ, которые защищали его въ данную минуту, и первые не меньше, чѣмъ послѣдніе. Это происходило отъ того, что тѣ и другіе одинаково заблуждались относительно источника этого произвола. Тѣ и другіе искали этого источника въ лицахъ, а не въ системѣ. Недовольные въ данную минуту положеніемъ дѣлъ наивно думали, что все зло происходитъ отъ того, что во главѣ управленія стоятъ неспособныя и недостойныя лица, и всё свои усилія направляли къ тому, чтобы замѣнить ихъ другими, болѣе достойными и способными. Это имъ, дѣйствительно, нерѣдко и удавалось. Но смѣна лицъ въ большинствѣ случаевъ или не оказывала никакого воздѣйствія на положеніе дѣлъ, или если и оказывала въ рѣдкихъ случаяхъ, то слишкомъ слабое и скоропреходящее, такъ что въ концѣ концовъ рано или поздно дѣла принимали старый видъ и при новыхъ лицахъ.

Таковъ былъ исходъ всёхъ движеній въ Византіи безъ отношенія къ ихъ спеціальному пълямъ. Онъ представлялъ всякій разъ осязательное доказательство того, что корень зла скрывается не въ лицахъ, а въ системѣ, что не лица портятъ систему, а система

портить лицъ. Но, увы! то, что такъ ясно для насъ, было вовсе не ясно для византійцевъ. Всѣ они отъ мала до велика, безъ различія общественнаго положенія и партій, слѣпо вѣровали въ безусловное совершенство своей системы. Лучше, цѣлесообразнѣе ихъ политическаго, церковнаго и соціальнаго строя и порядковъ, ничего не было и быть не могло на свѣтѣ. Этимъ строемъ и этими порядками средне-вѣковые византійцы гордились предъ всѣми другими народами, указывали имъ, какъ предметъ достойный подражанія. Безусловное удержаніе системы во всѣхъ ея подробностяхъ было *conditio sine qua non* всякаго движенія въ Византіи. Отсюда и выходило, что то, что было радикальнаго въ этихъ движеніяхъ, всякій разъ оставалось за предѣлами сознанія и вождей движенія и ихъ противниковъ и борьба сводилась на личности.

Въ этомъ личномъ характерѣ всѣхъ движеній въ Византіи и заключается главная причина того, почему послѣ каждаго изъ нихъ «дѣло, говоря словами Пахимера, продолжало оставаться въ прежнемъ, неопредѣленномъ и безнадежномъ положеніи».

И. Троицкій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки